

— 7 —

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131—2812

1/89

**Владивосток — город
международных встреч**

**Начальная стадия
социализма!**

Коминтерн и Китай

**Конец тайбэйского
правителя**

**Беседы Сталина
и Мао Цзэдуна**

Год ЗМЕИ

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/89

Научный, общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год

Издается с марта
1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУЛЬС РЕГИОНА

Международная встреча во Владивостоке

ПРИВЕТСТВИЕ М. С. ГОРБАЧЕВА

3

Выступление И. А. РОГАЧЕВА

4

Б. Н. СЛАВИНСКИЙ, В. Б. ЯКУБОВСКИЙ. Город международных встреч

13

Интервью Пу Шаня

16

Конференция в Улан-Баторе

Ю. С. СТОЛЯРОВ. Актуальные проблемы АТР

17

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПДВ»

Начальная стадия социализма в Китае: вопросы теории и практики

19

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

ЧЖАО АЙ, У МИН. Десять точек зрения китайских ученых

56

ЛЮ БИНЬЯНЬ. Прорыв (Публицистический очерк)

61

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

Л. М. ГУДОШНИКОВ. Политические реформы в СССР и КНР

77

В. В. МИХЕЕВ. КНДР в региональных экономических отношениях

84

СИН ШУГАН. Некоторые особенности обстановки в АТР

93

БЕЛЫЕ ПЯТНА ИСТОРИИ

В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ. Коминтерн и китайская революция

95

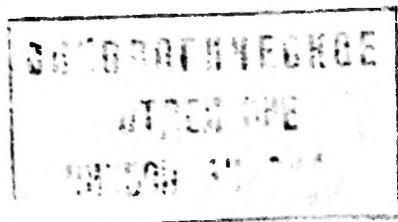
Н. И. БУХАРИН. Основные проблемы современного международного положения (Раздел из доклада на XV конференции ВКП(б), 1926 г.)

111

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. Б. ВОРОНЦОВ. Наследник диктатора (окончание)

116

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Е. М. ЗИНОВЬЕВА, С. Л. ПИСКАРЕВ. Постигание традиций 130

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

ШИ ЧЖЭ. Сопровождая Председателя Мао 139
Н. Т. ФЕДОРЕНКО. Сталин и Мао: беседы в Москве 149

ПРОФИЛИ

Л. П. ДЕЛЮСИН. Дважды казненный (к 90-летию Цюй Цюбо) 165
СУН ЮНЬИ. Разящее копьё Лао Шэ (Послесловие З. Ю. Абдрахмановой) 173
О. Н. БОРОХ. Сунь Ефан — видный теоретик-экономист 181
ЦАО СУЛИН. Таким был мой отец 189

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР

Н. О. КАПРАЛОВ. Япония: проблемы «стареющего общества» 194

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

А. А. СМОЛЕНСКИЙ. Год Змеи 201
А. А. Долин. Легендарный монастырь, или Традиции ушу (окончание) 210
Р. Б. Ноздрева. Икэбана. Поэзия в цветах 218

СООБЩЕНИЯ. ПУБЛИКАЦИИ

Ю. Е. БУГАЕВ. СССР — Япония: подъем народной дипломатии 222
Б. К. ЧИЖОВ. Лекция китайского ученого 225

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

Н. П. ЗАДОРНОВ. «...И призадумался великий» 228

НАША АНКЕТА

Анкета «ПДВ» 239

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Адрес редакции:
Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

В. Б. Воронцов
(главный редактор),
В. И. Глунин,
А. М. Григорьев,
А. П. Деревянко,
В. Г. Карымов
(зам. главного редактора),
В. Н. Кашин,
И. И. Коваленко,
А. И. Крушанов,
А. П. Морозов,
С. Н. Морозов,
В. С. Мясников,

Д. В. Петров,
В. Я. Портяков,
С. С. Разов,
И. А. Рогачев,
Б. Л. Рифтин,
Г. С. Садвакасов,
А. И. Сенаторов,
Б. Н. Славинский
(зам. главного редактора),
В. Ф. Сорокин,
Г. Д. Сухарчук,
М. Л. Титаренко,
Н. С. Тихонов
(ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы
Дальнего Востока,
1989

ПУЛЬС РЕГИОНА

Международная встреча во Владивостоке

Участникам международной встречи «Азиатско-тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество»

Сердечно приветствую участников встречи «Азиатско-тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество». Отрадно, что авторитетные ученые, общественные и политические деятели, представители деловых кругов, работники культуры и журналисты более трех десятков стран откликнулись на призыв в дружеской, неформальной обстановке, в духе открытости, характерной для нового мышления, обсудить многообразные проблемы азиатско-тихоокеанского региона, обменяться мнениями о перспективах его развития в условиях мира и выгодного для всех его народов сотрудничества.

Глубоко символично, что встреча проходит во Владивостоке — городе, который исторически воспринимается нами как ворота нашей страны на Дальнем Востоке. Советский Союз — государство евроазиатское. И мы хотим, чтобы наша страна служила надежным мостом, соединяющим два великих континента в экономическом, культурном, гуманитарном планах. Мы приложим все усилия к тому, чтобы как можно скорее все выдуманные и реальные «занавесы» — железные, бамбуковые и всякие иные — отошли в область преданий. Это стало бы важным вкладом в дело создания безъядерного ненасильственного мира, на построение которого нацелены конкретные предложения и инициативы Советского Союза.

Желаю участникам встречи плодотворных дискуссий, добрых впечатлений от знакомства с советским Дальним Востоком.

М. ГОРБАЧЕВ

Выступление И. А. Рогачева,

*заместителя министра
иностраннных дел СССР*

Не ошибусь, если предскажу, что владивостокской встрече суждено стать важным событием в политической и общественной жизни азиатско-тихоокеанского региона, одним из знаменательных проявлений нового политического мышления.

При характеристике встречи, анализе ее итогов, видимо, нередко будет использоваться слово «впервые». Действительно, впервые политические и общественные деятели, ученые, журналисты, представители делового мира, отражающие столь широкий спектр общественно-политических и мировоззренческих течений Востока и Запада, собрались вместе, чтобы обменяться мнениями по проблемам, представляющим взаимный интерес.

Впервые весьма представительный международный форум проводится во Владивостоке — городе, доступ в который до сих пор был, по известным причинам, ограничен. Нынешняя встреча — крупный шаг к открытию города, к превращению его в ворота все более широкого общения нашей страны с АТР.

Впрочем, подведение итогов — дело будущего. Пока предстоит работа, напряженная, но, убежден, плодотворная.

Свою задачу я вижу в том, чтобы в кратком выступлении рассказать о том, как видится Советскому Союзу обстановка в регионе в целом, что, по нашему мнению, следовало бы делать для того, чтобы и азиатско-тихоокеанский регион внес свой вклад в перестройку международных отношений.

Моя задача существенно облегчается тем, что с развернутым изложением советской политики на азиатско-тихоокеанском направлении недавно выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС. Речь М. С. Горбачева в Красноярске получила широкий международный резонанс, ее основные положения, уверен, известны участникам встречи. Тем не менее позволю себе еще раз привлечь ваше внимание к красноярским инициативам.

Красноярская речь М. С. Горбачева стала самым крупным событием в развитии принципов Владивостока по обеспечению общеазиатской безопасности. Семь конкретных предложений, выдвинутых советским руководителем, — это, по существу, наша реакция на ту большую дискуссию, которую вызвали владивостокские инициативы. В них нашли отражение как позитивные оценки, так и критические замечания наших партнеров. Например, часто мы слышали упрек в том, что конкретному призыву ликвидировать американские военные базы на Филиппинах противостоит неопределенная формула, что в таком случае мы «в долгу не останемся». Сейчас она предельно конкретизирована: мы готовы по согласованию с вьетнамскими друзьями

перестать использовать пункт материально-технического обслуживания флота в бухте Камрань.

Из Красноярска прозвучали обязательство Советского Союза не увеличивать свое ядерное оружие в АТР и призыв к США и другим ядерным державам последовать нашему примеру. Мы учли и упреки в наш адрес в том, что советские инициативы в АТР нереалистичны, поскольку слишком масштабны. В Красноярске мы выступили с конкретными, практическими предложениями:

— начать консультации между основными военно-морскими державами региона о пенарашивании здесь военно-морских сил;

— обсудить на многосторонней основе вопрос о снижении военного противостояния в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи;

— совместно разработать меры по предотвращению инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним;

— не позднее 1990 г. провести международную конференцию о превращении Индийского океана в зону мира;

— обсудить вопрос о создании переговорного механизма для рассмотрения предложений, относящихся к безопасности в АТР.

Мы открыты для любых других конструктивных идей, в том числе и тех, которые будут высказаны на нашем форуме.

С учетом вышеизложенных соображений мне бы и хотелось построить свое выступление.

На наш взгляд, в настоящее время «политическое лицо» АТР определяют две основные тенденции.

С одной стороны, наметились пути оздоровления региональной политической атмосферы, разблокирования конфликтов, улучшения двусторонних отношений.

Претворяются в жизнь женевские соглашения по Афганистану, прекращены военные действия на ирано-иракском фронте, складываются довольно реальные предпосылки для урегулирования кампучийской проблемы, просматриваются признаки возможного снижения напряженности на Корейском полуострове.

Мы видим, как в обстановке начавшегося процесса общего оздоровления международной атмосферы, улучшения советско-американских отношений, растущей притягательности идей нового политического мышления азиатско-тихоокеанские страны проявляют стремление к активизации своего участия в международных делах. Это, как представляется, новый важный позитивный фактор мировой политики. Заслуживает самого серьезного внимания и положительной оценки все заметнее проявляющееся намерение многих стран региона искать пути обеспечения собственной безопасности и региональной стабильности прежде всего политическими средствами, на путях отказа от военно-силовых подходов.

Примером тому явились Договор о создании безъядерной зоны в южной части Тихого океана, предложения о создании подобных зон на Корейском полуострове и в Юго-Восточной Азии, антиядерное законодательство Новой Зеландии, крупномасштабные предложения Индии, касающиеся мер по созданию свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, идеи правительства Австралии о сокращении вооружений в северной части Тихого океана, антибазовые настроения на Филиппинах, поддержка рядом азиатско-тихоокеанских государств идеи полного прекращения ядерных испытаний, невывода ядерного оружия в космос, неукоснительного соблюдения Договора по ПРО. Мы, безусловно, приветствуем подобные подходы, поскольку видим

в них растущее понимание взаимосвязанности общечеловеческих и национальных интересов.

Однако мы не можем не видеть и другой тенденции. Обстановка в регионе в целом остается достаточно сложной, далекой от стабильности. Медленно развязываются узлы застарелых конфликтов, с трудом пробиваются ростки взаимного доверия.

Продолжается процесс развертывания в АТР ракетно-ядерных средств, включая ядерные крылатые ракеты морского базирования. Не случайно в документах движения неприсоединения в последнее время стала отмечаться опасность накопления ядерного оружия в АТР.

Усиливается военно-морская активность в регионе, что особенно опасно, так как граница конфронтации между рядом стран региона проходит именно через соприкосновение флотов.

Все выше поднимается спираль гонки сухопутных вооружений. Во многих странах региона увеличиваются закупки современной военной техники и создается своя военная промышленность, растут военные бюджеты, расширяются кадровые военные формирования. Ряд стран подошел к черте, за которой открывается процесс широкой милитаризации.

Итак, мы считаем, что налицо две тенденции. Назовем первую прогрессивной, а вторую консервативной. Эти тенденции все заметнее вступают в противоборство друг с другом. От того, которая из них возьмет верх, будет зависеть будущее региона, да и на весь ход развития мировой политики это окажет самое серьезное воздействие.

Советский Союз выступает на стороне прогрессивной тенденции, своими действиями стремится способствовать ее развитию, укреплению. На это работает владивостокская программа советской политики на азиатско-тихоокеанском направлении. Со времени ее выдвижения прошло немногим более двух лет. Владивостокская программа, конкретизированная и дополненная в интервью М. С. Горбачева индонезийской газете «Мердека», его недавнем выступлении в Красноярске, — это наш «новый курс» в АТР.

До его выдвижения наша политика на данном направлении, и это мы самокритично признаем, носила в определенной мере рутинный характер, не отличалась особой активностью. Район нередко представлялся как далекая периферия, а к его проблемам подходили с мерками, из которых АТР давно вырос.

Теперь стараемся поправить положение, действуя как на военно-политическом, так и экономическом направлениях.

Что удалось сделать?

Как представляется, за короткий срок не так уж мало.

На **политическом** направлении. Значительно активизирован политический диалог Советского Союза с широким кругом азиатско-тихоокеанских стран. Состоявшиеся контакты и переговоры Советского Союза с азиатскими государствами, в том числе на самом высоком уровне, позволили двинуться по пути создания атмосферы доверия, добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества.

В сфере **военной** политики Советский Союз не только разработал и выдвинул комплекс инициатив по понижению военной напряженности, особенно в военно-морской сфере, но и предпринял конкретные, в том числе односторонние, шаги.

Напомним, что мы согласились на включение своих азиатских ракет меньшей и средней дальности в общее соглашение по ликвидации этого типа вооружений. Советский Союз заявил о намерении не увеличивать в азиатско-тихоокеанском регионе, как он уже некоторое время это и делает, количество

любого ядерного оружия. Взято обязательство быть одним из гарантов безъядерного статуса зоны, созданной по Договору Раротонга в южной части Тихого океана.

Советские войска в соответствии с женевскими соглашениями возвращаются на родину из Афганистана, осуществлен вывод части советских войск из Монголии.

После подписания договора по РСМД мы пошли на сокращение активности советского Тихоокеанского флота, отказавшись от тех мер, которые были введены в свое время в связи с развертыванием американских ракет «Першинг-2».

Советский Союз высоко ценит доброжелательный отклик многих азиатско-тихоокеанских стран на его новый курс в Азии и бассейне Тихого океана.

Однако нельзя не видеть и то, что кое-кто относится к нему с настороженностью, а некоторые открыто или «за кулисами» встали на путь противодействия.

Странная у подобных политиков логика. То они утверждают, что Советский Союз не азиатско-тихоокеанская держава, поскольку не имеет прочных политических и экономических позиций в АТР. Следовательно, и приглашать его для обсуждения и решения региональных проблем особой необходимости нет. Стоит же нам заявить о намерении активизировать политический диалог и экономическое сотрудничество со странами региона, тут же поднимается шум по поводу «советской экспансии».

Наша политика в Азии, подчеркнул М. С. Горбачев в речи в Красноярске, открыта, у нее нет «двойного дна». Неукоснительное соблюдение принципов свободы выбора, невмешательства, равноправного участия в решении всех международных и региональных проблем, обеспечение равной безопасности на основе баланса интересов при снижении уровня вооружений, уважение национальных особенностей и исторических традиций каждого народа — вот ее основные составляющие.

Советский Союз, являясь азиатской и тихоокеанской державой, заинтересован в том, чтобы на его многотысячекилометровых восточных границах была обеспечена обстановка, способствующая решению масштабных вопросов политики перестройки, и он ясно и открыто заявляет об этом.

Советский Союз стремится к тому, чтобы АТР не был источником напряженности, ареной военного противоборства. Именно поэтому сердцевину владивостокской программы, красноярских инициатив составляют предложения, направленные на уменьшение военного противостояния, разрядку военной напряженности в регионе.

В современную эпоху, когда накоплен военный потенциал, способный уничтожить человеческую цивилизацию, вопросы укрепления мира и безопасности имеют глобальный характер. И если сейчас началось уничтожение ядерных ракет двух классов, осуществляются переговоры по выработке соглашений о радикальном сокращении стратегических ядерных вооружений, ведутся поиски путей сокращения вооружений в Европе, то мы, безусловно, заинтересованы в том, чтобы процесс выработки договоренностей в области разоружения охватывал не только США и СССР, но и другие крупные в военном отношении государства, чтобы этот процесс распространялся на другие, помимо Европы, регионы мира, особенно на азиатско-тихоокеанский.

Среди западных военных и политологов распространено мнение, что, во-первых, азиатско-тихоокеанский регион не столь уж сильно «загрязнен» вооружениями, чтобы ставить вопрос об их сокращении, и, во-вторых, если кто и наращивает здесь военное присутствие, то это только СССР, а США и

их ближайшие военные союзники лишь вынуждены отвечать на советские действия.

Так ли это на самом деле?

У нас, конечно, есть свой анализ соотношения военных сил в регионе. По данным Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, США в азиатско-тихоокеанском регионе имеют более чем трехкратное превосходство в боевых кораблях и более чем 10-кратное — в палубной авиации. Но, возможно, для некоторых из участников встречи по каким-либо причинам более убедительными представляются официальные американские оценки. Приведу некоторые из них.

В докладе министерства обороны США, представленном американскому конгрессу весной 1988 г., отмечается, что военный баланс в АТР в долгосрочной перспективе благоприятен для США и их союзников.

Командующий вооруженными силами США на Тихом океане адмирал Хэйз, выступая в феврале 1988 г. на слушаниях в конгрессе, заявил, что США с точки зрения обеспечения безопасности имеют в АТР в целом хорошие позиции и располагают преимуществом перед потенциальным противником по обычным вооружениям.

Советский Союз в своей военной политике на Дальнем Востоке придерживается исключительно оборонительной стратегии. Советская военная доктрина не предусматривает нападения на тихоокеанское побережье США.

Американская военная доктрина, известная как «доктрина адмирала Лемана», ставит перед ВМС США задачу, приблизившись к территории Советского Союза, наносить атакующие удары, в т. ч. ядерные, по военным и гражданским объектам как на побережье, так и на значительном удалении от него. Эта доктрина воплощается в практических делах. Например, в августе 1988 г. в состав 7-го флота США введен крейсер «Банкер хил», оснащенный крылатыми ракетами «Томагавк». В задачу крейсера входит не охрана авианосных соединений 7-го флота, а нанесение ударов по целям в глубине потенциального противника.

США располагают сетью военных баз в непосредственной близости от нашей территории. Советский Союз, как известно, военных баз вблизи американской территории не имеет. Более того, мы ведем линию на полную ликвидацию иностранных военных баз и предложили отказаться по согласованию с правительством СРВ от пункта материально-технического обеспечения флота в бухте Камрань, если США пойдут на ликвидацию военных баз на Филиппинах, что является предметным выражением этой линии, а отнюдь не пропагандистской уловкой. Мы считаем, что реализация этой идеи внесла бы существенный вклад в создание зоны мира, свободы и нейтралитета в ЮВА, в улучшение отношений между странами АСЕАН и Индокитая, в общее оздоровление обстановки в АТР. Советский флот не проводит крупномасштабных маневров у тихоокеанского побережья США, американские же ВМС регулярно осуществляют учения с привлечением авианосцев, линкоров и десантных кораблей, охватывающие акваторию у границ Советского Союза от Японского до Берингова морей.

Необъективность тезиса о «советской военной угрозе» в АТР особо отчетливо проявляется сейчас, когда мы предложили начать переговоры по сокращению военного противостояния, мерам доверия в регионе.

Если есть опасения по поводу советских действий, то почему не вступить в переговоры, в ходе которых постараться понять истинные намерения партнера, добиваться снижения военной активности с учетом законных интересов безопасности сторон. Однако вплоть до сегодняшнего дня наш главный

партнер — США — не проявляет заинтересованности в переговорах. Не была позитивной в этом плане и их реакция на новые предложения, сформулированные в красноярской речи.

В чем причина этого? По нашему мнению, Соединенные Штаты, сохраняя превосходство в военно-морских вооружениях, стремятся его не только удержать, но и нарастить. Характерно, что, когда речь заходит о дисбалансах и асимметрии, Вашингтон оказывается глух к проблеме военно-морского превосходства США и вспоминает лишь Центральную Европу — советское превосходство в танках и артиллерии.

Отказываясь от переговоров с нами по вопросам ограничения и сокращения военно-морской деятельности, США, видимо, хотят показать, что им «неинтересно вести разговор со слабым партнером». Иными словами, это что-то вроде приглашения к гонке военно-морских вооружений в расчете на то, что она окажется не по плечу Советскому Союзу.

Мы не собираемся вступать с США в состязание в том, кто больше построит авианосцев, линкоров, займет более выгодные военно-морские базы и опорные пункты за пределами своих национальных границ. Для нейтрализации угрозы с моря, так же как и угрозы из космоса — а уже есть планы размещения элементов СОИ в АТР, — мы найдем более дешевый, но не менее эффективный ответ, чем опасные и дорогостоящие программы гонки космических и военно-морских вооружений.

Однако возникает законный вопрос: неужели нам придется вновь и вновь доказывать то, что стало ясным из опыта соперничества в сфере стратегических вооружений. А именно: что для обеспечения безопасности государства, для снижения напряженности необходимо прежде всего использовать политические возможности.

Я более подробно остановился на военных проблемах не с целью критиковать США, развернуть полемику относительно того, у кого каких вооружений больше. Хотя, как представляется, в нашем регионе отнюдь не Советский Союз, а именно США становятся «господином нет». Мне хотелось, чтобы у участников встречи было максимально полное представление о сложности имеющихся проблем, для решения которых мы постоянно ищем компромиссные варианты, выдвигаем все новые предложения.

Мы не теряем надежды, что США вернуться к изучению наших предложений по снижению уровня военного противостояния в АТР и дадут конструктивный ответ.

Мы отдаем отчет в том, что обстановка в АТР тесно связана с общестратегическими проблемами. И именно поэтому она во многом зависит от действий Советского Союза и США. Вместе с тем вопросы мира и безопасности касаются всех, каждый может и должен внести свой вклад в обеспечение разоружения, налаживание доверия, добрососедства. Итак, двусторонние советско-американские усилия и инициативы, как выразились бы математики, необходимы, но отнюдь не достаточны.

Любое военное столкновение в Азии, как и в других регионах, несет в себе потенциальную возможность перерастания в крупномасштабную войну, не исключаящую применение ядерного оружия. Это диктует необходимость налаживания широкого добрососедства, доверия, взаимодействия государств АТР по актуальным международным и региональным проблемам, и особенно по проблеме укрепления безопасности.

Конечно, у народов Азии различный общественный строй, неодинаковые национальные интересы и задачи. Это очевидные реальности региональной политики, равно как и глобальной. Но есть и другие непреложные реальности — реальности ядерно-космического века. И они властно диктуют необходимость

поисков взаимоприемлемых подходов к решению проблем региона. Центральной задачей становится максимально полная реализация в практических делах принципа мирного сосуществования как высшего универсального принципа межгосударственных отношений.

Когда Советский Союз предложил подумать о совместном обсуждении проблем обеспечения безопасности и сотрудничества в регионе, это было кое-кем воспринято как намерение перенести опыт общеевропейского процесса в Азию. Это не так. Мы полностью осознаем специфику азиатско-тихоокеанского региона и вовсе не предлагаем слепо следовать европейской модели. Кроме всего прочего, копия, как известно, всегда хуже оригинала. А европейский «оригинал» и сам по себе еще весьма далек от совершенства. Наш замысел состоял в том, чтобы призвать все страны региона к размышлениям, поставкам «восточного варианта», «тихоокеанской формы» решения проблем обеспечения безопасности, налаживания разностороннего, взаимовыгодного, недискриминационного сотрудничества.

Безусловно, никто не располагает монополией на истину. Известно изречение, что истина рождается в спорах, дискуссиях. Поэтому мы и говорим: давайте вместе думать, находить взаимоприемлемые решения. А то, что найти выход из самых сложных ситуаций можно, подсказывают и европейский опыт, и немалые итоги советско-американских переговоров по разоружению.

В Европе мы предложили объединить усилия для строительства общего «европейского дома». Эта идея встречена с интересом, началось ее обсуждение.

Очевидно, «азиатско-тихоокеанский дом» в силу исторических, экономических и даже географических причин будет труднее построить, чем европейский. И процесс этот станет, быть может, более длительным. Но почему бы не начать думать о том, как идти к установлению прочного мирного сожительства азиатских народов?

По нашему мнению, в закладку солидного фундамента «азиатско-тихоокеанского дома» могут внести вклад основные принципы нового политического мышления.

Создание ядерного оружия, вопреки некоторым утверждениям, не укрепило безопасности государств, им обладающих. Более того, поставило под угрозу существование земной цивилизации. Опыт войн с применением обычного оружия — а они во второй половине нашего столетия и в азиатско-тихоокеанском регионе велись неоднократно (с 1945 по 1988 г. здесь произошло 38 вооруженных конфликтов, в которых погибло более 20 млн. человек) — показал бесперспективность попыток решать проблемы силой оружия. В то же время можно привести немало примеров развязки самых тугих узлов конфликтов и противоречий с помощью политических средств, опирающихся на уважение интересов партнера, готовность к компромиссам. Сейчас подобных примеров стало неизмеримо больше. «Благополучие создается уважением, а несчастье происходит от насилия», — сказал в давние времена великий мыслитель Востока Лао Цзы. Эти слова светят не менее, а, быть может, еще более ярким путеводным светом и в наше с вами время.

Принцип безъядерного, ненасильственного мира не имеет альтернативы. Он универсален. Поэтому Советский Союз выступает за полную ликвидацию ядерного оружия, за снижение уровня обычных вооружений во всех районах, в том числе в азиатско-тихоокеанском.

Демилитаризация обстановки в АТР, безусловно, будет способствовать претворению в жизнь концепции свободы выбора, отвергающей политику силы во всех ее проявлениях.

Конечно, в атмосфере, когда сохраняются разногласия, недоверие, нелегко сказать: «Прощай, оружие». Однако вести дело к тому, чтобы иметь военный

потенциал, не угрожающий соседям, но достаточный для обороны, вполне возможно уже сейчас.

Выдвинув концепцию «разумной достаточности» в сфере оборонной политики, мы предлагаем сообща подумать над наполнением ее конкретным содержанием, в том числе применительно к реалиям азиатско-тихоокеанского региона. Что означает принцип «ненаступательной обороны» для стран АТР? Как лучше подойти к его практическому претворению в жизнь? Вот актуальнейшая, на наш взгляд, проблема для дискуссии.

На экономическом направлении. Начата большая работа по налаживанию максимально широких торгово-экономических и научно-технических связей Советского Союза с большинством стран региона, чему до недавнего времени должного внимания не уделялось.

Разработана программа ускоренного развития Дальневосточного экономического района Советского Союза до 2000 г., реализация которой позволит нам более весомо участвовать в экономической жизни азиатско-тихоокеанского региона. Программа предусматривает использование различных, в том числе новых для нас, форм экономического сотрудничества. Это и совместные предприятия, и кооперация, и наше подключение к деятельности региональных экономических органов, и многое другое. Прорабатывается и вопрос о создании на советском Дальнем Востоке специальных «зон совместного предпринимательства». Меры по созданию льготного режима во внешнеэкономической деятельности, предусмотренные для советского Дальнего Востока, о которых было объявлено в красноярской речи М. С. Горбачева, могут, по нашему убеждению, стать реалистической правовой основой для энергичного развития многообразных экономических связей наших восточных районов с АТР.

Мы считаем, что имеются реальные перспективы для налаживания сотрудничества не только в экономике, но и в таких областях, как применение новых источников энергии, включая ядерную, проведение мирных космических исследований, совместные работы в борьбе со стихийными бедствиями и по ликвидации их последствий. Объединения усилий требует и борьба с экологическим загрязнением.

Нашим далеким предкам, отправлявшимся с товарами в заморские дали, нередко приходилось преодолевать немалые трудности и сложности. Но они преодолевали их. И в наше время обмен людьми, идеями, товарами можно затруднить, но остановить нельзя. Тоненькой ниточкой в далеком прошлом связывал Европу с Азией «шелковый путь». Тем не менее он много дал для взаимного обогащения двух великих культур — европейской и азиатской. Неужели теперь, умудренные историческим опытом, мы будем ограничивать взаимное общение, создавать барьеры на пути торговли, научно-технических связей, культурных обменов? Принцип равноправного, недискриминационного сотрудничества, соединения усилий для решения экономических, экологических, продовольственных, медицинских и иных задач открывает путь к строительству отношений подлинного добрососедства.

Мы обратили внимание на недавнее выступление государственного секретаря Дж. Шульца в «Азиатском обществе», в котором содержится мысль о целесообразности «организационного оформления» сотрудничества в АТР, включая межправительственный уровень, в том числе в таких областях, как транспорт, телекоммуникации, образование, вопросы природных ресурсов, защита окружающей среды. Если подобное «организационное оформление» действительно предусматривает неограниченное, недискриминационное членство в нем, как об этом говорил государственный секретарь, то мы готовы поддержать указанную идею и обсудить ее в самом конструктивном духе как

с американскими партнерами, так и со всеми заинтересованными странами.

Я искренне надеюсь, что в ходе настоящей встречи будут высказаны свежие идеи, способные обогатить общее видение проблем азиатско-тихоокеанского региона и путей их решений. Думаю, что этот обширный регион, возможно, как никакой другой, нуждается именно в таком творческом подходе, который вобрал бы в себя сумму взглядов и позиций всех без исключения стран, стал бы результатом интеллектуальных и нравственных усилий всех населяющих его народов.

Тихоокеанский регион называют «регионом будущего». Это ко многому обязывает. Будущее чаще всего ассоциируется с чем-то светлым, радостным. Но такое будущее само по себе не приходит. За него надо бороться, его надо строить упорным трудом разума и рук своих. Убежден, что мудрости и трудолюбия народам АТР не занимать.

Конечная цель внешнеполитических усилий Советского Союза в азиатско-тихоокеанском регионе состоит в создании прочной и всеобъемлющей структуры стабильного и взаимозависимого сотрудничества стран и народов, в которой органично увязывались бы политические и экономические интересы каждого участника. Выдвигая такую цель, мы исходим из огромного потенциала развития АТР. В нашем понимании полностью раскрыть этот потенциал можно только приблизившись к решению всех без исключения стоящих перед регионом проблем. И конечно, мы будем стремиться к тому, чтобы наша страна играла активную конструктивную роль в создании такой структуры. Именно к этому в конечном счете сводятся все наши предложения.

На Востоке говорят: «Самая длинная дорога начинается с первого шага». Так давайте его сделаем, и сделаем вместе.

Владивосток — город международных встреч

1—3 октября 1988 г. во Владивостоке состоялась международная встреча «Азиатско-тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество», организованная АН СССР совместно с Советским национальным комитетом по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Старожилы не припомнят столь представительного форума в этом городе с давней и славной историей, доступ в который до сих пор был, по известным причинам, ограничен. Никогда еще Владивосток не принимал одновременно столько иностранных гостей — во встрече участвовали 106 политических и общественных деятелей, ученых, представителей делового мира, работников культуры и средств массовой информации из 36 стран Азии, бассейна Тихого океана, а также ряда европейских государств. Высок был уровень участников из США, Японии, Индии, Австралии, Индонезии и ряда других стран: нередко можно было увидеть бывшего заместителя премьера, министра иностранных дел азиатской державы, помощника госсекретаря США по вопросам Восточной Азии и Тихого океана, всемирно известного ученого, крупного издателя, руководителя международной компании, увлеченно обсуждавших проблемы развития взаимоотношений в АТР.

Нельзя не отметить, что на иностранных участников встречи произвела большое впечатление сама возможность побывать в «закрытом» до недавнего времени городе. Импонировали им и характер и стиль дискуссии на встрече, доступность и готовность к контактам советских официальных лиц и участников форума.

В многоликом, разноязычном водовороте форума чаще всего можно было услышать четыре слова во всевозможных сочетаниях: перестройка, гласность, Владивосток, Красноярск. И это не случайно, между ними существует органическая связь. Только в условиях утверждения нового политического мышления могла стать реальностью Владивостокская программа поисков новых подходов к проблемам обеспечения мира, безопасности и сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе. Дальнейшей ее разработкой и конкретизацией стали красноярские инициативы М. С. Горбачева.

Участники форума отметили важность советских инициатив по строительству новых отношений в АТР, которые подверглись всестороннему анализу со стороны экспертов. Сам факт проведения данной встречи является одним из свидетельств того, что к новым советским инициативам проявлен интерес, они позитивно воспринимаются самыми широкими общественно-политическими кругами АТР.

С большим интересом и вниманием было воспринято участниками встречи приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

С докладами на пленарном заседании выступили заместитель министра иностранных дел СССР И. А. Рогачев и вице-президент Академии наук СССР, президент Дальневосточного отделения АН СССР академик В. И. Ильичев.

Оживленные и содержательные дискуссии проходили в трех секциях: «Политические и военные проблемы», «Экономическое развитие и региональное сотрудничество», «Вопросы культуры и средства массовой информации».

Председательствовавшая на первой секции Л. Шахани (председатель комиссии по иностранным делам сената Филиппин) заявила: «То, что Владивосток начинает открываться для своих тихоокеанских соседей,— одно из ярких проявлений новой советской политики в азиатско-тихоокеанском регионе».

Мы полностью поддерживаем и одобряем советский подход к проблеме мира и безопасности в Азии и бассейне Тихого океана, заявил на заседании первой секции заместитель министра иностранных дел Лаоса Тхонггун Сисулит. Новые мирные инициативы СССР имеют важное значение, стимулируют процесс превращения Азии и района Тихого океана в зону мира, дружбы и сотрудничества. Мы считаем, отметил выступавший, что международное взаимодействие должно осуществляться в гармоничной связи национальных интересов с интересами региона и всего мира.

Призыв к перестройке отношений в АТР, прозвучавший из Советского Союза, нашел понимание и поддержку среди народов этого обширного района, подчеркнул вице-президент Академии наук Республики Афганистан Кабир Ранджбар. Особую опасность представляют региональные конфликты, которые подрывают стабильность и безопасность не только в регионе, но и во всем мире. Афганский представитель призвал участников дискуссии активно содействовать их разрешению мирными средствами, путем политического диалога. Эта тема нашла отражение и в выступлении представителей Вьетнама и Кампучии.

«Мы поддерживаем предложения о превращении АТР в регион мира и сотрудничества, которые выдвинул М. С. Горбачев во Владивостоке,— подчеркнул посол по особым поручениям Чин Чун Гук (КНДР).— Мы также приветствуем развитие этих инициатив в Красноярске».

В поддержку советских предложений высказался директор Института оборонных исследований и анализа Джасджит Сингх (Индия), предложивший подумать о создании комиссии по азиатско-тихоокеанской безопасности. Страны Азии могли бы также выступить с инициативой и подписать конвенцию о неприменении ядерного оружия, добавил Д. Сингх.

В то же время в ходе дискуссий, и не только в зале заседаний, некоторые зарубежные участники отстаивали и иное видение ситуации в АТР. Так, бывший помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана (в администрации Картера), а ныне президент юридической фирмы «Ширсон Леман Бразерс» Р. Холбрук и слушать не хотел о возможном сокращении военной активности США в этом районе. С трибуны форума прозвучали и характерные для определенных кругов Японии рассуждения о «северных территориях», которые якобы являются причиной недоверия этой страны к Советскому Союзу.

По общему признанию, самый оживленный диалог вызвала экономическая тематика (вторая секция), что объясняется как растущим интересом наших гостей к вопросам сотрудничества с советским Дальним Востоком, так и множественностью и остротой проблем, стоящих на пути развития такого сотрудничества.

На заседании секции были обсуждены вопросы экономического развития советского Дальнего Востока, значение процессов перестройки для ускорения хозяйственного и социального строительства в этом регионе, проблемы углубления участия СССР, Дальневосточного экономического района в международном разделении труда в АТР, дальнейшего развития в регионе экономического сотрудничества.

Преодолеть отставание экономики советского Дальнего Востока в условиях дефицита собственных средств, как считает заместитель директора Института экономических исследований ДВО АН СССР П. А. Минакир, можно путем создания здесь предприятий со смешанным капиталом и направления части полу-

чаемой прибыли на развитие края.

Зарубежные специалисты проявили заметный интерес к новым формам экономического сотрудничества с советским Дальним Востоком, прежде всего к идее создания совместных предприятий. Особо подчеркивалось, что высказанные М. С. Горбачевым предложения о предоставлении «льготного режима» для внешнеэкономической деятельности дальневосточных предприятий, открытии «зон совместного предпринимательства» в этом районе создают реальные предпосылки для активизации участия СССР, его дальневосточных районов в ныне складывающемся разделении труда в АТР.

Вместе с тем в выступлениях многих зарубежных специалистов — профессора Кишти Мотидзуки из университета Хоккайдо, крупного предпринимателя из Канады Э. Тригга, советника президента Колумбии по экономическим вопросам Энрике Неналоса и других — были справедливо поставлены такие вопросы, требующие на наш взгляд дальнейшей проработки и уточнения, как степень самостоятельности местных властей при принятии хозяйственных решений, конкретизация условий инвестирования иностранного капитала, налоговый режим, развитие взаимоотношений между рабочими и руководством совместных предприятий, импорт рабочей силы, обратимость рубля.

Ряд проблем (поиск партнеров, получение зарубежными фирмами необходимой коммерческой информации и пр.), видимо, могут быть сняты после развертывания деятельности созданной в июле 1988 г. во Владивостоке Ассоциации делового сотрудничества со странами азиатско-тихоокеанского региона.

Участники заседаний отметили активизацию процессов многостороннего экономического сотрудничества в бассейне Тихого океана, которые получили организационное оформление, прежде всего в виде становящейся все более влиятельной Конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Непросто решается вопрос о нашем в ней участии в силу ряда как объективных, так и субъективных причин, в том числе прямо зависящих от нас.

В настоящее время как никогда актуальным является вопрос о придании демократических начал движению за углубление тихоокеанского экономического сотрудничества. Запомнились соображения на этот счет, к которым неоднократно возвращался во время бесед Танат Коман (Таиланд), один из наиболее авторитетных в АТР политических и общественных деятелей. Он подчеркивал, что возникающие организации сотрудничества в бассейне Тихого океана не должны быть политизированы ради эгоистических выгод тех, кто стремится к доминированию и гегемонии. Членство в них следует определять географической принадлежностью, принятием принципов, целей и правил организации, стремлением сделать вклад в развитие идеалов сообщества, членом которого хотят стать. Никакие другие соображения, например касающиеся экономической или политической системы сопредельной или тем более уходящие в прошлое аргументы «холодной войны», не должны приниматься во внимание. В этих словах в концентрированной форме выражены философские начала идеи тихоокеанского экономического сотрудничества, с которыми во многом можно согласиться.

Участники форума высказывали предложение о том, чтобы придать владивостокским встречам регулярный характер. Многие из них обратили внимание, что в приветственном послании М. С. Горбачев называет Владивосток не привычным в прошлые годы термином «форпост», а «воротами нашей страны на Дальнем Востоке». И эти ворота должны быть широко открыты. Нам нужно лучше знать друг друга. Нам нужно сотрудничать, заниматься совместной созидательной деятельностью в АТР.

Б. Н. СЛАВИНСКИЙ, В. Б. ЯКУБОВСКИЙ

Интервью Пу Шаня

Во время международной встречи «Азиатско-тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество» заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» Б. Н. Славинский встретился с директором Института мировой политики и экономики АОН Китая Пу Шанем, любезно согласившимся ответить на ряд вопросов.

В: Прежде всего позвольте поздравить Вас с национальным праздником — Днем образования Китайской Народной Республики, который мы все вместе отметили здесь во Владивостоке во время проведения международной встречи «Азиатско-тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество». В этой связи хочу спросить: это Ваш первый визит в Приморье?

О: Во Владивостоке я первый раз, но на Дальнем Востоке мне пришлось бывать в 50-е годы.

В: Как Вы оцениваете идею проведения настоящей конференции?

О: Я высоко оцениваю идею проведения данной встречи, ибо она позволила столь многим людям из самых разных стран встретиться и обменяться мнениями по актуальным проблемам азиатско-тихоокеанского региона. И для меня лично было очень интересно побывать во Владивостоке. Владивосток — это прекрасный город.

В: Какие проблемы из обсуждавшихся на конференции Вы расцениваете как наиболее важные?

О: Уже сама структура проведения работы конференции — разделение ее по трем секциям: «Политические и военные проблемы», «Экономическое развитие и региональное сотрудничество», «Вопросы культуры и средства массовой информации» — видится мне наполненной глубоким смыслом.

Я считаю, что наиболее важной для азиатско-тихоокеанского региона является проблема снижения уровня военного противостояния. Региону нужен мир. Но для этого, безусловно, необходимы совместные усилия.

В: В последнее время объем советско-китайских связей возрос, в том числе существенно расширились контакты между обществоведами КНР и СССР. Довольны ли Вы их уровнем?

О: Для развития отношений между нашими странами существует огромная перспектива. Я считаю, что достигнутый уровень не соответствует реальным возможностям двух таких великих стран, как наши. Для получения больших результатов нужна нормализация политических отношений между государствами. И прежде всего в свете этого необходимо решение кампучийской проблемы. Я верю, что она получит быстрое разрешение. И тогда отношения между двумя странами в любой из перечисленных областей получат новый мощный импульс развития. Что же касается контактов между нашими учеными-обществоведами, то мне кажется, что они пока еще недостаточны.

В: Что бы Вы могли пожелать журналу «Проблемы Дальнего Востока»?

О: Мы постоянно читаем журнал «Проблемы Дальнего Востока». Мы придаем ему большое значение. Это очень представительный и авторитетный орган. Что же касается пожеланий, то мне кажется, что журнал должен печатать больше материалов, статей, которые способствовали бы дальнейшему улучшению отношений между КНР и СССР.

Перевод А. Ф. ОНИКИЕНКО

В начале октября 1988 г. в Улан-Баторе состоялась международная научная конференция «Новое политическое мышление и проблемы мира и безопасности в АТР». В ней приняли участие ученые из МНР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Польши, СССР и Чехословакии.

Конференция проходила вскоре после выступления М. С. Горбачева в Красноярске, что не могло не оказать своего воздействия на характер выступлений и ход дискуссий. Наряду с различными аспектами политики КНР в регионе в центре обсуждения оказались новые конкретные инициативы СССР по укреплению мира и безопасности в АТР, соответствующая реакция других стран и территорий Северо-Восточной Азии.

Дискуссии, проходившие в открытой и непринужденной атмосфере, показали, что у их участников по большинству обсуждавшихся проблем имеются близкие точки зрения. В частности, выступавшие сошлись в том, что роль АТР в современном мире заметно возросла и, видимо, будет увеличиваться в будущем. Активизировалась политика в регионе его крупнейших государств — СССР, КНР, Японии, а также США, — имеющих здесь значительные интересы. Это характерно и для других стран региона, в первую очередь входящих в АСЕАН. Был отмечен быстрый взлет «новых индустриальных стран» Дальнего Востока, во весь голос заявивших о себе как о важном факторе в мировой экономике.

Качественно новые особенности развития АТР определяются и тем, что быстро нарастает степень взаимодействия между странами региона в различных областях, прежде всего в экономической. Это требует учета интересов всех партнеров, сдержанности и взвешенности в практических шагах, выработки новых подходов в условиях быстро меняющейся обстановки.

Вместе с тем ученые из ГДР, разделяя общую точку зрения, высказывались в том плане, что не следует преувеличивать тенденцию возрастания роли и значения АТР в современном мире. Не менее динамичные и еще более глубокие по содержанию события происходят в западноевропейском регионе, государства которого поставили цель добиться здесь с 1992 г. создания единого рынка товаров, капиталов и услуг.

Интенсивному обсуждению подверглись проекты создания Тихоокеанского сообщества. Высказывались соображения, что было бы нереалистично отвергать объективную тенденцию к сближению стран и территорий региона, что находит выражение в возникновении различных организационных форм. Одной из них является идея Тихоокеанского сообщества. В том виде, как она предлагалась Японией и США на протяжении первой половины 80-х гг., эта идея не была реализована, так как не учитывала интересов развивающихся стран региона и фактически исключала участие социалистических государств. В современных условиях, отмечали, в частности, в своих выступлениях ученые из СССР, общая активизация социалистических стран, в том числе КНР, в АТР создает возможности подойти к идее Тихоокеанского сообщества по-новому и наполнить ее качественно новым содержанием с учетом интересов всех государств региона.

В условиях реализации нового политического мышления, как отмечалось в ходе дискуссии, возрастает роль политической воли и решимости государств. В этом контексте была подчеркнута чрезвычайно важная роль владивостокской и красноярской инициатив СССР. Ученые социалистических стран высказали единую точку зрения, что идеи и предложения Советского Союза базируются на общеазиатском политическом опыте решения сложных проблем. Методология и практика нового политического мышления предполагают поиск баланса интересов, преодоление стереотипов конфронтационной теории и практики, межсистемного разобщения, ставят во главу угла взаимоотношений диалог, взаимоприемлемый компромисс, взаимопонимание, совместное развитие, разумное взаимодействие.

Оживленная дискуссия развернулась вокруг проблем урегулирования на Корейском полуострове и региональных конфликтов в АТР. Участники поддержали предложения КНДР по превращению Корейского полуострова в безъядерную зону, по развитию диалога между Севером и Югом и другие предложения. Вместе с тем отмечалось, что ослабление напряженности и упрочение мира здесь невозможны без учета всех остальных реалий — в частности, взаимоотношений таких заинтересованных стран, как СССР, КНДР, США и Япония, предложений Южной Кореи, выдвинутых в направлении сближения Севера и Юга и т. д. Большой интерес вызвала информация советской делегации о трехстороннем семинаре советских, американских и южнокорейских ученых, состоявшемся 12—17 сентября 1988 г. в Сеуле, в Ханъянском университете. Сеульский семинар позволил достичь определенных сдвигов в понимании необходимости новых подходов к проблемам мира, безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии с учетом интересов всех расположенных здесь стран. В Сеуле стороны в целом пришли к единому пониманию того, что милитаризация Японии не обусловлена развитием обстановки в АТР и диктуется соображениями утверждения политических амбиций Японии.

Ученые социалистических стран рассмотрели важное значение разрядки и ее позитивное воздействие на процессы нормализации обстановки в других конфликтных ситуациях, в том числе в Кампучии. В этой связи были высоко оценены результаты неофициальной встречи четырех сторон, организованной по инициативе Индонезии в июне прошлого года в Джакарте. Свою позитивную роль сыграла и советско-китайская встреча в Пекине по вопросам урегулирования вокруг Кампучии.

При обсуждении практически всех проблем региона говорилось о роли КНР. Выступавшие в целом отметили, что после XIII съезда КПК Китай все более активно выступает за мир, разрядку напряженности и разоружение в АТР. Китай стремится внести здесь определенный вклад. Вместе с тем роль КНР в решении ряда вопросов, имеющих большое значение для обеспечения мира и безопасности в регионе, пока еще не соответствует месту, которое занимает Китай в современном мире.

Ученые из социалистических стран остановились и на некоторых других проблемах, связанных с положением в регионе. Делегации ученых пришли к обоюдному согласию расширить и углубить проблематику совместных исследований и круг участников и оформить это в виде создания Ассоциации исследований Восточной Азии.

Научная конференция в Улан-Баторе, проведенная на высоком научном уровне и прекрасно организованная монгольской стороной, стала важным этапом в осуществлении исследований по азиатско-тихоокеанским проблемам учеными социалистических стран.

*Ю. С. СТОЛЯРОВ,
кандидат экономических наук*

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПДВ»

Начальная стадия социализма в Китае: вопросы теории и практики

XIII съезд Коммунистической партии Китая (ноябрь 1987 г.) определил, что КНР ныне переживает начальную стадию социализма. К этому выводу китайские коммунисты пришли на основе обобщения 38-летнего опыта развития КНР, особенно опыта осуществляемой в последнее десятилетие экономической реформы.

Анализу проблем, прежде всего теоретического порядка, связанных с концепцией начальной стадии социализма, была посвящена дискуссия за «круглым столом», организованная редакцией журнала «Проблемы Дальнего Востока» («ПДВ») и отделом экономики Института Дальнего Востока АН СССР (ИДВ). Изучение концепции начальной стадии социализма является органической частью общей программы исследований ИДВ АН СССР «Китай и социализм: история, современность, перспективы», включенной в перечень программ фундаментальных исследований Отделения экономики АН СССР.

В дискуссии участвовали ученые ИДВ, Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Института экономики (ИЭ), Московского кооперативного института (МКИ), Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (МИНХ), Всесоюзного заочного политехнического института (ВЗПИ).

Открывая дискуссию, главный редактор журнала, доктор исторических наук **В. Б. Воронцов** отметил, что оценка концепции начальной стадии социализма в Китае требует многостороннего подхода к проблемам современной китайской действительности. Здесь есть над чем поразмыслить экономистам, историкам, специалистам в области философии, права и т. д. «...Само собою разумеется, — писал более века тому назад Г. В. Плеханов, — что развитие научного социализма еще не закончено и так же мало может остановиться на трудах Энгельса и Маркса, как теория происхождения видов могла считаться окончательно выработанной с выходом в свет главных сочинений английского биолога». (Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. М., 1939, с. 25.)

Далее В. Б. Воронцов сказал, что политэкономам предстоит еще ответить на вопросы, касающиеся путей развития социализма, его стадий, реального, как мы называем, социализма, пересмотреть свое отношение к рожденным в иные времена представлениям, устойчивым стереотипам, которые определяли скорее застой, нежели развитие научной мысли. Мы уже сейчас стали свидетелями столь разностороннего опыта строительства нового общества в Китае, что его анализ, осмысление теоретической основы осуществляемых в этой стране реформ, концепции начальной стадии социализма приобретают для нас вполне конкретное, практическое значение. И недаром XIX партийная конференция справедливо указала на общезначимость опыта всех социалистических стран.

Представляется совершенно естественным, когда мы, оценивая прошлый

опыт строительства нового общества в СССР и в Китае, не упуская из вида различий исторического, социального, социокультурного и прочего характера как в той, так и в другой стране, находим в то же время в этом опыте и немало общего. Сходные черты проявились, например, в создании в Китае после 1949 г. политической структуры, тождественной нашей, режима культа личности, в торжестве командно-административных методов управления экономикой (в представлениях, в частности, о государственном планировании как главной форме реализации планомерности общественного производства), в забвении интересов потребителей и в итоге — в осознании необходимости осуществления реформ.

Ответы на многие вопросы, связанные с опытом строительства нового общества в Китае, следует, видимо, искать в рамках не только национального развития этой страны, но и в более сложной, чем это мы показывали ранее, диалектике взаимодействия революции в России и революционного движения в Китае. И не случайно в этом же номере «Проблем Дальнего Востока» наряду с материалами настоящей дискуссии публикуется статья «Коминтерн и Китай».

Складывание нового типа государственности в КНР стимулировалось и торжеством той формы общественно-политической организации в СССР, которая выявила свои преимущества в условиях жесточайшего противоборства с фашизмом в годы второй мировой войны. Некоторые китайские руководители, стоявшие у истоков этой государственности, воспринимали сталинскую диктатуру как вполне закономерное явление, в том числе и потому, что оно соответствовало традициям, пронизанным харизматическим духом и уходившим глубокими корнями в прошлое Китая. Определенные формы общественно-политической организации, рожденные в другой стране, переносились в Китай, накладываясь на местные традиции. Не приводило ли это к замене в основном лишь внешней оболочки, за которой скрывались старые механизмы, призванные обеспечить сохранение системы подчинения и внеэкономического принуждения? Наверное, общей для стран, провозгласивших социализм целью своего развития, становится ныне необходимость ликвидации факторов, вызывающих диспропорции в экономике, бюрократические извращения, уравнильность в распределении национального дохода, равно как и необходимость в непрерывном совершенствовании хозяйственного механизма, что вряд ли возможно без демократизации всех сторон общественной жизни. В КНР также растет понимание того, что одними преобразованиями в области экономики, которые не сопровождались бы широкой демократизацией всей общественной жизни, нельзя добиться целей, поставленных инициаторами новой политики.

Наши видные политэкономы пришли к выводу, что максималистский курс на обобществление собственности в странах с относительно отсталым уровнем развития производительных сил и производственных отношений не только не способствует оптимальному претворению в жизнь (с учетом конкретно-исторических условий страны) основного принципа социализма («от каждого по способностям, каждому — по труду»), но и нарушает его. Этот вывод, как нельзя не видеть, подтверждается практикой общественного развития как в СССР, так и в КНР.

Утверждение в Китае общественной собственности еще не означало, что граждане КНР стали подлинными хозяевами средств производства, что они получили возможность пользоваться преимуществами социализма. Тенденция к уравнильности, которая действовала в Китае, помимо прочего и по причине стойких национальных традиций, находила свое проявление в таких требованиях социальной справедливости, которые нередко питались идеями утопического социализма. Система, созданная на базе подобных идей, была прямо рассчитана на уравнильное распределение, которое не учитывало действи-

тельного вклада человека в общее дело. На определенном этапе апостольский эгалитаризм сыграл революционизирующую роль, но впоследствии эгалитаристские тенденции (и вряд ли этот противовес можно списывать со счетов и сейчас) стали преградой на пути внедрения любых новых форм хозяйствования, которые стимулируют процесс эффективной экономической реализации собственности трудящихся, утверждению их права на эту собственность.

Актуальным представляется вопрос об интернациональном значении опыта Китая последнего десятилетия, если рассматривать его в свете разработки концепции начальной стадии социализма.

Руководством КНР осознана необходимость снятия ограничений, сковывающих развитие производительных сил, разрушения той стены, которая защищала лишь благополучие бюрократической иерархии, обеспечивая незыблемость форм управления, не соответствующих потребностям общественного развития в целом. Деятельность архитекторов реформы направлена также на активное вовлечение Китая в международное разделение труда. Современное экономическое, социально-политическое положение Китая способствует все более тесному взаимодействию страны с высокоразвитыми промышленными державами капиталистического мира, а это помогает ему приобщиться к величайшему общемировому достоянию — плодам деятельности других наций, что становится неизбежным, как отмечали классики марксизма, когда прежняя национальная замкнутость и самодовольство уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов.

Народы Азии, прежде всего великие народы Индии и Китая, приобрели богатый опыт взаимоотношений с капиталистическими державами, но даже в наиболее трудные периоды своей истории эти отношения не могли оцениваться однозначно. Уже первому эшелону продвигавшейся на рубеже XX в. в Китай капиталистической Америки предстояло, как в свое время англичанам в Индии, выражаясь словами К. Маркса, совершить двоякую миссию: разрушительную и созидательную (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 225.) Концепция начальной стадии социализма предполагает — и в этом ее новизна — использование разнообразных форм сотрудничества (на двусторонней или многосторонней основе) как с социалистическими, так и с капиталистическими странами, что позволяет Китаю опереться на созидательный потенциал партнеров с более высоким уровнем индустриального развития.

Изучение диалектической взаимосвязи производительных сил и производственных отношений, объективной закономерности и сознательной деятельности членов общества в сфере политики, идеологии, права, управления помогает нам сегодня отойти от привычных схем, искать и находить оптимальные ответы на такие, к примеру, вопросы: как взаимодействует идеология и политика в качестве важных элементов надстройки с базисными структурами на крутых поворотах развития социализма? Какое место занимает Китай в общемировом потоке развития производительных сил, производственных отношений, во всех сферах жизнедеятельности? Не является ли концепция начальной стадии социализма ответом на неудачные попытки «усовершенствовать» производственные отношения без соответствующего уровня развития производительных сил? Что превалирует в основе выдвижения новой концепции — элементы прагматизма или реальная потребность теоретического осмысления прошлых уроков и возможных перспектив будущего развития социализма с национальной спецификой? В чем причина идеализации опыта экономического и общественно-политического развития Китая в 50-е гг., не обедняет ли она наши представления о социализме? Приемлемы ли для социалистической экономики «капитализация» прибавочной стоимости, наличие таких элементов, как «немного эксплуатации» (а не только нетрудовых доходов), «немного безработицы»

и т. п.? А если приемлемы, то не определяют ли они во многом специфику своеобразного переходного, рассчитанного на длительное время периода от капитализма к социализму? И конечно, нас не может не интересовать вопрос: почему степень продвижения экономических реформ в Китае выше, нежели у нас? Размышляя по этому поводу и не вдаваясь в подробный анализ, можно выявить хотя бы некоторые специфические для Китая черты, которые помогут, как нам представляется, ответить на поставленные выше вопросы.

Китай остается страной, где преобладает крестьянское население и где перегибы в аграрной политике не сумели подорвать извечную привязанность крестьянина к своей земле. Поэтому первые же шаги реформы, начавшиеся с аграрного сектора, были с воодушевлением встречены наиболее активной частью сельского населения.

В ходе «культурной революции» и в условиях ожесточенной борьбы за власть не были окончательно выбиты из орбиты политической жизни руководители, составляющие костяк руководства КПК, которые и после ухода Мао Цзэдуна заняли ведущие позиции в партии и государстве. Решительные шаги в деле осуществления реформ можно, видимо, рассматривать и как реакцию этих руководителей на извращения времен «культурной революции».

Важнейшей особенностью взаимодействия Китая с внешним миром является наличие многомиллионной массы «хуацяо», которые в своем большинстве с уважением относятся к КНР и служат своеобразным каналом, который способствует взаимодействию Китая с Западом, более активному вовлечению страны в общемировой поток развития производительных сил.

Приоритетным противником для стран Запада остается, как и раньше, Советский Союз, что в известной мере благоприятствует расширению различных форм сотрудничества между КНР и ее западными партнерами. Нельзя при этом забывать и о роли исторически сложившихся хозяйственных структур на океаническом побережье Китая. Шанхай и Гуанчжоу, например, служили воротами Китая на Запад.

Осуществляемые в Китае реформы неоднозначны по своим экономическим и социальным результатам. Не теряют, а нередко приобретают все большую актуальность проблемы распределения прибыли и инфляции, коррупции, валютных спекуляций, «духовного загрязнения».

Нам хотелось бы, чтобы эти и другие подобные вопросы стали предметом обсуждения на страницах нашего журнала.

Мы, естественно, не ожидаем, что участники настоящей дискуссии дадут исчерпывающие ответы на все острые вопросы, которые ставит сама жизнь в оказавшихся, конечно, в неодинаковом положении социалистических странах, где в разной степени обнажилось, особенно в последние десятилетия, несоответствие между провозглашенными высокими целями и реальной действительностью. Представляется, однако, весьма целесообразным попытаться наметить, хотя бы в общих чертах, направления дальнейшей работы и привлечь внимание научной общественности к проблеме разработки и осуществления новой концепции социализма, учитывая новейший интернациональный опыт и соответствующей реалиям XX столетия. Основным ориентиром для нас выступает ленинское понимание социализма, выработавшееся в сложнейших условиях революционных преобразований первых лет Советской власти. Этот важнейший знаменатель не исключает, а, напротив, предполагает наличие различных взглядов при оценке теории и практики общественного развития в социалистических странах. В дискуссиях по этому поводу в Китае участвуют различные школы, высказываются нередко противоположные мнения (см. заключение Государственной комиссии КНР по перестройке экономики с анализом такого

рода дискуссий: Десять теоретических вопросов осуществления реформы.— "Beijing Review", 22—28. VIII. 1988, p. 20—23).

Участники нашей дискуссии также, надо полагать, укажут на разнообразные подходы к анализу весьма актуальных, находящихся на стыке различных наук проблем. В этом важнейшая примета нашего времени.

А. П. Морозов, заместитель директора ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук: Концепция начальной стадии социализма включает в себя целый ряд важных положений, которые касаются общей теории научного социализма и которые вносят ряд принципиальных моментов в понимание сущности реального социализма, социально-классовой структуры, механизма и стадий его развития, представляют собой обобщение опыта построения социализма в стране с полуфеодалным и полуколониальным исходным уровнем развития и помогают выработке новой концепции социализма. Следующие основные положения составляют, на мой взгляд, суть этой концепции:

1) Переходный период к социализму завершается обеспечением господствующих позиций общественной собственности на основные средства производства (в Китае это практически произошло в 1956 г.). На этой основе начинают действовать экономические законы социализма, принципиально изменяется целевая направленность общественного развития, и далее социализм развивается на своей собственной основе, что открывает начальную стадию его развития. Таким образом, в отличие от существующих ныне теорий за рамки переходного периода выносятся задача создания материально-технической базы социализма, она становится главной целью начальной стадии социализма.

2) Социализм не обязательно должен представлять собой одноукладную экономику, особенно на начальной стадии развития, когда существование так называемого чистого социализма невозможно. Социализм на его начальном этапе является многоукладной экономикой, основанной на господстве общественной формы собственности на средства производства. Поэтому он характеризуется гораздо более сложной социально-классовой структурой, чем та, которая, как принято считать, состоит из двух дружественных классов (рабочие и крестьяне) и большой социальной группы — интеллигенции. Это также предполагает наличие длительной классовой борьбы и классовых противоречий, хотя они на начальной стадии социализма и отходят на второй план.

3) Социалистическое производство по своему характеру является товарным, и товарно-денежные отношения представляют собой необходимый составной элемент системы социалистических производственных отношений. Это вызывает необходимость создания принципиально нового хозяйственного механизма, сущность которого была определена на XIII съезде КПК формулой: «Государственное регулирование рынка и рыночное ориентирование предприятий». В трактовке ряда китайских экономистов это означает, что социалистическая экономика должна быть на сто процентов плановой, то есть регулируемой централизованно, и на сто процентов регулируемой законами рынка. А это предполагает качественное изменение характера централизованного планирования, которое должно стать по преимуществу косвенным, индикативным, а не директивным.

4) Главным противоречием начальной стадии социализма, продолжительность которой определяется для Китая примерно в 100 лет, является противоречие между растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством. Основным способом разрешения этого противоречия в Китае провозглашено всемерное развитие товарного хозяйства, повышение производительности труда, постепенное осуществление модернизации промышленности, сельского хозяйства, национальной обороны, науки и техники, а также перестройка с этой целью той части производственных

отношений и надстройки, которые не отвечают требованиям развития производительных сил.

5) Система распределения на начальной стадии характеризуется социальной неоднородностью, в частности допускает наличие нетрудовых доходов, но при сохранении ведущего места за принципом распределения по труду.

6) Что касается надстройки, то на начальной стадии она характеризуется «серьезной неполнотой целого ряда экономических и культурных условий, необходимых для создания образа правления, основанного на высокоразвитой социалистической демократии», а также «широким влиянием тлетворных феодальных и буржуазных взглядов, силы привычки мелких производителей, постоянно разлагающих ряды партийных кадров и государственных служащих». Поэтому одна из главных задач начальной стадии социализма состоит «во всемерном строительстве политической демократии при условии сохранения стабильности и сплоченности», в создании «совершенной законности и стабильной социальной среды», а также «в создании духовной культуры на базе марксизма-ленинизма».

7) Важнейшим критерием, определяющим соответствие тех или иных социально-экономических форм потребностям социализма, провозглашена их способность обеспечить ускоренное развитие производительных сил на качественной основе.

XIII съезд КПК выдвинул, по существу, новую концепцию социализма и стадий его развития, которая исходит из значительно более расширительного толкования.

С точки зрения практики нельзя не видеть, что расширительное толкование социализма (его начальной стадии в том числе) как плюралистического по своему характеру, как общества «плановой товарной экономики» открывает большие возможности для проведения широкомасштабных экономических, политических и социальных экспериментов.

Китайская концепция социализма может стать весьма привлекательной для развивающихся стран, поскольку теория начальной стадии значительно «приближает» к ним социализм по времени и открывает новые возможности в области революционных социальных преобразований на низкой стадии социально-экономического и политического развития.

В теоретическом отношении новая концепция, оправданность которой представляется прежде всего тем, что она вобрала и обобщила конкретную практику развития социализма в Китае, еще недостаточно отработана и оставляет открытым целый ряд фундаментальных вопросов политической экономики социализма (место и роль переходного периода, критерии социализма и его различных стадий, социально-классовая структура начальной стадии социализма и т. д.). Для ответа на эти вопросы и для принципиальной оценки новой концепции социализма требуются комплексные усилия обществоведов.

Вместе с тем практика со всей очевидностью доказывает, что при монопольном господстве государственной формы собственности, директивной системе планирования и управления народным хозяйством, жесткой ограниченности товарно-денежных отношений, уравнилельно-бюрократических тенденциях в распределении, отсутствии подлинного и всеобъемлющего демократизма социализм неспособен на практике проявить заложенные в нем потенциальные преимущества, не способен выполнить свою историческую миссию: дать более широкие, чем капитализм, возможности для развития производительных сил общества в интересах трудящихся. В этом смысле новая концепция социализма, представленная в китайской теории начальной стадии социализма, в большей степени и теоретически и практически отвечает нашим фундаментальным

представлениям о социализме как более прогрессивном по сравнению с капитализмом этапе исторического развития.

З. А. Муромцева, кандидат экономических наук (ИДВ): Возникновение концепции начальной стадии социализма обусловлено целым рядом причин, главным образом застойными явлениями в теории экономической науки о социализме, а также трудностями практического строительства реального социализма.

С конца 20-х и особенно начала 30-х гг. наша политическая экономия стала утрачивать диалектический подход к развитию реального социализма, все более обособляясь и порывая связи с другими общественными науками. Со временем все меньше стало уделяться внимания изучению глубоких связей всех процессов общественного развития. Условия культа личности в СССР и КНР способствовали возведению теории социалистического строительства на пьедестал непогрешимости, омертвлению критериев социализма. Забвение необходимости диалектического подхода к явлениям экономического развития обусловило схематизм в оценке роли человека как решающего фактора производительных сил общества. Человеческая деятельность оказалась оторванной от адекватных социально-экономических условий существования. Из социализма исчезла идея создания строя «цивилизованных кооператоров», гипертрофировалась административно-бюрократическая система, социальные функции с участием общественных организаций были сведены к минимуму, понятие социализма срослось с огосударствлением.

При обсуждении теоретических вопросов, связанных с начальной стадией социализма, прежде всего возникают два вопроса: во-первых, отличаются ли положения данной концепции новизной по сравнению с классическими представлениями о социализме и, во-вторых, можно ли эту концепцию толковать расширительно, то есть не только как отражающую специфику китайской действительности? Среди ученых как в нашей стране, так и в Китае единого мнения по этим вопросам не существует.

На мой взгляд, концепция начальной стадии, в каком бы толковании мы ее ни рассматривали — узком или расширительном, — наиболее полно отвечает современному состоянию социализма. Отношение к новизне этой концепции может быть двояким. С одной стороны, знание фундаментальных трудов классиков марксизма-ленинизма и чувство времени дают возможность констатировать, что все отправные точки концепции разрабатывались или упоминались ранее. С другой же стороны, нельзя не признать, что в этой концепции изменяется подход к определению экономических основ социализма, полностью отделяется переходный период от начальной стадии социализма и даже предлагается считать социализм не фазой в развитии коммунистического общества, а самостоятельной общественно-экономической формацией. С научной точки зрения здесь пока не определен критерий. Ясно лишь, что социализм должен обеспечить систему социальных гарантий трудящимся, его основная миссия — установить действенный контроль над мерой труда и потребления. В Китае подчеркивают, что концепция начальной стадии социализма окончательно не разработана, идет процесс ее формирования.

Даже при условии констатации, что эта концепция не является новым или совершенно новым словом в политической экономии социализма, следует признать, что она дает выход из создавшегося теоретического тупика. Реализация этой концепции на практике может обеспечить выход к качественному подъему экономики, ликвидировать социальное иждивенчество, подготовить условия психологического перелома в мышлении людей, в деле повышения ответственности и инициативы.

Л. С. Переломов, доктор исторических наук (ИДВ): В предыдущих выступлениях был вскрыт целый ряд основополагающих положений китайской концепции социализма. У меня, как историка, занимающегося исследованием влияния традиций на политическую культуру КНР, возникло несколько замечаний и дополнений.

Первое. Не следует забывать, что теоретический багаж новой китайской концепции социализма выходит за рамки КНР. Уже в трудах В. И. Ленина и Н. И. Бухарина были заложены фундаментальные положения новой концепции социализма, развивавшиеся впоследствии нашими теоретиками, такими, как С. Г. Струмилин, Я. Г. Либерман и др. Даже в 50—70-е гг. у нас были достижения в области теоретического переосмысления административно-командной модели социализма. Почему они не смогли осуществиться на практике — это уже другое дело. Но в теоретическом плане наши ученые оказали влияние на формирование этой новой концепции. Она родилась не на голом месте, а как результат критического переосмысления всего нового, что родила теоретическая мысль социалистического содружества.

Второе. Перед всеми развивающимися странами стоит задача — прорыв на более высокий социально-экономический уровень. И независимо от того, строят они капитализм или социализм, все они должны решить одну и ту же проблему — проблему синтеза традиционного с современным. Но здесь общее зависит уже от частного — от интеллектуального уровня высшего руководства страны. Если бы в КНР еще несколько десятилетий продолжалась коммунизация деревни, то произошло бы ее раскрестьянивание. Историческое значение 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва заключается, на мой взгляд, в том, что он нашел именно то оптимальное соотношение традиционного и современного, которое привело в движение весь государственный и общественный механизм и позволило максимально использовать экстенсивные возможности экономического развития. Введение подворного подряда напомнило мне первый этап каждой крупной династии в истории Китая, когда крестьянство в ответ на пересмотр налоговой политики отвечало подъемом сельскохозяйственного производства. В трудный для страны период устанавливалась прямая связь между государством и земледельцем. Так традиционно решалась известная проблема «заботы верхов о нуждах низов». И ныне произошла как бы стыковка интересов верхов и низов, но уже на новом, социалистическом витке. Новое руководство правильно поняло нужды крестьян и пошло им навстречу. Подворный подряд начался снизу, но был поддержан сверху и обрел теоретическое осмысление в виде следующей оценки Чжао Цзыяна, данной им после завершения работы XIII съезда КПК: «Народ раскрепостил сознание, осуществил свое творчество; мы также раскрепостили сознание, признали и обобщили его творчество и только тогда получили такой хороший результат» («Гуанмин жибао», 7.II.1988).

Третье. При теоретическом осмыслении новой концепции социализма, весьма притягательной для развивающихся стран, мы не должны упускать еще одной особенности — проявление общих закономерностей строительства социализма через конкретную специфику данной страны. Каждый руководитель должен уметь так использовать национальное духовное богатство, чтобы претворить его в еще одну движущую силу преобразования общества. Сам факт обращения «отца реформ» Дэн Сяопина к социальной утопии Конфуция — «сяокан шуйпин» («достижение уровня общества Малого Благоденствия»)*, как символа завершения начальной стадии социализма свидетельствует о его поли-

* У нас обычно переводят словосочетание «сяокан шуйпин» как «достижение уровня средней зажиточности», что не отражает изначального смысла этой теории Конфуция.

тической мудрости и совершенном владении традиционными национальными ценностями. Введение на теоретическом и практическом уровне концепции «сяокан» способствует мобилизации всех национальных ресурсов как внутри страны, так и за ее пределами. Эта восстановленная в правах доктрина Конфуция не может не быть привлекательной для населения Тайваня. Ее следует рассматривать вместе с другой теоретической находкой Дэн Сяопина — «и го лян чжи» («одно государство две системы»). Умелое сочетание этих двух доктрин является одним из кардинальных положений концепции социализма с китайской спецификой. Это уже те частности, через которые проявляются общие закономерности в новой концепции социализма.

Э. П. Пивоварова, доктор экономических наук (ИДВ): Берущая в качестве главной идеи миссию по ликвидации бедности и отсталости страны, уже несколько десятилетий строящей социализм, концепция начальной стадии социализма подводит исторический итог попыткам строительства социализма в тех странах, которые не достигли «такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». Соглашаясь в свое время с «бесспорностью» этого докazyваемого представителями II Интернационала тезиса, В. И. Ленин высказал надежду, что народы стран, «впервые... втягиваемых в цивилизацию», под давлением безысходности своего положения готовы броситься на такую борьбу, которая хоть какие-то шансы откроет им «на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации» см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 379, 380). Завоевание этих условий В. И. Ленин связывал с неимоверными трудностями — «и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» (см. там же, с. 377). Характерно, что В. И. Ленин предлагал создать эту «цивилизованность», используя такую предпосылку, как «революционное завоевание рабоче-крестьянской власти», а не «*миновать*» ее, как это, по сути, происходило в странах, начавших движение к социализму в условиях экономической и культурной отсталости. Причем происходило это не только вследствие сознательных извращений основных положений научного социализма, но и по причине добросовестных заблуждений по поводу движущих сил социально-экономического прогресса, идеализации и соответствующей гипертрофии субъективного фактора с почти закономерно вытекающим отсюда волюнтаризмом в экономической политике. История жестоко отплатила за это.

Выдвинутая в КНР концепция начальной стадии социализма по своему существу основывается на том, что нельзя безнаказанно «перешагнуть» через стадию развития цивилизации, что это — естественно-исторический процесс. И потому начальная стадия социализма в том виде, как определяются ее срок и задачи в КНР, берет на себя миссию, которую в развитых странах мира выполнил капитализм. Эту стадию нельзя назвать посткапиталистической, ее можно принять как заменяющую капиталистическую формацию — формацию и по содержанию, и по срокам. Ибо дело не только в незрелости, недостаточной развитости экономических отношений (собственности, распределения и т. д.) социалистического характера, но и в необходимости продолжить развитие экономических отношений несоциалистического характера в интересах достижения уровня цивилизованности. Дело также в том, что для достижения на такой основе всеобщего благосостояния и духовного развития всех трудящихся (что подразумевает социализм) нужны не 15—20 лет, которые отводились для завершения социалистических преобразований в прежней истории (на практике, как правило, эти сроки еще и пытались сокращать). Срок в 100 лет, который

отводится сегодня для этого в КНР, отнюдь не выглядит чрезмерным, скорее, он оптимален.

На наш взгляд, в новой концепции наиболее уязвимым в теоретическом плане является определение завершенности переходного периода к социализму осуществленном «социалистических» преобразований в области собственности и обеспеченном на этой основе господствующими позициями общественных форм хозяйства. Ведь сам по себе процесс формального обобществления, когда за рамки переходного периода выносятся задачи создания материально-технической базы социализма, не является социалистическим по характеру преобразованием собственности.

Более того, как показал опыт социалистического строительства, такая последовательность, возведенная чуть ли не в ранг закономерности, наносит вред развитию производительных сил, лишая заинтересованности в труде многих непосредственных участников производства, тогда как использование импульсов экономического роста в рамках прежних хозяйственных структур оборачивается существенным вкладом в решение задачи по мобилизации имеющихся ресурсов и подъему экономики. На этом основывались поправки к нэпу в нашей стране, эти же моменты легли в основу развития многоукладности в ходе нынешней реформы экономической системы КНР. Надо сказать, что и само представление о многоукладной хозяйственной структуре не ограничивается в КНР рамками начальной стадии социализма, а вписывается в социализм как таковой, ввиду того, что единственно общественными формами собственности нельзя обеспечить многообразные потребности человека.

Что касается значения данной концепции для развивающихся стран, то, по нашему мнению, она не «приближает» к ним социализм по времени, а, напротив, показывая длительность такого пути, ориентирует на реальную оценку объективной действительности и предостерегает от попыток волевыми атаками «быстро строить социализм».

Ю. В. Шишков, доктор экономических наук (ИМЭМО): Выдвинутая китайскими марксистами концепция начальной стадии социализма, заменившая прежнее их определение, согласно которому КНР находится в стадии «неразвитого социализма», — еще одно свидетельство объективно назревшей во всей мировой социалистической системе потребности более трезвой оценки так называемого реального социализма. Накопившиеся за многие десятилетия напастования самообмана в этой области привели к утрате действительных координат на трудном пути восхождения к коммунизму. Это относится не только к КНР, но и к любой другой стране «реального социализма», в том числе к Советскому Союзу. К нему даже в первую очередь, поскольку он был первопроходцем и в строительстве нового общества, и в вульгаризации марксистско-ленинского учения о нем.

Упрощая и извращая научные критерии социализма, Сталин еще в 1936 г. объявил, что «советское общество... уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма» (И. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1953, с. 553). Великий мастер политического лицемерия уверял, что в нашей стране уничтожена эксплуатация человека человеком, что «стираются грани» (социально-экономические и политические противоположности) между рабочим классом и колхозным крестьянством. И это в условиях, когда последнее, составляя половину населения страны, беспощадно эксплуатировалось полукрепостническими методами внеэкономического принуждения (обязательные поставки в сочетании с лишением крестьян возможности свободно покинуть свою деревню). Сталин объявил, что наше общество отличается особой, гарантированной демократией, «... не «обычным» и «общепризнанным»

демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим» (там же, с. 518). И это в обстановке, когда элементарные права и свободы граждан попирались, когда был развернут массовый политический террор и процветала вакханалия лагерного «перевоспитания» миллионов ни в чем не повинных людей, когда насаждалась атмосфера всеобщего страха и подозрительности. Большее издевательство над научным понятием «социализм» трудно вообразить.

Многие уродливые явления в советской экономике и общественно-политической жизни были выправлены после Сталина, многие искаженные им понятия восстановлены. Но миф о создании под руководством Сталина общества социализма продемонстрировал удивительную живучесть. Более того, и Н. С. Хрущев, и Л. И. Брежнев продолжили эстафету идеологических приписок «от достигнутого», вводя в заблуждение советскую и мировую общественность и поддерживая иллюзию, что до коммунизма нам уже рукой подать.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС положил начало глубокой переоценке доставшегося нынешнему поколению экономического, политического, идеологического и другого наследства. «...Надо было прежде всего разобраться в построенном у нас обществе — что в нем отвечает коренным ценностям социализма, что носит преходящий характер, поскольку сформировалось в чрезвычайных условиях, что, наконец, должно быть отброшено как следствие ошибок и деформаций», — отмечал в Белграде М. С. Горбачев («Правда», 17.III.1988). Известные уточнения в определении нашего «местоположения» на долгом пути к новому обществу уже внесены. Можно ли, однако, считать, что эта корректировка завершена? Опыт перестройки показывает, что осознание глубины разрыва между тем, что есть, и тем, что должно быть на первой фазе коммунизма, приходит постепенно.

Вместе с тем происходит и реалистическая переоценка нашего исторического предшественника — капитализма. Пришло понимание того, что современный капитализм способен «подниматься на новые уровни обобществления производства, раздвигать границы роста производительных сил, приспособляться к глобальным вызовам эпохи» (В. Медведев. Великий Октябрь и современный мир. — «Коммунист», 1988, № 2, с. 5). То, что долгое время казалось закатом этой формации — монополистический капитализм, видится сегодня как стадия ее зрелости. Это не может не вносить изменений в размежевание двух формаций, в научное определение того рубежа, с которого начинается социализм.

Думается, что разобраться в этом вопросе невозможно без возвращения к истокам научного социализма, без К. Маркса, у которого, как считал В. И. Ленин, «нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества из старого, переходные формы от второго к первому» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 48).

По Марксу, этот процесс вырастает на базе таких высокоразвитых производительных сил и других материальных предпосылок, которым становится тесно в рамках производственных отношений старого общества. «...Новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, — предупредил он, — чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7). И в России, и в Китае, и в большинстве других нынешних стран «реального социализма» социальные революции произошли, как известно, раньше, чем эти материальные предпосылки вызрели до конца. Следовательно, создание новых, более высоких, посткапиталистических производственных отношений здесь должно предшествовать подтягиванию материальных предпосылок хотя бы до того уровня, какой существует в современных странах капитализма. Ведь новые производственные отношения, в том числе отношения присвоения,

определяющие социальный облик общества, не могут возникнуть ни сами по себе, ни на основе декретов и директив тех или иных государственных или партийных инстанций. Эти отношения неотделимы от уровня развития вещественных и общественных факторов производительных сил, в первую очередь самого человека, его производственной, экономической, политической и всякой прочей культуры.

Далее, процесс рождения нового общества, согласно Марксу и Ленину, предполагает обязательный переходный период от капитализма к социализму, который не входит в первую фазу коммунизма, как полагают некоторые теоретики, а предшествует ей (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 263; т. 38, с. 385; т. 43, с. 333). В течение переходного периода неизбежна диктатура рабочего класса. Основная миссия этого периода (и диктатуры) — уничтожение экономических основ существования классов (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 618). В. И. Ленин формулировал эту задачу так: «...создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 385). Только тогда может восторжествовать основной принцип социалистического способа присвоения — **распределение по труду**.

Как, с учетом этих критериев, обстоит дело в СССР, в КНР и в других странах «реального социализма»? Несмотря на громадный скачок в развитии производительных сил, последние по своему уровню все еще заметно отстают от уровня в развитых странах Запада, успешно осваивающих ныне результаты научно-технической революции. Могут ли в таких условиях у нас сформироваться более высокие по сравнению с «реальным капитализмом» производственные отношения? Ссылки китайских товарищей на то, что общественная собственность на основные средства производства создала «собственную базу» для развития социализма, неосновательны. Они вытекают из неправомерного отождествления собственности в юридическом смысле с собственностью (присвоением) в экономическом смысле. Национализация всех основных средств производства дает лишь формальное обобществление. Реальное же формирование обобществления в общегосударственном масштабе определяется развитием производительных сил страны (см. там же, т. 36, с. 171, а также: В. А. Гримм а л ю к. Социалистическое обобществление труда. М., 1972, с. 65—66). До такого обобществления пока еще далеко и в КНР, и в СССР.

Отсюда и ограниченность возможностей ликвидировать экономические основы существования классов и всякой эксплуатации человека человеком. Да, у нас давно нет классов, эксплуатирующих чужой труд в порядке основного своего занятия. Но неоплаченное присвоение чужого труда сохраняется в виде, так сказать, совместительства. Разве не ясно, что при всех позитивных сдвигах в отношениях между городом и деревней выкачивание доходов крестьянства скрытыми методами сохраняется до сих пор? Об этом говорил на XIX партконференции Д. К. Моторный (см.: «Правда», 30.VI.1988; «Огонек», 1988, № 33, с. 1—2). Не скрытой ли формой эксплуатации чужого труда является уравниловка оплаты в рамках отдельных трудовых коллективов и уравнительное перераспределение доходов между различными предприятиями отрасли, между колхозами данного района, области? Разве не процветают в условиях постоянного дефицита такие преступные формы присвоения результатов чужого труда, как спекуляция, взяточничество, целые мафиозные структуры и такие легальные его формы, как особые блага и закрытые распределители для номенклатурной элиты? Можно ли, с учетом всего этого, всерьез говорить о торжестве принципа распределения по труду?

А коли еще нет достаточных материальных предпосылок для посткапита-

листических производственных отношений и не устранены экономические, моральные и прочие помехи на пути к основополагающему принципу социализма, то вправе ли мы считать, что порог первой фазы коммунизма остался позади? Многочисленные черты социализма (в том числе созданная у нас система социальной защищенности) мирно уживаются с остатками досоциалистических, а порой и докапиталистических отношений (вспомним хотя бы четверть века рашидовщины в Узбекистане). А такая «смесь» — явный признак того, что переходный период не завершился. В. И. Ленин подчеркивал, что переходное общество характеризуется присутствием элементов и капитализма и социализма (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 295—296). Так не честнее ли признать, что мы пока еще не вышли за рамки этого периода? Или инерция самообмана, берущего начало в сталинской демагогии, столь велика, что мы готовы ради нее, а также ложно понимаемого международного престижа и дальше жертвовать научным социализмом?

Я. А. Певзнер, доктор экономических наук (ИМЭМО): Я считаю, что поднятые в дискуссии вопросы очень важны не только для Китая, но и для всего марксистского обществоведения. Хорошо известно, что для начальных этапов социализма в СССР и в Китае была характерна фиксация сроков преодоления экономического отставания. В нашей стране в первой пятилетке выдвигался девиз «догнать и перегнать передовые капиталистические страны за 2—3 пятилетки»; недоброй памяти «большой скачок» ставил перед Китаем аналогичную задачу. В обоих случаях такого рода задачи оказались невыполнимы.

Но еще более важно то, что фиксация сроков преодоления экономической отсталости неразвитых стран связывалась с социальными переменами вполне определенного характера — прежде всего с утверждением централизованного планового хозяйства, ликвидацией всех видов собственности на средства производства, кроме собственности общественной или государственной. Даже тогда, когда на словах речь шла о кооперативной собственности (колхозы или народные коммуны), на деле такого рода предприятия выступали как государственные. Такие подходы всегда сопровождались фиксацией определенных, весьма сжатых сроков или этапов — это и декларация в 1936 г. о завершении в нашей стране построения социализма, а в 1961 г. о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Это и все тот же «большой скачок», под которым подразумевался не только экономический прогресс, но и построение социализма.

И если поставленная цель оказалась не выполнена, то главная неудача, как я полагаю, крылась в ее втором разрезе, социальном. Дело ведь заключалось не просто в признании единственно соответствующей принципам социализма общественной собственности, а в признании того, что общественная собственность — и только она! — обеспечивает, помимо прочего, возможность высокоцентрализованного, вне рыночного планирования. Когда же выяснилось, что такого рода планирование не только не принесло ожидаемых результатов, но, напротив, нанесло огромный вред, то это объяснялось только тем, что в силу известных чрезвычайных обстоятельств проявлялась излишняя поспешность. Отступать же от такого подхода приходится якобы только для того, чтобы в более или менее отдаленном будущем, с теми или иными вариантами встать на все тот же путь — единого, безрыночного, строго централизованного хозяйства. Такие течения сильны и в Китае, и у нас. Другими словами, скрыто или открыто речь снова идет лишь о «новом нэпе», о «временном отступлении». Открыто или скрыто, но девиз «больше социализма» зачастую понимается так: мы несколько зарвались, теперь слегка отступим, а уже потом снова перейдем к новой, более высокой централизации; нужно сохранять каркас того, что было создано раньше, добавить или переменить только некоторые детали.

которые потом можно будет убрать и вернуться к столь полюбившейся работникам аппарата привычной системе.

Если подходить с этой точки зрения к китайскому девизу о столетнем периоде подхода к социализму, то на первый взгляд такой подход не отличается научностью. Почему, в самом деле, 100, а не 50 или 150 лет? Кто это может заранее подсчитать! На самом же деле как раз в этой неопределенности срока заключен глубокий смысл. Это значит, что центр тяжести переносится не на жесткие промежуточные цели и заранее заданные средства, а на маневрирование с учетом различных вариантов, с учетом не только конечных целей, но и различных путей их достижения.

Для того чтобы дать верную оценку такому подходу, нужно непременно иметь в виду положения марксистской политической экономии, родившиеся в последние десятилетия, со времени дискуссии 1964—1965 гг., то есть с тех пор, как сформировалась марксистская теория оптимального функционирования экономики. Ее главная функциональная часть заключается в положении о том, что ни сейчас, ни в будущем никакие ЭВМ, никакие искусственные средства учета и контроля не могут заменить рынок как арену непрерывных сравнений затрат и результатов. Если нет рынка, если нет конкуренции — нет и правильного учета результатов труда, нет и социализма. Но в тесном переплетении с функциональной здесь есть и социальная сторона. Она заключается в том, что люди делятся не только по «горизонтали» — не только по классам и социальным группам, но и по «вертикали» — в смысле продуктивности работы тех или иных частей каждой из групп (в конечном счете продуктивности работы каждого человека).

Из этого следует, что рынок — это не просто место торжища, а инструмент сравнения продуктивности работы каждого элемента воспроизводственного процесса.

Именно по этой причине ликвидация частной собственности на средства производства выступает как необходимое, но отнюдь не единственное условие уничтожения эксплуатации. Или иначе — может не быть крупной частной собственности, а эксплуатация может сохраняться и даже усиливаться. Это, сравнительно новое для марксизма, положение ни в коем случае не отменяет тезиса о том, что крупная частная собственность на средства производства — главное средство эксплуатации.

Нельзя при этом ни на минуту забывать о том, что распределение национального дохода — это отнюдь не только «получка», но еще и гигантские части ВВП, распределяемые государством как по труду, так и независимо от трудового вклада каждого. Если человек идет по тротуару, это не значит, что на постройку данного тротуара была потрачена какая-то часть созданной им стоимости.

С этой точки зрения и следует подходить ко всем видам перераспределения, с пониманием того, что оптимальная экономическая структура формируется не только в ходе производства, но и в процессе распределения. Социалистическое развитие — это такое развитие, при котором приближение к принципу распределения по труду достигается при безусловном отказе от принципа крупной частной собственности на средства производства, но с ясным пониманием того, что необходимы постоянные усилия социалистического государства и общества, направленные на то, чтобы пресекать и другие, независимые от частной собственности отклонения, такие, как антидемократические методы управления, «дефициты», спекуляция и т. д.

Коммунистическая партия постоянно, независимо ни от каких этапов должна отвечать за то, чтобы централизация обеспечивала необходимую как воздух рыночность, конкурентность и в то же время не давала этим явлениям возможности породить те или иные формы эксплуатации. Такая задача еще

ником не решена, но она поставлена историей и должна быть выполнена. С этой точки зрения жесткая «этапизация» будущего вряд ли принесет пользу. И с этой же точки зрения типичный для современного Китая здоровый прагматизм, основанный на прочной базе марксистской теории, прагматизм, учитывающий реальное положение дел, сочетание разных факторов в каждый данный момент (в том числе и взаимодействие разных видов собственности, торговли и т. д.), прагматизм, направленный на ускорение социалистического прогресса, куда важнее и полезнее, чем построение конструкций из «стадий» и «периодов», чем новые, трудно объяснимые с научной точки зрения сроки «начал» и «концов».

Самое важное заключается в том, чтобы использовать любые средства, выравнивающие доходы по результатам (а не по часам) труда и тем самым побуждающие всех работать с максимальной отдачей. Это и есть социализм. Сама история подсказала, что здесь наилучший вариант — это хозяйство, в котором государственное регулирование не противопоставляется рынку, а сочетается с рынком самоуправляющихся предприятий — государственных, кооперативных, частных. Сама социалистическая демократия определит, какое сочетание первых, вторых и третьих является оптимальным. И более того, возможны такие случаи применения наемного труда кооперативами или частными лицами, когда не следует «падать в обморок» и вопить о «реставрации капитализма». Если кооперативу или частному лицу (например, крестьянину во время уборки урожая) требуется временная помощь и если при этом наем будет проводиться на определенных, установленных государством условиях (может быть, даже через специальное кооперативное или государственное учреждение по устройству на такого рода работы) — никакой эксплуатации в данном случае может и не быть. Для того чтобы охарактеризовать социальное содержание такой практики, главную роль должно играть само это содержание, определенное в ряду многообразных факторов, а не юридический акт найма. Если такой наем способствует снижению безработицы или ликвидации дефицита (который порождает эксплуатацию худшую, чем работа у частного владельца), то сторонники действительного, а не показного социализма могут это только приветствовать. И пусть на пути такого прагматизма будут возникать новые трудности, новые ошибки и неудачи, их будет все же меньше, чем в случае следования устаревшим догмам и стереотипам.

Неизбежная многоукладность экономики (без фиксирования сроков ее продолжительности) сочетается с таким руководством коммунистической партии, которое не только предотвращает возможность отхода от социализма, но, напротив, направляется на совершенствование социалистических принципов экономики и на ускорение ее роста, — таков, по-моему, главный вывод из китайского опыта последнего десятилетия.

«Производительность труда — это в последнем счете самое главное для победы нового общественного строя»; мы часто повторяем эти слова В. И. Ленина, но больше думаем о следовании таким догмам, которые мешают росту производительности на социалистических началах. Именно с этих позиций нынешний китайский опыт заслуживает самого пристального внимания и благожелательного отношения.

В. А. Кикоть, кандидат юридических наук (ИЭ): Посмотрим на проблему несколько шире. В Польше, например, и в других европейских странах социализма специалисты все больше склоняются к той точке зрения, что ни одна социалистическая страна не вышла из переходного периода к социализму. Каковы критерии социалистичности?

Требует уточнения и понятие «капитализм». Расхожее мнение: только бы не так, как «там», у них. С научной точки зрения современный капитализм

не тот, каким он был в 20-е гг. — не настолько государственный и монополистический. Экономическая целесообразность диктует и антимонополизм.

Мы до сих пор государственную собственность автоматически относим к социалистической, не отдавая отчета в том, что обобществленное производство, вся социально-экономическая жизнь не могут быть социалистическими без самой широкой и полной демократии. Общество не может, как отдельный человек, выступать в качестве собственника. Для этого требуется действующая демократическая структура. Представление, будто предельно централизованная собственность — идеал социализма, ложно. То же самое следует сказать о государственно-ведомственном монополизме.

Говорят даже о «социалистическом бюрократизме», хотя такие отвратительные явления не могут быть социалистическими.

В нашем социализме много элементов феодального, религиозного, юридического социализма, раннего капитализма (например, торговля плохими продуктами по принудительным ценам, привязывание работников к месту работы предоставлением жилья и т. п.) Мы привыкли, будто главное — чья собственность: государства, колхоза, кооператива или частного лица. Пора посмотреть не только на субъекты, но и на объекты форм собственности — использование земель, лесов и др. Каждый объект имеет свою общественную функцию, свой способ существования. А у нас господствует односторонний субъектный подход к собственности: колхоз — хорошо, государство — прекрасно! А как используется эта колхозная, государственная собственность — неважно.

Производительные силы — это не только средства производства, но и человек, его уровень подготовки и т. д. Словом, перестройка нужна и в нашей теории.

В. А. Сташевский, кандидат экономических наук (ИЭМСС): Остановился на обсуждении проблем социализма в Китае до XIII съезда КПК, когда говорили о феодальном социализме и ставился вопрос, есть ли вообще социализм в Китае. Затем было решено внести коррективы в теорию. Не превалируют ли в данном случае элементы прагматизма? Необходимо более глубокое изучение. Явления, которые происходили в Китае, видимо, следует рассматривать в рамках утопии, социалистической утопии.

И. Н. Наумов, кандидат экономических наук (ИДВ): Меня лично не убеждают ни доводы китайских экономистов, обосновывающих теорию начальной стадии, ни наших советских сторонников этой концепции. По их утверждению, начальная стадия социализма в КНР следует за переходным периодом, который завершился в 1956 г. обобществлением всех средств производства в городе и деревне, ликвидацией в конечном счете многоукладности. Эти товарищи, по-моему, ошибаются. Сейчас в Китае признается, что всеобщее обобществление средств производства в 50-е гг. и ликвидация многоукладности не отвечали конкретным историческим условиям и были преждевременными. Поэтому одним из главных стратегических направлений нынешней реформы является возвращение к многоукладности. Практически в этом отношении уже многое сделано. В деревне заметны, например, обширные мелко-товарный и патриархальный уклады, формируются и другие несоциалистические уклады. Признание необходимости возвращения к многоукладности и реализация этой политики означают не что иное, как признание незавершенности переходного периода к социализму в КНР.

Конечно, речь не идет о возвращении к многоукладности начала 50-х гг. Это невозможно. С тех пор в Китае значительно выросла современная промышленность, укрепилась государственная собственность, банковская система. Именно эти стороны в экономике КНР при наличии сильной народно-демократической диктатуры определяют социалистическую направленность

развития китайского общества. Однако этого недостаточно, чтобы считать его социалистическим по существу.

Известно, что этап социально-экономического развития того или иного общества оценивается не по одному, а по совокупности объективных критериев, таких, как уровень развития производительных сил, производительности труда, производства материальных благ на душу населения, по характеру производственных отношений, уровню жизни и развития личности.

Нынешний технический базис производства в КНР носит сам по себе многоукладный характер. Наряду с современными производительными силами в нем большое место (особенно в сельском хозяйстве, в мелкой промышленности, в строительстве, на местном транспорте) принадлежит ручной, порой средневековой технике производства. Этим же определяется характер труда, уровень его производительности и организации, технология производства. Лишь незначительная доля (15—20 млн. из более чем 500 млн. человек) самостоятельного населения связана с использованием машинной техники. Для подавляющего большинства китайцев жизненным уделом остается низкопроизводительный физический труд, сфера которого с быстрым ростом населения продолжает расширяться. О низком уровне производства и производительности труда говорит тот факт, что по душевому производству национального дохода (227 ам. долл.) Китай находится в замыкающей группе стран мира.

Преобразования в отношениях собственности в КНР в 50-е гг. привели к глубоким изменениям в экономическом базисе и системе экономических законов, придали им социалистическую направленность в развитии. Однако уровень материального производства остается недостаточным, чтобы на нем сформировался реальный социалистический базис, управляемый сложившейся социалистической системой экономических законов. Это можно проиллюстрировать на отношениях, складывающихся в сфере производства, распределения, обмена, потребления, а также на действии основного экономического закона — закона распределения по труду и т. д.

Китайское общество переживает очень сложную и интересную эпоху — эпоху перехода от преимущественно феодального способа производства к социализму в условиях новой НТР. Поэтому нельзя закрывать глаза на то, что в экономике КНР еще очень сильно дает о себе знать действие законов старого общества, скажем, наличие колоссального избыточного населения.

Несколько слов о генезисе самой концепции начальной стадии социализма. Она — младшая сестра появившейся в СССР в конце 70-х гг. концепции этапа «зрелого» («развитого») социализма, которая различным образом трансформировалась в социалистическом мире. В ПНР, например, получила хождение концепция строительства развитого социалистического общества. В Китае эта идея трансформировалась в концепцию «неразвитого», «незрелого» социализма, а в конечном варианте — в концепцию начальной стадии социализма. Как известно, в СССР при более углубленном анализе социально-экономических процессов пришлось признать преждевременность оценки современного состояния социально-экономического строя как развитого. Польские обществоведы также изменили точку зрения на свое общество и стали рассматривать его как переходное. Многие же китайские обществоведы продолжают придерживаться прежней позиции. Мне представляется, что такая приверженность этой идее в КНР объясняется прежде всего политическими и идеологическими соображениями, а отнюдь не является

результатом объективного научного анализа реально существующих социально-экономических отношений.

В. Я. Портяков, кандидат исторических наук (ИЭМСС): Выдвижение обсуждаемой концепции лежит в русле общего поиска в странах социализма путей преодоления переживаемых ими трудностей. Важно, что такой поиск в КНР идет в рамках социализма, с ориентацией на социалистические ценности.

При выработке данной концепции тщательно изучался весь опыт мирового социализма, особенно Советского Союза. Красной нитью через эту концепцию проходит идея борьбы с «погоней за скоростными успехами», понимание того, что строительство социалистического общества требует больше времени, усилий, условий, чем считалось ранее.

На наш взгляд, эта концепция знаменует несколько весьма серьезных сдвигов в общем подходе китайских ученых к проблемам социализма. Конкретно речь идет о переносе центра тяжести, сдвиге акцентов, во-первых, со строительства коммунизма на строительство социализма; во-вторых, с упором на китайскую специфику в строительстве социализма, на его общие закономерности — по крайней мере для стран с неразвитой экономикой, а они составляют большинство государств, вступивших на путь социализма. Это обстоятельство ныне активно подчеркивается в китайских публикациях.

Л. И. Кондрашова, доктор экономических наук (ИЭМСС): Хочу начать с вопроса: рождается ли сейчас в Китае новая концепция социализма? На мой взгляд, такая постановка вопроса требует пояснений: новая по сравнению с чем? Какой эталон «старого» берется для сопоставления? Или это «новая» концепция по сравнению с той, что была выдвинута классиками марксизма-ленинизма, или по сравнению с ленинской концепцией строительства социализма, которая лежала в основе новой экономической политики, или по сравнению с псевдоконцепцией социализма, навязывавшейся стране левацкими элементами в период «большого скачка» и «культурной революции»? Переосмысление прежних идеологических установок и обновление концепции социализма характерно сейчас для всех социалистических стран, поэтому за словом «новое», отнесенным к отдельной стране, может скрываться и сходство теоретических поисков и их принципиальные отличия.

Отказываясь от левацких теорий «скачка в коммунизм», пересматривая и содержание социалистической общественной собственности, и принципа оплаты по труду, китайские теоретики акцентируют внимание не на смене концепции социализма, а на «переосмыслении социализма» как закономерном процессе развития марксизма-ленинизма. В философских и политэкономических трудах китайских ученых подчеркивается, что в течение ряда лет научная теория социализма искажалась и теперь речь должна идти о воссоздании этой научной теории и ее обогащении в соответствии с новыми международными условиями и новым уровнем познания мира. Поэтому, на наш взгляд, лучше говорить не о появлении в Китае новой концепции социализма, а об углублении научного понимания социализма. Вопрос следовало бы, вероятно, поставить так: что нового вносится сейчас в Китае в общую концепцию социализма, в теорию о путях перехода к нему в различных странах, в том числе в самом Китае?

Далее. Можно ли говорить о теории начальной стадии социализма как о концепции социализма? Я считаю, что понятие концепции социализма соотносимо с выдвинутой в Китае теорией социализма с китайской спецификой, а понятие начальной стадии социализма относится к области периодизации ком-

мунистической формации, в том числе — создания социализма с китайской спецификой.

Теория социализма с китайской спецификой зиждется на тесном сочетании общего и частного, сущностных черт социализма и его специфических черт, обусловленных обстоятельствами места и времени. Основное «добавление», которое делается в Китае в общую концепцию социализма, — это утверждение необходимости существования и развития при социализме товарно-денежных отношений. Следует заметить, что понимание товарно-денежных отношений как имманентной черты социализма характерно сейчас для теоретических поисков почти во всех социалистических странах. Известный китайский политэконом Юй Гуанъюань в своей последней работе — «Экономика начальной стадии социализма в Китае» (Пекин, 1988) — выдвигает следующую формулу социализма: «социализм — общественная собственность на средства производства + оплата по труду + социалистические товарные отношения».

Подход к социализму как к сочетанию общего и частного и как к товарному хозяйству нового типа привел к признанию множественности моделей социализма, различающихся уровнем развития производительных сил, соотношением централизации и децентрализации, планового и рыночного регулирования и т. п. как в «вертикальном», временном срезе, так и в «горизонтальном» (между разными странами в одних и тех же исторических условиях).

Не вдаваясь в дискуссию о моделях социализма, которая может быть предметом специального рассмотрения, хочу сослаться на работу Лю Цзижуня «Экономические модели социализма и рынок» («Цзинцзи дилунь юй цзинцзи гуаньли», 1986, № 3, с. 41), в которой перечисляются следующие модели социализма: модель «А» — полное отрицание роли рынка (исторический прототип — политика «военного коммунизма» в Советском Союзе); модель «В» — неполный рынок (советская экономика до начала проведения реформы); модель «С» — имитируемый рынок (близко к венгерской экономике); модель «Д» — рыночное хозяйство под макроэкономическим контролем; модель «Е» — рыночное хозяйство без макроэкономического контроля. Придерживаясь этой схемы, автор относит дореформенную хозяйственную систему в Китае к модели «В» (хотя другие ученые видят в ней значительную «примесь» модели «А»). Общее направление хозяйственной реформы — в направлении создания модели социализма «Д». Это предполагает широкую демократизацию как экономических, так и политических отношений.

Обоснование множественности моделей социализма — это признание альтернативных вариантов социалистического развития и права каждой нации на социальный эксперимент в рамках общей социалистической формации. Отмечается, что эти модели имеют между собой и общее, и отличное. Отличия — в своеобразии путей строительства социализма, общее — в том, что это путь социализма.

Несколько слов по вопросу теории начальной стадии социализма и периодизации процесса социалистического строительства. Выдвижение идеи начальной стадии социализма как длительного и самостоятельного периода строительства социализма разрушает представление о двух фазах построения коммунистического общества. Сама схема этапов постепенно становилась более дробной: сначала трехчленная схема (переходный период, социализм и коммунизм) оказалась вытесненной четырехчленной схемой (переходный период, неразвитой социализм, развитой социализм, коммунизм), а потом появились и другие дополнения по степени развитости — среднеразвитой социализм и высокоразвитой социализм, что привело к пятичленной схеме (переходный

период, неразвитой, среднеразвитой, развитой социализм и коммунизм) и даже шестичленной (с добавлением стадии высокоразвитого социализма) (см.: «Цзиньци жибао», 18.VIII.1987). В упомянутой выше работе Юй Гуаньюань доказывает, что и коммунизм нельзя рассматривать как «высший этап» коммунистической формации, а только как «один из высших этапов».

Взятый на вооружение китайской теоретической мыслью термин «начальная стадия социализма» постепенно вытеснил употреблявшиеся ранее термины «неразвитой социализм» и «неполный социализм». Главная задача начальной стадии социализма состоит в доведении социалистических производственных отношений до «кондиции», мощном развитии производительных сил, создании нового хозяйственного механизма. Таким образом, хотя начальная стадия социализма и выводится за рамки переходного периода, она сохраняет черты переходности. Делаются попытки более дробной периодизации начальной стадии социализма — стартовый период, этап дуализма двух хозяйственных систем, этап утверждения новой хозяйственной системы.

Е. Ф. Авдокушин, доктор экономических наук (МКИ): В последние годы китайские теоретики занимаются активным обоснованием концепции начальной стадии социализма, в соответствии с которой Китай находится на самом начальном этапе развития социализма. Впервые это положение официально было выдвинуто на 6-м пленуме ЦК КПК в 1981 г., а затем обнародовано в Политическом докладе на XII съезде КПК (1982), в Постановлении ЦК КПК о строительстве социалистической духовной культуры (1986) и, наконец, на XIII съезде КПК получило обоснование в докладе Чжао Цзыяна.

В соответствии с китайскими трактовками эта концепция означает прежде всего, что, во-первых, в Китае существует социалистический строй и его твердо следует придерживаться; во-вторых, социалистическое общество в Китае находится на начальной стадии развития, и эту реальность нужно четко сознавать, не отмахиваться от нее, не перескакивать через этапы.

Поскольку переход к социализму в Китае осуществляется от полуфеодального, полукOLONиального общества, производительные силы еще весьма неразвиты. Отсталость производительных сил обуславливает низкую степень обобществления производства, крайнюю неразвитость товарного хозяйства и внутреннего рынка, довольно большой удельный вес натурального и полунатурального хозяйства, незрелость и несовершенство социалистической экономической системы. Имеется целый ряд проблем в социально-политической и культурной областях. Такая ситуация, единодушно подчеркивают китайские теоретики, предопределила необходимость прохождения через весьма длительную начальную стадию развития. На начальной стадии социализма предстоит осуществить индустриализацию страны, фактическое обобществление, коммерциализацию (товаризацию) и модернизацию производства, то есть проделать то, что многие другие страны проделали в условиях капитализма.

В соответствии с концепцией начальной стадии Китай вступил в этап социализма в середине 50-х гг., когда были проведены революционные преобразования собственности на средства производства. Этот этап будет продолжаться до тех пор, пока Китай не достигнет экономического уровня среднеразвитых стран. По мнению многих экономистов, Китай сможет достичь такого уровня экономического развития в середине следующего столетия.

Характерно, что китайские теоретики не придают концепции начальной стадии социализма черт универсальности, всеобщей закономерности. Это лишь «тот особый период у нас, в Китае, через который мы должны неизбежно пройти, строя социализм в условиях отсталых производитель-

ных сил и неразвитости товарного хозяйства» (XIII съезд КПК и реформа в Китае. Пекин, 1987, с. 22).

Изучая основные особенности начальной стадии социализма, китайские экономисты выделяют ее следующие признаки: 1) сравнительно неразвитые производительные силы; для их развития следует использовать все подходящие средства, включая капиталистическое хозяйствование; 2) наличие многообразных форм социалистической собственности, многих экономических укладов; 3) принцип распределения по труду дополняется другими формами распределения и получения доходов (продукт, дивиденд, доход от найма рабочей силы и др.); 4) наличие явлений неравенства в политической, экономической сферах общественной жизни и некоторые другие признаки (см.: «Гуанмин жибао», 8.X.1987; «Чжунго циннянь бао», 27.III.1987). Следует отметить, что экономические признаки концепции начальной стадии социализма у многих китайских экономистов фактически отождествляются с экономическими характеристиками концепции социализма с китайской спецификой, что свидетельствует об однокорневой основе этих концепций, однако отнюдь не об их идентичности.

Концепция социализма с китайской спецификой включает в себя главным образом формулирование и обоснование путей, особенностей реализации национальной модели социализма. Концепция же начальной стадии социализма раскрывает историческое место нынешнего китайского общества, очерчивает временные рамки развития социализма с китайской спецификой на сравнительно отдаленную перспективу.

Строительство социализма в такой стране, как Китай, во многом является новой проблемой в истории развития марксизма. Концепция начальной стадии социализма, выдвинутая китайскими теоретиками, представляется весьма плодотворной, хотя и требующей углубленной научной проработки. Переходный период от полуфеодального, полуколониального общества* к социализму длителен и весьма сложен. В этой связи, видимо, нельзя однозначно заявить, что переходный период к социализму в Китае завершился в конце 50-х гг. Это было бы явной натяжкой. Окончание переходного периода нельзя свести к достижению одной-двух целей, пусть даже и весьма важных. Ряд задач, относящихся к переходному периоду, ни в 50-е, ни в 60—70-е гг. не был решен в Китае. В стране не были созданы материальные и культурные предпосылки (в ленинском понимании) для вступления в социализм. Ныне Китай вынужден вернуться к решению этих задач.

Китай вышел из переходного периода (в его узкой, ограниченной трактовке) как периода ликвидации частной собственности, замены ее общественной (в основном государственной), устранения эксплуатации, осуществления элементарной социальной справедливости и др. Но он не перешагнул границ переходного периода в широком смысле, в действительно научном его понимании**, означающем создание высокоразвитых производительных сил, достижение высокой производительности труда, воспитание цивилизованного работника, создание условий жизни, соответствующих научно-техническому прогрессу конца XX в.

* Автор прибегает к этой формулировке, поскольку она широко используется в советской синологической и китайской научной литературе, однако считает, что она нуждается в уточнении и специальном обосновании.

** Теория переходного периода от капитализма к социализму, на мой взгляд, слабо разработана. Имеющиеся представления схематизированы и догматизированы. Что касается теории перехода к социализму стран со слаборазвитой экономикой, то, даже принимая во внимание имеющиеся разработки теории некапиталистического пути развития, следует признать, что здесь также предстоит огромная работа.

Можно сказать, что Китай прошел предпереходный период и вступил в собственно переходный период к социализму, когда уже созданы основы для такого перехода и начинается движение по широкому фронту к реальному социализму, а не к социализму-схеме, плоскому, одномерному по своей сущности. Создав основы социализма, в Китае правомерно провозгласили социализм как суть, основу и направление развития китайского общества. Но для наполнения этого социализма качественным содержанием еще требуется пройти довольно длительную начальную стадию социализма.

Разработка китайскими теоретиками концепции начальной стадии социализма, несомненно, явится важным импульсом для более тщательного изучения стадийности социализма советскими учеными.

Г. А. Ганшин, кандидат экономических наук (ИДВ): Концепция начальной стадии социализма в том виде, как она изложена в китайских официальных документах, в работах китайских ученых, а также то толкование, которое дается в ходе нашей дискуссии, представляются вполне приемлемой теоретической основой для плодотворного изучения процессов, происходящих в экономике современного Китая. В то же время суждения о жизнеспособности этой концепции следует непременно соотносить с практическими результатами социально-экономического развития КНР.

Неоспоримы серьезные положительные сдвиги, которые принесли и эта концепция, и экономическая реформа народному хозяйству, трудящимся Китая уже в первые годы их реализации. Но, как известно, в самом Китае и со стороны зарубежных специалистов в последние год-два даются более сдержанные оценки ходу осуществления реформы и ее результатам. И дело не только в отчетливо проявившихся в последние годы таких негативных явлениях, как рост цен, инфляция. Можно назвать немало и других серьезных проблем, уже имеющих место, и тех, которые, по всей вероятности, будут возникать в дальнейшем. Они касаются и аграрной политики, и осуществления на современной научно-технической базе модернизации всех отраслей народного хозяйства, и развития мирохозяйственных связей КНР. Поиски решения такого рода сложных проблем, надо думать, подведут руководство страны к необходимости вносить коррективы, и, возможно, весьма существенные, как в экономическую политику, так и в конкретное содержание концепции начальной стадии социализма.

Все это требует от советских ученых-китаеведов строго объективного, всестороннего подхода к исследованию процессов социально-экономического развития Китая. Более взвешенным, на наш взгляд, должно быть и освещение этих вопросов в научных публикациях, в советских средствах массовой информации.

В. Н. Ремыга, кандидат экономических наук (ИДВ): Чем вызвано возникновение теории начальной стадии социализма? Одна из важнейших причин — отсутствие общей теоретической концепции экономической реформы. Длительное время последняя осуществлялась по методу «переходить реку, нащупывая камни на дне», то есть фактически беспланово. Двигаться вперед подобным образом стало невозможно. Концепция начальной стадии призвана дать теоретические ориентиры дальнейшему осуществлению реформы.

Как известно, главная общая цель экономических реформ — подъем производительных сил, которые в целом значительно ниже, чем в развитых капиталистических странах. Производительные силы в КНР носят к тому же многоуровневый характер: наряду с небольшим числом современных промышленных предприятий существует огромное множество предприятий, отстающих от современного уровня на десятки лет, и наряду с небольшим

числом экономически развитых районов существует большое количество неразвитых и бедных районов. Неграмотные и полуграмотные все еще составляют почти четверть населения. В этих условиях практически единственной возможностью обеспечить рост производительных сил стало достижение адекватного им также многоуровневого обобществления, что на практике выражается в формировании дифференцированных форм собственности, возврате к многоукладности. Возникающие в связи с этим внутриукладные и междуукладные противоречия призван разрешить новый хозяйственный механизм.

Взгляды китайских экономистов на новый хозяйственный механизм в связи с теорией начальной стадии социализма схематически могут быть представлены так: между хозяйственным механизмом высшей стадии капитализма и начальной стадией социализма нет принципиального отличия. Поэтому самое широкое развитие могут получать такие формы и методы хозяйствования, как подряд, аренда, акционерные формы предпринимательства, нетрудовые доходы и наемный труд в определенных масштабах, развитие системы рынков и в целом рыночные отношения и т. п. По существу, формула нового хозяйственного механизма «государственное регулирование рынка и рыночное ориентирование предприятий» мало чем отличается от государственного регулирования капиталистической экономики кейнсианского и некейнсианского толка.

Теория начальной стадии дает широкий простор для развития самых разнообразных форм и методов хозяйствования, использования широкого спектра экономических теорий, в особенности теорий государственного регулирования экономики и экспериментальной их проверки на практике.

П. А. Малышев, доктор экономических наук (МИНХ): Опыт социалистических стран — убедительное свидетельство научной глубины и объективной истинности ленинского предвидения о многообразии путей развития социализма. Конкретное, будучи единством многообразного, непременно порождает специфику методов, форм и темпов перестройки политической и экономической систем социалистических государств. Поэтому строительство социализма с китайской спецификой находится в русле научного социализма — нашего общего наследства, созданного классиками марксизма-ленинизма. Конкретное многообразие — это живое бытие, реализация фундаментальных закономерностей развития социализма. Тем более что общее направление социально-экономической политики КПСС и КПК совпадают. Несмотря на все различия в уровне развития и характере задач, решаемых в СССР и КНР, налицо целенаправленность на всемерную активизацию хозяйствующего субъекта, преодоление бюрократических деформаций централизма, развертывание демократии.

Поэтому учет национальной специфики ни в коей мере не колеблет фундаментальных закономерностей научного социализма, совокупность которых и формирует современную модель социализма. Именно на этой основе следовало бы всем нам раскрыть конкретное содержание концепции начальной стадии социализма в КНР.

XIII съезд КПК наиболее ярко продемонстрировал творческое применение в конкретной социально-экономической обстановке КНР с учетом современных тенденций развития ленинских идей новой экономической политики. Это — мощный импульс дальнейшего подъема всех элементов производительных сил Китая.

Начиная с 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва за десять лет произошло удвоение основных показателей развития народного хозяйства КНР, уровня жизни народа. Каковы причины такого успеха? На мой взгляд, они состоят в том, что КПК фактически действовала в соответствии с В. И. Лениным,

который перевел свою идею нэпа в сферу фундаментальных законов нашей эпохи. Одним из таких законов является закон тождества (единства) труда и собственности. В старом Китае с незапамятных времен земля была объектом купли-продажи, хотя над крестьянином висел дамоклов меч феодальной земельной ренты. Раздел земли и передача ее в собственность крестьян покончили с ее гнетом. Этот ленинский метод решения аграрного вопроса ликвидировал закон отчуждения труда и собственности и дал простор действию закона тождества (единства) труда и собственности. «Землю тем, кто ее обрабатывает» — вот понятная каждому китайскому крестьянину формула этого закона. Однако сидеть поврозь свободными тружениками на свободной, своей земле долго нельзя, потому что обособленный труд не может создать ни богатства, ни культуры, хотя материальный достаток обеспечить может. Реальным достижением явилось то, что партия на деле обеспечила в форме подворного подряда в рамках кооперативной собственности на землю фактическое использование в хозяйственной практике закона тождества (единства) труда и собственности. Главная производительная сила в КНР, особенно в деревне, стала на деле воплощением единства производителя, владельца земли, собственника продукции, хозяйствующего субъекта и потребителя. Такая социально-экономическая характеристика главной производительной силы китайского общества — коренная черта начальной стадии социализма в КНР. Китайские товарищи, опираясь на научный социализм, раньше других поняли, что хозяйствование есть новое бытие собственности. Вне хозяйствования собственность хиреет и гибнет, а сам хозяйствующий субъект превращается в поденщика. Угасает и его экономический интерес к эффективному использованию своего труда, своей земли как объекта хозяйствования. Что может дать неухоженная земля? — Одни сорняки. Что ждать от недокормленного скота? Какая производительность, урожайность от труда поденщика?

Прочная опора на многовековой опыт крестьянского хозяйствования, на его вековую мечту быть свободным хозяином на свободной земле, обильно политой его потом и кровью, — вот несомненный признак начальной стадии социализма в КНР.

В связи с развертыванием хозрасчетной системы в КНР весьма остро стоит вопрос об объективных основах хозрасчетной цены. «Реформа цен, — заявил Чжао Цзыян, — уже стоит на повестке дня в качестве важного мероприятия... Это не просто наметки правительства, это — необходимость создания механизма ценообразования. Реформа цен должна проводиться одновременно с обузданием инфляции» («Правда», 23.IX.1988). Отсюда ясно, что новая хозрасчетная цена должна быть противозатратной. Это — ее главная характеристика. Не только промышленности, но и сельскому хозяйству КНР необходимо развиваться по законам социалистического расширенного воспроизводства. А это означает, что и хозрасчетные цены должны быть экономическим рычагом расширенного воспроизводства.

Прежде всего хозрасчетная цена призвана наиболее полно отобразить реальный процесс функционирования, применения всех элементов производительных сил. Это означает, что в хозрасчетной цене должны найти свое отражение трудоемкость (зарплатоемкость), фондоемкость, материалоемкость и полезность данной потребительной стоимости. Каждому труженику города и деревни каждодневно приходится решать двойственную задачу: как, опираясь на достижение научно-технического прогресса, снизить трудоемкость, фондоемкость и материалоемкость каждой единицы продукции и повысить ее полезность (качество). В этом — действительная внутренняя противоречивость, диалектичность хозрасчетной цены. Она должна опираться не

только на текущие издержки производства и обмена (простое воспроизводство). Современная хозрасчетная цена призвана служить в руках каждого трудового коллектива, каждого хозяина действенным рычагом расширенного воспроизводства, то есть социалистического накопления. А ведь последнее — основа всякого физического и умственного прогресса.

Вот почему из арсенала научного социализма чрезвычайно важно взять на вооружение марксистско-ленинскую теорию исторического взаимодействия процесса социалистического производства с товарными формами обмена. Хорошо известна диалектика законов обмена. Представляется, что китайские товарищи хорошо понимают силу обратной связи законов обмена и их действия на процесс социалистического производства. Сила законов товарного обмена такова, что она обеспечивает расширенное воспроизводство законов, управляющих процессом социалистического производства. Здесь необходимо равновесие взаимодействия законов производства и законов обмена не только в масштабах всего громадного народнохозяйственного комплекса КНР и ее миллиардного населения, но и в каждом отдельном случае. Это особенно необходимо, когда речь идет об использовании в хозяйственной практике закона распределения по труду. Ведь еще в «Критике Готской программы» К. Маркс достаточно конкретно обосновал не только систему фондов социалистического расширенного воспроизводства, но и закон распределения по труду. Поскольку способности и потребности каждого человека индивидуальны, то главным элементом распределения по качеству и количеству труда является соответствие индивидуального трудового пая индивидуально трудовому вкладу в рамках коллективной организации труда, состоятельности способностей. Это — трудовой эквивалент в каждом отдельном случае, по отношению к каждому работнику, в отличие от рыночного эквивалента (в среднем). Закон стоимости требует эквивалентного обмена. Развивающиеся социалистические государства, развертывая эквивалентный обмен, являются хорошим примером сотрудничества с другими развивающимися странами, страдающими от неэквивалентного обмена с ТНК.

Первоначальная стадия социализма в КНР неотделима от перестройки механизма деятельности промышленных предприятий. «По мере углубления реформы будет продолжена перестройка механизма деятельности промышленных предприятий, чтобы повысить сопротивляемость предприятий внутренним оковам, перевести их на самокупаемость». Для этого следует в первую очередь «разделить два права», то есть отделить право собственности от права хозяйствования, всемерно распространять подряд. Надо внедрять акционерную систему, основанную на общественной собственности» («Правда», 23.IX.1988).

В этой связи возникает вопрос о соотношении требования «разделения двух прав» и закона тождества (единства) труда и собственности.

Право хозяйствования означает хозяйственную самостоятельность, которая объективно порождается конкретным многообразием условий производства в данном трудовом коллективе. Другими словами, государство перестает быть непосредственным хозяйствующим субъектом, а функции направителя планомерности переходят теперь к данному трудовому коллективу. Он и несет теперь всю полноту ответственности за высокоэффективное использование общенародных ресурсов. Последние юридически передаются во владение трудового коллектива как хозяйствующего субъекта, направителя планомерности, работающего на социалистический рынок, то есть на потребителя. В этом его сходство с товаропроизводителем. Закон тождества (единства) труда и собственности состоит здесь в том, что трудовой коллектив (хозяйствующий субъект) и общество (в лице государства) социально одно-

родны, так как социалистический характер хозяйствования обеспечивает на деле экономическую реализацию, расширенное воспроизводство общенародной собственности. А требование о «разделении двух прав» означает, что государство перестает быть непосредственным хозяйствующим субъектом на данном предприятии, которое переходит во владение, в аренду трудовому коллективу. Отделяются друг от друга право собственности и право хозяйствования. Но хозяйствование по-прежнему продолжает оставаться экономическим бытием собственности, но уже в облике конкретного многообразия хозяйственной самостоятельности и материальной ответственности за результаты финансово-хозяйственной деятельности. Так что главное в праве хозяйствования — это самостоятельность и ответственность трудового коллектива. Последние порождают свои формы: самофинансирование, самоснабжение и сбыт, а также самокупаемость, то есть формирование всей системы фондов простого и расширенного воспроизводства в рамках трудового коллектива в соответствии с требованиями научно-технического прогресса. А все это вместе взятое и составляет богатейшее содержание понятия «социалистическое самоуправление народа на деле», то есть в каждом трудовом коллективе.

В. Ф. Феоктистов, кандидат философских наук (ИДВ): Концепция начальной стадии социализма, как она изложена на XIII съезде КПК, строго говоря, не укладывается полностью в известную ленинскую концепцию переходного периода. И главное ее отличие — это включение в социалистический этап развития многоукладности экономики, которую, по Ленину, должен преодолеть, изжить предшествующий победе социализма переходный период. Не укладывается в ленинскую концепцию и перенос социалистической индустриализации (создания материально-технической базы социализма), культурной революции и т. д. в рамки начального этапа социализма.

Новая китайская концепция допускает существование частнокапиталистического и государственно-капиталистического укладов в период социализма, а следовательно, и экономическую эксплуатацию. Наконец, оплата по труду признана не единственным, а основным принципом распределительных отношений при социализме на его начальном этапе.

Этим новациям — с точки зрения их фактического существования в китайском обществе — в докладе Чжао Цзыяна на XIII съезде КПК дано убедительное объяснение. Главным из них следует признать тезис об экономической отсталости страны, о слабом развитии производительных сил, что обуславливает и соответствующие их уровню формы собственности и хозяйствования.

Более сложным представляется объяснение того, почему китайское общество уже сейчас считается социалистическим. В этом объяснении отсутствуют экономический и культурный критерии социализма. Суть первого этапа нового общества сведена к социально-политической структуре и господствующей идеологии.

На первый взгляд может показаться, что эта концепция принципиально отличается от ленинского учения о переходном периоде, поскольку в ней отбрасывается переходный период и этап собственно социализма.

Однако более тщательный анализ позволяет по-новому взглянуть на сущность и содержание переходного периода в странах типа Китая, на этапы собственно социалистического периода его развития. История КНР показала, что общая отсталость страны по-новому ставит вопрос о содержании и сроках завершения переходного периода и вступления страны в этап социализма, что при сравнительно легком решении социально-классовых проблем преобразование форм собственности, развитие производительных сил, создание материально-технической базы социализма и проведение культурной революции представляют собой неимоверно трудную, очень длительную по времени

задачу, решить которую возможно только в течение целой исторической эпохи.

Можно ли в этих условиях как-то по-иному подойти к выделению этапов всего исторического периода строительства социализма, а именно: выделить в нем, во-первых, социально-политический и, во-вторых, экономико-культурный аспекты? Китайские теоретики именно так и поступили: выделив три критерия вступления страны в стадию социализма (утверждение общественной собственности, политической власти трудящихся и господства идеологии марксизма-ленинизма), они перенесли экономические и культурные проблемы в начальную стадию самого социализма.

Этот теоретический вывод основывается на реалиях Китая. Главный критерий такой периодизации — необходимость приведения производственных отношений в соответствие с уровнем развития производительных сил, с тем чтобы открыть новые стимулы для их дальнейшего развития. Думается, что он правомерен, если иметь в виду специфические условия страны, их отличия от условий России, применительно к которым выработывалась ленинская теория переходного периода. Основные ее положения легли в основу китайской новации (власть трудящихся, преобразование в области собственности, утверждение марксистской идеологии) и выступают в качестве гарантии дальнейшей реализации материальных условий построения социализма. Кстати, китайские теоретики именно так ставят вопрос — о дальнейшем строительстве нового общества, то есть подходят к этой проблеме диалектически.

Другими словами, новое в концепции начальной стадии социализма в Китае состоит в том, что в ней основной акцент в критериях социализма сделан на социально-политическом аспекте, который выступает как главное условие дальнейшего построения экономической и культурной базы нового общества. Представляется, что эта новация имеет значение не только для Китая, она важна и для других стран Азии, избравших социалистическую перспективу развития.

В заключение хотелось бы сказать, что и теория начальной стадии социализма, и концепция социализма с китайской спецификой находятся пока все же в процессе разработки. Об этом говорят и послесъездовские публикации китайской печати, в которых иногда ставятся теоретические вопросы, которые еще предстоит решить китайскому обществоведению.

Важно подчеркнуть раскованность теоретической мысли в КНР, ее стремление творчески подойти к постановке и решению многих действительно новых вопросов, которые ставит перед нею практика строительства социализма в Китае.

XIII съезд КПК, как видно, действительно по-новому поставил целый ряд теоретических вопросов научного коммунизма, в частности вопрос о разграничении понятий «вступление в полосу социалистического развития» и «построение социализма» в той или иной стране, что до сих пор трактовалось как одно и то же.

А. Б. Резниченко, кандидат экономических наук (ВЗПИ): Теория начальной стадии социализма действительно представляет собой новую концепцию социализма, и ее нельзя сводить к простой попытке в очередной раз дать лишь новую классификацию этапов развития социализма. В рамках этой теории сам социализм предстает перед нами в совершенно ином, отличном от традиционных представлений виде. По-другому также определяются задачи, временные рамки да и содержание переходного периода.

Теорию начальной стадии неправомерно сводить к попытке теоретического осмысления лишь того, что имеется и происходит в Китае, только к особен-

ному и национальному. Она имеет общеметодологическое значение, и именно с этих позиций следует подходить к ее оценке. Разумеется, новая концепция требует еще глубокого осмысления и проработки. Пока еще она ставит больше вопросов, чем дает ответов, еще нужно «вписать» ее в стройное здание марксистско-ленинской теории, учения о социализме. Но уже сейчас, по-моему, очевидны две вещи: во-первых, эта концепция не выходит за рамки марксизма, не противостоит ему; во-вторых, уже в нынешнем виде она обладает всеми основными чертами целостной концепции. И еще одно несомненное достоинство этой концепции состоит в том, что она включает в себя все многообразие существующей китайской действительности, ничего из нее не отбрасывая и тем самым выступая как прямой антипод утопической теории «чистого» социализма.

Считаю, что постановка на обсуждение журналом «Проблемы Дальнего Востока» и Отделом социально-экономических исследований ИДВ АН СССР вопроса о начальной стадии социализма является весьма своевременной и необходимой. Она побуждает нас с позиций нового мышления подойти к традиционным представлениям о реальном социализме. Например, характеристика социализма как многоукладной экономики при обеспечении господствующих позиций общественной собственности заставляет нас вернуться к переосмыслению таких фундаментальных понятий, как социалистическая собственность, ее сущность, структура, формы, по-новому подойти к оценке различных форм коллективной собственности и к той критике, которая на протяжении десятилетий велась в отношении ее с позиций борьбы с анархо-синдикализмом.

При этом не следует забывать, что характеристика сущности и форм социалистической собственности требует исторического подхода, исходящего из того, что понятия постоянно развиваются в ходе практики и накопления опыта, а не остаются застывшими и неизменными.

Исключительно важным представляется вывод, следующий из теории начальной стадии, о том, что социалистическое производство является товарным по своему характеру. В сочетании с положением о многоукладном характере социализма на его начальной стадии это заставляет нас вновь вернуться к определению сущности таких явлений в социалистическом обществе, как место и роль закона стоимости, характер труда при социализме, механизм функционирования общества. Возникает необходимость вернуться и к вопросу о том, является ли при социализме товаром рабочая сила и возможна ли вне рыночных отношений редукция сложного труда, то есть выявление более или менее точных количественных соотношений между качественно различными видами труда.

Ответы на поставленные и еще не поставленные здесь вопросы, несомненно, будут способствовать более полному научному пониманию того, что такое социализм в его реальном воплощении, выявлению на практике заложенных в нем преимуществ.

Г. А. Богданов («ПДВ»): Видимо, есть смысл посмотреть на обсуждаемую проблему и наше отношение к ней с общих позиций. Многие выступающие так или иначе подходили к вопросу: социализм ли сейчас в Китае? Как известно, аналогичная ситуация наблюдается и в дискуссиях о нашей перестройке. Характерно, что в обоих случаях позиции абсолютного большинства фактически едины в том, что существующий социализм — явление еще не зрелое, не развитое и требует серьезных изменений. С точки зрения формальной логики, методологически опирающейся на диалектику как общую теорию развития, из незрелости явления вытекает, что общий вопрос, на который возможен только однозначный ответ в форме «да» или «нет», некорректен.

В каких-то отношениях наши общества социалистические, в других — нет, а главное — эти отношения, как видим, разного порядка, разных ступеней развития.

Анализ и критика могут стать конструктивными только в том случае, если мы попытаемся конкретно-исторически выявить степень наполнения понятия социализма «наработанным» нашими обществами содержанием и на этой основе, опираясь на общую теорию, активно включимся в разработку концепции преобразования наших обществ.

И наша партия, и КПК видят решение этой задачи в восстановлении и развитии ленинской концепции подхода к строительству социализма, концепции перехода не от зрелого капитализма, а от слабо развитого капитализма, от общества, громадное большинство которого — мелкие товаропроизводители, общества, в котором господствовала патриархальщина, а народ не только не был приобщен к современной цивилизации, но в массе своей был просто неграмотен.

Ленинская концепция рождалась в муках, неутомимо приспособлялась к результатам практики; нередко приходилось решительно отказываться от всякого рода иллюзий — возможности обойтись без товарно-денежных отношений, ограничиться административно-командными методами на весь период перехода к социализму (Программа РКП(б) 1919 г.), отношения к нэпу первоначально как временному отступлению и т. д. Только в 1922—1923 гг., обобщив весь опыт, Ленин убежденно заявил в статье «О кооперации»: «...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм... При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 376). Товарно-денежные отношения стали рассматриваться как важнейший экономический способ смычки рабочего класса с трудовым крестьянством.

Отсюда ясно, что ленинское понимание переходного периода в конечном итоге существенно отличается от понимания социализма как переходного периода от капитализма к коммунизму у Маркса. Переходный период в окончательной ленинской концепции — ступенька к переходному периоду по Марксу, пока только «...решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими» (Там же, т. 43, с. 206). В этот «предпереходный» период Ленин полагал необходимым создание той цивилизации и культуры, которые в других странах были созданы капитализмом, но создать — своими, «советскими приемами» (см. там же, т. 36, с. 178). Это чрезвычайно важно: практически одно и то же содержание цивилизации и культуры, но различные способы освоения. При этом содержание и методы оказываются разнопорядковыми — содержание в основном уже добыто капитализмом, методы — социалистические. Следовательно, осваивая цивилизацию и культуру капитализма, мы плюс к тому осваивали способы развития общества в условиях обобществления основных средств производства, стремления покончить с эксплуатацией, в условиях организации планирования производства, науки, культуры и т. д.

Разумеется, надо иметь в виду, что историческая задача — выстоять и догнать цивилизованные страны социалистическими методами — решалась исключительно «сверху». Это, как показывает и история становления капитализма (во Франции, Германии, особенно в России), само по себе существенно искажает естественно-исторический характер развития таких обществ. Отказ от ленинской концепции и соответствующих ей методов после смерти Ленина усугубил неестественность эволюции нашего общества. Это также явилось искусственным фактором «смазывания» стадийности нашего развития.

Учитывая, что задача выхода на современный уровень цивилизации

и культуры решалась у нас и в Китае социалистическими методами, а также тот факт, что и в том и другом отношении мы достигли известных успехов наряду с крупными ошибками, невозможно, некорректно пытаться определять стадию развития наших стран только по экономическому показателю — уровню развития производительных сил, каким бы всеобщим и необходимым он ни был. История так пошла после 1917 г., что освоение цивилизации Ленин предполагал осуществить «советскими приемами». Другое дело, что после смерти Ленина сталинское руководство партии возвратилось к чисто административно-командной системе, применявшейся партией до окончательной выработки ленинской концепции. Видимо, казалось, что так было легче и проще.

В самом общем виде ленинская концепция характеризуется, во-первых, тем, что она могла и должна была вернуть партию, общество на материалистические позиции, ибо она предусматривала, что основу деятельности общества должны составлять материальные и культурные возможности страны, на которых должны базироваться и политика и идеология. Она должна была увести партию от субъективного идеализма, когда в основу деятельности были положены идеологические иллюзии: делать то, что надо — согласно прожектам идеологов, — а не то, что возможно, для чего созрели материальные и иные условия. В итоге больше наблюдались «перевороты в головах» (у нас — это решение вопроса «кто — кого», «развернутое строительство коммунизма», концепция развитого социализма и т. п.), а не в реальной действительности.

Во-вторых, ленинская концепция характеризуется требованием диалектического разрешения реальных противоречий, в частности умением «соединять противоположности» так, чтобы получалось развитие, а не по-прудоновски пытаться метафизически устранять «неприятную» сторону, как это имело место, скажем, в решении того же вопроса «кто — кого». Нежелательную сторону быстренько убрали, но вместо развития пришли к голоду, разрушению производительных сил, раскрестьяниванию и т. д. К сожалению, аналогично разрешались противоречия в области политики и идеологии, в рядах партийного и армейского руководства, в сфере культуры и искусства, религии и т. д. Такие методы безмерно извращали социализм, но никак нельзя не видеть, что это происходило в рамках формирования социалистического содержания — в форме ли военного, казарменного, религиозного, феодального социализма, хотя и при крайне неудовлетворительном соотношении меры материализма и идеализма, диалектики и метафизики.

Наше, как и китайское, общество является социалистическим, именно в силу того, что нами освоенная цивилизация и культура добыты, хотя порой и извращенными, но социалистическими приемами. Именно в этом, существенном смысле понятие начальной стадии социализма, принятое КПК, отражает действительное положение дел в стране.

Все понятия историчны. Понятие «социалистические методы» не есть исключение. Как нельзя формально-логически определить понятие «социализм» по указанным выше причинам (а вовсе не потому, что его у нас нет), так и понятие «социалистические методы» меняется исторически в каждой стране. По Ленину, социалистические методы — это все те методы, включая «наработанные» капитализмом, которые способствуют развитию цивилизации и культуры и вместе с тем продвигают общество к социализму полному, формационному — по Марксу. Государство как аппарат управления, право, товарно-денежные отношения, госкапитализм, кооперация, акционерная форма и т. д. в указанном выше смысле входят в арсенал «советских приемов». Все подобные методы следует заимствовать у капитализма, препарировав их и

направляя развитие общества в социалистическое русло. Даже наемный труд в определенных масштабах не может быть отвергнут исключительно по идеологическим соображениям: все зависит от исходного уровня развития страны, оптимального соотношения политики и экономики, гарантирующего не только политическую стабильность в обществе, но и социалистическую направленность развития всех экономических структур, включая и деятельность частного капитала.

А. В. Островский, кандидат экономических наук (ИДВ): Основная проблема, как мне представляется,— это соотношение понятий «переходный период» и «начальная стадия социализма». Новая концепция практически возникла в условиях, когда в Китае проявился отрыв производственных отношений от уровня развития производительных сил.

Создание материально-технической базы — это, безусловно, наиболее важный момент концепции. Дело в том, что уровень развития производительных сил Китая к настоящему времени ни в какой мере не соответствует представлениям классиков марксизма-ленинизма о социализме. Переходный период в таких странах, как Китай, должен продолжаться не семь лет, как это было провозглашено в 1956 г. Отрыв производственных отношений от уровня производительных сил привел к таким отрицательным явлениям в социально-экономической жизни страны, как дефицит, нормирование продукции, централизованное распределение (причем не только предметов потребления, но и средств производства, рабочей силы), система приписок, принудительное прикрепление к земле. Это в свою очередь повлияло на социальную мобильность не только по «вертикали», но и по «горизонтали». Я имею в виду возможность перехода с одного предприятия на другое, переезд из одного города в другой. В конце 70-х гг. в Китае осознали утопический характер прежних концепций.

Возникла идея возврата к многоукладности, к созданию смешанных предприятий китайского и иностранного капитала, к развитию индивидуального сектора и кооперативного движения.

Аналогичные изменения происходят и в социальной структуре китайского общества. В социально-классовой структуре много общих черт с периодом 50-х гг. Получается, что теория начальной стадии — это обоснование развития многоукладности экономики на период создания необходимого уровня материально-технической базы для выполнения основных целей социалистического строительства и совершенствования на этой основе производственных отношений.

Л. М. Гирич, кандидат экономических наук (ИДВ): По-моему, данная концепция не претендует и не является концепцией социализма, так как она не затрагивает всех теоретических проблем социализма, не рассматривает весь исторический период социализма, а ограничена конкретным временем и географическими рамками. Ее появление вызвано необходимостью разработать правильную политическую линию и правильные установки на этот период. Вместе с тем, давая толкование конкретному историческому периоду, китайские обществоведы на основе обобщения опыта строительства социализма в новых условиях действительно пересматривают некоторые положения сложившегося к настоящему времени учения о социализме. И это естественно. Ведь те условия, в которых пришлось Китаю строить социализм, оказались вовсе не такими, которые предполагали основоположники марксизма, разрабатывая учение о социализме (построение социализма на основе развитого капитализма) и не совсем такими, какие были в России, когда победила Октябрьская революция. Здесь переход к социализму осуществляла полуфеодалная, полуколониальная восточная аграрная страна, имеющая от-

сталые производительные силы, полунатуральное хозяйство и неравные товарные отношения.

Как показал опыт Китая (и не его одного), поспешное и формальное осуществление социально-классовых преобразований и изменений форм собственности по шаблону «классического социализма» является ошибкой, которую приходится долго и с большими затратами сил исправлять.

Научный социализм — это непрерывно развивающееся в ходе практики учение. Заслуга китайских обществоведов состоит в том, что, обобщая опыт строительства социализма в специфических условиях Китая, они не побоялись отказаться от некоторых прежних представлений, несущих в себе, ввиду исторической ограниченности, утопические элементы, отказались от догматического понимания марксизма и ошибочных взглядов.

Вместе с тем концепция начальной стадии социализма в том виде, как мы ее знаем, является лишь началом теоретического познания определенного исторического этапа. Знания о нем, его закономерностях, движущих силах, динамике еще слишком неполны и неглубоки. Об этом свидетельствуют те трудности, с которыми сталкивается проведение в Китае реформы экономической системы. Требуются дальнейшие, возможно совместные, теоретические исследования китайских и советских обществоведов. Несомненно, что эти исследования способствовали бы более глубокому пониманию проблем развития и нашего общества, поиску оптимальных путей их решения и явились бы дальнейшим вкладом в развитие научного социализма.

М. Л. Титаренко, доктор философских наук:

Редакция журнала проявила хорошую инициативу — в духе нового политического мышления, организовав эту дискуссию. Дискуссия носит творческий характер. Естественно, что выдвигаются различные точки зрения, порой взаимоисключающие. Это так и должно быть на настоящей дискуссии. Вопрос в том, чтобы провести продуктивный, углубленный обмен мнениями и аргументировать каждую точку зрения.

Хотел бы также отметить, что совместная инициатива журнала и института кладет начало той большой работе, которую нам, китаистам, предстоит провести в будущем году. Отделение экономики, Президиум Академии наук возложили на наших китаистов (координирующей организацией этого дела выступает Институт Дальнего Востока) долговременную программу комплексных научных исследований в содружестве с учеными других направлений, прежде всего философами, теоретиками научного социализма, экономистами, политэкономистами и т. д., программу «Социализм и Китай: история, современность, перспективы». Это очень широкая тема, которая должна наполняться конкретным содержанием и решением очень важных проблем. Сегодняшняя дискуссия — это практический вклад в поиски путей решения этой очень важной задачи.

В ходе выступлений выявилось два подхода к проблеме. Сторонники первого подходят к оценке социализма с точки зрения абстрактного теоретического идеала, взяв за основу этого идеала те или иные высказывания основоположников нашего учения и какие-то идеальные критерии. Исходя из этого, они приходят к выводу, что социализма в Китае нет, в лучшем случае есть его отдельные черты.

Есть и другой подход, и в этом смысле я более солидарен с выступлением товарища Кондрашовой. Надо подходить конкретно-исторически: социализм в идеале в каждой стране будет разным, это — идеал, к которому надо стремиться, но который на практике осуществляется по-разному и осуществится только в конце развития. Поэтому нужно подходить конкретно-исторически к практическим достижениям в деле развития материальной

базы, совершенствования социальной, политической, демократической, духовной и прочих культур. Такой подход, мне думается, более продуктивен.

Действительно, товарищи, в Китае идет процесс переосмысления социализма, уроков его развития. Уроки тяжелые. И мне кажется, что главное направление — это переосмысление, которое может дать толчок и стимул к развитию, совершенствованию, поиску более правильных практических решений проблем, отказ от революционного романтизма в строительстве социализма и переход к революционному реализму. Если говорить о теории, то это — возврат к историческому материализму.

Мы, начиная со школы, кончая курс в институте клялись в верности историческому материализму, а на самом деле исповедовали самый примитивный, вульгарный исторический идеализм, который можно оправдать только революционным романтизмом. Поэтому возврат к реализму — это наша важнейшая задача.

Я согласен, что мы должны сказать спасибо китайским товарищам, потому что выдвижение концепции социализма это — очень крупный, очень смелый шаг, это отказ от исторического идеализма, от всех романтических теорий и идеалистических концепций социализма, которые больше похожи на социалистический утопизм, чем на научную концепцию. Научность вообще не абсолютна, но эта концепция — шаг вперед в научном подходе к социализму, и его надо приветствовать. Не надо, конечно, здесь проявлять чрезмерную эйфорию, не забегать в оценках, не принимать желаемое за действительное. Этим мы не поможем китайским ученым, а сами можем оказаться в плену социологических концепций, которые примем за реальность. Поэтому, мне думается, здесь надо подходить очень взвешенно, трезво и очень самокритично и критично одновременно.

Что касается концепции, или вернее вопроса о соотношении тезиса о «строительстве социализма с китайской спецификой» и концепции начальной стадии социализма, то я не согласен с товарищем Морозовым. Мне думается, здесь произошла невольная подмена понятий. Это разные вещи, хотя взаимодействующие, взаимосвязанные. Речь идет о том, о каком соотношении мы говорим. Если мы говорим о концепции начальной стадии социализма, это — реальный шаг в оценке того, на каком этапе социально-экономического развития находится китайское общество с точки зрения теории научного социализма, какими возможностями располагает китайское общество для строительства социализма. Ответ таков: самые начальные. Мне кажется, что это реалистический ответ.

Что же касается тезиса о «строительстве социализма с китайской спецификой», то это более широкая позиция. Речь идет о том, что социализм абстрактно не существует, социализм абстрактно не строится, он строится в конкретной стране, в конкретных условиях — социальных, культурных и проч. И это, товарищи, между прочим, мы с вами до сих пор еще не осознали. Мы с вами привыкли критиковать, и я считаю, что в значительной мере мы правильно критиковали. Этот тезис сам по себе учитывает реальные проблемы. Однако он давал одностороннее, чисто идеологическое решение и, на мой взгляд, уводил в сторону национализма. Сейчас в Китае вернулись к реализму и подвели под этот тезис реальную основу, на которой возникла сама эта идея — что социализм конкретен, конкретен в каждой стране, и его дальнейшее развитие — это многомодельность и т. д.

Крупным достижением XIII съезда КПК является конкретизация тезиса о «строительстве социализма с китайской спецификой» и сочетание его с концепцией начальной стадии социализма. В результате этот тезис и концепция вписываются в общую научную теорию социализма: специфика китайских

условий теперь не воспринимается как нечто самодовлеющее, взятое вне общей теории социализма, вне процесса строительства социализма в других странах.

Мне представляется, что другой аспект реалистичности подхода к социализму состоит в том, что раньше его развитие рассматривалось через концепцию опыта диктатуры пролетариата, т. е. сугубо идеологически и политически. Вспомните две статьи «Об опыте диктатуры пролетариата» и «Еще раз об опыте диктатуры пролетариата». Это отнюдь не случайно. Это отражало не только китайский, но и наш подход. Теперь упор делается на другую сторону — на строительство социализма в отсталой стране. В качестве первоочередной задачи выдвигаются вопросы развития производительных сил. Полностью ли это правильный подход? На мой взгляд, нет, потому что, если только на этом стоять, — будет технократический подход. Думается, что правы те китайские теоретики и наши ученые, которые подчеркивают неразрывность решения двух задач — развития производительных сил и создания социалистической цивилизации. Поэтому нам сейчас очень важно эту проблему всесторонне и глубоко проанализировать и раскрыть.

Еще один вопрос в порядке дискуссии хотелось поставить.

Что привлекает в этой концепции, так это ее реализм в подходе к решению социальных проблем. Человек — одна из важнейших частей производительных сил. А поскольку это так, если подходить с точки зрения исторического материализма, а не идеализма, то уровень решения социальных задач должен быть гарантирован уровнем развития производительных сил. Если же их решение отрывается от этого уровня, то не только утрачивается материальная основа этих гарантий, но и нарушается важнейший принцип социализма — оплаты по труду, невольно порождается уравниловка, и, как ответ на это, возникают явления социального иждивенчества. Социальные гарантии становятся не стимулом, не фактором всестороннего развития способностей человека, а фактором торможения развития, потому что у человека нет стимула проявлять себя, утверждать себя. Скажем, не надо беспокоиться о квартире: государство и так даст — рано или поздно.

Мне думается, что этот аспект реализма китайской концепции — увязка решения социальных проблем с повышением уровня развития производительных сил — очень важен. И продолжительность рабочего дня — важный фактор, с ним многое связано в жизни человека. В Японии девятичасовой рабочий день, шестидневная рабочая неделя. В Южной Корее предприниматели — руководители крупнейших фирм — говорили нам: «Да, мы достигли определенных успехов, но эти успехи дались в результате определенных жертв наших рабочих, потому что у нас 52—54-часовая рабочая неделя; и вот парадокс, казалось бы — мы предоставляем двухнедельный отпуск, но многие рабочие отказываются его использовать; мы иногда вынуждены отключать электроэнергию, чтобы заставить рабочих уйти с работы». В чем дело? — У рабочего есть стимул к работе; он знает, что будет отмечен, к примеру, в конце года получит не один и не четыре, а шесть окладов в качестве материального поощрения. Так что стимул к труду — это очень важный момент.

Я считаю, что концепция «начальной стадии социализма» — это не новая концепция. Реализм этой концепции проявляется в том, что первостепенное значение придается развитию производительных сил, развитию материальной основы строительства социализма.

А. В. Савин, кандидат исторических наук (ИДВ): Условия и побудительные мотивы возникновения концепции начальной стадии социализма должны

рассматриваться в связи с теми целями, которые Коммунистическая партия Китая ставит перед страной.

Многие вопросы были уже рассмотрены сегодня. Мне бы хотелось остановиться на следующем. В докладе на XIII съезде важное место уделено проблеме объединения страны. В этом плане данная концепция, предусматривающая допустимость, помимо государственной, также кооперативной и определенного уровня частной собственности, причем на длительный срок (как минимум до середины XXI в.), как бы гарантирует существование устоявшихся экономических форм в Гонконге и Макао, способствует налаживанию и расширению разносторонних связей с Тайванем с перспективой воссоединения острова с КНР. Это должно способствовать и развитию внешнеэкономических связей страны с Западом, так как инвесторы из развитых капиталистических стран почувствуют себя в большей безопасности.

В то же время, отмечая успехи открытой политики, китайское руководство не проходит мимо таких негативных явлений, связанных с ней, как идеологические издержки, экономические преступления и пр.

В процессе дальнейшей разработки теории и практики начальной стадии социализма предстоит поиск наиболее эффективных путей и методов выполнения задач этого этапа строительства социализма в Китае.

Ф. Ф. Лаппо (ПДВ): Нет нужды доказывать, что теория социализма в наши дни, в свете нового мышления, идеологического обновления и перестройки всех сфер нашего бытия, является самой актуальной и развивающейся частью теории научного коммунизма.

Вопрос о новой концепции социализма — проблема не терминологическая, а проблема нового уровня познания социализма или, как пишут китайские товарищи, «нового осмысления социализма». Это также не только вопрос о периодизации реальной социалистической истории, хотя и в этом деле нерешенных проблем достаточно.

Разработка теории социализма, построение новой концепции социализма обусловлены объективно-историческими процессами всего современного мира и представляют собой обобщение опыта реального социализма в целом. Предметом рассмотрения в этом случае являются закономерности строительства и развития социализма, его характерные черты, качественные особенности, отличающие его и от капитализма (любых стадий развития), и от переходного периода (периода строительства социализма).

Термин «переходный период», давно утвердившийся в марксистско-ленинской науке, обозначает период становления 1-й фазы коммунизма, хотя возможно, не всегда в прошлом применялся с достаточным учетом особенностей, скажем, движения к социализму стран со слабым развитием капитализма. Возможно, термин «общество переходного периода» недостаточно определенно выражает социалистическую принадлежность этого общества. Главное же в том, что этот термин никогда не применялся для обозначения периода и процессов только формального обобществления средств производства и формальной ликвидации социальных противоположностей. Он всегда употреблялся как обозначение длительного исторического этапа созидания нового общества, достижения им собственно социалистического уровня и чисто социалистического характера развития.

Документы КПК и работы китайских авторов содержат ряд существенных оговорок, касающихся положения о начальной стадии социализма. Прежде всего речь идет о том, что этот термин применяется к стадильности развития Китая, а не всех стран социализма, речь может идти лишь о движении к социализму развивающихся стран. Следовательно, сами китайские

коммунисты не расценивают это положение как общетеоретическое.

Во-вторых, определение тезиса о начальной стадии социализма как новой концепции социализма привлекательно на первый взгляд лишь потому, что определяет данное общество с начального этапа как социалистическое. При этом к переходному периоду относят лишь процессы приступа к строительству социализма, главным образом формальные. А главное — к социализму, ко всему социалистическому по характеру относят чуждые социализму явления, которые, как мы теперь знаем достаточно основательно, остро враждебны ему. Примером могут служить такие вещи, как командно-бюрократические извращения механизмов реализации законов социализма или такие явления, которые мы условно обозначаем как «культ личности». Теперь очевидно, что эти процессы противодействуют строительству социализма, ведут к отклонению от социалистических целей, деформации характера общества и общественных отношений, представляют собой тупиковый вариант развития, то есть уводят в сторону от социалистического прогресса.

Одним словом, распространение понятия «социализм» на период строительства социализма, на переходный период (как их применяли Маркс и Ленин) с его зигзагами, движениями вспять, а не только с чертами переходности, лишает это понятие определенности и противоречит логике. Наконец, отсчет социализма с «начальной стадии» в развивающихся странах приводит и к другому парадоксу: менее развитые страны вступают в социализм раньше, чем более развитые, где действует иная периодизация.

И последнее. Теория начальной стадии социализма не вносит в социалистическую теорию ни новых понятий, ни новых закономерностей, которых мы не встречали бы у Маркса и Ленина. Положение о товарном хозяйстве при социализме есть у Маркса уже в «Капитале», учение Ленина о нэпе также достаточно известно и вряд ли нуждается в замене.

Поэтому вывод о начальной стадии социализма в Китае скорее следует отнести к области стратегии и тактики, то есть к области применения и подготовки теории, чем собственно к сфере теории, в нем больше «исторического», чем «логического».

А. П. Морозов: Я хотел бы дополнительно остановиться на трех моментах, затронутых в выступлениях.

Первое. Утверждение о том, что теория начальной стадии представляет собой лишь новую периодизацию развития социализма и в ней не содержится никакой новой концепции, представляется мне несколько поверхностным. Действительно, в Китае эту теорию не называют концепцией. Положение о том, что это новая концепция социализма, — это мой вывод. Новой она является по отношению к тем представлениям о социализме, которые существуют у нас сегодня, сложились исторически и несут на себе значительный налет утопических представлений о социализме. Теория начальной стадии — это не просто «хронологическая» теория, которая по-новому определяет этапы, она по-новому определяет суть социализма. Она говорит о том, что социализм как таковой начинается раньше, чем выполнены те три условия, которые считаются необходимыми и достаточными, чтобы объявить о завершении переходного периода и вступлении в социализм (создание материально-технической базы социализма, социалистическое обобществление производства и создание одноукладной экономики, реализация до известного уровня задач культурной революции, обеспечение господствующих позиций социалистической идеологии).

Второе. Некоторые товарищи говорили о невозможности считать теорию начальной стадии новой концепцией социализма, так как обо всех ее элементах в той или иной форме уже говорили классики марксизма, прежде всего

В. И. Ленин. Возможно, это так. Но, как мне представляется, новая комбинация факторов, постановка их в новую систему взаимоотношений вполне может означать появление нового качества, возникновение нового феномена как в теории, так и на практике.

Третье. Вопрос о новой концепции социализма заставляет нас вновь вернуться к исходным моментам такого фундаментального понятия, как социализм. Если дать самое общее определение социализма вне его конкретных форм, то можно сказать, что социализм — это такая общественная организация, которая имеет очевидные преимущества по сравнению с высшим достижением человеческой цивилизации до него, то есть с капитализмом. Эти преимущества выражаются в создании более благоприятных условий для развития производительных сил, в центре которых стоит человек. Именно с этой точки зрения мы должны подходить к решению вопроса о характере тех или иных общественных явлений, являются они социалистическими или несоциалистическими.

Если эти формы, я имею в виду и политические и экономические, любые, этого не дают, то они не отвечают понятию социализма как более прогрессивного явления, чем капитализм. Вот о чем я хотел сказать.

Теория начального этапа — это, по существу, новая концепция социализма, которая, конечно, находится в рамках научного социализма, его сути, а не тех конкретных форм, о которых говорили Маркс, Энгельс и Ленин.

Подводя итоги дискуссии, **В. Б. Воронцов** отметил, что ее участники продемонстрировали различные подходы к анализу концепции начальной стадии социализма, высказали разнообразные, порой противоположные точки зрения.

Перестроечные процессы, развивающиеся в нашей стране, предполагают глубокое осмысление самой природы социализма, чему в значительной степени способствует изучение опыта других социалистических стран. И в этом смысле анализ выдвинутой китайскими товарищами концепции начальной стадии социализма не мог не представлять для нас интереса.

Дискуссия показала, что у нас пока нет готовых ответов на многие вопросы, касающиеся разработки новых подходов, нового видения современной концепции социализма. Не ослабевают дискуссии по этому поводу и в КНР, прежде всего вокруг теории и практики осуществления реформ в рамках начальной стадии социализма. Тем не менее участники дискуссии определили, как представляется, направления, по которым возможно движение в сторону осмысления не только теоретических основ китайских реформ, но и современной концепции социализма.

Надеемся, что обсуждение проблем, связанных с концепцией начальной стадии социализма, будет продолжено, в том числе и на страницах нашего журнала.

ЧЖАО АИ, У МИН

Госкомиссия по реформе экономики обобщила теоретические проблемы реформы, обсуждаемые китайскими экономистами, представив их в виде следующих 10 основных блоков.

Характеристика начальной стадии социализма

XIII съезд КПК провозгласил, что Китай находится на начальной стадии социализма. Признание этого факта отражает теоретические успехи в ходе структурной реформы экономики за последние 10 лет, а также прогресс экономической науки КНР.

Рассматривая характерные особенности начальной стадии социализма, китайские экономисты склоняются в целом к следующей точке зрения: как несовершенство социализма, так и его незрелость препятствуют полному проявлению его (социализма) преимуществ. Это видно в основном из следующего. Уровень производительных сил в целом низок, они имеют многоуровневый характер и развиваются несбалансированно. Производственные отношения характеризуются сосуществованием различных экономических укладов (при преобладании общественной собственности на средства производства) и различных способов распределения (основным из них является распределение по труду). Хотя социалистическая политическая система установилась в виде демократической диктатуры народа, демократия несовершенна, так же как несовершенна и правовая система. Продолжают оказывать сильное влияние нездоровая феодальная и капиталистическая идеология и сила привычки мелких производителей.

План и рынок

С начала структурной реформы экономики среди китайских экономистов продолжаются дискуссии о соотношении плана и рынка. Основные точки зрения таковы:

Одни считают, что плановая экономика — это существенная черта социализма, доказывают, что, хотя при социализме и необходимо развивать товарное производство и обмен, это, однако, не означает отождествления социализма с товарной экономикой.

Другая точка зрения: социалистическая экономика обладает двойственными чертами — и плановой и рыночной экономики, — что предполагает наличие товарно-денежных отношений; это плановая экономика, которая опирается в значительной мере на товарное производство и товарообмен. Таким образом, товарная экономика становится существенной экономической чертой социализма.

Что касается регулирования посредством плана и рынка, то здесь господствуют 3 точки зрения:

— Плановое регулирование применимо лишь к производственным и строительным объектам, необходимым для общества в целом, т. к. они имеют значение для национальной экономики и уровня жизни народа.

— Плановое и рыночное регулирование связаны между собой. Многие продукты подлежат обоим видам регулирования, причем плановое регулирование достигается через средство рыночного регулирования.

— Осуществление планового регулирования предполагает ослабление регулирования рыночного. Социалистическое общество будет свидетелем постепенной замены

* "Beijing Review", 1988, № 34.

рыночного регулирования плановым. В этот период последнее будет использоваться все шире, а рыночное регулирование будет постепенно свернуто. По мере того как товарно-денежные отношения будут утрачивать свое значение и рыночное регулирование будет замещено плановым, оно (плановое регулирование) станет единственным средством регулирования социалистической экономики.

Модели реформы

Цели структурной реформы экономики являются основным объектом исследований ряда научно-исследовательских экономических институтов. Они предлагают 4 модели реформы:

— Ученые, выступающие за плановую товарную экономику, предлагают модель, основанную на неразрывном единстве планового и рыночного механизмов, которая отличается не только от традиционной модели высокоцентрализованной плановой экономики, но и от модели рыночной экономики. Предлагаемая модель — слияние планового регулирования через рыночные механизмы и рыночного регулирования при плановом руководстве.

— Ученые, которые считают, что рыночное регулирование подлежит макроконтролю при плановом руководстве, предлагают целевую модель со следующими основными характеристиками: концентрация сил на «оживление» предприятий с использованием экономических методов как основной формы косвенного контроля; соединение принципов материальной выгоды и социальной справедливости, широкое развитие горизонтальных связей.

— Сторонники модели, интегрирующей товарное хозяйство, основанное на общественной собственности, с плановой экономикой, выдвигают в качестве основных целей реформы замену старого механизма макрорегулирования, присущего «продуктопроизводящей экономике», новым, соответствующим товарной экономике.

— Сторонники плановой рыночной модели утверждают, что модель должна быть в основном нацелена на соединение прямого и косвенного контроля (причем основную роль будет играть косвенный контроль), на урегулирование хозяйственной деятельности предприятий и рыночной ситуации, на перестройку масштабов и структуры совокупного общественного спроса.

Представления о реформе собственности:

— Совершенствовать государственную собственность, переосмыслить ее содержание.

— Отделить собственность на предприятия от права управления ими в рамках системы государственной собственности и допустить разнообразие методов хозяйствования.

— Передать всенародную собственность в собственность предприятий с правом самостоятельного управления и полной ответственности за прибыли и убытки.

— Заменить государственную собственность акционерной системой. Таким образом часть имущества предприятий государственной собственности будет передана коллективам предприятий. Рабочие купят акции предприятия, государство учредит акционерную компанию, которая обеспечит совместную эксплуатацию предприятия — государством, предприятием и рабочими.

Реформа собственности — это не только вопрос теории, но и дело практики. Однако центральным моментом серьезных исследований китайских экономистов является вопрос, как далеко должны пойти эти реформы, чтобы предприятия могли проявить свою активность, а Китай остался на социалистическом пути.

Некоторые экономисты считают, что необходимо, исходя из существующих условий развития производительных сил, установить следующее соотношение между всенародной собственностью, коллективной собственностью, полусоциалистической и несоциалистической собственностью — 5:3:1:1.

Другие полагают: чтобы добиться рационального соотношения различных форм собственности, необходимо обеспечить три момента — «качество, количество и меру». Чтобы добиться «качества», нужно предпринять усилия для обеспечения ведущей роли хозяйства, основанного на общественной собственности, допустимо сосущество-

вание и развитие индивидуального хозяйства параллельно с другими секторами экономики. Что касается «количества», то усилия должны быть направлены на обеспечение абсолютного превосходства общественного хозяйства. Предпочтительно, чтобы индивидуальный и другие секторы экономики давали 10—20 % объема промышленной продукции и 20—30 % объема продукции сельского хозяйства; процентный уровень может быть выше для сферы торговли и услуг. Что касается «меры», то нужно придерживаться цели сохранения социалистической ориентации и обеспечения быстрого развития общественных производительных сил.

Ключевое направление реформы

Существует 5 основных точек зрения на ключевую проблему экономической структурной реформы в Китае и ее развитие:

— Ключ к структурной реформе экономики — это реформа цен. Правильное регулирование внутренних соотношений реформ собственности и цен, полное осознание роли реформы цен в экономической структурной реформе и анализ центральных проблем реформы цен существенны для составления проектов, замыслов и программ реформы.

— Прорыв в реформе возможен через реформы собственности, ключ к которым лежит в совершенствовании социалистической собственности путем формирования рациональных механизмов для регулирования распределения с целью гармонизации различных интересов и доходов.

— Основным недостатком традиционной экономической системы являлась неразвитость рыночного механизма. Поэтому цель реформы — совершенствование этого механизма и использование его в качестве основы для становления новой экономической системы — плановой товарной экономики.

— Ключ к успеху не в осуществлении заданной программы. Скорее, он заключается в скоординированном проведении в жизнь различных связанных между собой мероприятий реформы.

— Ключ к экономической структурной реформе лежит не в ней самой, а в перестройке общества. Прорыв в экономической реформе не может быть достигнут через саму экономическую структуру, а лишь через реформы политической системы и общественной психологии.

Акционерная система

Акционерная система — это «горячая точка» в дискуссиях китайских экономистов.

Некоторые из них полагают, что имеется существенная разница между социалистической товарной экономикой и товарной экономикой, основанной на частной собственности, и акционерная система не является неизбежным результатом развития социалистической товарной экономики. Осуществление акционерной системы не приведет к четкому регулированию отношений между правительством и предприятием, скорее внесет дополнительную неясность в эти отношения. Применение этой системы вызовет в некоторой степени ослабление экономической целесообразности деятельности предприятий. Распределение дивидендов среди акционеров может привести к разрастанию фонда потребления, оставляя нерешенной проблему успешного текущего хозяйствования.

Другие экономисты считают, что осуществлять акционерную систему следует лишь при определенных условиях. Она могла бы сыграть положительную роль для концентрации капитала и эффективного соединения различных основных элементов производства. Однако система не может быть принята повсеместно. Особенно она не подходит для предприятий, получающих высокие прибыли.

Ученые, придерживающиеся точки зрения, что акционерная система важна для реформы государственной собственности и могла бы стать основной экономической формой реформы собственности, полагают, что эта система может уточнить отношения между различными формами собственности. По их мнению, в рамках акционерной системы возможно: ликвидировать положение, при котором никто не несет ответственности за имущество предприятий всенародной собственности; восстановить отношения взаимодействия между собственниками, управляющими и работниками предприятия;

способствовать повышению экономической целесообразности работы предприятий, аккумулировать свободные средства общества с целью сдерживания растущих капиталовложений; способствовать более рациональному распределению ресурсов общества.

Три точки зрения на подрядную систему

Хотя система подрядной ответственности одобрена правительством, среди китайских экономистов нет единства мнений о достоинствах этой системы.

Выступающие против нее ученые считают эту систему препятствием на пути углубления реформы. Они приводят следующие доводы: в рамках этой системы предприятия и государство имеют возможность заключать сделки, что затрудняет разработку соответствующих правил и инструкций. Подрядчик преследует интересы сегодняшнего дня и поэтому будет полностью использовать имеющееся оборудование для быстрого получения прибыли, это отразится на долгосрочных капиталовложениях, творческих разработках, реорганизации структуры производства и ассортимента продукции.

Сторонники системы подрядной ответственности полагают, что она поможет смягчить психологическое потрясение от реформы собственности. Кроме того, она соответствует существующему уровню техники и управления. Фиксированный базовый уровень прибыли и фиксированная доля прибыли, остающейся предприятию, будут — в некоторой степени — оказывать контролирующее воздействие на бюджет предприятия. Отношения между государством и предприятием устанавливаются путем подписания контрактов, что может привести к отделению управления предприятием от государственного администрирования.

Система подрядной ответственности отвечает также основной стратегии реформы: прилагая постоянные усилия, добиваться прогресса.

Есть также ученые, придерживающиеся осторожной позиции. Они полагают, что, хотя данная система соответствует современному уровню техники и управлению в Китае, ее надо рассматривать лишь как наиболее реалистичную и эффективную переходную меру к углублению реформы предприятий, необходимым этапом от «продукто-производящей экономики» к товарной.

Рабочая сила как товар

В ходе реформ утверждение, что при социализме рабочая сила не является товаром, стало предметом новых исследований.

Ученые, которые утверждают, что рабочая сила не является товаром, считают, что такое понятие (товар рабочая сила) возможно только при капитализме. Открытие рынка труда не означает автоматического поворота назад, и введение трудовых контрактов не приведет к тому, что рабочая сила станет товаром.

Противники этой точки зрения выдвигают различные аргументы, которые сводятся к следующему:

— При социализме труд — это не только средство к существованию, но и единственный критерий выдачи вознаграждения. Двойственный характер труда делает его товаром и в условиях социализма.

— Социализм не уничтожил двух основных условий, при которых труд становится товаром: труженики обладают личной свободой; трудящиеся по-прежнему «лишены собственности», так как средства производства находятся в собственности группы трудящихся, а не отдельных тружеников.

— При социализме трудящиеся стали хозяевами общества. Это положение определяется не только собственностью, так как существуют различные связи между собственностью на средства производства, правом их использования и правом пользоваться их благами. Поэтому не существует противоречия между товарным характером рабочей силы и положением трудящихся как хозяев общества.

По этому вопросу есть еще 2 точки зрения: 1) при социализме рабочая сила имеет двойственный характер — товарный и нетоварный; 2) рабочая сила не товар, но имеет свойства товара.

Наемный труд

Осуществление труда по найму также является спорным вопросом. Подразумевается, что при социализме отсутствует эксплуатация. Но реальность заставляет подвергать сомнениям теорию.

Ученые, которые представляют рассмотрение труда по найму с точки зрения социализма, считают, что этот метод управления был унаследован от капитализма в тот период, когда социализм был слабо развит. Поэтому этому виду организации труда присущи элементы капитализма.

Некоторые экономисты полагают, что наемный труд либо имеет капиталистическую природу, либо включает элементы капитализма.

Другие ученые считают наемный труд полусоциалистическим по природе, так как только малая часть прибыли после выплаты налогов идет на коллективное накопление или на премии работникам.

Некоторые ученые утверждают, что наемный труд имеет двойственный характер. С одной стороны, он содержит в некоторой форме эксплуатацию, так как часть произведенной наемными рабочими прибыли переходит к нанимателю. С другой стороны, он является также социалистическим по природе, потому что оставшаяся прибыль направляется коллективу и государству. Наниматель использует определенную долю чистого дохода на заработную плату наемных рабочих, поэтому труд по найму имеет одновременно характер соединенного труда и наемного труда.

Макроэкономическая политика

Китайская экономическая наука играет все возрастающую роль в руководстве экономическим развитием КНР и углублении структурной реформы. Это находит отражение в предложениях ученых по формированию макроэкономической политики. Преобладают 4 основные точки зрения:

— Сдерживание спроса. Экономисты считают, что в макроэкономической политике акцент должен быть сделан на сдерживание совокупного спроса, так как китайская экономика подпадает под категорию дефицитной экономики, где спрос имеет тенденцию к разрастанию. Финансовый дефицит в последние несколько лет, избыток бумажных денег и проедание национального дохода означают, что Китай оказался не в состоянии коренным образом улучшить ситуацию, при которой спрос превышает предложение. А реформа требует свободной экономической обстановки. При таком положении необходимо обеспечить превышение совокупного общественного предложения над спросом.

— Стимулирование спроса. Макроэкономическая политика должна быть направлена на увеличение капиталовложений и стимулирование спроса для поддержания достаточно высоких темпов роста. Основные доводы в защиту этой точки зрения таковы: равновесие, достигнутое путем контролирования спроса, на деле представляет собой пассивное кратковременное равновесие, полученное при неполном использовании возможностей производства товаров повышенного спроса. Это приведет к сдерживанию экономического развития, а свободная экономическая обстановка, которую требует реформа, может быть создана лишь путем развития экономики. Нереалистично проводить реформу тогда, когда предприятия уже создали свободную обстановку.

— Увеличение предложения. Макроэкономическая политика должна быть направлена на увеличение предложения, так как контроль над спросом не соответствует реальным условиям Китая. Одно регулирование спроса не в состоянии решить такие проблемы, как перестройка структуры и распределение ресурсов; ограничение спроса не окажет позитивного влияния на предложение. Китай располагает отсталой промышленной базой. Тенденция к росту потребления требует строительства объектов инфраструктуры.

— Увязывание спроса и предложения. И ограничение спроса, и увеличение предложения имеют свои положительные стороны. Сдерживание спроса регулирует экономический цикл, ограничивая или стимулируя спрос в целях быстрого достижения равновесия совокупного предложения и совокупного спроса. Это равновесие имеет целью путем улучшения прибыльности поставок и оптимизации распределения ресурсов увеличить предложение в будущем. Два направления должны не заменять одно на другое, а дополнять друг друга.

Перевод с англ. яз. М. Г. СОЛНЦЕВОЙ

Прорыв

ЛЮ БИНЬЯНЬ

Очерк известного китайского публициста Лю Биньяня рассказывает о «точке» на обширной географической карте Китая — особой экономической зоне Чжухай. Начало 80-х гг. Китайское общество делает первые шаги по пути всесторонней экономической реформы, и экономическая зона Чжухай, люди, которые в ней работают, находятся как бы на острие новой политики. Особая экономическая зона обязана идти в авангарде преобразований — она находится на особом положении, руководству даны особые права. Но в то же время Чжухай — часть огромного Китая. Его развитие, как и развитие всей страны, тормозится прошлым, ошибками последних десятилетий. Старое не сдается само по себе, оно отстывает только благодаря упорству и энтузиазму увлеченных, уверенных в своей правоте людей. Об этом — очерк Лю Биньяня, и этим он, думается, созвучен тем процессам, которые происходят сейчас в нашей стране.

Гуань Вэньхуа где-то допустил ошибку.

ЦК решил, что особый экономической зоне нужны новые преобразования, а значит, нужны дороги, порт, телефонные линии, электроэнергия. На все это, естественно, требуются большие деньги. Денег же этих у него, генерального директора компании по развитию особой экономической зоны Чжухай, нет. В 1981 г. разрешили самим вести экспорт и импорт. Очень хорошо. Но оборот шел медленно, денег приходило мало. Потом из центра приехали люди — хотели импортировать разную аппаратуру для Министерства образования. И Гуань Вэньхуа тогда подумал: а если точно такие же телевизоры и магнитофоны в больших количествах перепродавать во внутренние районы страны? Вот где деньги! Доложил тогда же наверх — разрешили. А теперь и это не спасает: тут, мол, надо смотреть шире, политически. И посмотрели — «несправомерные действия с целью получения незаконных прибылей».

Но в чем же суть ошибки? «Частнособственнические устремления»? Ерунда. Жадность? Нет. Простая уголовщина? Тоже нет.

Но ошибка есть ошибка. И, естественно, последовало «персональное дело».

...Но порт, эта жизненная артерия, соединяет особую зону со всем миром. Вот он, уже готов к навигации. А ведь так бы и остался на ватмане, если бы генеральный директор не ухитрился всеми доступными и недоступными методами достать нужные миллиарды юаней. Один лишь порт. А на него ушла добрая половина доходов.

Партком обсудил персональное дело. Наказывать или нет? В конце концов решили, что нет. Ведь «ошибочные действия» ошибочные, если на них смотреть только с формальной стороны.

... Гуань Вэньхуа раньше всегда был образцом по части экономии продуктов питания. Завтрак обычно пропускался. Обед — какое-нибудь печенье или, если есть время, лапша. Получалось, что даже воду экономил: приходил домой поздно, еле живой от усталости, и ложился сразу, не умывшись.

И среди всего этого недосыпания, недоедания, усталости — еще кое-что.

Дома обычно ждешь тепла или по крайней мере покоя. Но вдруг слышишь:

— Так тебе и надо!

Может, это родная душа ущемлена, обижена за себя? Но потом уже такое проявление любви:

— Дурачок, да и только!

К этому можно привыкнуть. И к тому, что потешаются. Вот сегодня услышал:

— А! Это этот, что ли, чудаки ради дела себя годами изводит?

Но «дурачок» — не только проявление обиды, странной любви или иронии. Есть здесь и доля истины. А почему не быть дурачком, чудаком? Когда кончилась власть «банды четырех», он руководил электрической компанией на острове Хайнань. Потом взялся на работу в провинцию. Дел тогда было невпроворот. Неразбериха, все чего-то просят, особенно знакомые, добиться ничего нельзя. Но он подумал: вот так сидеть за столом, переключать бумаги — разве это работа, разве это повышение? Тогда и подумал об особых экономических зонах. Зон, впрочем, как таковых еще не было. Зато многие говорили:

— Особые зоны, особые зоны... Это еще надо посмотреть. Да и приживутся ли они в нашей системе?

Гуань Вэньхуа пропускал подобные замечания мимо ушей. Был убежден, что желаемого будущего с постоянной оглядкой не построишь.

Покинув тогда родной Хайнань, часто тосковал, Удивительный остров, лучшее место в стране — небольшое население, климат, первозданная природа. Да и сейчас, после стольких лет взлетов, падений, борьбы, эта тоска не остыла...

А вообще как расхочется жизнь с нашими мечтами! Сначала думаешь: горы сверну! Потом идут годы, чего-то не доделал, где-то вовремя не сказал правды, и лучшее время уже позади. Взять эту историю с аппаратурой. Что он сделал не так? С кем не договорился? Надо было искать другой путь?

3-й пленум ЦК поставил все точки над «i». В том числе и в отношении особых экономических зон. Одна из задач — разработка новых путей экономической реформы.

Это место не так легко отыскать на карте. Страна так велика, и особая зона — всего лишь точка.

Особая экономическая зона. Чжухай.

Море без усталости, день и ночь выплескивается на мелкий горячий песок и отходит, чтобы снова броситься вперед. Волны прилива добросовестно докладывают о времени дня и тоже исчезают. Земля пропитывается солнечным теплом и обильными дождями.

Тридцать два года назад Гуань Вэньхуа был в числе тех, кто освобождал эту землю. Бурная жизнь, казалось, закипела тогда в этих местах. Но прошло несколько лет, и все снова замерло. Рыбаки в старых лодках изо дня в день выходили в море, забрасывали сети и с тем, что послал бог, возвращались в свои лачуги.

Но в 1980 г. берег был снова разбужен. Нагнали техники: экскаваторы, трактора, самосвалы. Но главное — приехали новые люди. Эти люди постарались сразу навести порядок в том, что лежало на поверхности, — поднять улов. Но дух «коммунизма» царил прочно — рыбаков долго нельзя было расшевелить: много поймал, мало поймал — без разницы. В управлении хозяйством царил хаос, уровень производительности труда — ниже некуда. Гуань Вэньхуа и Ма Цзяньцин разобрались в ситуации, сделали расчеты и результаты послали с докладом в провинцию. Но в ноябре того года волны борьбы с «правым оппортунизмом» докатились и до них. Доклад был признан «отражением правого оппортунизма в рыбном хозяйстве». Ма как оппортуниста сняли со всех постов, а Гуань Вэньхуа как «главный оплот правых сил» был, кроме того, на год исключен из партии.

Сейчас уже кажется, что это было вполне заурядное дело на фоне десятилетия чудовищных беспорядков. Потом они снова получили работу и снова оказались на «неудобном» переднем крае строительства. Можно было, конечно, на все махнуть рукой и получить теплое место в руководстве. Но разве себя переделаешь?

Так получилось, что те люди, коммунисты, решавшие когда-то судьбу Ма и Гуаня, не поняли их и прошли мимо той силы, которую они представляли. Может быть, поэтому они оба и совершили новую «ошибку».

Дорога незнакомая и трудная.

Каждое утро, около семи, Гуань Вэньхуа появляется на автобусной остановке. Старый автобус собирает служащих компании и отвозит их на работу. Кое-кто,

правда, добирается сам — на мотоцикле или велосипеде.

Солнце яркое, как будто вымытое в море, и воздух чистый, необычно прозрачный. Да и все вокруг посвежее, играющее цветами радуги, словно только что выкрашенное. Разница между старым и новым видна резче. Дом, в котором живет Гуань Вэньхуа, магазин, улица — все выстроено недавно. А ведь когда-то здесь был один песок.

Автобус движется дальше, и открывается пейзаж, даже для этих мест удивительный. На самом берегу на высоком постаменте стоит фигура молодой рыбачки. Нержавеющая сталь отливает на солнце каким-то жемчужным блеском. Еще два года назад секретарь городского комитета партии говорил о том, как им, начинающим новое дело, нужен свой символ. И лучше — какой-нибудь обелиск прямо на берегу, чтобы даже проходящие вдали корабли видели: здесь Чжухай. А Гуань думает, что фигура молодой женщины говорит еще и о другом: здесь страна открыла миру, открыта новому и молодому.

Здание компании тоже построено недавно. На всех десяти этажах деловая обстановка, суета. Редко услышать разговоры, смех. Сюда стягиваются нити, экономически связывающие зону с внешним миром.

До последнего времени только немногие из сотрудников компании занимались внешней экономикой. Гуань Вэньхуа давно выучил английский, японский, но с иностранцами потом общаться не приходилось. После того как стал «правым уклоном», отправился работать непосредственно на «место падения» — рыбные промыслы. Там узнал многое: метеорологию, механику, навигацию. А до того, на Хайнане, чего только за семь лет не пришлось делать. Добычей каучука, например, занимался каждый день. Но сейчас это все ни к чему. Помогают иногда только те экономические знания, которые он приобрел до и после своего «правого уклона». И еще кое-какая теория — «Капитал» он изучал в тюрьме во времена господства «банды четырех».

Приступив к новой работе, Гуань, конечно, сразу столкнулся с трудностями. Вот, например, дело с гонконгским бизнесменом. Совместная разработка каменоломен. Оборудование поставлял иностранец и платил за каждый кубометр камня по четыре гонконгских доллара. До этого Гуань со своим заместителем уже обожглись на одном договоре, подписали и только потом поняли: ошибка на ошибке и сплошные убытки. Поэтому в этот раз были осторожнее. Почему именно по четыре доллара? Почему не больше и не меньше? Чем обоснована цена? Ему отвечали:

— Да здесь уже тысячу лет пустырь. Кто и когда еще за него возьмется.

Но Гуань не успокоился. Достал справочники и стал изучать: цены на сырье в регионе, цены в Гонконге. Наконец сам поехал в Гонконг. Вернувшись, предложил начать новые переговоры, хотя многие были против — не отпугнем ли партнеров? Гуань настоял на своем. Когда бизнесмен пришел, выложил ему подготовленную подборку фактов и сказал:

— Ну что? Четыре доллара не слишком большая цена?

Бизнесмен промолчал. Но потом, в заключительном соглашении, цена за каждый кубометр чжухайского камня была чуть ли не втрое больше первоначальной.

Но получение прибыли от торговли — это еще самое простое. Главное и самое трудное — привлечение людей: бизнесменов, туристов. В Гонконг иностранные компании вкладывают миллиарды. Да и вообще опробованных мест, куда можно вкладывать деньги, много. А нас все еще обходят стороной. И не зря, по правде сказать. Условия жизни плохие. Иной раз по телефону не прозвониться, газеты свежей не достать. Но надо по возможности об этом не думать, не замечать, делать свое дело. Нельзя жить только сегодняшним днем (кто лучше его знает, как нужны сейчас особой зоне деньги?), нужно заглядывать подальше вперед — экономическая стратегия, политические принципы. Годится ли, например, это предприятие? Соответствует оно линии развития страны? А может, только принесет вред... Нужно разбираться во всем досконально, уметь оценить, потом убедить других.

Легко сказать! Каждый день наваливается столько безотлагательных дел. В прошлом году было рассмотрено более двухсот важных вопросов, и в убеждении всех сколь угодно важных участников Гуань Вэньхуа. И не просто участвовал, а разбирался, винкал, старался сделать прогноз. Иногда истина приходила только в споре, прямо во время обсуждения. Но это возможно только при организованном споре, и Гуань следит за этим, направляя дискуссию к цели. Это целое искусство —

создавать равновесие спора, чтобы один не подавлял другого, чтобы все высказывались безбоязненно и все это сводилось к общему результату. И чтобы не было личных обид.

Жизнь засыпает миллионами мелочей, но по каждому вопросу проводить дискуссию невозможно, и руководители компании изю всех сил стараются не расплытаться. А вокруг все спешит, нервничает, торопится, пытаются привлечь внимание к себе.

— Почему вы до сих пор не расширили производство на этом электростроительном заводе! — кричит кто-нибудь. — Ведь там можно трудоустроить еще двести человек!

— Не торопитесь, — отвечает Гуань, — вы просто недостаточно разобрались. Продукция завода пока не находит полного сбыта. Что будут делать эти двести человек?

... Один из сотрудников компании обсуждал с гонконгским бизнесменом проект постройки стадиона для автогонок. Проект был признан неудачным — сильно портит пейзаж. Гуаню такая резолюция показалась неубедительной. Он разобрался в деле и, хотя пришел к такому же решению, причины указал другие. Если цель строительства — развлекательное сооружение, то в финансовом отношении нам это пока ничего не даст. Если цель — тотализатор, азартные игры, то это нам тем более ни к чему...

— Где расширяется производство электронных калькуляторов. Почему до сих пор в Чжухае нет такого завода?! — гневно вопрошает кто-нибудь.

— Такая продукция должна сбываться за рубежом, — говорит Гуань Вэньхуа. — Электрокалькуляторы рационализируются и совершенствуются раз, а то и два раза в год. Гонконг и то не может за Японией угнаться. А нам с кем конкурировать? К тому же подобное производство будет означать импорт основных деталей. В результате на нашу долю достанутся простые сборочные операции. Кому это нужно?

Неудивительно, что с легкой руки тех, кто задает подобные вопросы, Гуань скоро прослыл консерватором.

Дорога все труднее.

— Наша налоговая политика создавалась в начале 50-х гг., а мы до сих пор продолжаем за нее крепко держаться, — так начал разговор Тан Вэй, заместитель туристической компании Чжухая. — В настоящее время по отношению к зарубежным капиталистам мы используем те же методы, что использовали по отношению к своим капиталистам в 50-х гг. Ведь это чушь! По-другому не скажешь! Конечно, так меньше хлопот. Но дело-то будет стоять на месте.

Тан Вэй давно на руководящей работе в провинции, раньше занимался сельским хозяйством. У него большой опыт, он много повидал, и к каждой острой проблеме у него оригинальное, свое собственное отношение. Одним из важнейших дел он считает организацию туризма из внутренних районов страны. Чем больше людей увидят этот разбуженный край, тем больше будет сторонников у новой политики, больше будет вера в инициативу и творчество человека.

Тан Вэй продолжает:

— Открытая политика, особые экономические зоны — вот самые яркие проявления нового курса, обновления. Но с другой стороны, сколько все-таки еще старого путается под ногами! За примером далеко ходить не надо. У нас, как у всякой туристической компании, огромный автопарк. Когда я был в Японии, то договорился с одной из фирм о том, что они оборудуют у нас авторемонтный центр. Подписали соглашение, руководство зоны его одобрило. Все хорошо. Но когда везу оборудование к себе, на нашей таможне меня останавливают и говорят, чтобы мы платили пошлину. Почему? На каком основании? А потому, что ремонт, говорят, это ваше внутреннее дело, с политикой открытых дверей оно не связано. Поэтому платите. Сколько? Несколько сотен тысяч юаней. Конечно, я с ними спорил, да все без толку. Пришлось платить.

— Так как же быть? — продолжает Тан Вэй, — ведь особая зона должна быть по-настоящему особой. В ней должны действовать особые законы, гарантирующие ей особое развитие. Ведь мы, по определению, должны отличаться от внутренних районов.

На лицах некоторых из тех, что слушал Тан Вэй, появляется испуганное выражение. Но ведь это мысли не одного Тан Вэя. Я давно слышу подобные вещи. И все сходится в одном: когда особые экономические зоны перестают быть особыми, сразу возникает множество проблем, и проблем серьезных. Только

для постройки порта нужно было заручиться поддержкой и одобрением более десятка министерств.

Вообще это история, от которой можно и смеяться, и плакать.

Особая экономическая зона не может существовать без порта. Иначе как доставлять в нее людей, материалы, продукцию? Короче, как осуществлять импорт и экспорт? Но когда встал вопрос о постройке в Чжухае международного порта, неожиданно нашлись голоса против. Сколько времени пришлось потратить на уговоры, разъяснения! Наконец все согласилось: будем строить порт. Но скоро из провинции приходит бумага: билеты для тех, кто хочет прибыть в зону морем, покупать единым порядком, через провинциальное отделение транспорта. Зачем? Для чего?

Особой зоне нужна вода. Выбрали место у реки, чтобы строить водонасосные сооружения. Но тут вмешиваются городские власти: строить можем только мы. Хорошо, стройте сами. Отвечают: нет денег. Особая зона дает деньги. Начинают строить. Потом что-то у них не ладится, присылаем из зоны специалистов, технику, ремонтируем. Потом у них опять что-то не ладится, и так без конца.

А электроэнергия? Смешно сказать, португальской колонии Макао государство продавало электроэнергию намного дешевле, чем собственной особой зоне.

Гуань Вэньхуа иногда думает, что за два года работы в Чжухае он стал настоящим крохобором, стяжателем, ищущим, где бы чего урвать. Не для себя, конечно, но все-таки. Вот, например, еще одна постоянная острая проблема — цемент. Плановые органы три шкуры дерут за выполнение плана и в то же время упорно не включают особую зону в число объектов, нуждающихся в первоочередном снабжении цементом. Сколько Гуань ни ездил, сколько ни обивал порогов, ничего не получается. От безысходности отправился в Министерство внешней торговли. Почему у вас цемент? По сорок десять американских долларов за тонну, но это для Гонконга и Макао. А для нас почему? А для Чжухая — по пятьдесят три доллара за тонну. Как-то после этого Гуань встретил одного из руководителей этого министерства.

— Товарищ, — сказал Гуань, — я не прошу каких-то особых привилегий. Но нельзя ли меня рассматривать наравне с бизнесменами из Гонконга и Макао?

Начальник посмотрел на него и обещал разобраться. Однако прошло уже полгода — и ни ответа ни привета.

Все эти трудности, несоответствия ставят вопросы и перед ним лично. Вчера он был простым рабочим, все было проще. Сегодня отвечает за компанию, за огромную стройку, а это не может не отразиться на самооценке, на самоуважении. Возможно, завтра он будет отвечать за что-то еще более важное и грандиозное, и это снова на нем отразится. Каждый успех на стройке Гуань воспринимает как личную победу. Но каждая неудача грозит его авторитету, самооценке.

Человек — земля — золото

Этот инженер появился в Чжухае в то время, когда уже подходила к концу дискуссия о строительстве в особой зоне района Чжунси и о значении этого района для развития всей зоны. Звали его Ван Фэн. Представляясь в горкоме и потом в компании по развитию, он говорил:

— У меня очень много недостатков. Легко раздражаюсь, вспыльчив. На прошлой работе со многими был в ссоре. Образование небольшое. Способности средние. Кроме того, язвительен и говорю, что думаю...

Вступив в должность, он облазил все холмы и горы вокруг города, чтобы уяснить, как все выглядит на самом деле. И обнаружил ошибки в плане строительства, потому что проектировщики, сбивые с толку растительностью, неправильно определили высоту над уровнем моря. Он изучил весь город и внес массу предложений, позволивших сэкономить несколько миллионов юаней и улучшить будущий вид города.

Ван Фэн вместе с шестью специалистами из Англии занимался строительством района Чжунси. И здесь он выдвинул множество прекрасных рационализаторских предложений. Англичане были очень удивлены, когда узнали, что Ван Фэн окончил всего лишь специальную среднюю школу. Потом один из них сказал, что не встречал в Китае людей с таким подлинно инженерным мышлением.

Подлинно инженерное мышление. А как недостает многим выпускникам университетов умения быстро усваивать информацию, анализировать ее, выделять существен-

ное, находить взаимосвязи. Единственный учитель здесь, видимо, практика. Никакая служба в строительных конторах, никакая общественная работа не могут воспитать широкого и самостоятельного взгляда, смелой аналитической мысли. Ван Фэн не учился в университете, но его опыт, самостоятельная позиция, его интерес к жизни позволили ему стать настоящим мастером своего дела. В 1950 г., еще подростком, он участвовал в работах по ремонту и восстановлению одного из крупных мостов. Потом долгие годы занимался техническим оснащением железных дорог. В эти годы он и развил в себе подлинное инженерное мышление.

Иногда бывает так, что человеку трудно совладать с самим собой, отстоять независимость своей позиции, своего мышления. Трудно, когда все вокруг не правы, а ты прав. К тому же, если у человека имеются яркие достоинства, у него, как правило, и много ярких недостатков.

Ван Фэн всегда был ярким человеком.

В конце 50-х, когда жизнь внутри партии и внутри страны усложнилась, он не выдержал и споткнулся. Что заставило его так измениться, во всем поддерживать руководство, впадать в демагогию? Хорошо еще, что это не отразилось на его профессиональных качествах, инициативности, творческом азарте.

Сейчас все его коллеги по работе в компании, друзья полностью доверяют ему, и в этой атмосфере доброжелательности и доверия его инженерный талант раскрывался с наибольшей полнотой. Руководство компании в один голос утверждает, что в городе нет ни одного инженера, который мог бы сравниться с Ван Фэном, и что он один стоит десятка обыкновенных специалистов.

Двадцать седьмого мая на расширенном заседании правительства города выступал с докладом главный инженер компании по развитию особой экономической зоны Чжухай — Ван Фэн. Он рассказывал, изредка заглядывая в бумаги и обращаясь к висящим рядом ярким схемам и картам. Постепенно вырисовывался общий план развития особой экономической зоны, который будет претворяться в жизнь на базе широкого привлечения иностранных специалистов.

— Данный проект, — говорит Ван Фэн, — учитывает реальные возможности особой зоны — как технические, так и экономические. При планировании развития отраслей мы постарались учесть взаимные потребности каждой из них, то есть формировать плановую политику на комплексной основе. Надеемся, что это увеличит фондоотдачу, эффективность строительства, выведет конечную продукцию всех отраслей на самый современный международный уровень.

Здесь надо отметить, что «самый современный уровень» — это в основном уровень предприятий по переработке импортируемого сырья или предприятий компенсационной торговли. По-настоящему передовая технология приходит на фабрики с совместным управлением или полностью принадлежащие иностранным бизнесменам. В этом-то, кстати, одна из причин существования особых экономических зон.

Ван Фэн говорит все оживленнее, увлекается и наконец, совсем забыв о бумагах, рассказывает всем о своем детище.

Международный транспорт, сети дорог, скоростной автобан Макао — Гуанчжоу — Гонконг. Морской порт. Аэропорт.

Ван Фэн мечтает о том, что важнейшей особенностью будущего развития Китая будет тесная взаимосвязь с мировой экономикой, со всеми странами.

В конце доклада он говорит об окружающей среде. Окружающая среда! Наверное, он затронул этот вопрос в последнюю очередь как раз для того, чтобы заострить на нем внимание. Нельзя строить, развиваться за счет окружающей среды. Конечно, это идеал. Строительство, да еще с таким размахом, так или иначе нанесет ущерб земле, горам, рекам, изменит пейзаж. Но нужно не только охранять и восстанавливать природу, а затрачивать силы и средства на то, чтобы приумножить это естественное богатство страны.

Доклад, однако, на этом не кончился. Разговор пошел уже об экономии времени и средств. В этом большую роль сыграет скоро начинающий работать порт. Но главное — это инициатива, творчество каждого, рационализация любого, даже самого мелкого, производства.

В городе появляется три новых микрорайона. И в каждом — свой центр, жилые дома, магазины, школы, места отдыха, парки и так далее. Микрорайоны рассчитаны на небольшую плотность населения.

Запланировано строительство широкого шоссе для сообщения с Макао и вообще значительное расширение дорожной сети в особой зоне и вокруг нее.

Город обещает быть красивым. Здания будут вписываться в окружающий ландшафт, и в зависимости от этого выбрана их архитектура. С балконов 15-этажных типовых домов можно будет любоваться видом на море. Промышленные районы свяжутся удобным сообщением с жилыми.

Скоро начнет действовать совместное предприятие по производству стекла. Кроме товаров широкого потребления, оно обеспечит строительство необходимым стеклом. Другое совместное предприятие — керамическая фабрика — уже построено. Особая зона сможет строить из собственных материалов, а на основе тесных контактов с внешним миром активно использовать достижения современной архитектуры. Здесь уже работают мебельная фабрика, несколько заводов строительных материалов, деревообрабатывающая фабрика. Все это — предприятия с участием иностранного капитала, что обеспечит уровень и качество продукции.

Общественный транспорт. Здесь Ван Фэн, изучив положение дел в городских хозяйствах за рубежом и учитывая особенности Китая, предлагает: развитие частного автомобильного транспорта нужно органичивать, ведущие позиции должен занимать общественный транспорт.

Нельзя забывать и то, что особой экономической зоне Чжухай предстоит стать одной из опорных баз по разведке и добыче нефти в Южно-Китайском море. Это означает дополнительный приток рабочих, специалистов, а следовательно, большое дополнительное строительство.

По предварительным подсчетам, на строительство потребуется примерно пять миллиардов американских долларов. Иностранные компании-участницы уже решили в качестве начального капитала выделить миллиард долларов.

Сколько это потребует времени? Около семи лет — менее одной пятой всей истории существования КНР. Но если особой экономической зоне запретить привлекать иностранный капитал, заставить опираться только на свои силы, то такие темпы станут невозможными — только капитальное строительство требует 340 миллионов американских долларов. Сроки строительства в таком случае увеличатся во много раз, да и трудно будет обеспечить современный технический уровень.

Но в то же время надо помнить, что страна велика и у ее великой стройки столько нужд и потребностей. И в будущем особая зона не должна мириться с тем, что крохотному кусочку земли, составляющему одну двухмиллионную часть всей территории, страна ежегодно отдает одну шестидесятую своего потенциала. Особая зона должна будет прочно стоять на ноги, и в том числе в добыче важных видов сырья. Хотя, как уже говорилось, здесь нужно действовать осторожно, оберегая прекрасную природу этого уголка и сдерживая расточительную добычу природных ресурсов, которая, если говорить о далекой перспективе, к тому же будет невыгодна и экономически.

Что даст в плане трудоустройства сотрудничество с иностранным капиталом, строительство промышленных районов? По подсчетам, удастся трудоустроить несколько десятков тысяч человек. Молодежи будет предоставлена возможность учиться в средних общих и специальных школах, в институтах.

Прошлое принадлежит прошлому

Главный инженер Ван Фэн изредка специально разыскивает генерального директора Гуань Вэньхуа лишь для того, чтобы сказать ему несколько слов. Для Ван Фэна это исключение. В компании давно подметили, что обычно он избегает общения с руководством. Его трудно заставить даже по делу поехать в горком. С простыми же сотрудниками и рабочими он держится уважительно, просто и легко.

Отыскав директора, инженер так или иначе проявляет заботу и сочувствие. Например:

— Не забывайте о своем здоровье, ведь у вас столько дел. Пусть люди болтают, что им угодно. Сейчас такие сложные времена, не то что 30 лет назад.

Инженер уходит, но директор не улыбается, у него грустное лицо. Вроде бы сказаны теплые слова, но как от них веет чем-то неискренним. И от того так пусто и холодно на душе. Ну почему, почему человек, даже тот, кото-

рый полностью отдает себя любимому, настоящему делу, не может себя преодолеть? И дело не в Ван Фэне, все мы грешны. Но как ни крути, мы живем в реальном мире, и нас окружают реальные люди, с которыми нужно делать одно общее дело.

Более двадцати лет назад, в конце 50-х, когда он в первый раз стал «правым уклонистом», его — по его же просьбе — вернули на рыбные промыслы. Он жил и трудился с рыбаками. Люди знали, что он обвинен в преступлениях и ошибках и за это направлен к ним. Но никто ни взглядом, ни словом не дал почувствовать, что он в чем-то виновен, чем-то хуже их. За два года он изучил метеорологию, механику и многое другое. Но главное, что он понял, — это то, как надо жить. Понял, деля горести и радости с простыми рыбаками. Он даже написал пьесу, которая, конечно, нигде не была поставлена.

Когда началась «культурная революция», жизнь ударила его еще сильнее. Семь лет он был заключенным, «преступником».

Последнее время он все чаще и чаще вспоминает те годы. Несколько лет работал на лесоповале. Лес помнится подробно — зимний, осенний, летний. Деревья падают — одно за другим. Смола и сок — как кровь. Чтобы как-то устоять старался думать о далеком и свободном прошлом. Родина, должно быть, и ты, как дерево, истекаешь сейчас кровью под ударами?

В передышках между делами он думает над тем, что его всегда волновало и волнует поныне. Свободного времени так мало, и воспоминания, словно ища лазейку, становятся как бы частью реальной жизни. Он много читает, особенно по истории и философии. Два вопроса не дают ему покоя: как могло произойти то, что произошло, и как сделать так, чтобы это больше не могло произойти в стране никогда... Порой он ощущает в себе какое-то особое чувство истории. Слишком просто было бы свалить все на одного или нескольких людей. Он верит: существует неизбежная нить судьбы, проходящая через все 29 лет. Но как узнать, из чего и как она сплетена?

Порой мы распалеемся, испытываем праведный гнев, вспоминая 1956 год. Какой счастливый шанс был в руках, страна могла пойти по собственной дороге преобразования и строительства. В 59-м опять возник этот шанс — и опять был потерян. Как легко теперь, на расстоянии, видеть эти потерянные возможности. 1962-й — уже не только видимость, но и какое-то воплощение перемен к лучшему. Китай напоминает вилляющую по жуткой, разбитой дороге машину. Особенно после начала «культурной революции».

Но и потом можно разглядеть проблески света. В первой половине 70-х гг. начиналась критика ультралевых, но все было задушено мощной волной борьбы против «правого уклона». В 1974 г., когда вышел из тюрьмы, он своими глазами увидел это поистине стихийное бедствие.

1975 год — новый шанс. Дэн Сяопин стал руководить работой Центрального Комитета. Казалось, теперь-то наверняка все изменится к лучшему, но снова пришлось отступить.

Почему приходилось все время отступать? Люди верили, старались, отдавали все силы, но становилось только хуже и хуже. Как все могли вдруг заболеть этим «левым» вирусом? Куда делось все прежнее? Почему был перевернут и поставлен на голову мир и все лучшее стали называть пугающими, страшными словами — «правый уклон»? Правду, справедливость, науку, стремление исходить из очевидных факторов. Не потому ли, что все эти лозунги «путь народа», «голос народа», «вместе с народом» были лишь попыткой замаскировать чьи-то личные цели?

Выйдя на свободу в 1973 г., он часто навещал знакомых кадровых работников — тех, кто тоже был репрессирован, унижен, оскорблен. Он стал замечать, что трудные годы многих изменили: как будто они что-то потеряли, что-то важное для себя. Опустевшие дома, куда-то подевавшиеся жены и дети — все это он мог понять. Но как можно терять волю, становиться малодушным? Не верил, что некуда себя деть, некуда приложить силы. Потом горько усмехался: партия указывает путь к освобождению всего человечества, а с себя начать коммунист не может.

Какая долгая и страшная дорога пройдена за эти десятилетия. Конечно, от нее просто так не отделаешься, не вычеркнешь. Даже сейчас, когда вдруг возникает необ-

ходимость решить новый важный вопрос, какая-то привычная сила тянет, толкает его в прошлое. Он сопротивляется, он знает, как это опасно...

Правда Чжоу Дэцзы

Еще в те времена, когда особая экономическая зона только создавалась, один из сотрудников компании спросил:

— Вот особая зона. Экономический базис у нее — капиталистический. А вы уверены в том, какая будет надстройка?

А ведь этот сотрудник долгое время работал за границей.

Тогда еще у них ничего не было — ни денег, ни доказательств. В окрестных полях проложили первые борозды плугом. И сразу пошли разговоры:

— Да что у них тут вырастет? Как всегда — одни убытки.

На первом году существования особой зоны Гуань Вэньхуа попал в Пекин и случайно свел знакомство с известной старой писательницей. Естественно, он пригласил ее посетить особую зону Чжухай.

— Нет-нет, я не поеду, — сказала писательница, — вы там строите заграничный мир... Да и вам я советую, Гуань, умойте руки и отойдите от этого дела. Разве можно участвовать в мирной реставрации старого?

А вот как совсем недавно высказался один ответственный работник городского народного правительства:

— Сколько перемен за эти годы! Нет слов! Но если говорят, что провинция под угрозой мирного перерождения, то Чжухай уже переродился!

Как они все бдительны!

Если их послушать, то подумаешь, что нет людей, которые более горячо любят социализм, верят в него, в его преимущества. Но, с другой стороны, возникает вопрос. Ведь с их точки зрения, социализм — это нечто очень чистое, обособленное и отгороженное от всего грязного. Создали особые экономические зоны, значит, запятали социализм, а там он и вовсе свою чистоту потеряет. По таким понятиям, раз уж мы уничтожили капитализм, нигде нельзя с ним иметь дело, чтобы никто и не знал, что это такое.

Связи Чжухая с внешним миром имеют давнюю историю. Несколько лет назад там был установлен памятный обелиск «50 лет Сянчжоу». В начале века один из широко мыслящих китайских патриотов решил создать здесь торговый и промышленный центр, основанный на внешней торговле. Он сумел осуществить свою идею, вложив свои средства и сумев привлечь капитал богатых китайских эмигрантов. Так возник торговый порт Сянчжоу, который сейчас является одним из районов Чжухая. Однако политика цинских властей, препятствовавшая отношениям с внешним миром, не способствовала развитию промышленности и внешней торговли. Только после Синьхайской революции, дело пошло живее, возникла настоящая конкуренция с Макао.

После основания Китайской Народной Республики появились новые перспективы развития внешнеэкономических торговых связей. С середины 50-х гг. была разрешена приграничная торговля с Макао. С разрешения провинциального комитета партии здешние большие производственные бригады на широкую ногу поставили торговлю сельскохозяйственной продукцией. Если кто-то заболел, можно было вызвать врача «из-за границы». Гражданам Гонконга и Макао также было разрешено вести торговлю, которая сводилась в основном к покупке сельхозпродуктов и продаже промышленных товаров. В те времена экономическое положение Макао было тяжелым. В колонии царили безработица и нищета, многие безработные перебежали в КНР. Но в 1957 г. началась кампания против «правого уклона», и все «двери» были закрыты. В 1962 г. экономические трудности привели к критике ультралевого уклона, и одна створка «дверей» была открыта, стали опять приторговывать. Но в 63-м началась очередная кампания — «по социалистическому воспитанию», и «двери» снова плотно закрылись, на этот раз на 16 лет.

У «собственного», китайского капитализма, естественно, тоже очень непростая судьба. После освобождения Китай имел отношения практически лишь с социалистическими странами, а от остального мира был как бы отрезан. Внутри страны с капитализмом особо не разбирались. Подавляющая часть населения и большая часть кадровых работников считали, что с капитализмом нельзя иметь ничего общего.

Взгляды на капитализм формировались исключительно в ходе политических кампаний и несколькими лозунгами. За тридцать лет фактической изоляции Китая мировой капитализм претерпел гигантские изменения. Он стал совсем не таким, каким китайцы видели его когда-то в Шанхае и Тяньцзине, а это стало очередным препятствием на пути из изоляции. Как быть с этим оборотнем? Нужно ли его до такой степени бояться? А может, и нам что-нибудь пригодится? Может, все-таки рискнуть?... Мнения были очень разными, что тоже способствовало топтанию на месте.

Так должен ли социализм бояться капитализма? У некоторых людей есть ответ, основанный на собственном опыте. За примером далеко ходить не будем — возьмем одну из больших рыболовецких бригад особой зоны Чжухай.

Начать можно с конца 50-х гг., когда здесь, как и по всей стране, наступил голод. Почти весь улов рыбаки, согласно указаниям сверху, отправляли в провинцию. Конечно, такое положение дел не способствовало активности, инициативе рабаков, уловы падали. В это же время многие стали уходить в Гонконг.

Однако, с точки зрения «теоретиков», это не было главным. Ведь главное — это надстройка, дух. Главное, чтобы твой социалистический дух оставался чистым и непоколебимым. Эти теоретики считали недостойным обращаться к «низменным» потребностям человека. Они не понимали, что дух, подобным образом оторвавшийся от земли, становится абстракцией, пустотой и в конечном счете ложью.

Секретарем одной из рыболовецких бригад был Чжоу Дэцзы — человек, крепко стоявший на земле и не любивший демагогию. После печального опыта конца 50-х гг. он ясно понял: нужен другой путь. Социалистический, но не фальшивый, а настоящий. Он пошел в народный банк и взял кредит. На деньги купил моторы и оборудовал ими лодки бригады. Рыбаки постепенно привыкли отходить от берега, от устья реки далеко в море. Уловы стали расти на глазах, как и доходы бригады — сто тысяч, двести, триста тысяч...

Однако вести лов становилось все труднее. Рядом набирал мощь конкурент — Гонконг, за последнее десятилетие получивший поразительно быстрое экономическое развитие.

В 1979 г. Чжоу Дэцзы услышал о новой политике, о формировании особых экономических зон. Одновременно он узнал, что крупная рыболовная компания в Гонконге хотела бы сотрудничать с Чжухаем. Через некоторое время Чжоу со своими ближайшими помощниками по бригаде организовал переговоры с гонконгской компанией. На переговорах быстро пришли к соглашению: компания дает бригаде кредит в пять миллионов гонконгских долларов, на которые можно приобрести семь рыболовных катеров с самым современным оборудованием. Бригада будет расплачиваться с компанией частью улова. Через три года катера стали бы полной собственностью бригады.

Но именно в это время сверху пришло распоряжение: запрещается импортировать промышленное оборудование без специального разрешения. Значит, на покупку рыболовных катеров необходимо предварительное разрешение. Это означало несколько месяцев задержки.

— Несколько месяцев! — вскричал Чжоу. — Отцы небесные! Как будто весенний лов будет ждать этого предварительного разрешения!

Но он не отступил, а стал действовать еще активнее. К компании обратились с просьбой: сначала выдать кредит, а уже потом, позже, подписать соглашение. Компания заколебалась, но в конце концов согласилась. У Чжоу Дэцзы была репутация человека, на которого можно положиться. Кроме того, его бригада обладала производственным капиталом в несколько миллионов юаней, которые могли служить своего рода залогом. Чжоу сам выбивал разрешение, сам ездил в Гонконг. Соглашение подписали только через пять месяцев. Но к этому времени новенькие катера уже несколько месяцев рапортовали о богатом улове рыбы.

К этому времени пришли новые вести, принесшие новые радости и заботы. Можно было ехать в Гонконг и покупать товары на имевшуюся у бригады валюту, разрешалось организовывать туристические поездки.

Руководство бригады решило купить в Гонконге телевизоры и магнитофоны. За товарами была послана специальная торговая группа, и, когда она вернулась, каждый дом, каждая семья бригады получила новенький телевизор, приемник и магнитофон. Чжоу говорил молодежи:

— Ну что? Все болтаете — в Гонконге то, в Гонконге се. Смотрите — теперь и у нас все есть!

Но случилось то, чего он не ожидал. В одну из поездок в Гонконге осталось тринадцать молодых людей из бригады. Дело серьезное.

Партийный комитет заседал много раз. Выступали резко: усилить проверки, ужесточить режим, охрану. Чжоу качал головой. Что это даст? Что тебя остановит, если ты решился на такой шаг. Вот оно, море, теплое, спокойное — ныряй и плавь. Разве это в первый раз? Но что же все-таки делать? На одном из заседаний он не выдержал:

— И чего мы боимся! Что дадут ваши запланированные мероприятия? Вот разрешите бы всем желающим поехать в этот Гонконг, пожить несколько дней, посмотреть. Да я уверен, что после этого все поймут, что почему, что наш нынешний социализм лучше их пресловутого капитализма!

В 60-е гг. он не стал бы так расхваливать жизнь своей бригады. В 70-е — не осмелился бы выдвинуть такое предложение. Но сейчас он спокоен и отвечает за свои слова.

Конечно, он несет ответственность за каждого. И легче легкого — издал запреты и как бы снял с себя ответственность. Но Чжоу ясно чувствует, что жизнь сейчас требует иного. Ты запретишь, а он все равно найдет способ убежать. А если пока не сможет убежать, то спрячет свое «я», станет двоедушным. Чжоу все равно верит своим людям, верит в преимущество социализма. Поэтому он против всяких запланированных заградительных мер. А молодежь уже подходит, спрашивает:

— Вот вы говорите, что у нас лучше жить, чем в Гонконге. А мы-то сами не видели. Хорошо бы съездить, посмотреть!

Разве есть у него такое право — отказать им? Ты откажешь, и они закроют свои сердца для тебя. И как ты с ними будешь потом работать?

Вскоре, когда представилась возможность, Чжоу, никому не сообщив, отправил в Гонконг туристическую группу. Катер отошел от берега и скрылся, а на сердце стало так тревожно. Нет, он все так же верил этим людям. У них своя голова на плечах, они разберутся, где показное, фальшивое, а где правда. Но ум — одно, а сердце — другое, просто так его не успокоить. Прошел день, два, три. На четвертое утро он увидел приближающийся к берегу катер.

Группа вернулась вся. Послали вторую. А она вернулась не только вся, но даже с прибавлением — из тех, кто сбежал раньше.

— Ну что же, — сказал Чжоу, — вернулись — хорошо. Идите домой, отдохните. Скоро в море, за уловом.

Свободно обсуждали то, что увидели в колонии. Что-то хорошо, что-то очень не понравилось. Но главное даже не в этом...

Жизнь доказывает правоту Чжоу Дэцзы. Из тринадцати молодых людей, когда-то посланных в Гонконг, за два года вернулись все. Значит, не нужно бояться капитализма. Значит, люди все равно предпочтут социалистическое строительство, социалистические преобразования. Нужно только делать дело и думать о людях, и тогда крепкой будет их вера в социализм. На этот счет у Чжоу есть свой собственный опыт.

Не только материальное

Одно и то же средство можно использовать в разных целях. Случается, что поступки, действия, которые, казалось бы, должны приносить пользу, крепить наш строй, вдруг оборачиваются своей противоположностью. Капитализм живуч, и использование его экономических методов и приемов нередко порождает искривления в социалистической духовной культуре.

Мы многое перенимаем, порой с неожиданным успехом. Вот, например, в Гонконге и Макао магазин после открытия, как правило, не приносит прибыли. А мы открываем в особой зоне магазин, и он с первого месяца начинает давать доход. Обслуживание улучшается, прибыли растут. Опыт привлекает внимание не всей страны.

Методы управления изучены и заимствованы из Гонконга. Поэтому необходимо использовать капиталистический опыт управления производством? Или так: подобно методам подни-

мают производственную активность рабочих и служащих.

Все это так, и все это подтверждено фактами. Но ведь здесь говорится о внешней цели, о результатах системы управления. А что внутри? Если внимательнее присмотреться к подобным моделям управления, можно увидеть: поднимая эффективность, они оказывают большое влияние на отношение людей, на их духовные устремления.

Почему в нашей социалистической системе торговли и обслуживания очень часто возникают ситуации очковтирательства, показухи? Ведь за этим фасадом может скрываться все, что угодно. Почему проводившиеся десятилетиями кампании по пропаганде, воспитанию, повышению качества обслуживания, многочисленные методы материального стимулирования — все это до сих пор не решило проблемы?

Нужно решить какой-то конкретный вопрос в сфере обслуживания. Начинаются обсуждения, разговоры, изучения, совещания, разворачиваются кампании, исследования обстановки. Неразбериха, в которой теряются простые, нужные, правдивые сведения. Более последовательное соблюдение принципа оплаты по труду тоже в корне не улучшило ситуации.

Продукция сферы обслуживания — это обслуживание реальных людей. И здесь снижение качества выражается не в каком-либо плохом товаре, а отражается непосредственно на человеке, на его настроении, здоровье, в конечном счете на его образе мыслей.

На фоне предприятий торговли и обслуживания, в течение долгого времени приносящих убытки, туристический центр Чжухая выгодно отличается. Он всегда полон гостей, и показатели его работы улучшаются с каждым годом.

Все сотрудники предприятия проходят обучение, сдают экзамены. Здесь нет и не может быть никаких «левых» доходов. Каждому выдается «Рабочий справочник сотрудника предприятия», который является уставом для всех. Первая глава — «Права и обязанности сотрудников», далее — «Трудовой договор» и в конце — «Правила поощрения и наказания сотрудников». Все разобрано до мелочей, четко и ясно определено. В самом конце — еще одна рубрика — «Показатели работы». Здесь все разделено на графы в соответствии с профессиональными навыками, инициативой, рационализаторскими предложениями, умением вести себя с клиентами и так далее. Раз в месяц в каждую графу выставляются отметки по пятибалльной системе. Критерии оценки определены точно и одинаковы для всех сотрудников.

Оценивает работу сотрудников руководитель того или иного подразделения. Все показатели докладываются генеральному директору туристического центра, который и принимает окончательное решение.

Очень важно, что, обеспечивая учет, дисциплину, порядок, подобная система вовсе не обезличивает коллектив, не унифицирует сотрудников. Наоборот, люди прямо заинтересованы в том, чтобы высказывать свое мнение, не совпадающее с мнением руководителя, но способное принести реальную отдачу фирме. В разделе «О поощрениях» четко говорится о материальном стимулировании сотрудников, внесших вклад в модернизацию управления туристическим центром.

19-летний Чжан Цзиньчэн за два года работы поднялся с самой первой ступеньки служебной лестницы — сезонного рабочего — до заведующего отделом коммунального обслуживания. До него эту должность занимал специалист из Гонконга. Гао Юшань, которому 22 года, после трех месяцев работы стал руководителем группы, а вскоре — заведующим всеми пищеблоками. Оба они выдвинулись исключительно благодаря своим деловым качествам, показав себя инициативными, талантливыми организаторами, способными модернизировать ту или иную область управления.

Конечно, работу здесь легкой не назовешь. Требования строги, рабочий день насыщен до предела. Неудивительно, что сотрудники, пришедшие сюда из других организаций — особенно те, кто уже в возрасте, — почти всегда чувствуют себя очень неуютно. Им непривычны тщательные расчеты, на основе которых планируется текущая и будущая деятельность. Непривычна неожиданная свобода, когда они сами должны оперативно разбираться в обстановке, выявлять трудности анализировать и преодолевать их. Они привыкли согласовывать все с теми, кто «наверху», а получив резолюцию, спокойно спускать ее «вниз», без всяких хлопот и собственных размышлений. Многие считали свою деятельность важной и плодотворной, не

замечая, как теряли аналитические способности, чувство ответственности и становились неспособными к деятельности, основанной на научном подходе. Когда нужно было критиковать или награждать, они принимали решение, основываясь на воспоминаниях, впечатлениях, советах окружающих, что далеко не всегда было справедливо.

Я спросил обоих молодых людей — Чжан Цзиньчэна и Гао Юшаня:

— А не существуют ли у вас здесь какие-нибудь неофициальные связи, порука, обмен услугами? Может, руководители выдвигают молодых людей для того, чтобы вокруг них были доверенные лица?

Ответ был категоричен: конечно, нет! Это просто никому не нужно. Каждого оценивают по его способностям и по тому, как он себя показывает в деле. Если потрудишься, постарайся — тебя заметят и выдвинут.

Тут нужно обязательно сказать вот еще о чем. Изученная в Гонконге и Макао система управления, перенесенная на нашу китайскую почву, естественно, подверглась значительным изменениям. Например, там, за рубежом, круг руководящих работников очень четкий и строго отделен от низшего персонала. Причем очень часто и даже как правило руководящие лица относятся к «низшим» свысока. У нас же одним из принципов руководства является тесная связь со всеми трудящимися коллективами, частое общение сотрудников с руководством, общение на равных. Именно такой стиль полезен прежде всего руководящим работникам. Он позволяет знать настроение и нужды коллектива, вникать в подробности производства, корректировать свое поведение и методы руководства. В этом ярко проявляются особенности взаимоотношений людей при социализме.

Подобные завоевания очень дороги нам, и мы вправе гордиться ими. Поэтому особенно горько наблюдать иногда различные духовные искривления, от которых мы до сих пор никак не избавимся. Особенно горько видеть, как некоторые люди получают удовольствие и удовлетворение от того, что воплощаются в жизнь их стремления, которые иначе как феодальными не назовешь. Они не понимают, например, что человек должен быть сам строителем своей судьбы, и не видят никакой потери достоинства в том, чтобы полагаться на заступничество пап, мам и различного рода друзей. Подобным феодальным отношениям не должно быть места среди нас.

Необходимо сказать, что никто, конечно, не собирается отказываться от лучших культурных завоеваний капитализма или считать, что они могут принадлежать только капиталистическому обществу. Нужно только во всем, в том числе и в капиталистической системе управления экономикой, выделять существенное и главное. Например, борьбу всех трудящихся за свои права.

Внутренние причины

Я прибыл в Гуандун, когда уже несколько месяцев здесь разбиралось дело о грубых нарушениях правил внешней торговли.

— Особые зоны стали каналом для контрабанды! — раздался клич и скоро стал притчей во языцех. Некоторые из тех, кто с 1979 г. только и делал, что писал о правильности решений партий, теперь воспользовались удобным случаем, чтобы ополчиться на политику «открытых дверей».

Провинция Гуандун выпустила на этот счет свои распоряжения и документы. Но очень многих они удивили. Особые зоны не назывались главным рассадником контрабанды. Хищения, стяжательство, жадность не определялись как плод открытой политики. Компании по развитию особых экономических зон, которые в основном осуществляли связи с границей и через которые проходили основные массы товаров (цветные телевизоры, магнитофоны, приемники), главными виновниками в документах не назывались.

Сотрудники этих компаний очень часто обсуждают правила ведения дел с иностранными бизнесменами. Правил много. Например, есть такое, согласно которому на встрече всегда должно присутствовать двое наших представителей. Но разве эти правила могут предохранить людей от той ржавчины, которая в конце концов, как оказалось, разъела многих?

Внешние ограничения воспрепятствующие много получать или много тратить, никогда не были эффективным средством. Все причины и следствия лежат гораздо глубже — в

сфере духовной. Только благородные побуждения могут предохранить любого человека, любой коллектив не только от внешней коррозии, но и от всяческого разложения вообще.

Подбирая в других организациях сотрудников для своей компании, Гуань Вэньхуа всегда имеет в виду какой-то один стереотип. В принципе его критерии просты: деловитость, организаторские способности, хорошее здоровье, возраст — не более 50. Так он взял на работу председателя уездного кооператива Люй Фана. Вскоре к Гуаню подошел один из руководящих работников:

— Этот человек, по-моему, слишком много о себе думает. Очень субъективен, как бы ошибок не наделал.

— Это не главное,— отвечал Гуань.— Он хороший организатор. Любое дело провернет, а остальное — ерунда.

Потом другие подходили:

— Товарищ Гуань! Одни хлопоты с этим сотрудником. Так долго с делами копается. Может, бюрократ, занимается волокитой?

— Да нет, просто он во всем хочет разобраться досконально,— отвечал им Гуань.

Получалась странная ситуация: все, что другие считали недостатками Люй Фана, Гуань Вэньхуа определял как достоинства.

Тогда же он сформулировал для себя: я подбираю деловых людей, а не императоров на царский трон. Компания — не тронный зал.

Были и такие, кто прямо предупреждал:

— Вы слишком беззаботны, товарищ Гуань. А ведь Люй Фан из деревни. Он совсем не ваш человек. Глядишь, потом против и выступит, беды не оберется.

Но Гуань и это пропускал мимо ушей. Верил: Люй будет думать о деле, а не о каких-то интрижках.

Так Люй Фан остался работать в компании, да позже получил еще двух помощников. Характер у него непростой, есть, конечно, недостатки. Но есть и высокое чувство ответственности — он всегда работает по-настоящему. А опираясь на эти качества, можно исправить любые недостатки. Люй Фан действительно пришел, как говорится, прямо от земли, с сельскохозяйственных работ. Читал немного, не очень образован. Выдвинулся в период земельной реформы, потом был комсомольским секретарем коммуны, уезда, председателем уездного кооператива. Действительно, у них с Гуань Вэньхуа разные жизненные пути. Но в компании они сработались отлично.

А ведь кроме этих двух людей, есть еще члены партийного комитета, заместители генерального директора, инженеры во главе с главным инженером. И все работают вместе, как единое целое. Это единство настоящее, испытанное на практике, в трудностях и бедах. И потому эти люди — душа всего дела.

И эта душа не даст никакой грязи и ржавчине запачкать дело.

В последние годы часто приходится слышать: этот человек деловой, а этот — неделовой. Кажется, что, говоря «деловой», «неделовой», мы слишком сужаем критерии оценок, снижаем требования к людям. Но это только с одной стороны. А с другой, критерии эти являются как бы водоразделом, определением двух исторических типов людей. И если присмотреться, то сколько же у нас в аппарате управления чиновников, желающих одного: жить тихо, бездельничать, потихоньку поднимаясь «наверх», получать блага, потреблять, ничего не отдавая! Не слишком ли много развелось таких людей?

У нас создано множество организаций, комитетов, комиссий, занимающихся кадрами, а настоящая кадровая политика не проводится. В чем же дело?

В отсутствии научной, соответствующей нашей сегодняшней ситуации системы подготовки, воспитания, оценки, смены кадров.

Настоящие, исторически выработанные критерии оценки не отделяют человека от его труда, творчества. Кто-то «очень хорошо ладит с людьми» или «всегда в тесном контакте с массами», пользуется на этом основании доверием, получает руководящую должность. У кого-то «острое мышление», «понимание задач». Но когда доходит до конкретного дела, то никакого таланта не видно. Политически можно безоговорочно верить в линию ЦК, быть трижды праведным, но практика, живое дело трубают совсем иных качеств.

По нашим документам, как правило, очень трудно узнать человека, оценить его деятельность. Даже выяснить, совершал он проступки или нет, трудно. Записываются

обычно партийные взыскания и поощрения. А узнать, как человек трудился, какой вклад внес в общее дело или, может, нанес государству убытки, невозможно. Как работало руководимое им предприятие, приносило прибыль или было убыточным? Какими качествами обладали подобранные им кадры?

Корни этих трудностей, конечно, в прошлом, что особенно ярко видно на примере биографии отдельных людей. Но сейчас тем более нужно создать обстановку, в которой не смогли бы действовать те, кто уже поражен болезнью, чтобы новые поколения не могли ею заразиться. И нельзя забывать, что этот феодальный, капиталистический вирус очень живуч и сразу расцветает там, где только находит подходящую почву.

Рост человека

В нашей стране наибольшему иностранному влиянию подвержены особые экономические зоны. И нетрудно увидеть, что в самих зонах этому влиянию сильнее всего поддается молодежь.

На чжухайской улице можно стать свидетелем такой сцены. Какой-нибудь молодой человек подходит совершенно спокойно к незнакомой девушке. Спрашивает:

— Ну что? Прокатимся?

Девушка не удивляется. Также спокойно отвечает:

— Если есть машина — прокатимся. Есть?

— Есть.

Он ведет ее к машине, и они уезжают. По пути знакомятся, а там дело и дальше может пойти.

Хорошо это или плохо?

Конечно, здесь может быть много случаев, как говорится, выходящих за рамки. Конечно, работа с молодежью ведется не на должном уровне. Но если взглянуть на подобные явления с точки зрения всей нашей пятитысячелетней истории, с точки зрения отношений мужчины и женщины на протяжении всей этой истории, можно сказать, что само направление развития этих отношений прогрессивно. Здесь отсутствуют, например, традиционные случаи, когда родители сами находят дочери жениха. Мужчина как бы вообще потерял в этой области безусловный приоритет, и далеко не все теперь зависит только от его слова. Нужно отметить, что такие тяжкие преступления, как изнасилования, в основном искоренены. Но главное, ввиду легкого знакомства с широким кругом сверстников, так сказать, «широкого выбора», значительно снизилось число разводов.

Каждый побывавший в особых экономических зонах, считает своим долгом отметить, что жизнь там со всех сторон — и с экономической, и с политической — лучше, чем во внутренних районах страны.

Стремительные темпы строительства, ежедневные изменения, отсутствие безработицы, улучшение условий жизни, рост покупательной способности населения особых зон — все это говорит о перспективах развития страны.

Экономическая реформа сильно влияет на настроения молодежи, образ ее мыслей. Одна молодая начинающая писательница с понятной гордостью сказала:

— Насколько я знаю, мы здесь, в особой зоне, трудимся на 20 % эффективнее, чем молодежь по всей стране. И в отношении к труду, и в знании общественной жизни, и во многом другом мы гораздо выше!

На улицах Чжухая, в газетах можно увидеть объявления о найме на работу. Молодым людям не приходится обивать пороги предприятий и учреждений. Наоборот, пользуясь возможностью выбора, молодежь старается найти работу по душе. Молодые люди опираются не на связи или покровительство, а только на свои силы. В особой зоне возникла поистине удивительная тяга к учебе. Городскому бюро образования и профсоюзам пришлось организовать дополнительные группы по изучению гуманитарных и естественных наук, иностранного языка. В эти группы сразу записалось более тысячи человек.

Есть люди, которые говорят, что здесь, в особых экономических зонах, происходит «скрытая революция», «далеко идущая революция».

Один из гонконгских бизнесменов, побывавший в промышленном районе Чжухая, сказал:

— Вы здесь за два с половиной года сделали такую работу, на которую Гонконгу потребовалось бы года четыре!

В сфере материального производства действительно сделан прорыв в другое качество, настоящий скачок.

А в духовной сфере? Тут гораздо сложнее.

В особых экономических зонах есть своя пресса, свое радио, свои издательства. Вскоре появится собственное телевидение. Все это является хорошим оружием против разложения, духовной коррозии. Но в чем сейчас особенно острая нужда — так это в ярких литературных произведениях, кинофильмах. Недавно я услышал, что киностудия, которая до сих пор выпускала прекрасные фильмы о нашем сегодняшнем дне, о наших насущных проблемах, вдруг с этого года стала производить только исторические фильмы, причем сплошь на древние сюжеты. Что же мы противопоставим и как будем конкурировать с капиталистической культурой?

Материальные потребности человека сильно отличаются от потребностей духовных. Если человек по-настоящему голоден, он съест то, что ему дадут, не глядя на пищу. Но с пищей духовной все гораздо сложнее. Не нравится, что передают, — выключаешь радио и телевизор. Не нравится, что пишут, — откладываешь газету или журнал. Так день за днем, постепенно образуется духовная пустота — реальная почва для чужого влияния.

Вслед за материальной сферой должен произойти прорыв в сфере духовной. И он произойдет — я в это глубоко верю.

Перевод с кит. яз. Д. САПРЫКИ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

Политические реформы в СССР и КНР (опыт сравнительного анализа)

*Л. М. ГУДОШНИКОВ,
доктор юридических наук*

Проходящая ныне в Советском Союзе, Китае и ряде других социалистических государств экономическая реформа сочетается с перестройкой политических систем. В этих процессах, разумеется, есть много сходных моментов, однако они далеки от идентичности. В них присутствуют как национальные различия — своеобразие исторических путей развития отдельных стран, так и различие этапов социально-экономического развития. В исследовании этих процессов большой интерес представляет сравнение политических реформ в Советском Союзе и Китае.

Советский Союз, первое в мире социалистическое государство, явился первостроителем нового общественного строя, который создавался в сложнейшей для страны исторической обстановке, усугубленной отрицательным воздействием субъективного фактора. Не менее драматичным было становление нового строя в Китае, которое проходило в обстановке длительных гражданских войн, войны сопротивления японской агрессии. В период революционных войн на территории освобожденных районов и создавалась новая государственность. Освобожденные районы объединялись руководством Коммунистической партии, и это руководство не было только политическим. В сущности, в Китае под руководством партии коммунистов существовало параллельное государственное образование, в котором центральная власть принадлежала высшему партийному органу — ЦК КПК. Партия непосредственно руководила и революционными вооруженными силами, которые сформировались значительно раньше централизованной государственной организации. В условиях революционных войн, при отсутствии централизованной государственной организации под руководством коммунистов, для партийных органов стало привычным осуществление непосредственного управления административными, хозяйственными и иными конкретными делами в освобожденных районах. В этом управлении господствовал порожденный военной обстановкой командно-приказной стиль.

С образованием КНР в системе управления резких изменений не произошло — партийные органы и после создания разветвленной системы органов государственного управления продолжали действовать прежними методами, тем более, что партийные и административные посты часто совмещались как в территориальных единицах, так и на отдельных предприятиях и в учреждениях. На особом положении в органах управления, в том числе и в министерствах, оказались так называемые партийные группы руководства, практически выведенные из подчинения местных и вышестоящих партийных комитетов. На уровне министерств эти группы фактически осуществляли непосредственное управление соответствующими отраслями, выходя прямо на Центральный Комитет партии. В Китае сложилась система партийного руководства, не характерная в целом для большинства социалистических стран. Ее отличало ярко выраженное совмещение функций партийных и административных (в китайской терминологии — правительственных) органов. Характеризуя это положение, исполнявший обязанности генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыян в своей речи на подготовительном заседании 7-го пленума ЦК КПК XII созыва 14 октября 1987 г. отметил, что КНР является одной из социалистических стран, в которых степень неразделенности функций, партийных и правительственных органов довольно серьезна. Если в большинстве других социалистических стран, по крайней мере на низовом уровне, — на предприятиях и в

непроизводительных организациях, много лет придерживались системы ответственности административного руководителя, то в Китае, кроме очень короткого времени сразу после освобождения страны, когда в некоторых районах осуществлялась система ответственности директора завода, с конца 50-х гг. неизменно выделялось единое руководство парткомов. Это привело к тому, говорил позже Чжао Цзыян, что парткомы взяли на себя множество административных обязанностей и создали большой рабочий аппарат, укомплектованный множеством кадровых работников, оторванных от производства¹.

Разграничение функций партийных и правительственных органов считается в Китае ключевой задачей политической реформы. Сходная формулировка, как известно, дается и в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. В наших партийных документах говорится о необходимости четкого и последовательного разграничения функций партийных комитетов с государственными и хозяйственными органами, о важности преодоления параллелизма и дублирования в их работе². Исторические корни подмены функций государственного аппарата партийным у нас иные, чем в Китае. У нас они больше обусловлены влиянием субъективного фактора, чем объективными обстоятельствами. Кроме того, у нас нет проблемы разделения функций на уровне предприятия или учреждения, но такая проблема существует на уровне административно-территориальных единиц, автономных и союзных республик, центра. Пути решения этой проблемы в общих чертах намечены в решениях наших партийных форумов последнего времени (XIX партконференция, Июльский пленум 1988 г.). В практике КПСС разделение функций партийного и государственного аппарата означает возвращение к ленинским принципам политического руководства партией государственными органами и хозяйственными организациями — не непосредственно, а через работающих там коммунистов. Как отмечалось на XIX партконференции, В. И. Ленин многократно указывал на вред представлений о непосредственном руководстве партии, подменяющей таким образом другие органы и организации. В. И. Ленин требовал «разграничить гораздо точнее функции партии (и ЦК ее) и Соввласти», резко критиковал попытки взвалить на партию ответственность за решение каждой конкретной проблемы. Нужно сказать, что и в дальнейшем на различных этапах истории нашего общества ставился вопрос о необходимости разделения функций партии и государства, однако практика шла другим путем. По мере осложнения проблем хозяйственного развития партия втягивалась в решение самых разнообразных хозяйственных задач, соответственно рос и ее аппарат. Сейчас ставится задача в полной мере реализовать ленинский принцип, т. е. проводить политический курс партии через коммунистов, работающих в органах государственной власти, во всех сферах жизни общества. При этом все партийные организации должны действовать строго в рамках Конституции и законов, исключается принятие постановлений партийных комитетов, которые содержали бы прямые указания государственным, хозяйственным органам, общественным организациям³. Такого рода реформа предполагает серьезные изменения в структуре партийного аппарата. Согласно постановлению июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, в ходе перестройки партийного аппарата на всех уровнях партия отказывается от дробления своего аппарата по отраслям управления, т. е. от дублирующих государственные органы отделов партийных комитетов. Одновременно будут укреплены подразделения, занимающиеся внутренней и внешней политикой. Причем сокращается общая численность работников партийного аппарата⁴. В СССР разделение функций партийного и государственного аппарата непосредственно связывается с усилением роли представительных органов в лице Советов народных депутатов. Более того, согласно резолюции XIX партконференции, обеспечение полномочия Советов народных депутатов определяется как решающее направление политической реформы⁵. Пожалуй, в этом — существенное отличие советской политической реформы от реформы в КНР. КПК на первое место ставит разделение функций партийных и правительственных органов, в то время как в планах КПСС разделение данных функций стоит где-то на пятом месте в приоритетности задачи перестройки в сфере управления. В резолюции XIX партконференции указывается, что политика партии — экономическая, социальная, национальная — должна проводиться через органы народного представительства, т. е. через Советы. Возрождение полномочия Советов является одним из ключевых моментов реформы политиче-

ской системы в СССР. С реальным полномочи́ем Советов неразрывно связывается прекращение непосредственного партийного управления экономической и социально-культурной деятельностью. Партия и ее органы как бы уходят в собственную сферу — в идеологическую и политическую работу, в разработку стратегических проблем и политического контроля за их решением. В связи с этим кое-кому показалась неожиданной и даже парадоксальной выдвинутая в докладе М. С. Горбачева на XIX партконференции идея о совмещении должностей первого секретаря партийного комитета (от районного уровня и выше) и председателя соответствующего Совета народных депутатов. Смысл такого совмещения состоит в том, чтобы обеспечить усиление роли Советов в организационном отношении, а также положить конец непосредственному партийному управлению общественной жизнью, дублированию партийными органами деятельности государственного и хозяйственного аппарата. Первый секретарь райкома не будет уже непосредственно вовлечен в управленческие дела исполкома. Партийный лидер будет больше связан с народными избранниками и, как председатель Совета, будет находиться в непосредственной от них зависимости. Если секретарь партийного комитета не будет избран председателем Совета, он, по логике материалов XIX партконференции, не может уже в дальнейшем занимать и партийный пост. Кроме того, не исключен и такой вариант: коль скоро кандидатами на пост председателя Совета может быть выдвинуто несколько кандидатур — членов парткома, то один из них, тот, кто получит большинство голосов, становится и председателем Совета, и первым секретарем парткома.

В Китае в организационном плане вопрос таким образом не ставится. Но там также подчеркнута необходимость осуществления партийными органами политического руководства. Особое внимание уделяется разделению функций парткомов и администрации на предприятиях. Теперь, как указывалось на XIII съезде КПК, парторганизации должны обеспечивать работу предприятий и осуществлять контроль, а не осуществлять, как прежде, «единое» руководство на предприятиях. В территориальных парткомах различных ступеней не будут учреждаться должности секретарей или членов постоянных бюро парткомов, которые, не работая в правительственных организациях, в то же время ведали бы определенной сферой их работы. В аппарате парткомов упраздняются отделы, дублирующие работу правительственных органов. Партийные группы руководства министерств и ведомств постепенно упраздняются (следует отметить, что в СССР такого института, как партийные группы руководства, никогда не существовало). Парткомы предприятий и учреждений, которые ранее подчинялись парторганизациям правительственных ведомств (это было уникальной особенностью КПК), теперь переводятся в подчинение местных парткомов.

И еще один аспект реформы: партийные контрольные органы (в Китае это комиссии по проверке партийной дисциплины) не будут рассматривать впредь дел, связанных с нарушением законов и административной дисциплины (в прошлом в Китае парторганы зачастую исполняли функции судебных и административно-контрольных органов). Теперь этими комиссиями рассматриваются только дела, связанные с нарушениями партийной дисциплины.

В обоих странах, таким образом, поставлен вопрос о демократизации жизни государства и общества путем осуществления реформы политической системы. В Советском Союзе это прежде всего уже упоминавшееся обеспечение полномочия Советов народных депутатов. Для этого создаются реальные условия, при которых можно гарантировать самостоятельность Советов, в том числе и путем создания соответствующей финансовой базы. Намечено обновление и самой организации работы Советов, расширение сферы их исключительной компетенции — круга вопросов, решаемых исключительно на сессиях; вместе с тем предусматривается периодическое или даже постоянное освобождение депутатов от производственных и служебных обязанностей для работы в Советах, несовместимость депутатских мандатов с должностями в исполнительных комитетах, суде, арбитраже и прокуратуре. В Советах, начиная от районного уровня, будут организованы постоянно действующие президиумы в составе председателей Советов и председателей постоянных комиссий. Эти существенные новации в организации Советов потребовали изменения отдельных положений Конституции СССР 1977 г. Изменений в Конституции потребовала и принятая XIX партконференцией идея созыва Съезда народных депутатов

СССР, на котором должен формироваться сравнительно небольшой по составу Верховный Совет СССР и решаться самые важные конституционные, политические и социально-экономические вопросы жизни страны.

В Китае демократизация не связывается с внесением изменений в Конституцию. Правда, Конституция КНР была принята позднее последней конституции Советского Союза, и некоторые ее положения предвосхитили реформу, например в отношении несовместимости депутатских мандатов с некоторыми должностями в государственном аппарате. Есть некоторая аналогия вводимых у нас президиумов Советов и действующих в Китае постоянных комитетов собраний народных представителей. Однако постоянные комитеты в Китае не полностью аналогичны президиумам Советов. Комитеты могут выполнять большинство полномочий собраний, тогда как для президиумов Советов такие функции не предусматриваются. Отношения китайских собраний народных представителей и их постоянных комитетов скорее напоминают взаимоотношения съезда Советов и Верховного Совета СССР, о которых говорилось выше.

В обоих государствах демократизация (или совершенствование демократии, как говорят в КНР) связывается с совершенствованием избирательной системы. У нас ставится вопрос прежде всего о выдвижении неограниченного числа кандидатур, о состязательности в отборе кандидатов, о включении в избирательные бюллетени числа кандидатов, превышающего число мандатов. Аналогичные задачи ставятся и в КНР, где уже разработано новое избирательное законодательство, основывающееся на системе многомандатных выборов, при котором число кандидатов превышает количество мандатов. Интересно, что и в СССР, и в Китае поставлен вопрос о выборах не только представителей от территориальных округов, но и депутатов, представляющих различные общественные круги, у нас — о выборе депутатов, представляющих партию, профсоюзы, комсомол, другие массовые общественные организации, а также кооперативные, творческие и научные организации. Эти депутаты делегируются съездами или центральными органами соответствующих организаций — так предопределен порядок их избрания в СССР. В законодательстве КНР упоминается о других методах избрания части делегатов. Возможно, здесь также имеется в виду делегирование депутатов политическими партиями, общественными организациями или избрание их на специальных выборных собраниях отдельных категорий граждан*.

В плане и практике политических реформ СССР и Китая важное место занимают вопросы децентрализации управления. В Китае вопросы децентрализации занимают в программе политической реформы второе место и непосредственно следуют за положениями о разграничении функций партийных и правительственных органов. В политической науке КНР децентрализация рассматривается в двух направлениях: по горизонтали и по вертикали. Децентрализация по горизонтали, в сущности, совпадает с разграничением функций партийных и правительственных органов, а также предполагает отграничение от них народных (т. е. общественных) организаций. Децентрализация по вертикали касается отношений между центральными и местными органами, а также между этими органами и предприятиями и другими организациями. Оба уровня децентрализации имеют одну цель — развитие самостоятельности различных органов и организаций в рамках единого целого. В общем-то аналогичные цели децентрализации ставятся и в СССР. Одним из важных направлений реформы политической системы у нас является децентрализация управления и такое перераспределение функций и полномочий, которое бы максимально обеспечило развертывание инициативы и самостоятельности на местах. В наших условиях это прежде всего означает передачу полномочий на места, т. е. в республики и различные административно-территориальные единицы, а также в трудовые коллективы. Этот процесс идет достаточно медленно, встречая сопротивление как со стороны центрального аппарата, привыкшего действовать командно-административными методами, так и со стороны мест, не выработавших навыки самостоятельно решать дела.

С вопросами децентрализации тесно связана и проблема перестройки самого аппарата управления. В КНР решение этой проблемы ориентировано прежде всего на изме-

* В частности, в КНР на специальном избирательном собрании выходцев из провинции Тайвань избираются делегаты ВСНП от этой провинции.

нение функций аппарата. Поставлена задача объединить или сократить различные управленческие отделы внутри отраслевых и сводных ведомств, идя к тому, чтобы правительственные органы перешли от непосредственного управления предприятиями как главного метода к косвенному управлению. В Советском Союзе ставится задача проведения систематической работы по упрощению структуры и совершенствованию методов работы всего государственного аппарата, ликвидации излишних звеньев и сокращения численности аппарата до оптимального уровня. Ставится также задача создания аппарата нового типа, деятельность которого основывалась бы на высоком уровне профессионализма, служила бы социальному и экономическому прогрессу.

В обеих странах уже предприняты определенные шаги по совершенствованию государственного аппарата. В Советском Союзе ликвидирована часть министерств и ведомств центра и республик, часть управленческих подразделений на местах. Рассмотрены и утверждены новые генеральные схемы управления. В соответствии с ними аппарат союзных ведомств сокращается на 40 %, в союзных республиках — наполовину, а в автономных республиках, краях и областях — на треть. В рамках разворачивающейся экономической реформы происходит освобождение излишнего административного персонала. В Китае аналогичные процессы начались раньше — уже на первом этапе структурной реформы Государственного Совета (1982 г.) в результате слияния и упразднения некоторых структур. Уже тогда из 98 министерств и центральных ведомств было образовано 52 органа, а общее число министров и их заместителей сократилось на 77 %⁶. В результате дальнейших сокращений и слияний в настоящее время функционирует 41 министерство (государственный комитет). В СССР такая структурная реформа в высшем эшелоне административного руководства еще предстоит. Скорее всего она будет носить постепенный характер. Фактически она уже началась (например, несколько министерств заменены агропромышленным государственным комитетом, в другом государственном комитете объединено руководство всеми видами образования, осуществлявшееся ранее тремя центральными органами, и т. д.).

Как в СССР, так и в Китае ставится задача отлаживания механизма демократического выявления и формирования интересов и воли всех классов и социальных групп, их согласования и реализации во внутренней и внешней политике государства (в Китае в этом случае говорят о системе общественных консультаций и диалога). Отлаживание такого механизма предполагает прежде всего гласность в работе аппарата политического руководства и административного управления. Как говорилось на XIII съезде КПК, «руководящие органы, только осведомляя массы о своей деятельности и имеющихся трудностях, могут найти среди них понимание»⁷. В СССР, как известно, обстановка гласности начала утверждаться после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. «Первые три года перестройки... отмечалось в специальной резолюции XIX Всесоюзной партконференции, — убедительно подтвердили, что обстановка гласности... утверждение открытости и правдивости в политике позволили партии, всему народу лучше понять свое прошлое и настоящее, выявить факторы торможения, побудить мощные патриотические силы к активной и целеустремленной работе на благо страны, социализма»⁸. При этом указывается на необходимость правовых гарантий гласности, в том числе закрепления права граждан СССР на информацию в конституционном порядке. Принято также решение о разработке законодательных актов, определяющих права и обязанности должностных лиц и граждан по реализации принципов гласности. Как было заявлено в резолюции партийной конференции, «без гласности нет перестройки, нет демократии. Гласность — естественная атмосфера жизни и прогресса демократического, гуманного социализма»⁹.

На XIII съезде КПК также указывалось, что «посредством современных средств информации и пропаганды нужно шире освещать деятельность партии и правительства, развешивать контролирующую роль общественного мнения»¹⁰.

Реформа политической системы в той и другой социалистических странах предполагает развитие деятельности общественных организаций как важных каналов общественных консультаций и диалога. В СССР особо подчеркивается как позитивное явление возникновение в последнее время ряда новых общественных организаций и объединений, ставящих своей целью содействие делу социалистического обновления. В Китае особое значение придается деятельности Народного политического консультативного совета, т. е. Единого фронта — организации, ана-

лога которой нет в Советском Союзе, в Китае, кроме КПК, существует восемь небольших по численности демократических партий, представляющих интересы различных слоев китайской интеллигенции, торговцев и промышленников. Ими осуществляется система многопартийного сотрудничества и консультаций под руководством КПК.

И в СССР, и в Китае в ходе реформы политической системы ставится вопрос об укреплении (в КНР обычно говорят о строительстве) социалистической законности и социалистического правопорядка. В СССР отмечается, что необходимо «радикально укрепить социалистическую законность и правопорядок, с тем чтобы исключить возможность узурпации власти и злоупотреблений, эффективно противостоять бюрократизму и формализму, обеспечить надежные гарантии защиты конституционных прав и свобод граждан, а также выполнения ими обязанностей по отношению к обществу и государству»¹¹. Советский Союз является государством с развитой, хотя в некоторых отношениях и несовершенной, правовой системой. В КНР современная правовая система начала создаваться лишь в конце 70-х гг. Поэтому там в качестве основной задачи выделено строительство правопорядка, то есть добиться того, «чтобы были законы, которыми можно было руководствоваться, чтобы принятые законы строго соблюдались, чтобы за правонарушения виновные привлекались к обязательной ответственности»¹². Указывается, что необходимо «закрепить в форме закона социалистическую демократию», что «послужит коренной гарантией предотвращения повторения «культурной революции» и осуществления у нас в стране длительного спокойствия и порядка»¹³.

В КНР современный процесс наращивания правовых норм принял характер своего рода «законодательного бума». Речь идет не только о принятии новых правовых актов, одновременно принимаются новые редакции уже введенных законов. Кроме того, некоторые акты, принятые сначала в качестве экспериментальных, после соответствующей апробации на практике принимаются уже в качестве постоянных законов, иногда с очень существенными отличиями от опытных вариантов. Всего за 9 лет (1978—1987), прошедших после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, явившегося поворотным пунктом в современной истории Китая, высшие законодательные органы КНР выработали и приняли более 60 законодательных актов и почти такое же количество различных постановлений по вопросам законодательства. За этот же период Государственный Совет КНР принял более 500 нормативных актов, в том числе временных положений, носящих характер законодательных актов.

В СССР XIX Всесоюзная партконференция приняла специальную резолюцию «О правовой реформе», в которой ставится задача кардинального пересмотра, кодификации и систематизации законодательства. В СССР предстоит внести существенные изменения в законодательство о социалистической собственности, планировании, финансовых, налоговых и хозяйственных отношениях, радикально пересмотреть уголовное, административное, процессуальное и исправительно-трудовое законодательство.

Советским руководством выдвинута концепция формирования социалистического правового государства, в котором было бы обеспечено верховенство закона. В Китае вопрос пока так не ставится.

В качестве одной из задач политической реформы в Китае выделена перестройка кадровой системы, предусматривающая деление государственных служащих на две категории: административных и профессиональных работников. Первые из них выдвигаются ЦК партии или местными парткомами на утверждение местных собраний народных представителей, это выборные или назначаемые на определенные сроки лица. Что касается профессиональных работников, то они принимаются на конкурсной основе и проходят предусматриваемые законом экзамены. Предполагается их постоянная (до пенсии) служба в аппарате управления и продвижение в соответствии с фактическими успехами.

В Советском Союзе вопрос о квалифицированных кадрах стоит относительно менее остро, и в связи с политической реформой у нас больше говорится о необходимости сокращения восемнадцатимиллионного аппарата управления. Однако кадровые вопросы, в частности повышение квалификации государственных работников, постоянно находятся в центре внимания советских руководящих органов. Неотложным делом, например, признано кадровое обеспечение правовой реформы, предполагающее создание стройной системы подбора, воспитания, подготовки и переподготовки юристов, направляемых на работу в советы, народное хозяйство, правоохранительные органы.

И Советский Союз, и Китай являются многонациональными государствами (в СССР — свыше ста наций и народностей, в КНР — около шестидесяти). При этом Советский Союз является федеративным государством, включающим в себя союзные и автономные государства, тогда как в КНР национальный вопрос решается на основе административной автономии. В качестве отдельного пункта или направления реформы политической системы национальный вопрос в китайских материалах не обозначается, однако в связи с совершенствованием институтов социалистической демократии говорится о необходимости «и дальше совершенствовать систему национальной районной автономии, всемерно подготавливать кадры национальных меньшинств»¹⁴. В связи с реформой подчеркивается также необходимость сплочения всех национальностей, развития социалистических межнациональных отношений.

В Советском Союзе в качестве одной из задач политической реформы является обеспечение условий для дальнейшего свободного развития каждой нации и народности, укрепления их дружбы на принципах интернационализма. На XIX Всесоюзной конференции КПСС была принята и специальная резолюция «О межнациональных отношениях», где, в частности, указывается на необходимость активизации деятельности тех институтов политической системы, которые должны выявлять и согласовывать национальные интересы. Первостепенное значение в связи с этим придается повышению роли Совета национальностей Верховного Совета СССР и его постоянных комиссий. Признано целесообразным создание во всех Советах народных депутатов, где это необходимо, комиссий по вопросам межнациональных отношений. Рассматривается также вопрос об образовании специального государственного органа по делам национальностей и национальных отношений (типа Народного комиссариата национальностей послереволюционных времен). Намечено также обновить законодательство о статусе союзных и автономных республик, областей и округов, более полно отразив их права и обязанности, принципы самоуправления и нормы представительства в органах власти в центре и на местах.

Сравнение процесса политических реформ в СССР и КНР приводит к выводу о том, что в этих странах накопились такие негативные явления, как сверхцентрализация, расширение ограничений демократии в чрезвычайные периоды на развитие стран в мирной обстановке, пережитки культа личности, и т. п. В том и другом государстве сейчас идут глубокие внутренние перемены, которые наполняют новым содержанием глубокий интерес двух великих социалистических держав друг к другу. Взаимное изучение опыта в числе других факторов создает и взаимное притяжение двух стран, несмотря на существующий у них неодинаковый подход к некоторым международным проблемам. Следует, однако, заметить, что советско-китайские отношения развиваются в духе постепенного развязывания узлов противоречий между двумя странами, в этих отношениях становится все больше доброжелательства и доверия.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 26.XI.1988.

² См.: «Правда», 31.VII.1988.

³ См.: Там же, 29.VI.1988.

⁴ См.: Там же, 31.VII.1988.

⁵ См.: Там же, 5.VII.1988.

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 9.III.1982.

⁷ Документы XIII съезда КПК (1987). Пекин, 1988, с. 58, на рус. яз.

⁸ «Правда», 5.VII.1988.

⁹ Там же.

¹⁰ Документы XIII съезда КПК..., с. 69.

¹¹ «Правда», 5.VII.1988.

¹² Документы XIII съезда КПК..., с. 63.

¹³ Там же, с. 64.

¹⁴ Там же, с. 63.

КНДР в региональных экономических отношениях

---

*В. В. МИХЕЕВ,
кандидат экономических наук*

КНДР выступает полноправным участником международных экономических отношений на Дальнем Востоке. Внешнеэкономические интересы Республики носят выраженный региональный характер: на долю расположенных здесь стран (СССР, КНР, Япония) приходится более 80 % кредитных средств, предоставленных КНДР в 60—80-х гг., около 70 % внешнеторгового оборота¹. Региональным отношениям отдается приоритет во внешнеэкономической стратегии страны, они играют важную роль в планах ее народнохозяйственного развития.

Вместе с тем степень участия КНДР в международном разделении труда не адекватна созданному в Республике экономическому потенциалу. Народная Корея может быть отнесена к среднеразвитым странам социализма: национальный доход в расчете на душу населения составляет 40 % от усредненного уровня европейских стран — членов СЭВ, в структуре промышленного производства ведущие позиции принадлежат машиностроению (33 %). В то же время объем экспорта в среднедушевом исчислении составляет лишь 5—15 % от уровня европейских стран СЭВ (без СССР), в 70—80-е гг. соотношение среднегодовых темпов прироста экспорта и национального дохода составило 1,2, тогда как в европейских странах СЭВ от 1,7 до 2,1. Доля экспорта в национальном доходе КНДР незначительна — около 10 %. Степень влияния региональных связей на экономику — около 15 %².

Структура экспорта КНДР носит в основном сырьевой характер. В наибольшей степени ориентированы на внешний рынок горнорудная и металлургическая промышленность, производство стройматериалов. Их экспортная квота — 25—30 % выпуска. Для пищевой промышленности она равна 10 %, текстильной — 5, машиностроительной и химической — 2—4 %³.

В 80-е гг. в экономической стратегии КНДР происходит поворот в сторону более активного использования внешнего фактора. Задачи создания максимально полного народнохозяйственного комплекса при «опоре на собственные силы» сменяются поиском более рациональных путей включения в международное разделение труда. Возрастающее значение внешнеэкономических связей в социалистическом строительстве нашло отражение в решениях VI съезда ТПК (1980 г.). «Быстрое развитие внешней торговли, — отмечалось на съезде, — является в настоящее время одним из важных вопросов подъема народного хозяйства»⁴. Решения съезда ориентируют на усиление экспортной направленности корейской экономики. За 80-е гг. объем экспорта должен увеличиться в 4,2 раза по сравнению с 2,2 раза в 70-е. К 1990 г. планируется довести долю экспорта в национальном доходе до 20 %⁵.

Курс на ускоренное развитие внешнеэкономических связей получил закрепление на третьей сессии Верховного народного собрания КНДР седьмого созыва (1984). Сессия указала на необходимость быстрейшего увеличения экспортного потенциала страны, использования внешнего фактора для повышения научно-технического уровня производства. На сессии было объявлено о готовности КНДР погасить имеющуюся задолженность другим странам и создать тем самым финансовые условия для нового этапа разветвления внешнеэкономического сотрудничества⁶.

Осуществление принятых решений потребовало перестройки механизма управления внешнеэкономической деятельностью. В целях централизации управления в середине 80-х гг. Министерство внешней торговли и Комитет экономических связей КНДР были

объединены в Комитет внешнеэкономических связей. Одновременно были расширены права производственных объединений, в состав которых стали включаться внешнеторговые фирмы двойного подчинения — отраслевому министерству и внешнеэкономическому ведомству. Созданы специальные финансово-промышленные внешнеторговые объединения «Тэсонг бэнк» и «Кымган бэнк», в состав которых входят специализирующиеся на выпуске экспортной продукции предприятия, внешнеторговые фирмы, а также самостоятельные мини-банки. Подобные объединения, работающие на принципах самокупаемости и подчиненные непосредственно Административному совету КНДР, минуя внешнеэкономическое ведомство и Государственный плановый комитет, позволяют более оперативно реагировать на импортные потребности экономики, в том числе не учтенные по той или иной причине планом, свободнее маневрировать в поисках новых рынков сбыта корейской продукции.

В целях стимулирования притока в страну иностранного капитала в 1984 г. в КНДР был принят закон о совместном предпринимательстве⁷. Законом разрешается создание в Республике смешанных с иностранным капиталом компаний в промышленности, на транспорте, в области науки, техники, туризма. Такие компании освобождаются от таможенных пошлин на ввозимые из-за рубежа материалы, им разрешается переводить за границу полученную прибыль. Закон не ограничивает долю иностранного капитала в совместных объектах.

Во второй половине 80-х гг. в КНДР развернулось строительство специальной экспортной зоны в районе Нампхо. Завершение работ предполагается к началу 90-х гг. Цель строительства — создание в этом портовом городе социальной и финансовой инфраструктуры, отвечающей требованиям зарубежных инвесторов.

Изменения во внешнеэкономической сфере придают корейской экономической системе новое качество. В централизованном механизме руководства экономикой КНДР постепенно складывается «второй сектор», функционирующий на рыночных принципах. Его формируют главным образом предприятия чхонреновского капитала («Чхонрен» — ассоциация корейских граждан, проживающих в Японии), смешанные чхонреновско-корейские фирмы (результат действия Закона о совместном предпринимательстве), а также экспортные конгломераты «Тэсонг» и «Кымган».

Вкрапление чхонреновского капитала в торговлю, сферу услуг, частично в производство потребительской продукции сопровождается появлением «второй» финансовой сферы — хождением в стране свободно конвертируемой валюты.

Становление «второй экономики», связанное с влечением внешнего фактора в экономическую структуру КНДР, имеет определенное значение и для развития экономических отношений Республики с другими странами. Дело в том, что сложившаяся система централизованного руководства народным хозяйством при взаимодействии с внешним фактором, по существу, оставляет возможности для развития международного сотрудничества только по государственной линии. Встраивание в корейскую экономику иностранных предприятий, действующих на хозяйственных, коммерческих принципах, в таких условиях крайне затруднительно. Появление же в экономике КНДР фирм, работающих в рыночных условиях, создает новую ситуацию. Таким фирмам легче адаптироваться к хозяйственным требованиям экономического сотрудничества на уровне предприятий. Но взаимодействие с ними важно не только как новая форма двусторонних связей. Оно открывает дополнительные возможности для кооперационного сотрудничества с ориентацией на рынки третьих стран. Вместе с тем, несмотря на ощутимые выгоды, дальневосточные партнеры КНДР (за исключением Японии) пока практически не используют возможностей «второй экономики», хотя в этой области, на наш взгляд, перспективы весьма и весьма заманчивые.

В 80-е гг. заметно возросла активность КНДР как субъекта международных экономических отношений на Дальнем Востоке и в азиатско-тихоокеанском регионе в целом. Пхеньян выступает в поддержку требований развивающихся государств об установлении нового международного экономического порядка, разделяет известные концепции движения неприсоединения относительно «коллективной опоры на собственные силы», стремится активизировать деятельность в рамках сотрудничества Юг — Юг.

На третьей сессии ВНС КНДР седьмого созыва были высказаны конкретные предложения по развитию сотрудничества неприсоединившихся государств в сельском хозяйстве, промышленности, науке и технике как альтернативы их «экономическому подрабыванию империалистическими державами»⁸. В русле этих заявлений КНДР пред-

приняла меры по активизации связей со странами АТР. Большое значение придается контактам с государствами АСЕАН. Оживлению отношений с данной группой стран способствовали состоявшиеся в середине 80-х гг. визиты министра иностранных дел КНДР Ким Ен Нама в Малайзию, Индонезию, Таиланд, вице-президента КНДР Ли Ден Ока в Индонезию, члена Политбюро ЦК ТПК Ким Хвана в Таиланд и др. В ходе визитов вопросы экономического сотрудничества КНДР со странами АСЕАН обсуждались в увязке с политическими аспектами деятельности данных государств в движении неприсоединения; повышенное внимание уделялось обстановке на Корейском полуострове и в Юго-Восточной Азии.

Выступая за развитие широких контактов со странами региона, Республика в то же время подвергает достаточно острой критике проекты тихоокеанского сообщества (ТОС). В Пхеньяне усматривают связь данной концепции с известной доктриной японских империалистов времен второй мировой войны относительно создания «Великой сферы процветания Восточной Азии», реализация которой имела тяжелые последствия для корейского народа в колониальный период, а также с планами США по «укреплению восточного фланга НАТО». В КНДР рассматривают концепцию ТОС как «продукт сговора американских империалистов и сил японской реакции, которые стремятся таким образом добиться установления своего политического, экономического и военного контроля в АТР»⁹.

Важным шагом по оздоровлению экономических отношений на Дальнем Востоке стали предложения КНДР по развертыванию внутрикорейского экономического сотрудничества. КНДР выступила за то, чтобы начать взаимодействие и обмен в таких отраслях, как совместное освоение природных ресурсов, рыболовство и сельское хозяйство, с тем чтобы впоследствии перейти к координации развития экономики в национальном масштабе. По мнению КНДР, экономическое сотрудничество Север — Юг в условиях сохранения различных общественных систем должно вестись всесторонне и быть направлено на обеспечение «единого и самостоятельного развития национальной экономики»¹⁰. Одновременно КНДР отказалась от предложений Южной Кореи начать экономическое сотрудничество с небольших шагов по обмену потребительскими товарами и сырьем, мотивировав свой отказ недостаточностью этих мер для «воссоединения прерванных национальных уз»¹¹. Поиск взаимоприемлемых решений в этой области, вероятно, будет продолжен.

* * *

Ведущим внешнеэкономическим партнером КНДР выступает СССР. На его долю приходится около 40 % внешнеторгового оборота Республики. В 1987 г. объем взаимной торговли увеличился на 20 % по сравнению с 1985 г., составив 1,2 млрд. руб. В целом за пятилетку (1986—1990) планируется довести его до 8 млрд. руб., что в 2 раза больше, чем в 1981—1985 гг.¹² СССР «поставляет в КНДР промышленное оборудование, дефицитное сырье (в том числе нефть и кокс) в обмен на магнетитовый клинкер, черные и цветные металлы, товары народного потребления».

Советско-корейское экономическое и научно-техническое сотрудничество направлено на содействие решению важных проблем развития народнохозяйственного комплекса КНДР. При помощи СССР в Республике построено 70 промышленных объектов, на которых производится более четверти валовой промышленной продукции КНДР, в том числе 63 % электроэнергии, 50 — угля, 50 — нефтепродуктов, 33 % стали и т. д.¹³ Осуществляется сотрудничество в заготовке леса на территории СССР силами корейских рабочих, приграничная торговля, взаимодействие в рыболовстве. С конца 80-х гг. стороны предпринимают усилия по совместному освоению районов советского Дальнего Востока. Так, обсуждаются проекты разработки коксующихся углей, поваренной соли, рассматривается вопрос об открытии в Хабаровске экономического представительства КНДР.

Важный импульс советско-корейское сотрудничество получило в результате визита в СССР в 1984 г. Ким Ир Сена. В осуществление достигнутых договоренностей началась подготовка к поиску при советском содействии нефти и газа на суше и шельфе КНДР. Получает развитие сотрудничество в строительстве в КНДР атомной электростанции, ряда других промышленных объектов. На состоявшихся в 1986 г. в Москве переговорах М. С. Горбачева и Ким Ир Сена было выражено удовлетворение дина-

мичным подъемом советско-корейских отношений во всех областях сотрудничества, отмечено наличие возможностей для дальнейшего углубления двусторонних связей¹⁴.

Китай — второй по масштабам сотрудничества экономический партнер КНДР. На его долю в разные годы приходилось от 10 до 15 % внешнеторгового оборота Республики. КНДР в свою очередь находится в числе 20 ведущих внешнеторговых партнеров Китая. Последний закупает в КНДР около 2 млн. т антрацита, 1 млн. т железной руды, 1,5 млн. т цемента, около 30 тыс. т цветных металлов, большие объемы химических удобрений и минтая; продает около 1,5 млн. т нефти, 2 млн. т коксующегося угля, удовлетворяя на 40—50 % внутренние потребности народной Кореи в этих товарах¹⁵.

Торговля между КНР и КНДР ведется на основе долгосрочных соглашений в текущих мировых ценах. Действующее торговое соглашение рассчитано на 1987—1991 гг. Торговое сальдо в 80-е гг. регулярно складывается в пользу Китая в размере около 100 млн. долл. ежегодно; на эту сумму предоставляется беспроцентная рассрочка¹⁶.

Китай сыграл большую роль в восстановлении народного хозяйства КНДР и создании материально-технической базы корейского общества. При содействии КНР было построено несколько десятков объектов различного производственного профиля. Наиболее крупным из них является нефтеперерабатывающий завод под Синичжу, работающий на китайской нефти, поступающей по нефтепроводу «Дружба». Введение завода в строй в начале 80-х гг. способствовало заметному росту китайского экспорта в КНДР¹⁷.

Важной сферой сотрудничества является совместное использование ресурсов реки Амноккан: около 80 % производимой на построенных здесь с помощью Китая электростанциях энергии передается в КНР. С 1983 г. стороны приступили к использованию корейского порта Чондин для перевалки грузов китайско-японской торговли. Это позволяет уменьшать рабочую нагрузку на китайский порт Даолян и снижать стоимость фрахта¹⁸.

Воздействие Китая на экономическое развитие КНДР не исчерпывается объемами торговли и экономической помощи. Китайский хозяйственный опыт внимательно изучается, отдельные его черты воспроизводятся в корейской экономике. Так, заметное влияние на корейское руководство оказывает проводимая Китаем политика в области привлечения иностранного капитала. В этой связи Ким Ир Сен во время своего визита в КНР в 1982 г. отмечал, что он «многому научился» у китайского народа¹⁹. Ким Ен Нам во время поездки в Китай в 1984 г. особое внимание уделил знакомству с опытом организации «зон свободной торговли». Впоследствии, как отмечалось выше, были внесены соответствующие изменения во внешнеэкономическую деятельность КНДР.

Япония — третий по величине экономический партнер КНДР. Ее доля в товарообороте КНДР составляет около 10 %. Основными товарами корейского экспорта в Японию являются черные и цветные металлы, минеральное сырье, морские продукты; импорта — транспортные средства, оборудование, бытовые электротовары, химические продукты. Часть японских товаров по реэкспорту через КНДР идет на рынки третьих стран²⁰.

В условиях отсутствия дипломатических отношений КНДР и Япония ищет, хотя и с разной степенью интенсивности в различные годы, пути активизации двусторонних связей. Важную роль при этом играет Японо-корейская торговая ассоциация, объединяющая более 70 японских промышленных торговых и судовладельческих фирм. С корейской стороны с ассоциацией поддерживает связи Комитет по содействию развитию международной торговли.

Ведущая роль в торговле КНДР — Япония принадлежит «Чхонрену». На акционерные общества и торговые компании «Чхонрена» приходится более половины товарооборота между двумя странами²¹. Однако работа этих обществ и компаний нередко сталкивается с серьезными трудностями из-за дискриминационной политики японских властей по отношению к лицам корейской национальности.

В 80-е гг. возрос интерес крупных японских корпораций к сырьевым ресурсам КНДР. В начале текущего десятилетия в Японии был создан Комитет по изучению проблем сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, в числе прочего изучающий возможности участия японских компаний в разработке запасов полезных ископаемых в КНДР. Инициаторами создания комитета стали 20 крупнейших японских компаний, в том числе «Ниппон стил корпорейшн», «Индастриал бэнк» и др. И хотя в конце 80-х гг. интерес в Японии к КНДР как экономическому партнеру стал затухать, это, на наш

взгляд, временное явление, отражающее стадию спада в экономических отношениях Японии с КНДР, а не утрату стратегических устремлений японского бизнеса.

* * *

Наряду с отмеченными достижениями и позитивными результатами в сотрудничестве КНДР с дальневосточными партнерами имеются серьезные трудности.

Основные проблемы советско-корейского экономического сотрудничества в целом характерны и для отношений СССР с другими неевропейскими странами социализма. Их можно разделить на три взаимосвязанные группы.

Первая включает проблемы механизма сотрудничества. Объемы советско-корейских экономических и торговых связей переросли те формы, в которых они осуществляются. Развитие сотрудничества с КНДР в основном на государственном уровне не обеспечивает хозрасчетных интересов советских производителей. Организации, участвующие в программах содействия КНДР, оказываются на практике фактически не заинтересованными в обеспечении бесперебойной работы объектов сотрудничества после ввода их в эксплуатацию, в осуществлении на таких объектах активной инновационной политики. Не случайно с большими затyajками решаются проблемы нехватки запасных частей, реконструкции и технологического перевооружения объектов технического содействия. Используемые формы сотрудничества — техническое содействие, строительство «под ключ», компенсационные объекты — слабо обеспечивают ответственное отношение принимающей стороны к освоению кредитов. У рабочих нередко формируется расточительное отношение к советской технике как к «не своей». Снижение воздействия «трудового примера» советских рабочих вызвано слабым внедрением хозрасчетных отношений на предприятиях технического содействия и других объектах сотрудничества.

Другая группа проблем связана с нерациональной структурой помощи. Почти 60 % кредитов было направлено на развитие энергетики и черной металлургии, тогда как в обрабатывающие отрасли шли значительно меньшие средства — около 10 % в машиностроение и менее 3 % в легкую промышленность²². В планировании сотрудничества сохраняется «объектный», количественный подход, направленный на увеличение числа предприятий и расширение капитального строительства. Стратегия сотрудничества отталкивается от вчерашних представлений о современной технологии и промышленной структуре, освоение новейших технологий не поставлено во главу угла планирования наших связей. Задачи «перешагивания» через естественные технологические этапы практически не выдвигаются. Программы научно-технического сотрудничества наших стран остаются оторванными от экономических планов и не нацелены на повышение технологического уровня приоритетных отраслей. Тем самым наше сотрудничество фактически работает на воспроизводство в КНДР того пути, который в области технологий прошли европейские страны СЭВ в 50—60-е гг., что в условиях современной научно-производственной революции вряд ли может считаться удовлетворительным.

Третья группа проблем обусловлена спецификой хозяйственной ситуации в КНДР. Темпы увеличения кредитной помощи КНДР нередко превышают темпы формирования внутренних условий для освоения кредитов. К замораживанию заемных средств приводят трудности в обеспечении ритмичности поставок на объекты сотрудничества необходимых материалов, в подаче электроэнергии. Расширение строительства объектов содействия в тяжелой промышленности не сопровождается соответствующим увеличением потребительских фондов и не создает побудительных мотивов для трудовых коллективов и трудящихся КНДР.

Во многом аналогичные проблемы существуют и в китайско-корейских экономических отношениях. Здесь на протяжении 80-х гг. наблюдается стабильность объемов, структуры и форм сотрудничества. Ряд новых проблем появляется в свете активизации торговых отношений Китая с СССР. Развитие китайско-советской, в том числе приграничной, торговли ставит на повестку дня, в частности, такую важную задачу, как координация грузопотоков в рамках трехсторонних отношений КНР — СССР — КНДР. Другая проблема — использование порта Раджин, предназначавшегося изначально для обслуживания советских грузов, но в настоящее время далеко не полностью использующего свои мощности, также для перевалки — при оговоренной финансовой компенсации — грузов китайско-японского товарообмена.

Главной проблемой в японо-корейских экономических отношениях остается про-

блема задолженности КНДР, составляющей около 400 млн. долл. Стороны не раз пытались найти взаимоприемлемый вариант погашения долга — предоставлялись отсрочки, переносились сроки погашения, — однако эта проблема до сих пор остается неурегулированной. Японские финансовые круги используют ситуацию для прекращения кредитования торговых операций с КНДР. В результате в последние годы объем взаимной торговли имеет тенденцию к сокращению — в основном за счет уменьшения японского экспорта.

Двусторонние отношения осложняются также дискриминационной политикой японских властей в отношении граждан КНДР, периодически вводимыми запретами на поездки в эту страну и тому подобными политическими акциями. До недавнего времени существенным препятствием развитию торговли Япония — КНДР была позиция Сеула, использовавшего дипломатические и иные каналы для оказания «антипхеньянского» нажима на Токио. Однако, похоже, ситуация начинает меняться. Нынешний президент Южной Кореи Ро Дэ У в январе 1988 г. заявил, что Южная Корея не будет препятствовать развитию связей Японии с КНДР, в том числе и установлению дипломатических отношений, даже если Сеул не получит «взамен» дипломатического признания со стороны Китая или СССР. В июле того же года Ро Дэ У предложил КНДР содействие в установлении более широких связей с теми партнерами, с которыми Юг имеет хорошие отношения, а Север не имеет отношений вообще или поддерживает ограниченные контакты, в том числе и с Японией²³.

* * *

Отмеченные трудности и нерешенные проблемы не только негативно сказываются на экономическом развитии КНДР и хозяйственных интересах ее партнеров. Они снижают экономический динамизм дальневосточного региона в целом. Для преодоления существующих препятствий динамичному народнохозяйственному развитию на Дальнем Востоке — в контексте ситуации на Корейском полуострове — представляется необходимым двигаться как минимум в следующих трех направлениях.

Первое — повышение эффективности советско-корейского экономического сотрудничества. Ключевым звеном в этой работе могла бы стать коренная перестройка механизма сотрудничества. Важно перейти к новым, более эффективным формам предоставления кредитов, способным повысить эффективность их использования. К формам, обеспечивающим увязку наших национальных интересов на всех уровнях хозяйствования. Важная роль при этом могла бы быть отведена финансовым рычагам, посредством которых хозрасчетные предприятия СССР получали бы стимулы к инвестиционной деятельности в КНДР. В результате помощь не непосредственно направлялась бы в корейскую экономику, а шла бы на подпитку наших предприятий, действующих в КНДР. Тем самым удавалось бы снимать противоречие между нашим стремлением к обеспечению отдачи вложенных средств и реальной практикой: помощь, невыгодная для государства, превращалась бы в помощь, выгодную для советских хозрасчетных предприятий. Отчисления от их прибыли в бюджет как раз и обеспечивали бы механизм возвратности.

Важным условием повышения эффективности сотрудничества является диверсификация его форм в зависимости от уровня отраслевой рентабельности. Имеется в виду предоставление государственных кредитов на развитие в КНДР энергетики и инфраструктуры, то есть наиболее капиталоемких отраслей, чрезвычайно необходимых экономике, но наименее привлекательных с точки зрения возвратности инвестиций. Далее — развитие сотрудничества на уровне министерств в добывающей промышленности, например путем создания концессий по разработке в КНДР руд цветных металлов. Наконец, организация совместных предприятий или дочерних фирм советских хозрасчетных предприятий и объединений в обрабатывающей промышленности КНДР экспортной ориентации, то есть переход к сотрудничеству на уровне предприятий в потенциально наиболее рентабельных и перспективных с точки зрения экономической отдачи отраслях. Приоритетными партнерами в развитии прямых связей целесообразно сделать корейские фирмы — представительницы «второй экономики».

Конечно, успешная перестройка механизма сотрудничества невозможна без параллельного совершенствования хозяйственного механизма КНДР, более широкого распространения здесь хозрасчетных принципов и отношений. Иначе готовность к новым

идеям и подходам будет «спотыкаться» об устоявшуюся хозяйственную практику и экономическое мышление.

Преимущество сотрудничества на уровне предприятий состоит в том, что к нему могут подключаться заинтересованные партнеры из третьих стран. В свою очередь советские объединения могут искать выгодные варианты подключения к инвестиционной деятельности в КНДР иностранных, в том числе чхонренговских фирм.

В отраслевом аспекте помощь представляется целесообразным ориентировать прежде всего на решение продовольственной проблемы в КНДР, повышение степени самообеспеченности продуктами питания, а также на всемерное развитие экспортных производств и модернизацию созданного промышленного потенциала. Сотрудничество в экспортных отраслях желательнее строить с учетом потребностей емкого рынка азиатско-тихоокеанского региона, отказываясь от устоявшихся взглядов на советский и корейский рынки как на единственных потребителей продукции совместного предпринимательства СССР — КНДР.

Второе направление — развитие внутрикорейского экономического сотрудничества. Мы уже упоминали предложения КНДР в этой сфере. Проявляет интерес к такому сотрудничеству и Южная Корея. Так, по подсчетам сеульских экономистов, «интегрированная» Корея смогла бы к 2000 г. увеличить ВВП Севера и Юга до 360 млрд. долл. (около 6 тыс. долл. на душу населения), тогда как при сохранении нынешней ситуации общий объем ВВП двух частей Кореи составил бы только 260 млрд. долл.²⁴

Объективно у КНДР и Южной Кореи есть немало сфер для взаимодействия. Теоретически внутрикорейское сотрудничество может вестись по следующим направлениям:

- осуществление строительных программ и организация бизнеса, требующие использования всей территории полуострова и прилегающих вод. Речь идет о сотрудничестве в рыболовстве, взаимном использовании портов, строительстве дорог, соединяющих северные и южные провинции, объединении энергосистем Севера и Юга в целях их более эффективного использования и т. д.;

- инвестиционное сотрудничество, создание совместных проектов в добывающей и обрабатывающей отраслях. Цель такого сотрудничества может состоять в создании новой структуры разделения труда на Корейском полуострове;

- свободная торговля товарами и услугами в рамках всего полуострова;

- согласование планов хозяйственного развития, координация внешнеэкономической деятельности на рынках третьих стран с учетом того, какие позиции на данном рынке занимают фирмы КНДР и Южной Кореи.

Возможны и другие направления внутрикорейского сотрудничества, развития экономической и технологической интеграции на полуострове. Здесь важно учитывать, насколько вызрели экономические и политические предпосылки для такого взаимодействия Севера и Юга. В этой связи можно заметить, что формирование «второго сектора» в экономике КНДР способствует созданию необходимых рыночных и социально-психологических условий для внутрикорейского сотрудничества.

Перспективы внутрикорейского торгового обмена и интеграционного взаимодействия обуславливаются в первую очередь сроками политического урегулирования на полуострове. Вместе с тем начало торговых контактов могло бы стать дополнительным стимулом к поиску взаимоприемлемых политических решений. Экономическое сотрудничество КНДР и Южной Кореи имело бы значение, выходящее за рамки Корейского полуострова. Оно способствовало бы утверждению нового политического мышления, новых подходов к обеспечению мира на Дальнем Востоке на основе баланса интересов всех присутствующих здесь региональных центров политической инициативы.

Третье направление — объединение советско-корейских усилий в целях оздоровления экономической ситуации в дальневосточном регионе и привлечения к этому процессу всех заинтересованных сторон. Связующим звеном здесь могла бы стать идея создания на Дальнем Востоке своего рода «зоны нормальных торгово-экономических отношений», предложение о которой уже высказывалось автором в печати²⁵.

Цель такой зоны — привлечение к сотрудничеству как на двусторонней, так и на многосторонней основе всех стран дальневосточного региона. Ряд проблем — рыболовство, взаимное использование портов сопредельных государств, вопросы экологии, использования морского дна и др. — уже сейчас нуждаются в механизме стабильных многосторонних консультаций. Большие перспективы регионального сотрудничества

связаны с развитием интеграционных процессов, причем не только на основе сырьевых ресурсов Дальнего Востока и дешевой рабочей силы в ряде стран, расположенных здесь, но и на базе активного взаимовыгодного производственного использования огромного научного и интеллектуального потенциала СССР. Дело в том, что еще не полностью перестроенная система командного руководства экономикой в СССР не обеспечивает нужного спроса со стороны промышленности на научные идеи, изобретения, навыки научного труда. Перевод советской экономики на хозрасчетные принципы функционирования пока еще слабо способствует формированию внутреннего рынка «идей труда». В этих условиях внедренческий опыт и опыт маркетинга, накопленный представителями «нового азиатского индустриализма» — Японией и Южной Кореей, — открывает огромные возможности исключительно выгодного сотрудничества по коммерциализации научного потенциала СССР.

Идея зоны нормальных торгово-экономических отношений логически исходит из экономико-географического взгляда на Дальний Восток. Объективно существующий здесь район естественного экономико-географического тяготения включает Корейский полуостров, северо-восточные районы Китая, Японию, дальневосточные районы СССР. Географическая близость и взаимная дополняемость экономических и технологических структур этих стран создают объективные предпосылки для взаимовыгодного интеграционного сотрудничества.

Однако уровень реальных связей пока еще заметно ниже возможного. Наиболее интенсивно развивается японо-южнокорейское и японо-китайское сотрудничество (годовой объем торговли превышает 15 млрд. долл.). Значительно меньший динамизм наблюдается в экономических связях СССР с КНДР, Китаем, Японией (годовой объем торговли по каждому направлению от 1,5 млрд. долл. до 4 млрд. долл.). К этой группе можно было бы отнести и китайско-южнокорейское сотрудничество (около 2 млрд. долл.), однако его отличает быстрый темп развития и диверсификация форм осуществления. Как отмечалось выше, практически неизменны объемы торговли между КНДР и Китаем, КНДР и Японией. Советско-южнокорейский канал и каналы связей КНДР — Южная Корея еще ждут своего наполнения.

Такое положение требует снятия существующих экономических, политических, правовых преград дальневосточному сотрудничеству. Советский Союз активно идет пути налаживания взаимовыгодного партнерства в регионе. Большое значение в этом контексте имеют высказанные М. С. Горбачевым в Красноярске идеи и предложения в том числе и идея налаживания советско-южнокорейских экономических отношений «...В контексте общего оздоровления обстановки на Корейском полуострове. — отметит советский руководитель, — могут открыться возможности для налаживания экономических связей с Южной Кореей»²⁰. Такой подход имеет принципиальное значение и для реализации и высказанного нами предложения о «зоне нормальных торгово-экономических отношений».

Инструментом создания «зоны» могли бы стать соответствующие дву- и многосторонние соглашения по различным хозяйственным проблемам, взаимное предоставление странами региона режима наибольшего благоприятствования, учреждение неформальной, свободной консультативной международной комиссии по вопросам, связанным с созданием такой «зоны», и т. д. «Зона нормальных торгово-экономических отношений» могла бы иметь большое стабилизирующее политическое значение как для данного региона, так и для АТР в целом.

Политическое значение зоны состояло бы в создании хозяйственных предпосылок для приведения в действие механизма многосторонних консультаций по корейской проблеме всех заинтересованных стран региона. Другими словами, идея состоит в том, чтобы использовать накапливаемый мировым сообществом опыт разрешения региональных конфликтов в корейском варианте. Имеется в виду постепенное продвижение к урегулированию по схеме «диалог конфликтующих сторон плюс международные гарантии». При этом представляется наиболее реалистичным постепенное движение по данному пути, начиная с менее острых вопросов, где сравнительно легко обеспечить согласование интересов сторон на основе взаимовыгодности. Таковыми, на наш взгляд, могут стать проблемы регионального экономического сотрудничества, в том числе в рамках идеи о «зоне нормальных торгово-экономических отношений».

Конечно, корейская проблема не единственное, хотя и очень существенное, препятствие на пути реализации предложенной идеи. Однако именно Корейский полу-

остров мог бы превратиться — и политически, и символически — из фактора «размежевания» сторон в фактор объединения экономических усилий и политических инициатив на Дальнем Востоке.

* * *

Активизация деятельности КНДР как субъекта международных экономических отношений на Дальнем Востоке находится в русле общих усилий стран социализма по смягчению напряженности в АТР, созданию условий для расширения экономического сотрудничества стран с различными социальными системами. Возможности КНДР в этой области далеко не исчерпаны.

Нынешний этап участия КНДР в региональных хозяйственных процессах связан с перспективами, открывающимися в свете диалога Север — Юг и предполагаемого внутрикореяского сотрудничества. Так, 7 ноября 1988 г. КНДР выдвинула новый пакет предложений по обеспечению мира на Корейском полуострове. Переход к нормальным внутрикореяским отношениям при создании соответствующих правовых и политических гарантий отвечает долгосрочным интересам СССР и других стран социализма. Он соответствует советскому комплексному подходу к проблемам безопасности в Азии, который, как отмечал М. С. Горбачев, состоит в том, чтобы «объединить усилия всех азиатских государств, независимо от их общественного строя, во имя обеспечения мира и стабильности»²⁷.

Таким образом, открываются дополнительные возможности для КНДР оказывать реальное воздействие на течение экономической и политической жизни в АТР — одном из наиболее динамичных районов мира.

¹ Коре́йская Народно-Демократи́ческая Респу́блика. М., 1985, с. 159—163.

² Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. 1986, № 7, с. 105—106.

³ Там же.

⁴ «Нодон синмун», 13.X.1988.

⁵ Там же.

⁶ Там же, 26.I.1984.

⁷ См.: «Пхеньян синмун», 10.IX.1984.

⁸ «Нодон синмун», 26.I.1984.

⁹ «Кыллоджа», 1985, № 5, с. 96.

¹⁰ См.: Там же, с. 86—87.

¹¹ ИБ ЦТАК, 17.XI.84, с. 9—10.

¹² «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 3, с. 188.

¹³ Там же, 1985, № 4, с. 55.

¹⁴ См.: Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ, 1986, № 7, с. 107.

¹⁵ Коре́йская Народно-Демократи́ческая Респу́блика, с. 160—161; Чжунго Танци няньцзин, 1985. Пекин, 1986, с. 496.

¹⁶ Коре́йская Народно-Демократи́ческая Респу́блика, с. 160—161.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ См.: «Нодон синмун», 22.IX.1982.

²⁰ См.: Коре́йская Народно-Демократи́ческая Респу́блика, с. 162—165.

²¹ См. там же.

²² «Коммунист», 1988, № 8, с. 127—128.

²³ См.: «Korea Herald» 8.VII.1988.

²⁴ «Коммунист», 1988, № 8, с. 128.

²⁵ Там же.

²⁶ «Правда», 18.IX.1988.

²⁷ Там же, 30.VIII.1985.

Некоторые особенности обстановки в АТР

СИН ШУГАН

Ниже публикуется выступление известного китайского специалиста по Советскому Союзу, заведующего отделом внешней политики СССР Института СССР и стран Восточной Европы Академии общественных наук Китая, профессора Син Шугана на Международной молодежной встрече за безопасность и сотрудничество в азиатско-тихоокеанском регионе, состоявшейся в 1988 г. в Находке.

* * *

Проведение семинара для обсуждения проблем азиатско-тихоокеанского региона имеет большое значение; еще большее значение имеет то обстоятельство, что этот семинар проходит в дальневосточном городе Находка. Я думаю, что такое обсуждение и обмен мнениями будут способствовать укреплению дружбы и взаимопонимания между нами. Поэтому я от души желаю нашему семинару успехов.

Далее я хотел бы коротко остановиться на проблемах мира и развития в АТР. Мы считаем, что и с точки зрения мирового развития, и с точки зрения мира во всем мире этот регион занимает все более важное место. Здесь сосредоточены такие важнейшие в экономическом и политическом отношении страны мира, как Китай, США, СССР и Япония, расположены такие развитые государства, как Канада и Австралия; в регионе также находится группа новых индустриальных стран и территорий. В последние 10—20 лет для экономического развития АТР были характерны следующие особенности. Во-первых, высокие темпы экономического роста, которые превышали соответствующие показатели других регионов мира; начиная с 1980 г. среднегодовые темпы экономического роста в АТР сохранялись на уровне 5—6 %, что почти в два раза выше, чем в других регионах мира. В некоторых странах и территориях АТР темпы экономического роста все эти годы поддерживались на уровне 10 %. Во-вторых, быстрый рост торгового оборота. С учетом торговли США и СССР со странами региона доля государств АТР в мировом торговом обороте сопоставима с долей стран Европы. В-третьих, быстрое развертывание в АТР научно-технической революции. Например, Япония уже вышла на передовые рубежи мировой НТР; некоторые новые индустриальные страны и территории в настоящее время переходят на новую технологическую ступень, осуществляют перестройку своей хозяйственной структуры. В общем объеме производства в АТР значительно увеличилась доля продукции высоких технологий. В-четвертых, глубокие реформы структуры экономики и экономической системы, проводящиеся в некоторых странах АТР. Здесь прежде всего имеются в виду проводимые в настоящее время реформы в Китае и перестройка в Советском Союзе, направленные на отход от старой модели и создание нового социалистического экономического и политического механизма. Реформы в Китае проводятся в течение 10 лет, и уже достигнуты первые успехи. В результате среднегодовые темпы экономического роста в Китае превысили 9 %.

АТР в настоящее время превратился в один из важнейших центров мировой экономики. Это динамичный и перспективный регион. Полагаю, что в ближайшие 10—20 лет темпы экономического роста в странах региона по-прежнему будут высокими. Сейчас многие обсуждают вопрос о перемещении центра мировой экономики из Европы в АТР, а также предсказывают, что XXI век будет «веком Тихого океана». Мы считаем, что сейчас делать такое предсказание несколько преждевременно. Однако

с утверждением, что роль АТР в мире будет постоянно возрастать, можно согласиться. Укрепление сотрудничества между странами Азии и бассейна Тихого океана, углубление их взаимозависимости является закономерной тенденцией развития. Недооценка какой-либо страной этой тенденции может отрицательно сказаться на ее развитии.

Мы считаем, что АТР является одним из важнейших регионов, от которого зависит мир во всем мире. Силы мира здесь крепнут, однако для поддержания мира и стабильности в АТР, для стимулирования развития региона необходимо решить многие проблемы.

Прежде всего, еще ждут улучшения отношения между рядом важнейших государств АТР, а именно между США и СССР, Китаем и СССР, СССР и Японией, Китаем и США. В целом в последние годы обстановка в мире развивается в благоприятном направлении: наблюдается определенная разрядка напряженности, произошло снижение уровня военного противостояния между США и СССР, заключен договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, ведутся переговоры о сокращении на 50 % стратегических вооружений, в решении региональных конфликтов также наблюдаются положительные сдвиги. В американо-советских отношениях уже открылась отрадная перспектива улучшения. В китайско-советских отношениях также отмечается движение вперед. Так, стабильно развиваются экономические связи и контакты между людьми, хотя препятствия все еще не устранены окончательно. Благодаря усилиям стран АТР и улучшению отношений между основными из них, возникла возможность ликвидации региональных горячих точек.

Следует отметить, что по сравнению с Европой обстановка в Азии все же нестабильна. Американо-советское противоборство в Азии еще не претерпело изменений. Китайско-советские отношения по общезвестным причинам не полностью нормализованы. В японо-советских отношениях пока сохраняются территориальные споры, в китайско-американских — также время от времени появляются неприятные моменты. Не разрешен конфликт в Индокитае. Такая ситуация серьезно препятствует экономическому сотрудничеству и развитию. Для создания обстановки мира и стабильности в регионе необходимы дальнейшие усилия заинтересованных государств.

В последние несколько лет СССР, одновременно с проведением перестройки внутри страны, осуществил значительную корректировку своего внешнеполитического курса, предпринял конструктивные шаги в области развития отношений с рядом государств, в частности стал уделять большое внимание углублению экономических связей с государствами АТР, стремясь включиться в систему международного разделения труда в регионе.

СССР в настоящее время находится на ключевом этапе перестройки, в сфере экономики перед ним стоят еще многие проблемы. Широкое экономическое сотрудничество между СССР и странами АТР благоприятствует перестройке и развитию в самом Советском Союзе. Однако для утверждения отношений, основанных на широком сотрудничестве, требуется прежде всего значительное экономическое развитие советского Дальнего Востока. В настоящее время экономическая база Дальнего Востока слаба, она отстает от общесоюзной, для ее развития не хватает средств, несовершенна инфраструктура. Вместе с тем, здесь сосредоточены необычайно богатые природные ресурсы, и благодаря этому существует возможность строить экономические отношения этого региона Советского Союза со многими странами АТР на основе взаимодополняемости. Такие отношения выгодны как СССР, так и другим странам.

В связи с этим большое значение для советской стороны могут, по моему мнению, иметь следующие меры:

1) дальнейшее улучшение отношений с рядом стран АТР, создание в регионе обстановки взаимного доверия;

2) более динамичное развитие экономики;

3) осуществление более открытой внешнеэкономической политики, о чем говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев во Владивостоке 28 июля 1986 г.

Уверен, что развитие широкого экономического сотрудничества в АТР будет полезным для социально-экономического развития советского Дальнего Востока, оно послужит более надежной основой мира и стабильности в этом районе мира.

Публикация и перевод с кит. яз. А. В. ЛУКИНА

*В. И. ГЛУНИН,
доктор исторических наук
А. М. ГРИГОРЬЕВ,
доктор исторических наук*

В марте этого года исполняется 70 лет со времени образования Коммунистического Интернационала — всемирной организации коммунистов, деятельность которой со времени ее создания в марте 1919 г. и до самороспуска летом 1943 г. в огромной мере определяла содержание идейно-теоретической и практической деятельности коммунистических партий, оказывала существенное влияние на развитие революционного рабочего и национально-освободительного движения.

С самого начала одним из важнейших направлений деятельности Коминтерна была работа по всемерному развитию коммунистического и освободительного движения в странах Востока. В рамках этого «восточного» направления особое место практически на протяжении всего периода существования Коминтерна занимала его деятельность в Китае. Это определялось размахом и значением революционного движения в Китае в освободительном движении на Востоке, в мировом революционном процессе, тесными связями, сложившимися уже в начале 20-х гг. между Коминтерном, КПК и революционными силами Китая. Становление и развитие компартии Китая как одной из партий Коминтерна оказало глубокое влияние на различные стороны ее теоретической и практической деятельности. В свою очередь «китайский опыт» в значительной мере определял характер теоретической разработки в Коминтерне проблем национально-освободительного движения, его стратегии и тактики.

70-летие создание Коминтерна мы отмечаем сегодня в новой общественно-политической обстановке, складывающейся в нашей стране в ходе перестройки, предъявляющей новые требования представителям общественных наук, в том числе и специалистам, занимающимся проблемами коммунистического и национально-освободительного движения, его историей, историей Коминтерна.

Перед специалистами в этой области стоит важная задача — осветить деятельность Коминтерна более полно, правдиво и аргументированно, ликвидировать «белые пятна» в наших трудах о Коминтерне, изжить проявления охранительно-апологетического подхода в оценках его деятельности, приемы замалчивания либо лишь беглого упоминания без серьезного анализа и надлежащих оценок ошибок, просчетов, а порой и трагических событий его истории.

В ходе ряда обсуждения проблем истории Коминтерна в ведущих научных учреждениях нашей страны, в ряде публикаций последнего времени в нашей печати¹ были намечены направления углубленного анализа теоретической работы Коминтерна (анализ содержания коминтерновской концепции мирового революционного и освободительного процесса, в том числе анализ причин устойчивой тенденции переоценки степени кризиса капитализма и колониальной системы, находившей отражение вплоть до середины 30-х гг. во многих решениях руководящих органов Коминтерна и подавляющего большинства его партий, и др.).

¹ Публикуется в порядке обсуждения малонаследованных проблем истории Коминтерна.

Поставлены также задачи изучения идеологической борьбы в Коминтерне, освещения таких слабо изученных до сих пор вопросов, как деятельность руководящих органов Коминтерна, его аппарата, представителей партий в Коминтерне и представителей последнего в партиях, деятельность Коминтерна в отдельных регионах и странах, задача преодоления известной «безликости» многих работ по истории Коминтерна — отсутствия развернутых (либо отсутствие вообще) оценок роли и позиций многих ведущих деятелей Коминтерна, отдельных партий. Справедливо указывалось, что до сих пор нет четкой оценки влияния И. В. Сталина на деятельность ИККИ, не раскрыта роль Н. И. Бухарина, возглавлявшего руководящие органы Коминтерна с конца 1926 до конца 1928 г., и т. п. При этом отмечалось, что решение этих задач должно осуществляться на основе значительного расширения круга используемых документальных и других источников, прежде всего архивных материалов.

В той или иной мере отмеченные выше новые требования и пожелания относятся и к освещению деятельности Коминтерна в Китае, к задачам изучения взаимоотношений между Коминтерном и КПК.

Оценивая итоги работы в этой области в самом общем виде, можно констатировать, что в разработках советских историков рассмотрены основные события, документы и факты, характеризующие главное содержание и основные направления деятельности Коминтерна в Китае, его роль на различных этапах развития коммунистического и освободительного движения в этой стране.

Проделанная работа дает весьма выпуклое представление о роли Коминтерна, значении интернационального взаимодействия Коминтерна и его крупнейшей секции — ВКП(б) с КПК и другими революционными и патриотическими силами Китая для развития революционной и освободительной борьбы китайского народа.

Для историков самых разных направлений неоспорим вывод, что деятельность Коминтерна и ВКП(б) в огромной мере ускорила процесс создания КПК, созревания условий для подъема национально-освободительной борьбы в Китае в 20-е гг. Без помощи Коминтерна (советами, средствами, в подготовке кадров), без повседневной работы его представителей в Китае кружковой период в истории КПК мог бы затянуться на долгие годы.

Решение II съезда КПК (1922) о вступлении в Коминтерн положило начало широкому взаимодействию КПК с международным коммунистическим движением в разработке и осуществлении стратегии и тактики партии, благодаря которому китайские коммунисты получили возможность анализировать проблемы страны и партии на уровне достижений марксистской мысли того времени. В свою очередь с первых шагов деятельности КПК ее опыт стал достойным коммунистического и революционного освободительного движения, способствуя развитию марксистско-ленинского учения о революциях в колониальных и зависимых странах.

Коминтерн сыграл важную роль в разработке концепции китайского общества, на базе которой разрабатывались в первой половине 20-х гг. основные положения стратегии и тактики КПК. Принципиальные направления этой работы были заложены в трудах и выступлениях В. И. Ленина периода первых конгрессов Коминтерна. В них содержались оценки и методологические указания, определявшие основные направления анализа социально-экономической природы обществ стран Востока как обществ докапиталистических, с преобладанием феодальных и полуфеодальных отношений; характеристики основных классов и движущих сил освободительного движения, в том числе указание на двойственный характер национальной буржуазии; определение социальной природы основной массы населения стран Востока, крестьянства, как тружеников в массе докапиталистического типа; раскрывались главные черты идеологической ситуации, особенности национализма угнетенных наций. В трудах В. И. Ленина и решениях II—IV конгрессов Коминтерна были определены основные задачи идеологической и практической деятельности коммунистов стран Востока и главное направление их работы на данном этапе борьбы — осуществление в конкретных условиях каждой страны политики единого национального антиимпериалистического фронта².

В начале 20-х гг. в документах Коминтерна по проблемам Китая были выдвинуты оценки характера китайского общества (полуколониально-полуфеодальное),

движущих сил и содержания текущего этапа революционной борьбы, была определена тактическая линия борьбы — политика единого фронта. Эти положения, составляющие основу программы КПК в период демократической революции в Китае, благодаря рекомендациям Коминтерна и деятельности его представителей в Китае в самые первые годы деятельности КПК вошли в ее программные документы.

В целом уже на первом этапе революционного движения в Китае — в период создания первого единого фронта между КПК и Гоминьданом, подготовки и проведения революции 1925—1927 гг. — результатом этого взаимодействия стали разработка основ концепции революционной борьбы в Китае и быстрое превращение КПК из малочисленной организации кружково-пропагандистского характера в политическую партию.

Коминтерн привлек внимание КПК к важности для судеб китайской революции аграрно-крестьянского вопроса, к проблеме роли вооруженной борьбы и революционной армии в революционном процессе в Китае. Эти проблемы, сформулированные в 1923 г. в «Директиве III съезду китайской компартии», получили дальнейшую разработку в последующей переписке ИККИ с руководством КПК, в деятельности представителей Коминтерна в Китае и в развернутой форме в решениях VI и VII расширенных пленумов ИККИ. Коминтерн выдвинул и идею формы реализации тактики единого фронта в условиях Китая (вступление коммунистов в Гоминьдан на условия индивидуального членства при сохранении идейной, организационной и политической самостоятельности партии). Он сыграл важную роль и в ее практическом осуществлении: с одной стороны, в убеждении Сунь Ятсена в значении сотрудничества с КПК, а с другой — в обеспечении реализации этой формы сотрудничества с Гоминьданом руководством КПК, часть которого проявляла в этом вопросе значительные колебания.

Общим итогом взаимодействия Коминтерна и КПК на этом этапе китайской революции стало превращении КПК в исторически кратчайшие строки во влиятельную и относительно массовую политическую партию, сыгравшую роль застрельщика и организатора массовой борьбы в ходе революции 1925—1927 гг., располагавшую собственными кадрами пропагандистов и организаторов, военных работников. Несмотря на поражение революции и понесенный партией урон, она с тех пор прочно заняла свое место в политической жизни страны, в авангарде революционной освободительной борьбы китайского народа.

Процесс разработки политики партии в последующий период (конец 20-х — начало 30-х гг.) проходил в обстановке, когда под влиянием объективных факторов, а затем и в результате принятия новой политической линии произошло перемещение центра тяжести работы партии в сельские районы. Проход от ленинских оценок роли национальной буржуазии в освободительном движении на Востоке вылился в сектантскую линию в отношении национальной буржуазии и промежуточных сил, определявшую деятельность Коминтерна и КПК вплоть до середины 30-х гг. — до VII конгресса Коминтерна. Эти оценки в сочетании с выдвинутой на VI конгрессе Коминтерна (1928) теорией «третьего этапа мировой революции» обусловили и серьезные ошибки в определении стратегической линии борьбы в Китае в этот период, главное содержание которой составил план «советизации» Китая путем создания и расширения советских районов — опорных баз революции — и Красной армии Китая в сельских районах страны с расчетом на свержение их силами на базе развертывания аграрной революции под руководством КПК власти Гоминьдана и милитаристов непосредственно на данном этапе. Известные успехи в создании советских районов и Красной армии Китая в начале 30-х гг., определявшиеся наряду с героической борьбой китайских коммунистов в значительной мере социально-экономической и политической раздробленностью страны и обстановкой национального кризиса, углублявшегося по мере усиления в Китае агрессии японского империализма, были ошибочно расценены в решениях XI (1931), XII (1932) и XIII (1933) пленумов ИККИ как признаки формирования в Китае революционной ситуации.

Эти левосектантские установки, активно поддерживавшиеся руководством КПК, в известной мере оказали влияние на возникновение в КПК левацко-авантюристической платформы Ли Лисаня в 1930 г. (план «взрыва» мировой войны, перера-

стающей в мировую революцию), левацких планов «наступательной тактики» Красной армии в 1931—1932 гг., вели к самоизоляции КПК от возможных союзников, что в целом явилось одной из основных причин поражения советского движения, утраты основных советских баз в Центральном, Южном и Западном Китае в 1934—1935 гг., вынужденного перебазирования основных сил Красной армии из этих районов на северо-запад. Вместе с тем этот период был отнюдь не бесплодным с точки зрения накопления и обобщения опыта КПК во многих отношениях как в плане теории, так и в плане практических итогов деятельности партии. Наряду с «уроками ошибок» в результате совместной деятельности КПК и Коминтерна в ходе советского движения был сделан ряд важных теоретических и практических выводов, определивших во многом успешную разработку политики партии на последующих этапах.

В документах Коминтерна и КПК конца 20-х — начала 30-х гг. получили дальнейшее развитие разработка ряда проблем содержания, формы и маршрута китайской революции, вопросы о роли вооруженной борьбы и армии, территориальных (опорных) баз революции, аграрно-крестьянская программа партии и комплекс вопросов организационно-политической, социально-экономической и массовой работы партии в деревне.

Наиболее значительными вехами разработки политики Коминтерна и КПК в этот период были решения IX пленума ИККИ, VI съезд КПК и серия решений Коминтерна и КПК 1930—1931 гг.

В решениях IX пленума ИККИ (февраль 1928 г.), а затем и в документах VI съезда КПК (июнь — июль 1928 г.), проходившего под Москвой под руководством Коминтерна, содержались верные оценки текущего момента и характера китайской революции, выводы о неравномерности развития революции в Китае. Как известно, два последних момента стали одними из основных положений политической платформы КПК.

Важное значение для КПК имело сотрудничество с Коминтерном в эти годы и в деле разработки аграрно-крестьянского вопроса. Решения VI съезда КПК по этому вопросу явились практически первой развернутой аграрно-крестьянской программой КПК. Их отдельные положения в дальнейшем уточнялись, корректировались с учетом практики (уточнялись определения отдельных социальных групп, методы раздела земли, менялись акценты в политике в зависимости от изменений в военной и политической ситуации). Но целый ряд важнейших выводов и положений, зафиксированных в решениях VI съезда по аграрно-крестьянскому вопросу, использовался в течение всей последующей деятельности партии в деревне.

Трудно переоценить и значение взаимодействия КПК с Коминтерном и ВКП(б) в эти годы в деле разработки вопросов военного строительства, подготовки командных и политических кадров Красной армии Китая, обеспечивших во многом ее превращение уже в начале 30-х гг. в серьезную военную силу. Существенную роль это взаимодействие с КПК сыграло и в деле поворота партии в начале 30-х гг. к работе по организации масс, заложившей традиции тесных связей КПК и ее армии с массами, давшей партии ценный опыт организации и мобилизации различных слоев китайской деревни.

В начале 30-х гг. в Китае сложилась беспрецедентная тогда для мирового революционного движения ситуация: при всей слабости позиций КПК в городах в ряде сельских районов укреплялись революционные базы, росли и крепили вооруженные силы КПК.

На этой основе в ряде документов Коминтерна и КПК 1930—1931 гг. были сделаны новые выводы, сформулирована установка на перенесение центра тяжести деятельности партии в деревню. Это был важный шаг в разработке проблемы специфического маршрута китайской революции — «из деревни в город», — хотя в рамках принятой тогда общей стратегии от вывода о перенесении центра тяжести работы партии в сельские районы до оформившейся позднее в практике борьбы КПК платформы, обеспечившей победу китайской революции, в которой опора на деревню и созданные здесь вооруженные силы сочеталась с политикой единого фронта, с учетом и использованием международного фактора и поддержки, была еще значительная дистанция.

В целом в истории китайской революции советское движение стало не стра-

тегическим, а тактическим этапом борьбы КПК, в ходе которого партия сохранилась после поражения в 1927 г. как политическая сила и, более того, благодаря созданию в конце 20-х — начале 30-х гг. опорных советских баз и собственных вооруженных сил выросла в военно-политическую силу, блок с которой мог представлять в условиях Китая практический интерес. Несмотря на поражение советского движения, опыт политического, военного, социально-экономического и т. п. строительства в советских районах, проверка на практике различных форм организации крестьянства привели к тому, что к середине 30-х гг. КПК была единственной среди компартий Востока, располагавшей опытом, по сути, правящей партии, уникальным опытом работы в деревне, костяком командных и политических кадров армии. Именно это и явилось той основой, на которой произошло относительно быстрое развертывание вооруженных сил КПК уже в первые годы войны против японской агрессии, создание новых опорных баз — в форме антияпонских партизанских, а затем освобожденных районов на территориях, оккупированных агрессорами.

Условия для реализации этой возможности создал этап взаимодействия КПК и Коминтерна в разработке и осуществлении политики единого антияпонского фронта в середине 30-х гг. и в годы антияпонской войны.

Поворот к политике единого антиимпериалистического фронта в Китае был определен в решениях VII конгресса Коминтерна. В докладе Г. Димитрова на конгрессе выдвигалась задача создания «самого широкого единого фронта против японского империализма и его китайских агентов со всеми теми организованными силами, существующими на территории Китая, которые готовы вести борьбу за спасение своей родины и своего народа»³. На конгрессе были обнародованы выдержанные в духе этих требований основные положения «Обращения ЦК КПК ко всему народу Китая о сопротивлении Японии и спасении родины» («Декларация 1 августа», разработанная Коминтерном и делегацией КПК), положившего начало выработке и практическому осуществлению новой политической ориентации партии.

Решения VII конгресса Коминтерна по Китаю и принятые в их развитие документы, в разработке которых видную роль сыграл Г. Димитров⁴, означали пересмотр прежней сектантско-догматической позиции во многих важнейших отношениях. Они означали пересмотр оценки перспектив советского движения, содержания и задач аграрно-крестьянской политики на этапе борьбы против японской агрессии, возврат к ленинской оценке национальной буржуазии, пересмотр сектантской оценки национал-реформистских сил и партий, означали иную оценку роли и возможностей гоминьдановского режима и его армий в антияпонской войне. Не менее важными в плане поиска новых форм организации масс в городах были рекомендации Коминтерна о перестройке структуры организации левых деятелей культуры, профсоюзов, молодежных организаций КПК.

Фактически в совокупности эти решения означали формирование иной не только тактической, но и стратегической ориентации КПК, которая вобрала в себя в новых условиях наиболее плодотворные идеи и выводы периода национальной революции 1925—1927 гг., а также ряд моментов, отразивших итоги и приобретения предшествующего, советского периода.

КПК реализовала новую форму единого фронта с Гоминьданом (межпартийное сотрудничество) в условиях сохранения собственных территорий (особый район и антияпонские базы в тылу противника) и наличия собственных вооруженных сил, твердо придерживаясь при поддержке Коминтерна принципа организационной и политической независимости партии, сохранения и укрепления военного и политического руководства своими вооруженными силами.

Коминтерн и его партии сыграли важную роль в оказании интернациональной помощи борьбе китайского народа против японской агрессии. Особенно существенным в этом отношении был вклад ВКП(б), располагавшей наибольшими политическими и материальными возможностями. Поддержка справедливой борьбы китайского народа осуществлялась ВКП(б) и Советскими Союзом с начала японо-китайской войны по нескольким направлениям: оказание материальной и военной помощи Китаю на основе советско-китайского договора (август 1937 г.) и соответствующих дополнительных договоренностей; по линии дипломатической (в Лиге наций, на Брюссельской конференции девяти держав и др.). Позиция ВКП(б) и Советского

Союза имела существенное значение и для складывания единого фронта в Китае, а в конце 30-х — начале 40-х гг. — в периоды усиления трений между Гоминьданом и КПК — и для его сохранения.

Ряд вопросов взаимоотношений между КПК и Коминтерном на заключительном этапе деятельности последнего еще ждут более детального изучения. В то же время уже сегодня можно сделать определенные выводы о позитивном значении для КПК ее взаимодействия с Коминтерном в области ориентации партии в сложных вопросах международной политики в эти годы. Хотя еще предстоит выяснить, как сказались на КПК ошибки Коминтерна в определении характера первого этапа второй мировой войны в Европе (в период с сентября 1939 г. до нападения Германии на Советский Союз), в целом в своих рекомендациях на заключительном этапе своей деятельности в Китае Коминтерн настойчиво проводил мысль о том, что перспективы борьбы против захватчиков, роста сил и политического влияния КПК будут в огромной мере определяться тем, насколько успешно партии удастся направить ход освободительной борьбы в Китае в общее русло разворачивающейся в мире борьбы против фашистской агрессии держав оси, учесть в условиях Китая, в отношениях с Гоминьданом позиции сил антифашистской коалиции. Дальнейший ход событий, решающая роль сил антифашистской коалиции в разгроме японских захватчиков показали все значение этих рекомендаций для дальнейшего роста влияния КПК, для перехода освободительного движения в Китае на новый этап.

Коминтерн прекратил свою деятельность, в том числе в Китае, когда наметился перелом в войне против держав оси, но до победы над ними предстояло пройти еще немалый путь. Естественно, что в этих условиях разработка новой ориентации партии в целом была подчинена задачам развертывания национально-освободительной борьбы китайского народа против японских захватчиков. В то же время нельзя не видеть, что уже в тот период в новой платформе КПК было многое из необходимого (хотя и не все достаточное) для формулирования в послевоенный период политической платформы, обеспечившей победу китайской революции.

Окончательное формирование этой платформы произошло в КПК уже в «послекоминтерновский» период ее деятельности. Вместе с тем ее содержание показывает, что теоретические и практические достижения Коминтерна и КПК, опыт и уроки каждого этапа развития партии и революционной борьбы в Китае были как бы «витком» спирали процесса познания и самопознания революции, в котором каждый последующий «виток» был связан с предшествующими и без них невозможен.

На всех этапах развития революционного процесса в Китае поиск и воплощение решений в практику были сложным процессом, в ходе которого обобщались уроки успехов и неудач, намечались и опробовались решения новых проблем, выдвигавшихся жизнью. Эта сложнейшая работа, включавшая «перевод» общих положений марксистско-ленинского учения на язык теории и практики китайской революции, наталкивалась на серьезные трудности объективного и субъективного характера. Коминтерн и КПК шли в Китае непроторенными путями, когда для многих проблем не было готовых решений. Сказывалась неизученность многих сторон китайской действительности, необходимость принимать решения в условиях, когда жизнь, обстановка острой борьбы не оставляли времени на длительные раздумья.

На первых порах — этапе становления КПК — Коминтерну приходилось брать на себя большее бремя ответственности за разработку стратегических и тактических решений. В то же время Коминтерн делал все от него зависящее, чтобы ускорить подготовку и созревание кадров КПК в ходе совместной теоретической и практической работы в учебных учреждениях КПК и соответствующих учреждениях Коминтерна в СССР.

По мере роста теоретического уровня и накопления практического опыта все более весомым и значительным становился вклад кадров КПК в разработку и практическую реализацию программных и тактических решений партии. Практика революционного движения в период подготовки и проведения национальной революции Китая дала мощный импульс для изучения Коминтерном и КПК ряда кардинальных проблем Китая. Этому способствовала практика демократических обсуждений важнейших проблем в руководящих органах и аппарате Коминтерна, сохранявшаяся вплоть до отстранения Н. И. Бухарина с поста руководителя ИККИ,

привлечение к этой работе экспертов-практиков и ученых, расширение исследовательской работы в научных центрах при КУТВ, КУТК, в рамках Комакадемии, в ряде вузовских центров СССР, создание специальных журналов по проблемам Китая.

В тесной связи с разработкой в документах Коминтерна и КПК вопросов о характере китайского общества и движущих силах китайской революции уже в 20-е гг. были намечены новые подходы к определению природы китайского милитаризма, на базе материалов о крестьянском движении развернулась дискуссия о характере социально-экономического строя китайской деревни, о роли традиционных организаций (тайных обществ), об особенностях китайской буржуазии.

Вместе с тем в деятельности Коминтерна и его представителей в Китае в этот период был допущен и ряд серьезных ошибок и просчетов теоретического и практического характера, что и раньше отмечалось в наших работах. На основе имеющихся разработок об их причинах, существе и значении сегодня следует сказать более четко, определено и полно. На фоне быстрых сдвигов и успехов в развитии КПК и формировании в конце 1923 — начале 1924 г. единого фронта с суньятсеновским Гоминьданом, значительного полевения этой организации благодаря вступлению в нее КПК и принятию новой, весьма радикальной программы национальной революции уже в период V конгресса Коминтерна (июнь — июль 1924 г.) в его руководстве (Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, Н. И. Бухарин и особенно Л. Д. Троцкий) обозначилась тенденция к пересмотру ленинской оценки роли национальной буржуазии, к завышению в духе концепций М. Роя социального потенциала национально-революционного движения на Востоке, роли в нем пролетарского и «плебейско-демократического» потока. На этой основе начала формироваться «историческая aberrация» в подходе к перспективе реализации идеи гегемонии пролетариата в революционном движении в Китае. Эти взгляды в известной мере отражали настроения революционной нетерпеливости, левацко-сектантские представления, свойственные части руководства и значительной части массы членов молодой КПК, и в то же время находили в ней соответствующий отклик.

На начальных этапах национальной революции эти тенденции в Коминтерне в значительной мере корректировались практикой осуществления единого фронта, необходимостью учитывать реальное соотношение сил КПК и Гоминьдана в рамках единой организации, в национально-революционной армии, контролировавшейся гоминьдановцами. Однако усиление позиций представителей КПК в руководящих органах Гоминьдана, дальнейшая радикализация его платформы к началу 1926 г. (не отражавшая действительные взгляды входивших в него представителей буржуазных кругов, а тем более помещичье-милитаристских сил в его армии) подтолкнули дальнейший рост отмеченных тенденций в Коминтерне и в КПК, их трансформацию в планы превращения Гоминьдана в «рабоче-крестьянскую партию», руководство которой, а соответственно и руководство «переводом» китайской революции с этапа общенационального (с участием национальной буржуазии) на этап революционно-демократический (который мыслился как этап аграрной революции), а затем — на этап рабоче-крестьянский («советский»), осуществляет рабочий класс в лице компартии. В результате линия Коминтерна по китайскому вопросу начала приобретать вид неустойчивого сочетания политики единого антиимпериалистического фронта и тактической, «блоковой» модели, в рамках которой политика единого фронта с Гоминьданом выглядела как политический маневр, ставивший целью установление контроля КПК над Гоминьданом, создание под его «оболочкой» иной, массовой рабоче-крестьянской в основе партии. Очевидную в то время для Коминтерна слабость позиций КПК вне аппарата центральных органов Гоминьдана и особенно в его армии предполагалось преодолеть по мере развития рабочего и крестьянского движения и создания массовых организаций, в ходе развертывания аграрной революции и создания рабочих и крестьянских вооруженных формирований, опираясь на которые можно будет радикально изменить состав, политический облик и руководство армии Гоминьдана. Завышение оценки возможностей реализации такого варианта развития событий, расчет на то, что происходившие в ряде районов Китая локальные акты захвата земли крестьянами «снизу» — это предвестник могучего стихийного «крестьянско-плебейского» потока, способного (как в послеоктябрьской России) в короткое время захлестнуть китайскую деревню, определили нарастание левизны в оценках положения в Китае в решениях VI, VII и

особенно VIII пленумов ИККИ, нереалистичность и практическую невыполнимость основанных на них директив Коминтерна КПК в критический период революции (после переворота Чан Кайши в апреле 1927 г.), а также ряда установок представителей ИККИ в Китае в период с июля по ноябрь 1927 г. («перманентная революция» и т. д.).

На характер ряда оценок ситуации в Китае и содержание рекомендаций Коминтерна КПК с весны-лета 1926 г. серьезное влияние оказывала развернувшаяся в ВКП(б), а затем и в Коминтерне борьба с оппозицией, в которой одним из центральных был вопрос о политике в Китае⁵. Оценивая ситуацию в Китае с крайне левых позиций, оппозиция (Зиновьев и Троцкий) уже в 1926 г., а затем вновь весной 1927 г. (после переворота Чан Кайши) выступала с предложениями о выходе КПК из Гоминьдана и немедленном образовании Советов как органов революционной власти, руководимых КПК. Вплоть до лета 1927 г. руководство Коминтерна, в котором после снятия Зиновьева с поста его председателя (в конце 1926 г.) решающим было влияние Сталина и Бухарина, отвергало эту левацкую тактику, хотя постоянное давление «слева» сказывалось и на оценках ряда аспектов ситуации в Китае, данных Сталиным и Бухариным, выступавшими в то время по основным вопросам китайской революции с единых в целом позиций. Борьба с оппозицией особенно сказалась на линии руководства Коминтерна в критические дни китайской революции и после ее поражения, когда оппозиция попыталась использовать вопрос о причинах последнего в своих интересах.

Это обстоятельство, а также неоправданные расчеты на возможность нового подъема революционного движения в Китае, перехода революции после разрыва единого фронта с Гоминьданом на новый этап (сначала под флагом нового, «Революционного Гоминьдана», а затем под лозунгом Советов) в период с лета и до конца 1927 г. мешали трезвой оценке в Коминтерне ситуации в Китае, степени поражения революционных сил.

Свойственная Коминтерну (и КПК) общая переоценка возможностей политики «левого блока» и потенций «плебейско-крестьянского» потока, уровня и возможностей рабочего движения в период революции 1925—1927 гг. стала одним из источников принятой ИККИ и КПК оценки причин поражения революционных сил с позиций якобы имевшихся, но неиспользованных благоприятных возможностей, главная вина за неумение и нежелание использовать которые была возложена на тогдашнее руководство КПК во главе с Чэнь Дусю, обвиненным в проведении «правоопportunистической линии», в отказе от проведения в жизнь директив Коминтерна в критический момент революции.

Уже вскоре — в начале 1928 г. — ИККИ реалистически оценил степень поражения революционных сил, их тогдашнее состояние. При оценке причин поражения революции на первое место было справедливо поставлено указание на неблагоприятное соотношение сил. Но наряду с этим и тогда, и позднее в документах Коминтерна и КПК сохранялись утверждения о неиспользованных возможностях в критический период революции 1925—1927 гг., отражавшие завышенные оценки социального политического потенциала левых сил в Китае в те годы.

Эта идея «нереализованных возможностей» наряду с известными ошибками в подходе к национальной буржуазии стала одним из источников левацко-сектантской линии в период между VI и VII конгрессами Коминтерна. Известную роль в консервации этих представлений в тот период сыграли неточные оценки городского слоя безземельных низов китайской деревни — отнесение их (в том числе пауперов и люмпенов) к деревенским пролетариям и полупролетариям, — а также серьезные просчеты в подходе к комплексу проблем, связанных с работой партии в конце 20-х — начале 30-х гг. в городах (завышение уровня и потенциала рабочего движения, возможностей развития классовых профсоюзов, недооценка влияния на рабочих и другие городские слои национал-реформистской политики и пропаганды).

В связи с нерешенностью этого комплекса проблем Коминтерну не удалось разработать целостную, отвечающую реальным условиям концепцию коммунистической партии, партийного строительства в условиях Китая (и в целом в странах Востока). Уделяя на всех этапах своей деятельности в Китае большое внимание делу подготовки кадров для КПК, повышению их идейно-теоретического уровня, Коминтерн в то же время был склонен рассматривать ряд объективных процес-

сов в КПК, и прежде всего приобладание в партии выходцев из непролетарских слоев, как некое «отклонение от нормы», видя в этом (в отдельные периоды) проявления не столько объективных условий развития КПК, сколько результат субъективных моментов — просчетов и ошибок ее руководства. Отсюда и не оправданные в условиях Китая установки на «орабочивание» руководящих органов КПК в период после поражения революционных сил в 1927 г., рекомендации «превратить КПК в пролетарскую партию не только по своей идейно-политической платформе, но и по роли и влиянию рабочих, в ее руководящих органах» в начале 30-х гг., отзыв комитетов которых можно найти и в более поздних документах Коминтерна, обращенных в КПК.

Отмеченные выше ошибки и просчеты в деятельности Коминтерна на разных этапах объяснялись сложным комплексом причин, ряд которых предстоит изучить дополнительно. На первых этапах, как отмечалось, серьезно сказывалась новизна многих явлений, с которыми сталкивались Коминтерн и КПК в своей деятельности, «непроявленность» в реальной практике содержания, форм, специфики движения, политического действия различных социальных и политических сил страны, отражавших особенности социально-экономической структуры города и деревни, разнообразие условий в различных районах Китая, слабая изученность этих явлений и процессов⁶. В этой ситуации в деятельности Коминтерна, естественно, в значительной мере проявлялась тенденция расценивать, анализировать процессы в Китае «по аналогии», на основе уже накопленного опыта работы в других, часто более развитых странах, прежде всего через призму опыта российских революций. Этим особенно грешили «левые» в аппарате и руководстве Коминтерна, а также не обладавшие еще необходимым знанием теории и опытом практической работы кадры КПК.

Со второй половины 20-х гг. одним из источников отмеченных просчетов, и прежде всего тенденции к завышению социального потенциала и возможностей левых сил в национально-революционном движении в Китае, становится отрицание революционных потенций национальной буржуазии, схематизм, упрощенное представление о путях, сроках и реальных возможностях борьбы за гегемонию пролетариата в Китае. Тенденция схематизации в анализе процессов в Китае усилилась и особенно негативно сказалось на теоретической работе Коминтерна и КПК по мере формирования культа Сталина, препятствуя обобщению опыта рабочего и крестьянского движения, богатого опыта политической и военной работы КПК в 20-е гг. Дискуссии по ряду кардинальных проблем развития Китая и китайской революции, развернувшиеся на этом богатейшем материале в середине 20-х гг., начали переводиться в «проработочные» кампании с навешиванием политических ярлыков, а затем и вообще были свернуты.

Процесс догматизации, в том числе и неверных, выводов и оценок усилился в конце 20-х — первой половине 30-х гг. после устранения Бухарина с поста руководителя Коминтерна и с началом кампаний против «правых уклонистов» и «примиренцев» в аппарате Коминтерна и в партиях, в связи с дальнейшим усилением культа личности Сталина.

Следует отметить, что усиление схематизма и сектантско-догматических тенденций в деятельности Коминтерна, серьезно препятствовавших творческому обобщению богатого опыта борьбы КПК в 20-е гг. и в первой половине 30-х гг., при всех его негативных последствиях, не означало некоего «полного перерыва», остановки в изучении в Коминтерне и его исследовательских центрах ситуации в Китае и опыта борьбы КПК.

В деятельности Коминтерна всегда существовали два взаимосвязанных, но все же различных уровня работы. Один — уровень теоретико-стратегических решений, принявших его руководящими органами; другой, более «низкий», — уровень, на котором в аппарате секретариатов Коминтерна и страновых секторах, в представительствах ИККИ, в партиях, в делегациях партий в Коминтерне велась повседневная работа по изучению и обобщению информации с мест, опыта конкретной работы, итогов реализации тех или иных решений. Безусловно, решения более высокого уровня в огромной мере влияли на содержание и направление работы на уровне более низком, способствуя либо препятствуя обобщению конкретного опыта, выработке реалистических оценок и практических рекомендаций.

В период господства левосектантских установок в деятельности Коминтерна, в том

числе и в Китае в период между VI и VII конгрессами, это влияние сказывалось в стремлении работников аппарата, представителей ИККИ в Китае, делегации партии в Коминтерне и ее руководства в Китае «подогнать» информацию и выводы о тех или иных процессах в партии и в стране под готовые «директивные формулы». Левосектантские силы в руководстве КПК в ряде случаев, основываясь или ссылаясь на общие стратегические установки, пытались «перевести» их в ряд конкретных практических действий без учета реальной ситуации на тактико-политическом уровне. Реалистические оценки тех или иных процессов, содержащиеся в документах или информации представителей Коминтерна, местных организаций партии, не «вписывавшиеся» в принятые общие «левые» оценки ситуации, рассматривались как проявления того или иного «уклона».

Вместе с тем и в эти годы в аппарате Восточного секретариата ИККИ и его различных комиссиях, усилиями представителей ИККИ в Китае, в самой партии продолжалось интенсивное изучение опыта борьбы, шло не просто накопление информации, но и был сделан ряд существенных, во многом новых и реалистичных выводов «среднего уровня» о процессах в партии, в советских базах, в вооруженных силах КПК, ставших уже в то время основой для рекомендаций о корректировке политики партии, хотя и остававшихся тогда главным образом на уровне тактики.

Многое в этой области еще предстоит исследовать на основе изучения документов аппарата Коминтерна, его представителей в Китае, материалов делегации КПК. Но и то, что уже известно, позволяет сказать: выводы по многим важным вопросам, сделанные на этом уровне, подготовили пересмотр левацко-сектантских установок, поворот в политике Коминтерна и КПК в середине 30-х гг. на основе решений VII конгресса Коминтерна.

Решения VII конгресса Коминтерна и развернувшаяся на их основе разработка новой ориентации КПК означали радикальный пересмотр левацко-сектантских установок и создавали условия для преодоления догматизма и схематизма в политике Коминтерна в Китае (и в целом в определении путей развития освободительного движения в странах Востока). Как было показано выше, эти условия в значительной мере были реализованы в деятельности Коминтерна и КПК в ходе разработки политики единого национального антияпонского фронта. Коминтерн фактически отказался от абсолютизации китайского опыта, свойственной периоду советского движения, более полно учитывал разнообразие внутренних и международных условий при реализации политики национальных фронтов, в частности во Вьетнаме, на Филиппинах, в странах Латинской Америки.

Следует отметить, что в Китае в этот период в силу особого положения КПК, в том числе и по причине местонахождения ее руководящего центра, в большей мере по сравнению, например, с компартиями ряда стран Западной и Восточной Европы удалось реализовать и подчеркнутое в решениях VII конгресса положение о необходимости предоставления компартиям большей политической самостоятельности. Необоснованные репрессии против кадров аппарата Коминтерна и самих партий в конце 30-х гг., подорвавшие реализацию этого решения Коминтерна, хотя и серьезно затронули кадры КПК, ее делегации, коммунистов-политэмигрантов, проживавших в СССР, но не в таких масштабах, как кадры ряда других партий.

В то же время ряд вопросов теоретической и практической деятельности Коминтерна в период после VII конгресса изучены и осмыслены еще недостаточно. Говоря о теоретической работе, связанной с Китаем, следует отметить, что в разработках в Коминтерне проблем Китая заметно смещение внимания к вопросам политики партии в связи с задачами ее деятельности в ходе антияпонской борьбы. Анализ проблем дальнейшего развития китайской революции в документах Коминтерна в этот период занимает весьма скромное место. Новые возможности для углубления и разработки понятийного аппарата, необходимого для анализа и учета новых явлений в жизни партии и страны, реализуются лишь частично. Эти тенденции в деятельности Коминтерна в годы антияпонской войны, несомненно, объяснялись прежде всего потребностями момента. В то же время, представляется, это было связано и с тем, что и после VII конгресса Коминтерна процесс освобождения от прежних схем и представлений происходил в Коминтерне и в КПК отнюдь не просто и прямолинейно.

Одной из причин этого было то обстоятельство, что VII конгресс Коминтерна и последующая разработка его политики в Китае происходили одновременно с дальнейшим усилением культа личности Сталина. Этим во многом объясняется тот факт, что, хотя решения VII конгресса, по сути, означали отбрасывание ряда основных ошибочных сталинских оценок и установок, отказ от них происходил без их прямой дезавуации. Поворот в политике Коминтерна, в том числе и в Китае, представлялся как тактический, объяснявшийся не несостоятельностью прежних схем и концепций, а особенностями текущей полосы событий — усилением угрозы фашизма и войны, в том числе колониальных войн империализма. Выводы и положения Сталина о содержании, этапах и формах китайской революции, сформулированные им в 20-е гг. (в том числе и их слабые стороны), сохранялись в работах советских авторов по Китаю, активно пропагандировались в работах и лекционных курсах, имевших хождение в КПК, в ряде программных публикаций и документов КПК конца 30-х гг., касавшихся определения характера, форм и перспектив китайской революции. Все это определило известную консервацию прежнего понятийного аппарата в Коминтерне, сказалось и на уровне теоретической работы в КПК.

С конца 30-х гг. преодоление схематизма в подходе к анализу истории и процессов в самой КПК препятствовала и попытка «приспособить» к условиям своей партии сталинскую схему внутривнутрипартийной борьбы в ВКП(б), изложенную в «Кратком курсе истории ВКП(б)», изучавшемся во многих партиях (в Китае перевод этой книги появился в 1939 г.).

Можно ли объяснить все эти явления в КПК лишь внешними факторами, давлением извне? Или речь должна идти о сложном взаимодействии внешних и внутренних факторов, в том числе о том, что уровень теоретических разработок в КПК в то время отразил общий для ряда партий Коминтерна уровень теоретического мышления? Вопрос этот заслуживает дополнительного изучения, но известное нам уже сегодня позволяет говорить, что дело во многом обстояло именно так. Одним из проявлений больших возможностей независимой деятельности, попыткой самостоятельно сформулировать концепцию содержания и перспектив китайской революции явилась выдвинутая в КПК в конце 30-х гг. теория новодемократической революции. Не входя в данном случае в ее детальную оценку, отметим лишь, что наиболее существенные элементы ее категориального аппарата воспроизводили многие (в том числе и не самые сильные) моменты теоретических разработок Коминтерна и КПК 20-х и первой половины 30-х гг.

В целом, в рамках основных теоретических и политических выводов Коминтерна и КПК, сделанных в период после VII конгресса, которые, пройдя дальнейшую проверку жизнью, вошли в арсенал стратегии и тактики китайской революции, обеспечивший ее победу, было более или менее адекватно отражено, «схвачено» основное в расстановке социальных и политических сил, главные тенденции и особенности революционного и освободительного движения в Китае. Вместе с тем представляется, что действительность Китая была богаче и сложнее «описывавшей» ее теории, и не только потому, что всякая реальность богаче теоретического представления о ней, но и в силу давления не преодоленных в эти годы в деятельности Коминтерна и КПК старых представлений.

Более полному раскрытию динамики политики Коминтерна в Китае, мотивов и условий принятия ряда важных решений Коминтерна и КПК должно способствовать и освещение таких еще недостаточно изученных взаимосвязанных, но отнюдь не сводящихся одна к другой проблем, как роль и влияние Сталина и ВКП(б) на политику Коминтерна в Китае.

Имеющиеся в нашем распоряжении факты и документы позволяют говорить о том, что роль Сталина в разработке и принятии решений по проблемам освободительного движения на Востоке и китайской революции становится заметной в Коминтерне начиная с V конгресса Коминтерна. В период национальной революции 1925—1927 гг. она усиливается в ходе борьбы с оппозицией и на заключительном этапе этой революции и в дальнейшем становится решающей. С конца 20-х гг., после устранения Бухарина от работы в Коминтерне, практически ни одно крупное решение по Китаю не принималось без участия или по меньшей мере без согласия Сталина и лиц из его ближайшего окружения, причастных к деятельности Коминтерна и решению вопросов международной и военной

политики ВКП(б) (Молотов, Ворошилов, глава делегации ВКП(б) в Коминтерне Мануильский).

Наиболее полно о позиции Сталина по вопросам Китая и китайской революции в коминтерновский период можно судить на основании ряда его опубликованных работ и выступлений периода 1924—1927 гг. В них нашли отражение и сильные, и слабые стороны разработки проблем Китая и китайской революции в этот период в Коминтерне и ВКП(б). Сталин развивал в своих работах выдвинутое Коминтерном еще в начале 20-х гг. оценки социально-экономического строя Китая, выводы о роли вооруженной борьбы в китайской революции, а в ходе борьбы с оппозицией сыграл видную роль, выступая против ее ультралевых схем и предложений, означавших отказ от политики единого национального фронта.

В то же время его позиции в этот период были свойственны серьезные элементы левизны и схематизма, колебания в оценках ряда важных процессов в Китае, определявшиеся совокупностью ряда факторов — его теоретическими представлениями, тогдашним уровнем знаний о Китае, учетом реального хода событий, а также политическим маневрированием в ходе внутрипартийной борьбы в ВКП(б), что в значительной мере определило содержание выдвинутой им «задним числом» теории «трех этапов китайской революции», колебания в оценках Гоминьдана в 1925—1926 и в 1927 гг., в трактовке условий создания и характера Советов весной и осенью 1927 г.

Позиция Сталина, в частности выдвинутое им на V конгрессе Коминтерна (лето 1924 г.) требование «разбить» национальную буржуазию, подтолкнула пересмотр в Коминтерне ленинской оценки потенциалов этого класса на Востоке. Такую же роль играли и пересмотр Сталиным ленинского подхода к позициям М. Роя на II конгрессе Коминтерна. В лекциях «Об основах ленинизма» (1924), в ряде других выступлений Сталин утверждал, что именно «Дополнительные тезисы» Роя (отразившие левацко-сектантский подход к роли национальной буржуазии и к оценке возможностей рабочего движения на Востоке), а не тезисы В. И. Ленина отвечают условиям Китая⁹.

На оценке содержания и движущих сил китайской революции в Коминтерне в 20-е гг. и позднее сказался и развивавшийся им в ряде работ тезис о том, что национальный вопрос на Востоке есть, по сути, вопрос крестьянский¹⁰, отразивший упрощенно-схематические представления о связи национального и крестьянского вопросов в различных странах Востока, в том числе и в Китае, где он отнюдь не сводился лишь к вопросу крестьянскому.

Применительно к Китаю установка на борьбу с национальной буржуазией обосновывалась Сталиным в ряде его выступлений еще в мае 1925 г., в которых утверждалось, что в странах «вроде Египта и Китая» буржуазия уже исчерпала свои революционные возможности и поэтому здесь «коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма. От политики единого национального фронта коммунисты должны перейти в таких странах к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии». На этой основе Сталиным намечались и контуры курса на превращение Гоминьдана в «рабоче-крестьянскую партию»¹¹. Дальнейшее развитие идея «блока рабочих и мелкой буржуазии» в рамках Гоминьдана получила в речи Сталина 30 ноября 1926 г. на VII пленуме ИККИ «О перспективах китайской революции»¹², которая была зафиксирована в решении пленума по китайскому вопросу в качестве установки Коминтерна.

Следует отметить, что левацкие оценки Сталиным национальной буржуазии, вплоть до лета 1927 г. не означали его отказа от политики единого фронта на практике, хотя после создания Уханьского правительства и особенно после переворота Чан Кайши, принимая желаемое за действительное, он (как и многие в руководстве Коминтерна и КПК) считал, что в рамках Уханьского «левого» Гоминьдана реализуется тактика «левого блока». Независимо от этого длительное сохранение единого фронта с Гоминьданом (вопреки требованиям оппозиции и «левых» в КПК) на практике имело весьма важное значение для развертывания и накопления сил КПК, для «раскачки» и втягивания в национально-революционное движение различных социальных слоев китайского общества.

В идейно-теоретическом плане для Коминтерна и для КПК имело важное

значение и подчеркивание Сталиным в борьбе с оппозицией необходимости учета национального, антиимпериалистического момента в китайской революции, показ несостоятельности попыток Троцкого перенести на Китай схему тактики РСДРП в революции 1905—1907 гг. в России.

Однако в силу серьезной левизны в оценках Сталиным движущих сил и динамики развития китайской революции его расхождение с платформой оппозиции, несмотря на усиление накала борьбы, стали все более сводиться к тактическим, а после разрыва единого фронта позиция Сталина летом-осенью 1927 г. вобрала в себя многие основные черты схемы действий, ранее им отвергавшейся. В дальнейшем после 1927 г. Сталин по вопросам Китая в печати больше не выступал¹².

В годы советского движения в материалах Коминтерна и КПК часто приводилась ссылка на «указание» Сталина «лишь Советы спасут Китай», без разъяснений, когда и по какому случаю оно было сделано. Это положение, а также разрабатывавшиеся при участии Сталина и отмеченные выше оценки ситуации в Китае в резолюциях XI—XIII пленумов ИККИ серьезно тормозили пересмотр левацко-сектантских установок в этот период.

Известно, что Сталин был вынужден согласиться (хотя не сразу) с предположениями Г. Димитрова и ряда других руководителей ИККИ о снятии лозунга борьбы за Советы в Китае, осуществленном на основе решений VII конгресса Коминтерна, и в дальнейшем активно поддерживал линию на создание и укрепление единого фронта между КПК и Гоминьданом накануне и в период японо-китайской войны. Вместе с тем, еще предстоит исследовать его действительное отношение к решениям VII конгресса (как известно, ни в одной из его работ того времени, ни в «Кратком курсе истории ВКП(б)» об этом конгрессе нет даже упоминаний), а также его отношение к вопросу о содержании, формах и перспективах развития революционного процесса в Китае. Есть основания полагать, что Сталин не считал принятую конгрессом Коминтерна новую ориентацию основанием для пересмотра своих прежних оценок расстановки сил, содержания и этапов китайской революции. Работы Сталина по Китаю (часть из них издавалась в 20—40-е гг. отдельными брошюрами, входила в сборники его трудов, публиковавшихся в нашей стране и в КПК), их положения, а также работы и положения Сталина по общим проблемам национально-освободительного движения (о роли и содержании национально-колониального вопроса и др.) и после VII конгресса Коминтерна постоянно цитировались и использовались в публикациях Коминтерна, ВКП(б), КПК и многих других партий. Все работы и выступления Сталина 20-х гг. вошли в его «Сочинения» без изменений. В предисловии к вышедшему в 1948 г. восьмому тому его «Сочинений», в котором, в частности, была помещена речь «О перспективах революции в Китае» (30 ноября 1926 г.), говорилось, что в этой работе «И. В. Сталин раскрывает особенности китайской революции, ее характер и направление»¹³.

В нашей литературе широко освещено взаимодействие ВКП(б) с КПК и другими революционными и патриотическими силами Китая, позитивное воздействие этих связей на развитие освободительной и революционной борьбы китайского народа. ВКП(б) взаимодействовала с КПК в рамках Коминтерна, а в ряде случаев — хотя практически всегда с ведома последнего — и вне его. Это обстоятельство определялось объективно сложившимся особым положением ВКП(б) в Коминтерне как партии, располагавшей наибольшими материальными и другими возможностями, возглавлявшей первую социалистическую страну, где находились руководящие органы, учебные и исследовательские центры Коминтерна, и к тому же страну — соседа Китая. Единство целей ВКП(б) и КПК, содержание политики Советского государства, положение СССР и Китая в системе международных отношений определяли принципиальное единство интересов народов СССР и Китая и во многом — совпадение национальных интересов двух стран.

Интернациональные связи ВКП(б) и КПК, географическая близость СССР и Китая создавали особые возможности для подготовки кадров КПК в СССР, оказания в те или иные периоды материальной и военной помощи и по линии Коминтерна, и через соответствующие организации Советского Союза КПК и другим революционно-патриотическим силам Китая.

Хотя по известным причинам тесные отношения КПК с ВКП(б) в то время не афишировались, значение этих связей для КПК на различных этапах в огромной мере определялось и тем, что многократно увеличивало ее политический вес в стране. Различные политические силы Китая, рассматривая перспективы блокирования с КПК, всегда учитывали характер ее международных связей, воздействие этого фактора на внутреннюю политику и международное положение страны. В начале 20-х гг. Сунь Ятсен, идя на блок с малочисленной тогда КПК, принимал во внимание не только перспективы расширения массовой базы своей партии и возможности КПК в этом отношении, но и возможности поддержки возглавляемого им Гоминьдана, его армии со стороны сил, связанных с КПК узлами интернациональной солидарности, — ВКП(б) и Советского Союза. Это обстоятельство во многом определяло и заинтересованность различных региональных и политических группировок в едином фронте с КПК для борьбы против агрессии японского империализма в 30-е гг., явилось одним из условий осуществления КПК тактики давления на Гоминьдан с целью вынудить его прекратить гражданскую войну и пойти на единый фронт с нею.

В то же время в освещении связей КПК с ВКП(б) остается еще немало белых пятен.

До сих пор, например, слабо освещен вопрос о подготовке кадров для КПК в учреждениях Коминтерна и ВКП(б), в вузах и военных учебных заведениях Советского Союза. Слабо изучен и практически не освещен ряд моментов взаимодействия ВКП(б) и КПК, когда воздействие опыта и практики внутрипартийной и идеологической жизни ВКП(б) на КПК было противоречивым либо негативным. Так, предстоит выяснить и показать воздействие на КПК, на ее политическую линию, стиль и методы работы ряда эпизодов внутрипартийной борьбы в ВКП(б) в середине и в конце 20-х гг. Анализ и здесь должен быть строго научным, а подход — дифференцированным. Борьба с оппозицией в 1926—1927 гг. при всех ее известных издержках, оказавшая серьезное влияние на КПК ввиду наличия тогда в ее рядах, в том числе среди кадров КПК, обучавшихся в КУТВ и КУТК, значительного числа людей, разделявших полностью либо частично левацкую платформу оппозиции по китайскому вопросу, имела для партии и важное позитивное значение.

Влияние на КПК борьбы с «правым уклоном» на рубеже 20—30-х гг., с «мирненцами к правым», постепенно распространявшаяся и на КПК установка «главная опасность — правый уклон» имели для партии негативные последствия. Они подтолкнули непреодоленные в КПК левацкие настроения и тенденции. Ссылки на установку «главная опасность — правый уклон» были использованы в конце 20-х — начале 30-х гг. тогдашним руководством КПК для навязывания партии левацко-авантюристической линии.

Предстоит также изучить, какое воздействие оказали на КПК, на стиль, методы и формы ее работы, на складывавшуюся в партии в конце 30-х — начале 40-х гг. новую версию истории КПК утверждавшийся в ВКП(б) в 30-е гг. режим культа «вождя», методы его пропаганды и насаждения, расширявшаяся практика массовых репрессий.

Говоря об этих моментах, следует особо подчеркнуть, что анализ влияния на КПК решений Коминтерна, концепций Сталина, позитивных и негативных сторон опыта и деятельности ВКП(б) был бы и в методологическом, и в конкретно-историческом плане односторонним и неполным без освещения комплекса вопросов, связанных с условиями и характером их восприятия и воплощения в практической деятельности самой КПК, а также процессов «обратной связи» — влияния опыта и информации партии на деятельность Коминтерна.

КПК была секцией Коминтерна — организации, построенной на основе принципов демократического централизма, и это накладывало на нее обязательства подчиняться его дисциплине, выполнять решения его руководящих органов. Не могли не сказываться на работе КПК (и других партий Коминтерна) и высокий авторитет ВКП(б) в международном коммунистическом движении, ее опыт партии, руководившей первой победоносной социалистической революцией и строительством нового общества в одной из крупнейших стран мира.

Эти обстоятельства, отсутствие (особенно на первых порах) у КПК собственного опыта и опытных кадров теоретиков и практиков в ряде случаев определяли и

некритическое восприятие в КПК решений Коминтерна, мнений его представителей, опыта ВКП(б).

В то же время попытки объяснить все процессы в КПК — и ее достижения и успехи, и ошибки и негативные явления — лишь ссылками на «дисциплину Коминтерна» были бы серьезным искажением реальной, гораздо более сложной картины событий. Объяснение таким образом всех успехов в деятельности КПК означало бы громадную недооценку, принижение роли самой партии, вклада ее кадров в творческую разработку во взаимодействии с Коминтерном крупнейших вопросов стратегии и тактики, их воплощение в практику в ходе героической революционной борьбы китайских коммунистов.

Объяснение ссылками на дисциплину Коминтерна и влияние ВКП(б) всех ошибок и негативных явлений в КПК означало бы попытку «списать» все негативные явления и процессы в «своей партии» на счет Коминтерна и ВКП(б).

Факты свидетельствуют, что, несмотря на дисциплину Коминтерна, в различные периоды его деятельности в Китае существовали, подчас весьма серьезные расхождения между его оценками ситуации в стране и оценками этой ситуации руководством КПК, между его рекомендациями и практическими шагами партии по их реализации.

Так, в период национальной революции Чэнь Дусю, следуя во многом решениям и указаниям Коминтерна и его представителей в Китае, по ряду важных вопросов (в отношении единого фронта с Гоминьданом, в оценках роли буржуазии, развития массового движения) в отдельные периоды резервировал и проводил на практике свои взгляды. Известны серьезные расхождения между Коминтерном и руководством КПК в оценках ситуации и характера революции, сохранявшиеся и после решений по этим вопросам IX пленума ИККИ (февраль 1928 г.) вплоть до VI съезда КПК. При всем влиянии на возникновение «линии Ли Лисаня» в 1930 г. «левых» оценок перспектив мирового революционного процесса в решениях VI конгресса Коминтерна левацко-авантюристическая линия в КПК, рассчитанная на «взрыв» «мировой революции» путем провоцирования мировой войны, серьезно расходилась и с общим курсом Коминтерна, и с оценками текущей ситуации в Китае ИККИ и его Дальбюро в Китае. Значительные расхождения в подходе к проблеме путей создания единого национального антияпонского фронта существовали между ИККИ и руководством КПК и в 1935—1937 гг.

Что касается «обратной связи», то при всем влиянии общих решений Коминтерна на характер информации из КПК следует учитывать, что в разработке своей политики в Китае Коминтерн в огромной мере зависел от этой информации, хотя пользовался и другими источниками. При анализе причин, определивших ряд неверных оценок в решениях ИККИ возможностей революционных сил и ситуации в 20—30-е гг., следует учитывать и такое обстоятельство, как практически постоянное давление на Коминтерн «слева» в информации и оценках, поступающих из КПК.

И это явление, и отмеченные расхождения были результатом сложного переплетения многих объективных и субъективных факторов — опыта партии и ее кадров, их взглядов, оценок общей обстановки и отдельных событий, складывавшихся в ней собственных традиций, отражавших ее социальный состав и давление социально-политической среды, и т. п.

Эти обстоятельства следует учитывать и при оценке влияния на КПК различных сторон опыта ВКП(б). Нет необходимости доказывать, что режим культа личности, практика «проработочных кампаний», не говоря уже о практике массовых репрессий в ВКП(б), представляли КПК отнюдь не лучшие образцы для подражания. Вместе с тем сходные или аналогичные явления в жизни КПК в тот период нельзя сводить лишь к влиянию извне. Известно, что еще до того, как многие из этих негативных явлений развились в 30-е гг. в Коминтерне и ВКП(б), в ряде решений Коминтерна и КПК 1927—1928 гг., в частности в документах VI съезда партии, решительно осуждались патриархально-вождистские тенденции в ее руководстве, а VI съезд КПК был вынужден в одном из документов специально указать на необходимость безусловного прекращения практики физических расправ с инакомыслящими.

«Список» проблем и направлений углубленного изучения политики Коминтерна в Китае, его взаимоотношений с КПК можно было бы продолжить. Но и сказанного

выше достаточно, чтобы показать, какое широкое поле работы раскрывается здесь перед специалистами, что их решение — научное, аргументированное, основанное на изучении документальных и других источников — требует сотрудничества и усилий всех заинтересованных специалистов.

Естественно, особую роль в решении этой задачи могло бы сыграть сотрудничество советских и китайских ученых. Улучшение советско-китайских отношений, новое мышление, пробивающее себе дорогу в ходе перестройки и реформ в СССР и КНР, создают возможность такой совместной работы, свободной от политических наслоений прошлого, без оглядки на старые догмы.

¹ См.: «Вопросы истории КПСС», 1987, № 10; «Коммунист», 1988, № 10; «Вопросы истории КПСС», 1988, № 11.

² См.: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970.

³ Г. Димитров. Избранные произведения. М., 1982, т. I, с. 429.

⁴ С конца 1925 г. Г. Димитров курировал в руководящих органах Коминтерна проблемы Китая.

⁵ Ниже мы публикуем раздел из доклада Н. И. Бухарина на XV конференции ВКП(б).

⁶ Достаточно сказать, что и сегодня в Китае и за его пределами продолжают дискуссии о характере социально-экономического строя страны, социально-экономической и социальной структуре деревни Китая в 20—40-х гг.

⁷ Нам известно отношение к ней Коминтерна. Этот вопрос, заслуживающий специального изучения.

⁸ См.: И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, с. 145—147; т. 9, с. 234, 261.

⁹ См. там же, т. 6.

¹⁰ См. там же, т. 7, с. 146—147.

¹¹ Там же, т. 8, с. 357—374.

¹² В материалах VI съезда КПК и в более поздних мемуарных материалах упоминаются его отдельные высказывания на встречах с представителями КПК накануне VI съезда (о возможности создания Красной армии Китая в сельских районах и необходимости подготовки кадров теоретиков партии), а также факты его встреч с отдельными руководителями КПК и китайской делегации в Коминтерне в 30—40-е гг.

¹³ И. В. Сталин. Сочинения, т. 8, с. VI.

Основные проблемы современного международного положения*

Н. И. БУХАРИН

Я, товарищи, сейчас должен перейти к следующему разделу своего доклада. Мне кажется, что из предыдущего анализа вытекает постановка пяти главных проблем, пяти главных задач, решить которые надлежит в первую очередь.

Первый вопрос, это — вопрос о путях китайской революции. Он играет существеннейшую роль и в связи с капиталистической стабилизацией. Когда я говорил о различных типах развития в разных странах, я в числе прочих типов стран говорил и о Китае. Удельный вес китайских событий поистине колоссален. Само собой понятно, что вопрос о путях развития китайской революции должен играть и играет колоссальнейшую роль.

Второй вопрос, который подлежит нашей оценке и рассмотрению, это — вопрос о том, вступает ли капитализм в некую новую фазу, следующую за империалистическим развитием. Как известно, именно таково утверждение социал-демократов, опирающихся на признание стабилизации, на рост интернациональных картелей, на такие факты, как Лига наций и т. д. Вот мы этот вопрос точно так же должны решить — действительно ли мы вступаем в некоторую новую фазу развития капиталистических отношений, которую уже давным-давно предрекал Карл Каутский и которую он называл ультра-империализмом? Это есть второй вопрос, принципиальный, большой вопрос, потому что в зависимости от решения этого вопроса решается и целый ряд очередных вопросов политической тактики.

Третий принципиальный вопрос, подлежащий нашему решению, есть вопрос об оценке германского империализма.

В рядах германской партии дискусируется сейчас этот вопрос: существует ли не существует германский империализм?

Этот вопрос имеет громадное значение, потому что в зависимости от него решается вопрос о позиции коммунистической партии, — должна ли она рассматривать Германию как национальное поработанное государство, которое коммунистическая партия может защищать, или теперешнее германское государство является империалистическим образованием, и если да, то в какой мере.

Четвертым вопросом, точно так же глубоко принципиальным, является вопрос о нашем отношении, как коммунистов, к процессу хозяйственной рационализации. Этот вопрос, конечно, не так прост, как кажется с первого взгляда, ибо в понятие рационализации входят такие вещи, как улучшение техники, введение новых машин, одним словом, целый ряд вещей, которые идут по линии технического и экономического прогресса.

И наконец, пятый вопрос, это — вопрос об отношении к советской власти, об отношении к Советскому Союзу.

Этот вопрос я считаю необходимым поставить, потому что в связи с известным наскоком оппозиционных группировок дается иная оценка роли, значения и классовой характеристики Союза, и тем самым проповедуется не то отношение к Совет-

---

* Раздел из доклада на XV конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б) 26 октября — 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М.—Л., 1927, с. 22—29. Написание имен собственных не унифицировано и дается в соответствии с текстом документа.

скому Союзу, которое было характерно для всех решительно без исключения коммунистов в предыдущий период развития.

Этими пятью вопросами исчерпываются, в первую очередь, главные, принципиальные проблемы, которые стоят сейчас перед Коммунистическим Интернационалом и перед каждой секцией Коммунистического Интернационала.

Предпосылки и задачи китайской революции

Я, товарищи, прежде всего хочу сказать несколько слов относительно Китая и китайской революции и прошу вашего извинения за то, что я в последний раз в сегодняшнем докладе вынужден буду прибегать к цитированию некоторых цифр. Но все же я думаю, что это небольшое преступление вызвано объективною необходимостью. Прежде всего я должен сказать, что самый факт китайской революции и победоносное продвижение теперь соединенных революционных войск есть фактор мирового значения, и притом огромного мирового значения. Все мы отлично помним, как тов. Ленин в последних своих статьях предрекал нам вовлечение широчайших масс восточных народов, и в первую очередь Китая, в общий революционный поток. Уже давно принципиальные отношения к такого рода возможностям ставились на обсуждение и нашей партии и Коммунистического Интернационала. И я только в порядке самой общей постановки этого вопроса напомним, что еще на II конгрессе Коммунистического Интернационала т. Ленин указывал на возможность совершенно оригинального пути в общем развитии этих стран. Я только напомним то, что т. Ленин между прочим, рассуждая о вопросе колониальных революций и о революциях в полуколониальных странах, выдвинул одно чрезвычайно важное положение, которое когда-нибудь придется нам рассматривать и с точки зрения практической политики,— положение о том, что при определенных исторических условиях целый ряд стран может пройти ускоренным темпом капиталистическую фазу развития.¹ Само собой разумеется, что это самая общая и очень отдаленная перспектива. Но мне кажется, что нужно ее иметь в виду. Только в такой форме, в форме отдаленной перспективы, ставлю я сейчас этот вопрос.

Должен сказать, что мы сравнительно мало ориентированы по отношению ко всему Востоку и колониальному движению, в том числе и по отношению к такому огромному движению, как теперешняя национальная революция в Китае. Эта революция является гигантским ударом по стабилизации мирового капитализма в целом, ибо она имеет всемирное историческое значение, в особенности благодаря своему географическому соседству с такой страной, в которой существует диктатура пролетариата.

Если для разных стран Западной Европы у нас хорошо известны основы и экономики и политики, настолько хорошо известны, что мы знаем персональный состав руководителей буржуазных кругов, социал-демократии и руководителей коммунистических партий, то мы должны открыто сказать, что в неизмеримо меньшей степени мы знакомы даже с самыми основами и экономической и политической структуры восточных стран. Между тем без этого знания чрезвычайно трудно наметить какую бы то ни было правильную политику.

Я прежде всего хотел бы сказать парочку слов относительно экономической структуры Китая. Данные здесь чрезвычайно трудно уловимы, но все же они показывают за последнее время рост и явное развитие капиталистических отношений в этой стране, хотя это капиталистическое развитие зашло не очень далеко с точки зрения оценки общего положения страны. У меня есть скудные данные, доставленные товарищами, специально занимавшимися китайским вопросом.

Если вы, например, возьмете крупную индустрию, то вы увидите, как с 1918 по 1923 г. медленно идет нарастание этой крупной индустрии. Берите такую индустрию, как текстильная, и берите число веретен: 1478 тысяч в 1918 г., 1749 тысяч в 1921 г., 1802 тысячи в 1923 г. При этом нужно заметить, что по национальностям владельцы этой крупной индустрии распределяются таким образом: в 1924 г. китайских текстильных фабрик было 61 %, японских 34 %, британских 5 % и т. д.

Если возьмете добычу каменного угля, то она точно так же растет, хотя и не особенно быстро. В 1918 г. было 18 милл. тонн добычи, в 1923 году — чтобы избежать промежуточных цифр — 22,6 милл. тонн, при чем по национальностям эти предприятия распределяются так (я здесь беру цифры не по числу шахт, а по

числу вложенного капитала): 50 милл. долларов — китайцы, 22 милл. долларов — англичане, 27 милл. долларов — японцы и 250 тысяч долларов — немцы. Значит, между китайцами и не-китайцами количество вложенных капиталов делится почти пополам.

Если возьмете вопрос относительно социальной силы рабочего класса и прежде всего спросите, какова величина индустриального пролетариата, то надо сказать, что здесь цифры до крайности растяжимы и чрезвычайно трудно привести точные данные. Но примерно считают, что индустриального пролетариата (без сельскохозяйственных рабочих) около 5 миллионов человек.

Гораздо интереснее вопрос об аграрной структуре Китая. Вы понимаете, что в такой стране, как Китай, и в такой революции, как китайская, крестьянство должно силою вещей играть огромную роль, и крестьянский вопрос должен как-нибудь быть тесно связан с аграрным вопросом, т.-е. с вопросом о земле. Как именно он связан, какие именно здесь соотношения,— все это до чрезвычайности трудно установить. Я, товарищи, могу предложить вашему вниманию только одну сводную таблицу, чтобы не цитировать по отдельным провинциям, потому что боюсь, что вы тогда пошлете меня в Китай для лучшего изучения соответствующих цифр. (С м е х.) Я могу предложить вашему вниманию такую таблицу. Парцеллярные хозяйства, насчитывающие от 1 до 20 му (му,— это — мера, которая примерно равняется одной шестнадцатой нашей десятины), составляют 49,5 % всех семейств, т.-е. всех хозяйств, и владеют только 15 % всей земли. Значит, половина семейств-хозяйств суть карликовые, малюсенькие хозяйства, и целая половина крестьянского населения владеет только 15—16 % годной для обработки земли. Половина имеет 16 %. То, что считается у них мелким,— от 20 до 40 му — насчитывает 23 % семейств и 22 % земли. От 40 до 75 му имеет 15 % семейств. Эта группа имеет 25 % земли. А к крупным — 75 и выше му — относится 11 % семейств, которые владеют 35,9 %, т.-е. 36 % всей земли. Вот вам степень дифференциации крестьян.

Я для дополнения картины должен вам сказать, что хотя в общем на круг Китай является страной мелкого земледелия, но есть известная доля земли, которая находится в руках более крупных собственников. Это — то, что можно назвать помещичьим земледелием в настоящем смысле этого слова. Есть крупные землевладения остатков прежней феодально-помещичьей чиновнической бюрократии, современных генералов, которые точно так же имеют довольно значительное количество земли. Считается, что существует примерно около 200 помещичьих владений, включающих в себя более чем 10 тысяч му каждое; считается, что есть около 30 тысяч помещичьих владений, которые владеют земельной собственностью свыше 1000 му каждое. Вы должны, товарищи, понять, что если мы говорим о таких мелких единицах измерения земли, как му, то, с другой стороны, нельзя это сравнивать по экономическому значению с нашей десятиной. Нельзя сравнивать потому, что там хозяйство чрезвычайно интенсивно, и благодаря этому меньшее количество земли имеет больший экономический вес. Еще со времени экономистов времен Великой французской революции китайское земледелие считается за самую интенсивную форму земледелия. При этом, товарищи, должен вам сказать, что в некоторых провинциях есть исключительно крупные помещичьи категории; нужно подчеркнуть, что как раз в области, в которой расположен Кантон, в Гуаньдуне, крупные землевладения развиты больше, чем в других провинциях Китая. 85 % всей земли по долинам рек Северной, Западной, Восточной и Хань принадлежит крупным землевладельцам. В провинции Хенань 1/3 всего уезда Чанте принадлежит семейству Юан-Ши-Кая. Я не буду говорить еще о целом ряде таких крупных помещичьих семей, но скажу только, что есть категории, у которых одной челяди, прислуги, которая обслуживает данную помещичью фамилию, насчитывается до тысячи и свыше людей. Есть еще земля, которая принадлежит храмам и которая по своим размерам далеко превосходит даже средний размер кулацкого хозяйства.

Так что, как вы видите, крестьянский вопрос здесь неизбежно сплетается с аграрным вопросом. Поэтому никак нельзя ставить вопрос так: вопрос о земле в Китае совершенно не стоит, этот вопрос совершенно снят с очереди в китайской революции, потому что Китай есть такая страна, где есть только одно мелкое земледелие.

Второй вопрос, который связан с широчайшими слоями китайского населения,—

это есть вопрос о налогах, о тех именно, которые в первую очередь падают на широкие массы трудящихся, т.-е. на крестьянство и на ремесленников. Здесь я должен вам сказать, что Китай представляет собой такую страну, которая действительно побила все решительно рекорды в смысле налоговых обложений. Конечно, там налоги бывают различные, в зависимости от провинции и пр., но все же там насчитывается 18 видов налогов, падающих на крестьян.

Вместе с тем, характерным является еще то обстоятельство, что по черепам населения различных провинций и различных категорий крестьянства проходит поток войн между милитаристами, и некоторые генералы в некоторых провинциях ухитрились собрать налог чуть ли не за десятки лет вперед. (Голос: «Oго!»; см е х.) Даже революционные правительства тоже за несколько лет забрали налог, конечно, в гораздо меньшем, чем милитаристы, количестве. Некоторые американские писатели считают, что в результате последних кризисов — и политических, и экономических, и всяких других — сельское хозяйство разорено на очень значительный процент, примерно на 40 %. Поверить это представляется делом совершенно невозможным, но одно ясно и не подлежит сомнению: в силу малоземелья крестьянства, в силу неслыханного налогового обложения, в силу исключительного гнета со стороны иностранцев, которые имеют в своих руках порты, имеют в своих руках таможи, имеют в своих руках наиболее важные налоги, — в силу всего этого идет громаднейший чудовищный процесс обнищания, пауперизации крестьянства. Он настолько чудовищен, что существует прямо миллионная армия деклассированных людей, которая бродит по всей стране, организует разные так называемые бандитские шайки. В одном Пекине исключительно огромное количество этого рода деклассированного элемента, который поставлен, несмотря на крайне низкое развитие своих потребностей, перед угрозой полного вымирания. Поэтому они нанимаются к любому милитаристу, составляют его войска, переходят от одного правительства к другому, не чувствуя никакой социальной скрепы. Этот процесс — симптом известного разложения всей экономики страны, выражающий собой громадное обнищание китайского крестьянства.

Теперь, товарищи, в чем состоят основные трудности при этом положении вещей, основные трудности и проблемы китайской революции на данной стадии ее развития? Эти трудности состоят вот в чем: с одной стороны, совершенно ясно, что китайскому народу, Гоминдану, Китайской компартии нужно сейчас главный удар, центральный удар сосредоточивать на борьбе с иностранными милитаристами. Это — центральная задача, — борьба за самостоятельное существование Китая, за его национальное освобождение. Для решения этой задачи необходимо держать единый национально-революционный фронт. Этот фронт сейчас состоит не только из крестьян, не только из рабочих, не только из ремесленников, не только из демократической и радикальной интеллигенции, но и из торгово-промышленной буржуазии, из купцов и промышленников, не всех, конечно, но тех из них, которые не связаны непосредственно с иностранным капиталом и не могут быть зачисленными в компрадоры, как их называют, т.-е. в посредники между иностранным капиталом и Китаем. Но та торгово-промышленная буржуазия, которая играет сейчас объективно революционную роль и блок с которой на данной стадии развития революционного движения необходим для того, чтобы максимальное количество сил направить против иностранных империалистов, — эта буржуазия связана через правительство с теми полудворянскими и кулацкими элементами, которые сидят в деревне.

Должен вам сказать, что в Китае страшно еще развита система субаренды, при которой какое-нибудь крупное акционерное общество арендует землю, чтоб потом эту землю опять сдать в аренду; новые арендаторы опять сдают землю в аренду, и так идет цепочка. Троньте ее, начните шатать эту земельную собственность, — и у вас сейчас же побежит отсюда волна к торгово-промышленным кругам. Характерно отметить, что в провинции Гуандунь, этой основной базе кантонского правительства, значительное количество земли находится в руках крупных земельных собственников, связанных с торгово-промышленной буржуазией, которая поддерживает кантонское правительство. Троньте вы их, — и начнется колебание. В этом сейчас состоит одна из крупнейших трудностей всей китайской революции. Само соотношение сил внутри Гоминдана таково, что в Гоминдане

есть три крыла: правое, центр и левое. Правое крыло Гоминдана как раз выражает собой классовые интересы этой самой буржуазии, даже в ее наиболее правых ориентировках. А с другой стороны, развитие революции неизбежно натывается на потребность втягивания крестьянства. Нельзя править сейчас против крестьянства и нельзя организовать силы революции, не подводя крестьянского базиса под эту революцию,— нельзя этого делать.

В этом и состоит основная трудность теперешнего положения вещей в Китае, в этом состоит и основная проблема китайской революции, как она мне представляется теперь. Ситуация сейчас такова, что Китайской компартии необходимо решительнее приступить к борьбе за проведение аграрной реформы. Несмотря на то, что центральной задачей остается задача изгнания иностранных империалистов, несмотря на огромную важность сохранения единого национально-революционного фронта, все же нужно приступить к проведению аграрных реформ и организации крестьянства; выведения на сцену вот этого огромного крестьянского резерва требуют насущные интересы китайской революции, которая только начинает входить в фазу более глубокой дифференциации современной классовой борьбы. Само собой разумеется, что эта постановка вопроса может быть связана с опасностями известной «левизны»,— против чего нужно бороться,— т.-е. с тенденциями преждевременно перескочить на другого конька и преждевременно разорвать общенациональный блок. Против этого нужно бороться. Тут положение чрезвычайно сложное, и сформулировать его можно таким образом: стоя на почве борьбы единым национально-революционным фронтом против иностранного империализма, необходимо в то же самое время проводить аграрную реформу, подводя таким образом широкий крестьянский базис под китайскую революцию.

Нетрудно сообразить, какова дальнейшая перспектива, вытекающая из такого сочетания сил. Подробно о ней я говорить не буду. Скажу лишь, что в случае дальнейшего победоносного продвижения кантонских войск и объединения национально-революционного Китая не явится утопией утверждение, что победоносная китайская революция немедленно же получит огромный отзыв в целом ряде близлежащих колониальных стран — Индии, Индонезии, Голландской Индии, в которых и сейчас происходит в течение нескольких месяцев настоящая гражданская война. Все это создает из Китая крупнейший центр притяжения для колониальной периферии, и поэтому никак нельзя недооценивать этого колоссального движения, одного из самых могучих, которое только знает всемирная история, движения, которое наносит чрезвычайно крупный удар капиталистической стабилизации в ее целом.

Вот, товарищи, что я хотел в основе сказать относительно китайской революции. Я намеревался поднять целый ряд других проблем, но это совершенно невозможно сделать по времени.

---

¹ Здесь Бухарин искажил ленинскую мысль о возможности отсталых стран и народов перейти к советскому строю и к коммунизму, «минуя капиталистическую стадию развития» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, с. 245—246). Эту ошибку Бухарин исправил в своем докладе VII пленуму ЦККП 23 ноября 1926 г. (См.: Пути мировой революции. М., 1927, т. 1, с. 88—90).

*В. Б. ВОРОНЦОВ,
доктор исторических наук*

Преемственность в политике

5 апреля 1975 г. Тайбэй погружился в траур и беспокойное ожидание. На 88-м году ушел из жизни Чан Кайши — глава Гоминьдана, многие годы пытавшийся заставить Китай признать за собой роль законного наследника Сунь Ятсена. Он и после смерти как бы отстаивал свои претензии на наследство китайской революции. Тело Чан Кайши водрузили в зал «памяти Сунь Ятсена». Сын, стоя у гроба отца, обратился к присутствующим со словами глубокой скорби. Он воскликнул: «Почему я, будучи благословенным таким великим отцом, стал столь несчастным, потеряв его во время величайших осложнений». Никто из окружения не мог, конечно, напомнить Цзян Цзинго о его юношеской клятве уничтожить Чан Кайши.

Цзян Цзинго воспринял от отца основные внешнеполитические приоритеты — они определились еще в 1945 г., когда госдепартамент США признал стратегическую необходимость американского контроля над Тайванем. Американские аналитики оценивали Тайвань так: «Остров отдален от китайского материка на 100 миль, от Филиппин — на 200 и от японского острова Кюсю — на 700 миль. Расстояние с аэродромов на Формозе до Манилы — 559 миль, до Кантона — 410, до Шанхая — 428, до Токио — 1290 миль». В заявлении госдепартамента США подробно мотивировалась желательность американского присутствия на Тайване: «Формоза находится в такой же стратегической связи с китайским побережьем, как воображаемый остров такого же размера, расположенный в 400 милях от Нью-Йорка, находится к побережью США. Каждый пункт на китайском материке лежит в радиусе действия 1 100 миль, а Бирма, Сингапур, Борнео, Гуам и Япония, включая остров Хоккайдо, в радиусе 2 000 миль. Формоза имеет два важных порта...»¹. Недалеко от Тайваня находились и главные военно-морские базы на Тихом океане, служившие важной стартовой площадкой для японской агрессии в юго-западной части Тихого океана.

Цзян Цзинго становился свидетелем острой борьбы вокруг Тайваня. 12 января 1950 г. государственный секретарь США Д. Ачесон, перечисляя пункты, по которым проходил «периметр обороны» США, вдруг упустил Тайвань. Это было немислимо. В окружении семьи Чан Кайши росли панические настроения — можно ли биться слабой руке против двух кулаков. На глазах усиливался поток беженцев с Тайваня, в надежные места переправлялись капиталы, особой популярностью в этом смысле пользовалась Бразилия. Только жесткая линия кумира американских «ультра» генерала Макартура, командовавшего вооруженными силами США на Тихом океане, могла, по мнению гоминьдановских лоббистов, помочь Тайваню². Семью Чан Кайши вдохновило начало войны в Корее. Именно тогда сторонники Тайбэя впали в ажиотажа, ведя поиск наиболее эффективных путей лоббирования в пользу генералиссимуса. Лоббисты вербовались среди американских ученых, публицистов, общественных деятелей. Тайбэй искал поддержку у таких адентов американского консерватизма, как генералы Хэрли, Макартур. Среди тех, кто поддерживал противоположную линию генерала Стилуэлла, был генерал Маршалл. На Маршалла и обрушили свои удары гоминьдановские лоббисты, обвинив его в «содействии» триумфу КПК. Генерал Вейдмейер, находясь под давлением консерваторов, все ближе склонялся к позиции Тайбэя.

* Окончание. Начало см. № 6 за 1988 г.

Группа американских сенаторов выявила главных виновников поражения Гоминьдана на материке: «Политика поддержки китайской республики должна быть твердой и последовательной политикой США. Президент Чан Кайши был и является выдающимся антикоммунистическим лидером в Азии. Наш враг в Азии и во всем мире должен быть идентифицирован с русским коммунизмом. ...Чан Кайши потерял Китай потому, что не получил достаточной моральной и материальной поддержки от США, а не по какой-либо иной причине»³. Республиканское меньшинство с невиданным возмущением воспринимало любые нападки на Чан Кайши, требовало наказать безответственных, как утверждалось, политиков, обвиняющих гоминьдановские верхи в коррупции, разложении, что, по мнению сторонников генералиссимуса, подрывало дружественный США режим. Чан Кайши ощущал за своей спиной могущественную поддержку, которая помогала отцу и сыну преодолеть боязнь остаться не у дел.

Банкирские дома Среднего Запада и Калифорнии, устремлявшие взоры на Азию, с еще большей настойчивостью отстаивали лозунг «Азия прежде всего». Пропагандисты в США, и прежде всего сподвижники Генри Люса, пытались заставить американское общественное мнение поверить в силы Чан Кайши, в его способность не только «закрепиться» перед угрозой с материка, но и открыть второй фронт против КНР. Эта идея приобрела особую популярность среди сторонников Чан Кайши в июне 1950 г., с началом войны в Корее, когда командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Макартур активно ратовал за участие гоминьдановцев в американской акции, надеясь подкрепить ее перенесением военных действий на территорию КНР, использованием в Корее атомного оружия. Подобный авантюризм не только не мог содействовать исполнению заветного желания Чан Кайши — возвращению на материк, но и не сулил ничего хорошего самому Д. Макартуру. Цзян Цзинго с воодушевлением аплодировал генералу, когда тот, приехав в августе 1950 г. в Тайбэй, демонстрировал трогательную солидарность с семьей Чан Кайши. Но генерал перебрал. После того как пришло известие о решении Вашингтона предложить Макартуру уйти в отставку, Тайбэй погрузился чуть ли не в траур — слишком опасными выглядели действия представителя американских ультра, таиншне угрозу превращения локального конфликта в глобальный.

Отставка в 1951 г. Макартура не сулила Чан Кайши, с болью переживавшему ослабление позиций своих сторонников в США, легкой жизни. Более того, жизнь Чан Кайши и всех членов семьи оказалась под угрозой, которая исходила, увы, не со стороны «международного коммунизма». Идея замены Чан Кайши на более приемлемого для США лидера никогда не покидала умы американских специалистов по делам тайной дипломатии. И в конце 1952 г. политический климат будто бы стал благоприятствовать осуществлению такого рода идеи. На этот раз американские офицеры ради устранения Чан Кайши стали налаживать тесное сотрудничество с армией на Тайване. Замысел выглядел весьма изощренным. Тщательно отработывался вариант восстания. Армия готовилась вмешаться для установления контроля над событиями. Семья Чан Кайши, его ближайшие соратники должны были быть помещены в убежище до того времени, пока не утихнут волнения. А толпа, согласно подготовленному сценарию, бросится на убежище, где генералиссимус под присмотром полиции будет ожидать своей участи. После установления порядка станет известно: семья Чан Кайши, его наследник Цзян Цзинго, ближайшее окружение истреблены восставшими. В обстановке траура и глубочайшей скорби сильная личность из среды тайваньских генералов приберет к рукам власть.

Цзян Цзинго оказался на высоте. Всего лишь за несколько недель до осуществления тайного замысла против диктатора тайваньские секретные службы ухватились за нити заговора и даже познакомились с некоторыми его деталями. Американский полковник, один из организаторов заговора, вынужден был снешно ретироваться. Тайбэй использовал сложившуюся ситуацию для активизации нападок на КНР, объявив о намерении Пекина сбросить Чан Кайши и овладеть островом. Основная вина была возложена на командующего армией генерала Сун Личжена. Его заставили силой признать свою вину. Американские офицеры, имевшие возможность увидеть опального генерала, пришли к выводу: Сун Личжен стал объектом психологических и физических пыток.⁴

Версия коммунистического заговора против Чан Кайши вполне устраивала американских политиков, поднявшихся на волне маккартистской «охоты за ведьмами».

Семья Чан Кайши, несмотря на неудачу «товарища по оружию» Макартура, продолжала полагаться на содействие и помощь США.

Между Тайбэем и Вашингтоном установились постоянные контакты на различных уровнях и в разнообразных областях. Цзян Цзинго, находясь в расцвете своих сил, суетится на приемах, пожимает руки американским политическим деятелям, видным бизнесменам. Разве не лестно было появиться, например, в обществе конгрессмена Джадда, адмирала Рэдфорда и иных раввавшихся — что было видно по их речам — в бой «против коммунизма» деятелей? Судя по количеству фотографий, Цзян Цзинго любил сниматься. На одной из фотографий он запечатлен во время приема в честь американских гостей. На нем строгий черный смокинг, бабочка, лицо распылось в улыбку, он с готовностью угодает беззаботно веселящимся гостям. Хозяин уже привык к пышным торжествам, к фамильной неуязвимости, к зависти окружающих... На другой фотографии Цзян Цзинго за штурвалом самолета, совершающего облет островов Цзиньмыньдао и Мауцзудао, претензии Тайваня на которые активно поддерживали в Вашингтоне.

Цзян Цзинго ощутил суровый смысл усиления напряженности в Тайваньском проливе. Чан Кайши уже в 50-е гг. понял, что практическая значимость концепции силового давления на противоположную социально-политическую систему была значительно подорвана. Пойдут ли США на развязывание мировой войны ради осуществления сомнительных планов победоносного возвращения его семьи на материк? Вашингтон не давал положительного ответа на этот вопрос. Даже локальная война оказывалась тесно связанной с риском ядерного конфликта, способного уничтожить цивилизацию. Но стоило летом 1962 г. возникнуть очередной критической ситуации в районе Тайваньского пролива, как в Тайбэе не удержались и пригрозили вторжением на материк. Эти заявления не получили, однако, желаемой гоминьдановцами поддержки за океаном, и Чан Кайши перестал, в конце концов, поднимать на шит идею высадки на материк⁵.

Гоминьдановские власти, их американские друзья бросили все силы на обеспечение экономической безопасности острова. Имелись для этого и необходимые предпосылки. Беглецы прибыли на Тайвань не на пустое место. Японцы за годы своего господства создали на острове необходимую для осуществления военных операций в зоне Южных морей военно-промышленную инфраструктуру. Здесь развивалось производство традиционных товаров — чая, лесоматериалов, камфоры, цемента. Война подтолкнула развитие новых отраслей промышленности, ширилось производство стали, алюминия, каучука, нефтепродуктов, росла добыча угля и т. д. Чан Кайши мог убедиться: а Тайване имела не худшая, нежели на материке, производственная база, промышленность располагала квалифицированными для того времени техническими кадрами.

В 1948—1949 гг. во главе с семьей Чан Кайши на Тайвань с материка переселилось 4,5 млн. человек⁶. И это были не только генералы в сопровождении невежественных солдат. Страх, нередко безосновательный, заставлял пускаться в бегство представителей китайской интеллигенции, довольно обширной университетской общины. Они везли с собой публичные и частные библиотеки, ценнейшие собрания книг, специальных исследований, художественные коллекции. Хорошо известные научные центры, уцелевшие в военные годы, оседали на Тайване. Основанный японцами еще в 1927 г. Университет в Тайбэе был в 1946 г. реорганизован гоминьдановцами и начал расширять свою деятельность. Синологическая академия возобновила занятия. На Тайване сконцентрировался довольно значительный производственный и интеллектуальный потенциал, способный стимулировать развитие острова в новых условиях. Но «феномен Тайваня» объяснялся прежде всего американской помощью, а она в 50—60-х гг. исчислялась миллиардами долларов. Режим на Тайване стал объектом послевоенной социальной стратегии США, явившейся в значительной мере реакцией на революционные измерения в мире. Видный политический и общественный деятель КНР Ху Цяому недаром, конечно, напишет: «Тайвань стал провинцией Китая лишь в 1946 г. Мы считаемся с его развитием (хотя до воссоединения с материком он не может быть ничем иным, кроме как «сиротой» в мировом сообществе), но в то же время признаем, что это развитие стало возможным благодаря мощной поддержке США и Японии»⁷.

В США возрастал интерес к семье Чан Кайши. Американцам предлагались красочные издания, в которых давались различные трактовки биографии гоминьдановского лидера, его сына⁸. Авторы главным образом стремились убедить общественное мнение — деньги американских налогоплательщиков идут на поддержку героического

союзника. Но как же быть с прошлым Цзян Цзинго? Да, сын Чан Кайши — получали разъяснения читатели — с достаточной симпатией относился к марксизму, но никогда не присоединялся к компартии⁹. Это было намеренное искажение биографии Цзян Цзинго. Наследник Чан Кайши должен был благодаря пропагандистским усилиям предстать перед американскими гражданами в образе «незапятнанного» политического деятеля. И это было особенно важно именно тогда, когда сын, поощряемый отцом, занимал наиболее важные посты на вершине правительственного здания.

В центре американско-китайских противоречий

По мере того, как Цзян Цзинго шагал по ступеням власти, укреплялись его позиции в Гоминьдане и в армии. И когда сын Чан Кайши занял в 1966 г. пост министра обороны, он уже приобрел солидный военно-политический опыт, побывав главой политического департамента в армии, членом ЦИК Гоминьдана, контролирующим партийные дела, секретную службу. Одним из нововведений Цзян Цзинго стало использование института политических комиссаров на всех уровнях военной организации¹⁰. Впереди ожидало кресло заместителя премьер-министра (1969—1972), а затем и премьера.

Цзян Цзинго сел в кресло премьера в довольно смутное время. Президент США Р. Никсон — а его называли в США в 50-х гг. «сенатором от Формозы» — совершил беспрецедентный визит в КНР, чем открыл новую страницу в американско-китайских отношениях. Для гоминьдановской гвардии, оказавшейся перед лицом «предательства», наступили тревожные времена. Разве могли Чан Кайши и его сын спокойно воспринимать ослабление дипломатических позиций своего режима? В Тайбэе с упорством отвергали напоминания со стороны Вашингтона о том, что проблему Тайваня должны решать сами китайцы. «Единственные контакты между нами и врагом. — клялся Чан Кайши, — это контакты крови и меча!» Подобные клятвы могли быть рассчитаны на временный пропагандистский эффект, но не отражали реального положения дел. Цзян Цзинго признавал, например, за Тайванем технологические и производственные возможности создания атомного потенциала, но полагал, как и его отец, нецелесообразным брать на вооружение тайваньской армии ядерное оружие. Официально его позиция объяснялась нежеланием использовать чудовищные средства уничтожения против своих соотечественников на материке¹¹. В действительности немаловажную роль играло скорее всего осознание стратегической уязвимости Тайваня.

Тайбэй утрачивал дипломатические связи, его престижу на международной арене был нанесен, казалось, непоправимый урон. Но смерть отца не только не остановила Цзян Цзинго, а, напротив, дала толчок для активизации его политическо-деловой деятельности. Он стал все больше прислушиваться к голосу экспертов, предлагавших усилия в сфере формирования политики и ее осуществления. Кадры в верхнем эшелоне технократов постоянно обновлялись. Цзян Цзинго начал проводить подобную линию еще до кончины отца. Когда в 1972 г. он формировал свой первый кабинет, были заменены 9 из 13 высокопоставленных чиновников. Начальник генерального штаба, руководители военных служб регулярно менялись после пребывания на своем посту от 2 до 3 лет. Руководящая группировка состояла в основном из гражданских лидеров, хотя Цзян Цзинго был тесно связан с армией и умело контролировал офицерство¹². В качестве главы Гоминьдана, премьера, а затем и президента Цзян Цзинго цепко следует линии отца на сотрудничество с Вашингтоном¹³. Еще в 1973 г., до смерти Чан Кайши, Цзян Цзинго подтерпил линию на упрочение американско-тайваньских отношений в качестве главной цели политики Тайбэя¹⁴. К 1978 г., ко времени установления дипломатических отношений между КНР и США, Цзян Цзинго имел уже довольно богатый внешнеполитический опыт, совершал визиты в США, Японию, Таиланд, Южную Корею, встречался с президентами, конгрессменами.

26 декабря 1978 г. Цзян Цзинго услышал обращение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей к соотечественникам на Тайване. В нем, в частности, отмечалось: «Наши государственные руководители твердо заявили, что будут принимать в расчет сложившуюся реальную обстановку при достижении великой задачи объединения отечества и будут уважать статус-кво на Тайване... Мы надеемся, что обе стороны добьются в скором времени налаживания транспортного сообщения и почтовой службы, чтобы соотечественникам с обеих сторон было легче вступать в прямой контакт друг с другом, писать друг другу, посещать родственников и друзей,

обмениваться визитами и осуществлять научный, культурный, спортивный и техниче-ский обмен»¹⁵. Цзян Цзинго не без удивления обнаружил, что авторы послания обращались к нему в весьма вежливой форме. После многих лет торжества догматиз-ма времен «культурной революции» китайские руководители вырабатывали новый взгляд на мир. Но как встретить этот призыв? Принять протянутую руку либо отвергнуть ее? Консервативные соратники президента с порога отвергли тогда идею развития контактов с КНР. Время, однако, указало Цзян Цзинго на новые координаты внешнеполитической деятельности.

В октябре 1984 г. на Тайване бурно отмечали юбилей китайской революции 1911 г. (10 октября) и 35-ю годовщину со дня создания «националистического правительства» на Тайване. Более 20 тыс. иностранных гостей получили приглашение присутство-вать на торжествах. Среди иностранцев, прибывших на празднество, особое внимание привлекали американские гражданские пилоты в отставке — примерно 160 человек, — входившие в годы антияпонской войны в подразделение «летающие тигры». Не могло не радовать Цзян Цзинго присутствие на празднике генерала Ченнолта, известного своими дружескими связями с Гоминьданом, с его покойным лидером. Сын Чан Кайши находился на Урале, когда еще до начала японо-китайской войны генерал Ченнолт появился в Китае. С той поры Ченнолт выполнял обязанности эксперта по авиацион-ным делам при гоминьдановском правительстве, возглавил генерал и подразделение «летающие тигры». В далекие 30-е гг. он был обезоружен очарованием Сун Мэйлин и нередко тешил ее тщеславие, называя супругу Чан Кайши принцессой¹⁶. В подразделе-нии Ченнолта встретились в годы войны с Японией американские пилоты, сражавшиеся по обе стороны фронта в Испании. Столь парадоксальная ситуация отражала весьма противоречивый характер борьбы с гитлеровской Германией и милитаристской Японией, в которую вовлекались силы, стоящие на различных сторонах социального водо-раздела. И вот теперь Цзян Цзинго и Сун Мэйлин восторженно встречали Ченнолта, других «летающих тигров», отдавая долг памяти Чан Кайши, прошлым связям покойного диктатора с влиятельными кругами в США.

Цзян Цзинго обратился к собравшимся с речью. Оратору шел 74-й год. Он не мог похвастаться здоровьем, но считал своим долгом поднять дух окружавших его сорат-ников. «Мы твердо верим, — заявил Цзян Цзинго, — в то, что невзгоды Китая уйдут в прошлое». Накануне президент Тайваня отверг предложения о воссоединении, вы-двигавшиеся в Пекине с конца 70-х гг. А предложения показались некоторым тайвань-ским политикам весьма заманчивыми. Ведь они предусматривали сохранение за Тайбэем автономии военных, финансовых и торговых отношений, сохранение на острове по меньшей мере в течение 50 лет капиталистической системы хозяйствования, полити-ческого строя. Тайваню предлагалось поступиться лишь своим флагом и претензиями на продолжение дела Сунь Ятсена и революции 1911 г. В качестве основы объеди-нения был предложен принцип «одно государство с двумя социально-экономическими системами». Цзян Цзинго дал понять, что, как и прежде, рассматривает лидеров тайваньского режима законным правительством всего Китая. И, как бы подчеркивая невозможность восприятия всерьез предложений китайских руководителей, заявил: различия между Пекином и Тайбэем «стали еще более очевидными». Парад, митинги, празднества — а в них приняли участие 250 тыс. солдат и студентов — были призваны подчеркнуть уверенность тайваньских политических лидеров в будущем созданного ими режима.

Позиция Цзян Цзинго не была, естественно, воспринята спокойно в КНР. Иностран-ным гостям, встретившимся с одним из руководителей КПК — Дэн Сяопином — в конце 1984 г., дали понять, что терпение Пекина не безгранично. Китай может, подчеркнул Дэн Сяопин, предпринять силовые действия против Тайваня. Отмечалась и возможность блокады острова. Гонконгские газеты повторяли эту позицию руково-дства КНР, и в июне 1986 г. Цзян Цзинго оказался в центре американо-китайских противоречий. В его интересах было сохранять эти противоречия на достаточно высоком уровне, чтобы они — в лучшем случае — не допускали либо ограничивали компромиссы за счет интересов Тайбэя¹⁷.

США со своей стороны пытались нейтрализовать негативное влияние тайваньского узла на отношения с КНР, что довольно полно отразилось в принятии американо-китайского коммюнике от 17 августа 1982 г. В этом документе американцы наметили значительно уменьшить военную помощь Тайваню: Вскоре у Вашингтона появился повод

продемонстрировать верность взятым обязательствам. Цзян Цзинго проявил интерес к закупкам в США усовершенствованных истребителей F-16, F-20. США отказали, сославшись на коммюнике 1982 г. Но означал ли подобный отказ конец американо-тайваньскому сотрудничеству в военной сфере? Ведущий центр развития авиационной промышленности в Тайчжуне объединил до 3 тыс. инженеров. Сотни из них проходили стажировку в США. Совместные американо-тайваньские проекты, имеющие для Тайваня огромное военное значение, оценивались ежегодно в 350 млн. долл. Среди участников проектов почетное место заняла «Дженерал дайнамикс», производящая F-16¹⁶.

По американским лицензиям и с помощью специалистов США тайваньцы наладили производство боевых самолетов F-5E, вертолетов «Белл» и управляемых снарядов «Сайдундер». Пентагон следит за производством на тайваньских заводах американских моделей стрелкового оружия, зенитных и корабельных ракет, катеров, орудий, танков, бронемашин, различного рода боеприпасов. Продолжалась и продажа американского оружия Тайваню. Военное снаряжение, поставлявшееся Соединенными Штатами режиму Цзян Цзинго, ежегодно оценивалось суммой до 700 млн. долл.

Лидер тайваньского режима имел все основания, чтобы признать Соединенные Штаты в качестве главного поставщика оружия для Тайбэя. Безопасность острова не ставилась в зависимость лишь от состояния военной машины.

Поступления в счет американской помощи, рост зарубежных инвестиций сопровождался применением высокоэффективного оборудования, внедрением новой техники, повышением уровня управления. Но индустриализация характеризовалась и интенсивным применением рабочей силы, что приводило в условиях жесточайшей диктатуры, отсутствия профсоюзного движения к ухудшению положения народа. С конца 60-х гг. сведения о тяжелых условиях труда и жизни тайваньцев постепенно проникают на мировую печать. На «процветающем» Тайване бедствуют крестьяне, люди бросают деревни и устремляются в города, безработица ведет к интенсивной эксплуатации женского и детского труда. Постановка проблем социального благосостояния становится характерной особенностью оппозиционного движения на Тайване, что в известной мере совпадало и с настроениями Цзян Цзинго, стремившегося — особенно в условиях угрозы международной изоляции Тайбэя — нейтрализовать недовольство масс, обеспечить политическую стабильность.

После своего прихода к власти в 1972 г. Цзян Цзинго взялся за осуществление политических и социальных реформ. Закон о развитии сельского хозяйства, принятый в августе 1973 г., предусматривал осуществление программы модернизации сельскохозяйственного производства, повышение заинтересованности крестьянства в своем труде. Кое-что было сделано и в сфере улучшения положения рабочих, хотя Цзян Цзинго не рассматривал этот вопрос в качестве первостепенного. Даже немногими реформами Цзян Цзинго сумел консолидировать режим, нейтрализовать попытки оппозиции бросить вызов его личному авторитету. Аппарат экономического планирования направил свои усилия на развитие инфраструктуры — создавались новые шоссе и железные дороги, воздвигались портовые сооружения.

К концу второй мировой войны годовой доход на душу населения на Тайване был менее 70 долл., к 1980 г. он достиг 2 280 долл. В мире заговорили об «экономическом чуде» на Тайване. Все чудеса на земле относительно. Немало прозаичного и иллюзорного в «тайваньском феномене». Забастовки на тайваньских предприятиях всегда находились вне закона, рабочий день длится от 11 до 12 часов, железная дисциплина — в основе организации труда, за порчу имущества владельца назначается наказание (вплоть до высшей меры), соблюдается строгое чиновничество в духе стойких конфуцианских традиций.

80-е гг. на Тайване встретили с новыми проблемами: по существу, была исчерпана возможность расширения занятости за счет квалифицированной рабочей силы, росли трудности с трудоустройством выпускников высших и средних учебных заведений. В условиях роста протекционизма на мировых рынках Тайваню становилось все сложнее развивать свой экспорт. Промышленность КНР, Таиланда начала конкурировать с тайваньскими производителями простой бытовой электроники, текстиля, игрушек. Упор тайваньских предпринимателей на экспорт товаров, не требующих наукоемкого производства, дает себя знать в 80-е гг. Тайвань не добился особого успеха в переводе своего экспорта на более современные товары, производство которых основано больше на технологии, нежели на дешевом труде. Низкие темпы капиталовложений, недостаточ-

ные расходы на развитие научно-технического прогресса подрывали конкурентную способность Тайваня на мировых рынках.

Оборотная сторона «тайваньского чуда» — негативное воздействие на безопасность режима скопления огромного резерва иностранной валюты: в конце 1987 г. — около 77 млрд. долл. Одна из причин — психология беженцев, которой придерживалась «старая гвардия» Гоминьдана: «копи деньги — будь готов в отъезде». Активное saldo в торговле превращает Тайвань в мишень для критики со стороны США. Американцы ужесточили тон по отношению к Тайбэю на торговых переговорах, рыночные перегородки Тайваня не выдержали осады производителей американского табака и вина. Статус Тайваня в США как социального врага № 2 после Японии затрагивает интересы безопасности режима, который, естественно, уязвим гораздо в большей мере, нежели японский союзник Вашингтона. Цзян Цзинго передал 73-летнему премьеру Юй Гохуа обязанности по осуществлению стратегии обеспечения экономической безопасности. Представители старой гоминьдановской гвардии, идя на оборонительные меры в сфере экономики, не раз вспоминали «шанхайский урок» — безудержный рост инфляции в Шанхае в конце 40-х гг., когда Чан Кайши цеплялся за власть в Китае. С той поры гоминьдановские лидеры не расставались с чувством неуверенности, когда размышляли о безопасности своего режима.

Отцовский завет

В июле 1987 г. на Тайване царил политическое оживление. 77-летний Цзян Цзинго официально отменил на острове военное положение. Сорок лет тому назад здесь вспыхнуло восстание против Чан Кайши, подавленное в крови ставленниками диктатора. 19 мая 1949 г. гоминьдановцы ввели военное положение, используя в качестве предлога тезис о необходимости защиты от проникновения на Тайвань коммунистов. Генералиссимус, объявив военное положение, запретил одним росчерком пера создание новых партий, проведение демонстраций, забастовок, ограничил свободу печати. Командование гарнизонными силами получило полномочия осуществлять цензуру средств информации, контролировать связь, таможенную и эмиграционную службы; оно должно было нести охрану побережья и горных районов. Нарушители закона о военном положении предавались военному суду.

На Тайване воцарилась власть Гоминьдана, преследовавшего цель создания сильного, националистического тоталитарного государства. КНР была объявлена гоминьдановцами «зоной, охваченной коммунистическим восстанием». Тайбэй стал претендовать на роль правительства всего Китая, сохранил название китайского государства, принятого после Синьхайской революции 1911 г. «Тайвань является, — заявили лидеры гоминьдановского режима, — местом временного пребывания центрального правительства Китая».

Около 35 % из 1 300 членов парламента было избрано в 1948 г. на пожизненный срок, поскольку представляли якобы провинции материкового Китая. Национальное собрание скорее служило ширмой военно-политического режима, нежели органом власти на острове. Не могло быть и речи о какой-либо публичной критике в адрес лиц, входящих в высший эшелон власти, объявлялся запрет и на критику основных принципов тайваньской политики (борьба против коммунизма и его организаций, сохранение притязаний на единоличное представительство всего Китая, борьба против сепаратистского движения, стремление к восстановлению власти на материке.)

Сын проводил линию отца в партии, а Чан Кайши активно манипулировал жезлом антикоммунизма в противоборстве с любыми оппозиционными силами. Цзян Цзинго последовательно избавлялся от известных политических деятелей, которые могли бы потенциально стать лидерами оппозиционной коалиции. К концу 70-х гг. в гоминьдановских застенках томилось немало политических заключенных¹⁹.

Особое беспокойство семейства Чан Кайши вызывала деятельность тайваньских сепаратистов. После 1948 г. небольшая группа сепаратистов бежала в Гонконг и организовала Лигу за освобождение Формозы, в конце 50-х гг. несколько сот тайваньских студентов создали в США организацию «Объединенные формозцы за независимость» (ФИМ). Многие деятели сепаратистского движения открыто говорили, что диктатура Чана — Цзяна²⁰ содействует «освобождению Тайваня коммунистическим Китаем». Цзян Цзинго сурово предупреждал сепаратистов о недопустимости такого рода оппози-

ции правящей партии. В 60-х гг. он стал присматриваться к либералам проамериканской ориентации, которые вдохновляли влиятельных представителей островного населения на создание коалиции в защиту идеи независимого Тайваня, в пользу утверждения — в качестве первого шага — опеки ООН на острове. Его политическая агентура стимулировала критику США и «американского империализма» в школах. Лидеры режима финансировали и вдохновляли в печати кампанию травли известных ученых, имеющих связи и друзей по академической линии в США. Противники режима Чан Кайши огрызались. Цзян Цзинго, побывавшему в 1970 г. в США, удалось спастись, когда мстители из ФИМ совершили покушение на наследника диктатора.

Сын стойко придерживался политического стиля отца как в государственных делах, так и в идеологии. Демонстрация приверженности христианским идеалам выглядела привлекательной для последователей этой религии в США, о генералиссимусе и его семье говорили и молились в миссионерских общинах, евангелистских церквях. Отец, как и в 30-е гг., «взывал к справедливости»: «Боритесь с сатаной! Во имя Христа и счастья». Сын вместе с женой и детьми последовал за отцом и мачехой, принял христианскую веру. Это событие широко обсуждалось на Тайване и за его пределами.

Главным оружием в руках Цзян Цзинго оставалась полицейская дубинка. Пока лидеры оппозиции дискутировали, их со всех сторон обложили тайные службы. Администрация проводила соответствующую психологическую обработку населения — в печати инспирировались сообщения о существующих якобы связях между реформаторами и агентами с материка. Цзян Цзинго старался тщательно контролировать политические кампании, особое внимание обращалось на предвыборные игры, его службы патрулировали избирательные участки, манипулировали правилами регистрации. Большинство гоминьдановских кандидатов проходили, не встречая какого-либо серьезного сопротивления²¹.

Сын, провожая отца в последний путь, подчеркнул значение для него родительского примера, отеческих наставлений. «Отец, будучи всем сердцем предан народу, нации,— говорил он,— действительно являл собой пример человеческого совершенства. Насколько я счастлив тем, что мне достался такой великий отец. Но с этого момента больше не буду получать его личных наставлений. Как же я опечален потерей отца... Как верно подданное официальное лицо и как любящий сын, я должен быть современным в своем поведении и озабоченным выполнением своих обязанностей. Я никогда не забуду отцовский завет — быть благоразумным и не втягиваться в соперничество с другими»²².

Цзян усвоил от отца один из важнейших, как он считал, принципов: все, кто не являются врагами, могут рассматриваться в качестве друзей. Свою «гибкость» Цзян не распространял на отношения с коммунистами. Термин «мирное сосуществование» не входил в его лексикон.

Инстинкт самосохранения

Цзян Цзинго, унаследовав от отца бонапартистские методы правления, заигрывал то с одними, то с другими, балансировал между различными группировками, оставляя в руках ключевые рычаги власти, применял, когда считал необходимым, силу против слишком настойчивой оппозиции. Гоминьдановцы начали активное наступление на оппозиционеров. После установления дипломатических отношений между США и КНР в 1978 г. Цзян Цзинго решил не церемониться. Когда в декабре 1979 г. недовольные вышли на улицы города Гаосюн, выдвинув требования в духе Международного дня защиты прав человека, в дело вмешалась полиция. После суда видные оппозиционеры попали за решетку. В 1980 г. новый закон ограничил предвыборную деятельность «независимых». Издание журнала «Мэйлидао», вдохновившего демонстрацию за права человека в городе Гаосюн, было запрещено.

Среди критериев отбора руководящих кадров на Тайване большое, как и раньше, значение приобретали родственные связи с бывшими или стоящими у руля управления партийными работниками, работа в организациях, с которыми особенно тесно был связан Цзян Цзинго, политическая лояльность в отношении режима. Но в отличие от времен кризиса гоминьдановского режима на материке выдвигались на первый план и такие критерии, как успехи в своей сфере деятельности, блестящее окончание учебы за границей и т. п. Диктатура отнюдь не спасала общество от разложения и даже,

напротив, благоприятствуя развитию клановых, родственных связей в верхах, удобряла почву для роста коррупции. Другой, нежеланной во времена Чан Кайши на материке, размах экономической и финансовой деятельности на острове зачастую определял и более высокий уровень незаконных операций, предпринимаемых дельцами ради личного обогащения.

У Цзян Цзинго, как и у его ближайших соратников, все сильнее проявлялся инстинкт самосохранения. Цзян помнил, что одной из важнейших причин падения гоминьдановского режима в 1949 г. стало разложение партии, моральная деградация правительственных чиновников. Об этом, кстати сказать, напоминало ему и самобичевание Чан Кайши, который признал в конце 1949 г., что партия оказалась практически парализованной и превратилась в безжизненный остров с хаотичной структурой и порочными методами руководства. Цзян Цзинго вряд ли забыл свою неудачную миссию по борьбе с коррупцией в Шанхае в канун поражения Гоминьдана и стремился наказывать уличенных в злоупотреблениях чиновников, в том числе и высших.

Внутриполитическая стратегия Цзян Цзинго предполагала — в качестве одного из основных элементов — расширение социальной базы режима. Наследник Чан Кайши ввел в министрский кабинет немало представителей коренного населения острова, в результате в руки последних перешла треть министерских постов. После выборов 1972 г. в Законодательный юань из 89 вновь избранных депутатов 79 претендовали на голос от коренного населения острова.

В марте 1978 г. вице-президентом впервые назначили уроженца Тайваня, в Постоянном бюро ЦК присутствовали к этому времени 5 выходцев из тайваньского населения, в то время как в последние годы правления Чан Кайши всего один. К 1987 г. несколько министерских постов, в том числе заместителя премьера, министра коммуникаций, а также министра внутренних дел, занимали уроженцы Тайваня, но наиболее важные посты, как и ранее, находились в руках выходцев с материка.

Настало, наконец, время, когда заговорили о более глубоких политических переменах на Тайване. Династия Чан Кайши, как объявил Цзян Цзинго в 1985 г., должна закончиться на нем, поскольку никто из его детей, по его же заверениям, не будет добываться поста «президента». Одного из довольно активных в сфере политики сыновей Цзян Цзинго — Цзян Сяюу — направляют торговым представителем в Сингапур.

В связи с отменой военного положения сын Чан Кайши выступил перед членами Гоминьдана. «Обстановка меняется, — сказал он, — меняются и тенденции». После того как законопроект вошел в силу, в гоминьдановских верхах стали всерьез рассуждать о начале «новой эры», о «новой странице истории».

Цзян Цзинго, подчеркивавший изменения тенденций в политической жизни, не мог не учитывать рост оппозиционных гоминьдановской диктатуре настроений не только на Тайване, но и в США. Длительное господство тоталитарных режимов на Филиппинах и в Южной Корее ослабляло основные форпосты американской военно-политической стратегии. Когда-то Чан Кайши делал ставку на сотрудничество с диктаторами в Маниле и Сеуле в попытках создания единого «антикоммунистического фронта». Теперь его сын на примере событий на Филиппинах и в Южной Корее мог убедиться, насколько опасной для самих диктаторов стала политика полного подавления гражданских свобод, даже если ради этого используется такое, казалось бы, испытанное средство, как антикоммунизм.

Цзян Цзинго всю жизнь боролся с оппозицией и чувствовал при этом солидную поддержку за океаном. Влиял на его поведение, возможно, и опыт, приобретенный им во времена сталинского террора. Но теперь пришли другие времена, — на политической арене Тайваня заявили о себе новые, хотя и довольно аморфные по своей социальной сути силы. В сентябре 1986 г. была создана Демократическая прогрессивная партия (ДПП). Чан Кайши в свое время и на минуту не мог представить, что на Тайване, используя столь ненавистное ему свободомыслие, какие-либо смельчаки будут открыто оспаривать политические методы гоминьдановской диктатуры.

Сын вынужден был пересмотреть некоторые приоритеты в использовании арсенала авторитарных методов правления. Пусть ДПП примет участие в парламентских выборах, пусть будут освобождены некоторые политические заключенные, пусть будет, в конце концов, отменен закон о военном положении, на чем особенно настаивала оппозиция.

Что это могло дать? Настала пора поколебать сложившееся представление о Гоминьдане как об оплоте консерватизма, разрушающем надежды на перемены, наконец, о нем самом, как о наследном диктаторе. И Цзян Цзинго приспособился к меняющейся ситуации, но, идя на реформы, он думал прежде всего о демонстрационном эффекте. Какие преимущества, например, могла получить оппозиция, завладев всего лишь 12 из 330 мест в парламенте? ДПП, представляя в основном интересы, как признавали ее руководители, «среднего класса» коренного тайваньского населения, опирается на неоднородную социальную базу, что во многом объясняет острое противоборство в партийных рядах и лишает оппозицию возможности консолидировать свои силы в единый кулак перед лицом гоминьдановских правителей. Благодаря осуществлению стратегии социально-политического лавирования Цзян Цзинго, родился новый Закон о национальной безопасности, который был призван заменить исчерпавший себя Закон о военном положении. В соответствии с новым законом многие обязанности командования гарнизонными силами передавались полиции и Управлению информации. Теперь цензуре могли подвергаться издания, «выступающие в поддержку коммунизма, подрывающие моральный дух общества или оскорбляющие главу государства». 2-я статья закона о безопасности гласит: любые собрания или организации граждан «не должны нарушать конституцию, поддерживать коммунизм, а также усилия, направленные на раскол национальной территории [то есть сепаратистские настроения.— Авт.]».

Во время обсуждения парламентариями законопроекта о безопасности разыгралась сценка в духе давних традиций западной демократии: законодатели от ДПП уселись в знак протеста на полу перед спикером и бурно, забыв о каких-либо приличиях, выражали свой протест. Оппозиция заявила: новый закон — это тот же закон о военном положении, только в другом обличье. Свою правоту члены ДПП решили доказать на практике. Организованная ими 12 июня 1987 г. демонстрация лицом к лицу столкнулась с гоминьдановской агентурой — «правым антикоммунистическим фронтом» — и полицией. Состоялись допросы членов ДПП, которые привели некоторых из них на скамью подсудимых. Член Центрального постоянного комитета ДПП У Найжэнь подытожил опыт реформ Цзян Цзинго. «Никакая диктатура, — заявил он, — не отказывалась от власти на основе одних только результатов мирных выборов». Все же Цзян Цзинго пошел значительно дальше своего отца, приступив к косметическим операциям по изменению формы правления на Тайване, которые не могли не содействовать ослаблению социально-политической напряженности на острове. Срабатывал инстинкт самосохранения.

На полпути к небу

13 января 1988 г. от сердечного приступа, вызванного обострением диабета, скончался Цзян Цзинго. Еще, казалось, совсем недавно, неделю тому назад, представитель официального Тайбэя объявил: президент находится в добром здравии. Заявление, носившее чисто политический характер, не отражало реального положения дел. Много лет Цзян Цзинго мучил диабет, он страдал болезнью сердца, глаз, а с конца 1987 г. его жизнь несколько облегчало кресло-коляска. Президент олицетворял собой в последние годы скорее символ власти, нежели реальное руководство на Тайване, что столь характерно для лидеров харизматического типа, опирающихся на стойкие традиции своих политических организаций.

После восьми часов вечера радио и телевидение прервали свои программы, и на экране со скорбным выражением лица появился премьер-министр Юй Гохуа — телезрителей и радиослушателей познакомили с траурным сообщением о кончине главы Гоминьдана... На другой день улицы Тайбэя будто бы замерли, закрылись двери магазинов, на многих зданиях были приспущены гоминьдановские бело-красно-голубые флаги, телевидение вело передачи в черно-белом изображении. Размещенные недалеко от канцелярии президента артиллерийские орудия каждые полчаса разрывали тишину траурным салютом. По городским улицам начиналось молчаливое движение в сторону госпиталя ветеранов, где в специальном зале должна была состояться траурная церемония. К полудню примерно 2 тыс. человек отдали дань уважения покойному перед убранными цветами портретом Цзян Цзинго, обрамленным двумя белыми свечами. Наблюдатели все же отметили: в 1975 г., когда ушел из жизни Чан Кайши, люди на

улицах не скрывали своих слез, на этот раз церемония в основном носила официальный характер²³.

После сообщения Юй Гохуа слово взял вице-президент Ли Дэнхуэй. Его призыв был обращен к единомышленникам: необходимо «объединиться и закончить миссию, — заявил он, — которую Цзян Цзинго не сумел завершить»²⁴. На острове объявили траур, а в вооруженных силах отменили отпуск.

Цзян Цзинго прожил долгую жизнь. Он стал свидетелем ярких своим героическим пафосом событий китайской революции, волна этих событий увлекла сына Чан Кайши в неведомую для него страну, где в суровых трудовых буднях наследники Октября вершили свой подвиг первых пятилеток. Уйдя из жизни в январе 1988 г., Цзян Цзинго унес, скорее всего, с собой немало того, что касалось его пребывания в СССР в 20 и 30-е гг. и о чем ему не хотелось, видимо, вспоминать.

Отец, опираясь на свой незаурядный опыт, помогал сыну овладевать нелегким искусством политического лавирования, прививал ему вкус к неограниченной власти, неизбежным ее атрибутам — особым привилегиям, поклонению соотечественников, угождению, лести окружающих. Тем не менее Цзян Цзинго проявил и свой собственный почерк в делах управления экономикой и политикой. В последнее десятилетие жизни он санкционировал немало реформ, на которые не мог, а скорее, был не способен пойти его отец.

Среди провожавших Цзян Цзинго в последний путь было немало недовольных политическими нововведениями в Тайбэе. Армия заскорузлых чинуш боялась реформ. Нет, они не могли простить покойному легализации политических партий, предоставления органам информации прав, хотя и ограниченных, отказа от военного положения на Тайване. Сын Чан Кайши, унаследовавший кресло диктатора, не мог поступить иначе. Он благословил линию на выживание в сфере экономики и принял на вооружение идею политической модификации режима.

Между континентом и Тайванем быстрыми темпами развивалась — в основном через Гонконг — торговля. Около 1,8 млн. человек, включая гоминьдановцев, осевших после 1949 г. на Тайване, мечтали посетить своих родственников и друзей в КНР. Лед тронулся. Постепенно начинала рушиться стена отчуждения, первые кирпичи которой были заложены еще в годы гражданской войны. Цзян Цзинго на примере своего отца, а, возможно, в большей мере на своем собственном опыте стал понимать, что кнут и палка не могут быть основным средством решения назревших проблем. Он согласился наконец начать пересмотр политики изоляции, смягчались строгие запреты на посещение жителями Тайваня (кроме государственных служащих) родственников в континентальном Китае. Год спустя разрешение на посещение родственников получили 243 400, а воспользовались им 209 тыс. человек. В пекинском аэропорту Шоуду их встречал плакат: «Приветствуем тайваньских соотечественников, приезжающих посетить своих родственников»²⁵. Гостям с Тайваня оказывается предпочтение при оформлении документов на пограничных пунктах, таможах. В КНР установлен льготный режим для большинства инвесторов с Тайваня, особой популярностью среди них пользуются предприятия в прибрежных провинциях Фуцзянь и Гуандун.

7—13 июля 1988 г. состоялся XIII съезд Гоминьдана. Ведущая партия на Тайване оказалась перед лицом проблем, связанных с политическим наследием Цзян Цзинго. На съезде присутствовала 87-летняя вдова Чан Кайши — Сун Мэйлин, являющаяся председателем Консультативного комитета Гоминьдана. Мачеха Цзян Цзинго последние десять лет большую часть времени проводила в США, изредка навещаясь на остров. Теперь она обращалась к делегатам съезда с трогательным напутствием. «Нужно, — заявила она, — проводить новую политику, не забывая о прошлом, идти вперед, не отказываясь от своих корней». Сун Мэйлин, гордо взмахнув белым платком, покинула зал; ее прощальный жест как бы символизировал финал правления на Тайване семьи Чан Кайши.

Принятая на съезде резолюция констатировала движение вперед, которое началось еще при покойном президенте и касалось прежде всего отношений между двумя сторонами Тайваньского пролива. За жителями Тайваня сохранялось право посещать родственников на материке, ограничения в связи с этим ослаблялись в зависимости от обстоятельств. Разрешался обмен учеными, студентами, импорт сырья. Вместе с тем проявляли себя и стойкие стереотипы, сдерживающие развитие процесса сближения между двумя сторонами Тайваньского пролива. Провозглашалась, например, верность

трем принципам политики Тайбэя (никаких контактов, переговоров, компромиссов)²⁶. В соответствии с этими принципами напутствовали тайваньских спортсменов, выехавших на Олимпийские игры в Сеул. Тайваньским участникам игр доброй воли тайбэйские политики определяли правила поведения в Сеуле, в качестве наиболее важного из них подчеркивалась необходимость «не поддаваться» влиянию спортсменов КНР, «не сочувствовать им»²⁷.

В Обращении ЦК КПК по случаю кончины лидера Гоминьдана отмечалось, что Цзян Цзинго неизменно придерживался позиции «существует один Китай» и выступал против попыток, направленных на осуществление планов по созданию «независимого Тайваня», приложил определенные усилия к смягчению отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

Цзян Цзинго еще только готовился уйти в иной мир, а в печати различных стран обсуждался вопрос: что может обозначать смена руководства на Тайване?

К присяге при вступлении в должность президента был приведен вице-президент Ли Дэньхуэй. Это первый президент из числа политических деятелей — уроженцев острова. При вступлении в должность ему было 65 лет. Ли Дэньхуэй вырос на ферме на севере острова. В то время, когда Чан Кайши, выступая от имени гоминьдановского Китая, действовал под знаменами антифашистской коалиции, Ли Дэньхуэй, закончив с наградой среднюю школу, удостоился большой для уроженцев Тайваня чести тех времен — был принят в Императорский университет в Киото. Свою специализацию по экономике сельского хозяйства он продолжил в Тайваньском университете. В 1952 г. Ли Дэньхуэй был направлен в университет сельскохозяйственного штата США Айова. Прежде чем стать в 1984 г. вице-президентом, он побывал в должности министра без портфеля, мэром Тайбэя и губернатором провинции.

С назначением на пост президента представителя коренного населения острова проблема Тайваня приобрела несколько иное звучание. Ведь сначала огонь надежды на возвращение к власти на материке гоминьдановцы поддерживали лишенными здорового смысла планами «освобождения континента», а после смерти Чан Кайши — обращением к трем принципам: «национализму, демократии, экономическому процветанию» как основе объединения. Некоторые выходцы с материка давно уже горели явным и тайным желанием возвратиться на родину, повинувшись призывному голосу предков и предложениям руководства КНР.

Гоминьдановские лидеры в своем большинстве противостояли идее «один Китай — один Тайвань», которую с конца 50-х гг. активно отстаивали тайваньские сепаратисты. Подобная идея развивалась вопреки давним традициям гоминьдановцев, грезивших о создании единого Китая. Когда в 1975 г. умер Чан Кайши, Гоминьдан еще обладал возможностью обуздать голос оппозиции. Приверженцы концепции «двух Китаев» расплачивались за сепаратистские настроения свободой. Такое не прошло даже друзьям Вашингтона. Идею «самоопределения» Тайваня всегда питало длительное сотрудничество между США и Гоминьданом в военной сфере. Вашингтон, подписав соглашение с КНР, предполагающее свертывание этого сотрудничества, продолжал снабжать Тайбэй оружием и снаряжением (общей стоимостью 700 млн. долл. ежегодно). В августе 1986 г. США продали Тайваню электронного и инженерного оборудования на 260 млн. долл., чем усилили его потенциал противолодочной войны. Администрация поддержала программу американских компаний по передаче Тайваню основной технологии для развития производства всепогодного истребителя. Производство новой модели планировалось к 1990 г.²⁸.

Все громче, особенно в оппозиции, звучат голоса, ставящие под сомнение идею объединения с материком. «Движение за независимость Тайваня» распространяется по острову, оно активнее проявляет себя в идеологической и политической сферах. Многие дети представителей гоминьдановской гвардии стали считать своей родиной Тайвань, они пополнили население коренных жителей острова. Ли Дэньхуэй недаром, видимо, заявил на своей первой пресс-конференции: «Движение за независимость Тайваня незаконно... Оно не может выжить ни во внутреннем, ни в международном плане. В частности, народ не поддерживает его». Вопросы в связи с этим возникают самые различные: могут ли сосуществовать социализм и капитализм? Нужно ли ставить под угрозу свой жизненный уровень (все же на Тайване ВВП на душу населения составляет 3600 долл., а в КНР — 500)? В КНР на такого рода вопросы отвечают вполне определенно. Китайские руководители, выдвинув лозунг «Одна страна — две си-

стемы», исходят из возможности тесного сосуществования различных социальных систем, при этом они подразумевают сохранение на длительное время на Тайване всех государственных институтов. Китайские эксперты, признавая высокий уровень развития Тайваня, Гонконга, Макао, не скрывали и не скрывают воздействие западного опыта на китайскую экономику.

«Культурная революция» в Китае еще содействовала обеспечению международных гарантий режиму диктатуры на Тайване, но времена изменились. В КНР, встречающей свое сорокалетие, углубляются процессы, которые выдвинули страну на новую ступень в экономическом развитии, повысили ее международный авторитет. Дальнейшее продвижение вперед, упрочение экономических предпосылок демократии в КНР неизбежно должно способствовать снижению напряженности в отношениях между странами Дальнего Востока, содействовать тому, чтобы военно-политические предрассудки времен «холодной войны» так или иначе все больше уступали место доверию, взаимопониманию в делах, выходящих по своей значимости далеко за региональные рамки.

Все это не могло не сказаться на положении Тайваня: стала усиливаться тенденция к международно-политической изоляции острова, обострилась внутривластная ситуация, новый стимул получила фракционная борьба, в которой сталкиваются уроженцы острова и пришельцы с материка, сторонники традиционной идеологии, цементирующей национализм, и новых идеологических течений и т. д.

Судьба Чан Кайши оказалась тесно связанной с милитаристскими кликами, с тайными шанхайскими обществами, с прогнившей гоминьдановской бюрократией, которой вынесла свой вердикт революция 1949 г. Политический курс китайского бонапарта, расставшегося с революционным наследием Сунь Ятсена, нередко игравшего идеей единого фронта как картой в рискованной игре, полностью обанкротился. В условиях рождения нового Китая, в муках освобождавшегося от тяжелого феодального прошлого, планы Чан Кайши и его гвардии, наставлявшей на использовании силы для объединения с материком, выглядели фантазией оторванных от политических реалий авантюристов. Чан Кайши стал символом авангарда, опиравшегося на военный и экономический потенциал США и противостоящих КНР сил.

Цзян Цзинго, унаследовавший от Чан Кайши веру в непогрешимость, справедливость своего дела, в незыблемость доктрин военно-силового решения международно-политических проблем, столкнулся на закате своих дней с пробивавшим дорогу в мировой политике новым мышлением. Политики, стоящие по разные стороны социальных водоразделов, освобождались — по желанию или вынужденно — от косности и ожесточенности времен «холодной войны». Соратники Цзян Цзинго уже не могли мыслить привычными для старой гоминьдановской гвардии категориями, следовать непримиримым претензиям, манипулировать без каких-либо ограничений сознанием соотечественников, потрясая мечом, сеять, как и прежде, семена озлобления, ненависти. За девять дней до смерти в своем последнем обращении к соотечественникам сын Чан Кайши пожелал: «Моя надежда также на то, что вы без промедления пойдете по пути демократического развития». Он вынужден был отступить, хотя и робко, от возросших на почве полувековой конфронтации с КПК догм, но не успел завершить начатую на Тайване перестройку власти, осуществить линию на сближение с материком.

Перед путником, оказавшимся в горах Тайшань, открывается чудная картина живой природы: красивейший водопад — его называют Заводью черного дракона — дает силу убегающему вдаль искрящемуся потоку. Очарованный красотой, он войдет в кипарисовый туннель и не заметит, как окажется перед воротами «На полпути к небу». Любой разумный человек, оказавшись здесь, где соединяются западные и восточные дороги, и находясь под впечатлением увиденного в этой райском уголке, невольно задумается о судьбах древнейшей в мире цивилизации, которую не могли разрушить ни кровавые боины, ни грызня милитаристских клик, ни нашествия агрессоров. Перед воротами «На полпути к небу» соединяются западные и восточные дороги. На китайском побережье Тихого океана соприкасаются социальные пути Востока и Запада и точка этого соприкосновения становится точкой отсчета новых рубежей во взаимодействии Китая с иными государствами. Китай стал одним из важнейших государств мирового сообщества, он открыл двери перед окружающим миром, что создало благоприятные условия для восприятия китайским обществом новейших методов управле-

ния, передовой технологии. По мере развития этого процесса, вероятнее всего, сузится возможность проявления оставленного Чан Кайши политического наследства, все дальше должен уходить в прошлое культ насилия, характерный для времен жесточайших схваток китайских милитаристов. Конечно, на арене политической жизни Китая могут появиться и новые герои, и новые злодеи, но они уже не смогут манипулировать общественным сознанием, как во времена ничем не ограниченной деспотии.

Возведением моста доверия через Тайваньский пролив надеются китайские руководители претворить на практике концепцию единого Китая. Новые руководители Гоминьдана, выразил надежду Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзянь. «Исходя из коренных интересов китайской нации... внесут позитивный вклад в то, чтобы как можно скорее покончить с расколом нашей страны и осуществить мирное объединение родины»²⁹.

¹ Б. И. Бухаров. Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953). М., 1958, с. 56.

² In: Tang Tsou. America's Failure in China 1941—1950. Chicago—L., 1963, vol. 2, p. 532.

³ Ross Y. Koen. The China Lobby in American politics. N. Y., 1974, p. 103.

⁴ In: Frank Dorn. Walkout with Stilwell in Burma. N. Y., 1973, p. 125—127.

⁵ In: K. T. Young. Negotiating with the Chinese Communists: the United States Experience, 1953—1967. N. Y. etc, 1968, p. 249.

⁶ См.: «Азия и Африка сегодня», 1979, № 4, с. 18.

⁷ Hu Qiaomu. Historic Significance of Anti-Japanese War. — "Beijing Review", 20.VII.1987, p. 20.

⁸ In: Richard Curtis. Chiang Kaishek. N. Y., 1969; Robert Payne. Chiang Kaishek. N. Y., 1969; Pichon P. Y. Loh. The Early Chiang Kaishek. N. Y.—L., 1971, etc.

⁹ In: Richard Curtis. Op. cit., p. 186.

¹⁰ In: G. Kerr. Formosa Betrayed. Cambridge, 1965, p. 394.

¹¹ In: W. J. Barnds. China and America: The search for a new relationship. N. Y., 1977, p. 169—170.

¹² Ibid., p. 165.

¹³ In: President C. K. Chiang. Taipei, 1978, p. 45.

¹⁴ In: "Straits Times", 13.XI.1973.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 1.I.1979.

¹⁶ In: M. Schaffer. The U. S. Crusade in China, 1938—1945. N. Y., 1979, p. 69.

¹⁷ In: Internal and External Security. Berkeley, 1986, p. 73.

¹⁸ In: "Far Eastern Economic Review", 15.V.1986, p. 26.

¹⁹ In: G. Kerr. Formosa Betrayed. Cambridge, 1965, p. 449.

²⁰ Ibid., p. 444.

²¹ Ibid., p. 415, 446, 449.

²² President C. K. Chiang, p. 45.

²³ In: "Newsweek", 25.I.1988.

²⁴ Ibid.

²⁵ «Известия», 19.I.1988.

²⁶ In: "Beijing Review", 25—30.VII.1988, p. 4, 5.

²⁷ Ibid., 5—11.IX.1988.

²⁸ In: Asian Security 1987—1988. Tokyo, 1988, p. 81, 82.

²⁹ «Известия», 29.I.1988.

Е. М. ЗИНОВЬЕВА,
С. Л. ПИСКАРЕВ

Перед развивающимися странами, независимо от того, ориентируются ли они на социализм или капитализм, стоит общая проблема — как быть с традициями? И те и другие убедились в том, что полное отрицание, пренебрежение традициями ведет к потере национальной специфики, что модернизация возможна лишь на пути синтеза традиционного и современного. Внешне это иногда выглядит как взаимопроникновение, взаимодополнение восточного и западного. Успехи КНР после 3-го пленума 11-го созыва позволили ей сделать реальную заявку на лидерство среди тех развивающихся стран, которые вступили на путь строительства социализма. Опыт КНР уже влияет и будет влиять на такого типа страны. Поэтому весьма важно понять, как в политической культуре КНР идет процесс осмысления роли и места традиций в построении социализма с китайской спецификой. Руководство КПК придает этой проблеме большое значение. «Проводя реформы, мы столкнулись с вопросом правильного изучения традиций»¹.

Работы традициеведов КНР свидетельствуют о том, что китайские исследователи прежде всего встретились с методологическими трудностями. Они связаны в основном с неразработанностью категориального и понятийного аппарата мирового традициеведения. Ни в марксистской, ни в буржуазной науке нет до сих пор однозначного определения таких базовых понятий, как «традиция», «традиционная культура», «политические традиции». Существующие определения, как правило, описательны и перегружены².

С целью преодоления методологических трудностей и выяснения уровня изученности традиций в КНР редакция журнала «Вэнь ши чжэ» совместно с научно-исследовательскими организациями провела в университете провинции Шаньдун симпозиум по проблемам изучения китайской традиционной культуры. В симпозиуме приняли участие более ста ученых³. Основные доклады по методологии изучения традиций были посвящены определению одной из важнейших категорий традициеведения — «традиционная культура». По определению традициеведов КНР, это — обобщенное духовное наследие, хранимое китайским народом в течение веков. Традиционная культура существует в двух формах — в форме «традиционной идеологической культуры» и в виде знаний. В понятие «традиционная идеологическая культура» китайские исследователи включают политическую мысль и этику, экономическую мысль и теорию военного дела. Было предложено также подразделение по историческому и классовому признакам на: а) традиционную культуру феодального господствующего класса — синтез конфуцианства и легизма (период правления ханьского Уди); б) традиционную культуру феодалов (шидафу) — синтез конфуцианства и даосизма (периоды Восточной Хань, Вэй и Цзинь); в) традицион-

ную культуру низших слоев (пиньминь) — синтез конфуцианства и буддизма (эпохи Суй и Тан). На симпозиуме подчеркивалось, что конфуцианство является основой традиционной культуры Китая. Оно доминировало в процессах взаимовлияния и переплетений конфуцианства, даосизма, легизма и буддизма.

При определении понятия «традиционная культура» китайские традициеведы шли по пути создания описательных определений, что неизбежно привело к неоднозначности трактовки. Это в свою очередь потребовало выдвижения четких критериев оценки традиционной культуры. Таким критерием, по мнению китайских ученых, является социальная практика. В некоторых докладах социальная практика как критерий оценки традиционной культуры была сведена к модернизации. В этом случае традиционная культура оценивается как явление консервативное. «Ей присущи замкнутость и узость культуры, выработанной в условиях мелкого производства и стихийной экономики». Она «находится в конфликте с модернизацией». Следовательно, даже если какое-либо явление традиционной культуры «само по себе достойно восхищения, его следует подвергнуть критическому анализу и лишь затем думать о преemptивности». Решение комплексной проблемы роли традиционной культуры в современном обществе в данном случае переносится в сферу экономики. И ограничивается сферой экономики.

В условиях модернизируемой экономики и открытой политики неизбежно сопоставление западной и китайской культур, и вновь ставится давняя проблема отношения к достижениям западной культуры и степени «допустимой» вестернизации. Китайские исследователи отмечают, что истинная культура не имеет национальных границ, это общечеловеческое богатство. Открытость системы — условие ее жизнеспособности, и не следует бояться, что восприятие лучшего западной культуры превратит Китай в «колонию без колонизаторов»⁴. Но если вообще отбросить национальную культуру и слепо копировать иностранную, то невозможно будет ни воспринять с пользой иностранную культуру, ни сохранить свою. В основу новой социалистической культуры должны быть положены лучшие достижения западной и национальной культуры, скрепленные идеями марксизма.

Таким образом, симпозиум не решил, но отразил и выделил те проблемы изучения традиций, которые прежде всего интересуют традициеведов КНР. В области теории это проблема создания понятийного аппарата традициеведения. В прикладном аспекте — решение проблем соотношения традиции и модернизации, соотношения китайской и западной культур.

В ноябре 1986 г. в газете «Гуанмин жибао» была помещена статья Чжан Ливэня «О традиции и традиционалистике», посвященная методологии изучения традиций. Традиция определена автором как «самое широкое по объему понятие, отражающее наиболее общие закономерности объективных вещей и явлений; это то, что передается нам по наследству историей и что имеет определенное отражение в культуре, идеологии, морали, обычаях, психологии, искусстве. Традиция — один из видов социального бытия, которому свойственно сложное во многих аспектах и на многих уровнях содержание и такая же сложная сеть связей». В этом определении весьма важен момент характеристики традиции как одного из видов социального бытия⁵. Из него вытекает верное, на наш взгляд, понимание задач традициеведения: «Так называемое традициеведение — это наука, изучающая возникновение и развитие традиций, а также взаимосвязи между их основными компонентами. Если попытаться определить эту науку с точки зрения ее познавательной функции, то в ней можно увидеть либо систему регулирования информации, либо определенную методологию. Эта система, или методология, представляет собой свод параметров и конструкций, состоящих из основных элементов традиций. Такого рода кон-

струкции могут обуславливать ход мыслей, познание, творчество, а также образ действия людей, находящихся в поле данной традиции, либо воздействовать на все эти процессы... Они могут также обуславливать восприятие, отрицание, интерпретацию приходящих извне идей, знаний, образа действий, ценностных концепций и т. п. Если рассматривать традиционалистику с точки зрения системы традиций, модели традиций и познавательной функции этой модели, то в объекте исследований по этой проблематике можно выделить четыре аспекта: системы ценностных концепций, духовно-психологическую систему, систему знаний и систему языковых знаков. Эти аспекты тесно взаимосвязаны... В сопоставлении с другими основными элементами традиции именно ценностные концепции являются ядром традиции. Традиционная система ценностных концепций является фактором, определяющим направление развития различных традиций. Традиционная система ценностных концепций китайской науки отнюдь не утратила базу своего существования. Последователи традиций, испытавшие на себе воздействие модернизации, сохранили свои традиционные системы ценностных концепций, так как традиция — изменяющаяся и открытая система. Сохранять национальные традиции отнюдь не значит придерживаться старого и консервативного. Традиции могут соответствовать требованиям модернизации и постмодернизации»⁶.

Системность и историзм методологии, предложенной Чжан Ливэнем, работают и на социальную политику, и на фундаментальную науку, помогая лучше понять политическую культуру тех революционных лидеров, которым первым пришлось решать проблему синтеза национального и западного. Не случайно в центре внимания исследователей оказался Сунь Ятсен. Китайские обществоведы не трактуют взгляды Сунь Ятсена как неизменные и застывшие, напротив, стараются выявить и проанализировать эволюцию этих взглядов. Одна из работ так и названа «Отход и возвращение: Сунь Ятсен и традиционная культура». Автор ее Чжан Кайюань указывает, что Сунь Ятсен вырос в обстановке феодального, аграрно-патриархального общества и испытал на себе влияние конфуцианства. Последующий его отход от традиционной культуры означал, по сути дела, разрыв с варварством и обращение к цивилизации. После франко-китайской войны (1884—1885) он постепенно стал ощущать необходимость пополнить свои знания об истории родной страны и ее культуре. Революционная работа среди членов тайных союзов и среди интеллигенции, понимания и поддержки которых он добивался, требовала от Сунь Ятсена хорошего знания традиционной культуры и национальной психологии.

В период Синьхайской революции Сунь Ятсен особенно глубоко почувствовал инерционную силу традиций. Но тогда же он признал и то, что материальная культура должна развиваться одновременно с духовной культурой, что исконную культуру Китая нельзя игнорировать, ее нужно глубоко анализировать, не допуская поверхностных выводов о ее достоинствах и недостатках.

В 20-х годах возвращение Сунь Ятсена к традиционной культуре стало еще более заметным. В своих лекциях он говорил о необходимости уважать старую культуру, развивать добродетели Яо, Шуня и других мудрых правителей Древнего Китая, заявлял, что китайская культура своими достоинствами обязана Конфуцию. Сунь Ятсен выступал за соединение образцов европейско-американской демократии с истинной китайской культурой, слияние в единое целое китайской и западной культур было последовательной линией Сунь Ятсена. «Можно утверждать, что три народных принципа — это продукт сплава китайской и западной культур». После Октябрьской революции 1917 г. в России Сунь Ятсен нашел в Советах новое воплощение западной культуры, и только смерть прервала его поиск путей слияния китайской и западной культур.

Автор полагает, что Сунь Ятсену не удалось надлежащим образом разре-

шить проблему критического восприятия традиционной культуры и создать на основе ее сплава с культурой западной целостную, глубоко продуманную идеологическую систему. «Во многом это объясняется тем, что Сунь Ятсен был великим практиком и революционная деятельность не оставляла ему времени на теоретические изыскания»⁷. Проблема создания «глубоко продуманной идеологической системы на основе сплава традиционной и западной культур» осталась в наследство последующим поколениям исследователей и политиков. На разных этапах исторического развития Китая она решалась по-разному, и этот процесс сам по себе может послужить темой отдельной работы.

В настоящее время этой проблеме в КНР уделяют самое пристальное внимание. Ван Синго, автор одной из концептуальных публикаций, справедливо отмечает, что долгое время, обсуждая вопрос об отношении к традициям, касались лишь политических, идеологических и культурных традиций. Это односторонний подход, не учитывающий традиций экономического базиса, традиций сферы материального производства. К. Маркс и Ф. Энгельс пользовались термином «традиционная собственность»⁸. Следовательно, помимо духовной стороны, у традиции существует и материальная. Именно традиции материальные определяют духовные. Традиции различных сфер общественной жизни существуют не изолированно, они взаимосвязаны, взаимообусловлены и образуют единое целое. Их можно разделить на два макроуровня: 1) базисный макроуровень традиций производительных сил и производственных отношений (традиционная собственность, традиционный обмен, традиционное распределение и потребление); 2) надстроечный макроуровень политических и идеологических традиций.

«Не только общественная традиция в целом многослойна, многослойна и каждая из макротрадиций общества. В традиции надстроечного характера входят традиции государственного устройства, идеологические традиции. Марксисты считают, что надстройку можно разделить на политическую и идеологическую. По происхождению обе производны от экономического базиса и определяются им, но по характеру взаимодействия конкретная историческая надстройка, а также различные конкретные политические системы и политический строй, входящие в эту надстройку, формируются под воздействием определенной идеологической надстройки, определенных теорий и воззрений.

Однако после того, как политическая система и строй сформировались, они становятся объективной силой и в свою очередь влияют на идеологию. На практике мы всегда можем наблюдать, как под воздействием какого-либо традиционного понятия формируется традиционный строй. А традиционный строй в свою очередь закрепляет традиционные понятия. Эти явления часто взаимосвязаны, одно следует из другого:

Поэтому в процессе реформ прежде всего необходимо убрать из теории все не соответствующие современности традиционные понятия, а на практике с учетом традиционных факторов проводить реформу всей системы».

Далее в разделе, озаглавленном «Двойственность традиций», автор обобщает результаты многочисленных дискуссий о критериях роли традиционной культуры в современном обществе, о соотношении западной и традиционной культур в процессе строительства социализма с китайской спецификой.

«К культурным традициям Запада и к культурным традициям нашей страны, — указывает автор, — надо подходить диалектически и анализировать не упрощая. На практике некоторые грешат упрощенчеством. Оно выражается в двух крайностях. Одна — не отличая лучшего в традиционной культуре от ее отходов, восхищаться всей традиционной культурой. Другая — поверхностно, огульно отрицать традиционную культуру. В прошлом пренебрежительный подход получил довольно широкое распространение. Сторонники этой точки

зрения считают, что традиционная культура является обузой на пути в XXI век, поэтому надо подвергнуть ее «всесторонней критике». Но если традиционная культура столь плоха, где же выход? Конечно же, только в сплошной вестернизации. Вот неизбежные выводы, к которым приходят сторонники полного отрицания традиционной культуры.

«Всесторонняя критика» и «полная вестернизация» — сказано сильно. Но как можно критиковать бесчисленные традиционные институты, символизирующие великую культуру китайского народа? Ведь может случиться так, что после призыва «критикуй» уже не будут считаться с бесчисленными традиционными канонами, где воплощены результаты исследований древних ученых и мыслителей. Ценное есть в традиционном ремесле, медицине, искусстве, разве можно отбросить все это? В случае «полной вестернизации» перенесут в Китай все, что есть на Западе. Неужто и западный капитализм, и его политическую систему, религиозные и идеалистические течения всех мастей, и его пороки — все это необходимо перенести в Китай? Очевидно, что крайность «полной вестернизации» практически неосуществима. Нигилистическое отношение к национальной традиционной культуре может привести лишь к рабскому поклонению культуре западного эксплуататорского класса, капиталистическому пути.

В условиях социализма для определения критериев, различающих прогрессивность и отсталость традиций, положительное и отрицательное в них, нельзя руководствоваться вкусами отдельных людей или меньшинства. Необходимо установить, полезны ли эти традиции для укрепления и развития социалистического экономического базиса, полезны ли они для прогресса и повышения уровня производительных сил. Мы должны решительно перенимать и развивать все прогрессивные традиции, соответствующие нашему экономическому базису, уровню развития производительных сил Китая. Традиции, препятствующие развитию производительных сил и экономического базиса, мы должны решительно отбросить и исправить. Это единственное верное марксистское отношение к традициям.

Наиболее интересна заключительная часть работы, так как некоторые выводы автора совпадают с концепцией синтеза традиционного и современного в процессе эволюции восточных обществ, разработанной советскими востоковедами⁹.

«В мире все находится в противоречивом единстве непрерывности и прерывности, относительного покоя и абсолютного движения. То, что называется непрерывностью, указывает на устойчивую тенденцию объектов к сохранению присущей им качественной определенности. Традиция довольно концентрированно отражает именно эту тенденцию. Ф. Энгельс писал: «Традиция — это великий тормоз, это *vis inertiae* в истории...¹⁰» Эти слова указывают, что определенная устойчивость и косность присущи всем традициям. Но мы не должны, едва увидев слова «устойчивость», «инерция», сразу заключать, что носители этих качеств — носители чего-то дурного. Вопрос заключается в том, соответствуют ли эти «устойчивость» и «инерция» потребностям объективного процесса развития.

По законам диалектики абсолютное движение кроется в относительном покое, движение есть всегда движение определенной вещи. А любая вещь является вещью лишь тогда, когда она отлична от других. Определенные качества заключают в себе неизменность — это и есть проявление относительного покоя. Если нет относительного покоя, нет и относительной устойчивости качества, нет вещей, нечего познавать и различать, поскольку все движение утрачивает объективную основу. Именно поэтому диалектический материализм отво-

дит относительному покою важную роль в процессе развития вещей, считая его основным условием познания и различения вещей.

С этой точки зрения традиция обладает той же способностью. То же самое, если та или иная традиция действительно отражает какие-то вещи, то она является главной основой их изучения и различения. ...Из-за того, что заключенные в вещах противоречия взаимно противоположны и находятся в постоянной борьбе, состояние покоя не может быть вечным, оно неизбежно заменится действительным движением. Непрерывность неизбежно должна смениться прерывностью. Эта смена есть либо отрицание, либо революция или реформа.

Таким образом, неизбежны как существование традиции, так и реформы, в различной степени являющиеся отрицанием традиций. Здесь сказано «в различной степени», так как проводимая нами реформа отличается от качественной замены одного класса другим. Отрицание в данном случае носит диалектический характер. Отрицается то, что должно быть отброшено, и сохраняется то, что должно сохраниться. Так как все новое зреет в старом, оно неизбежно вбирает все лучшее из старого организма, в том числе и некоторые традиции, поскольку это новое отмечено своего рода «наследственностью». Но новое есть новое, ему свойственна изменчивость, значит, оно обладает новыми качествами, не свойственными старому. Так называемая «наследственность» — наследование, так называемая «изменчивость» — критика и обновление. Мы не должны пренебрегать этими сторонами в процессе реформы. Правильное изучение и трактовка диалектической взаимосвязи непрерывности и прерывности традиций — это теоретическая основа принципов: «Критикуя наследие, отбрасывать устаревшее и открывать новое», «Древность на службе современности», «Иностранное на службе Китая». Практика подтверждает, что это единственно верный способ правильного отношения к национальной и зарубежной культуре. В процессе строительства социализма с китайской спецификой мы также должны придерживаться подобного подхода. Происхождение ошибочных тенденций в отношении к традиционной и иностранной культуре с точки зрения методологии заключается в непонимании диалектической связи прерывности и непрерывности.

Сейчас главная задача партии и народа состоит в осуществлении социалистической модернизации китайского типа. Для этого необходимо, с одной стороны, привлечь передовую науку и технику развитых государств, с другой — хорошо усвоить блестящие древние традиции нашего народа. Такое усвоение должно быть критическим, неотделимым от обновления. Если ограничиться лишь наследованием народных традиций и не обновлять их в соответствии с требованиями научно-технического прогресса, то ни о какой модернизации не может быть и речи. Если, изучая и привлекая передовую зарубежную науку и технику, проводить обновление без учета обстановки в стране и традиций народа, то не может быть и речи о строительстве социализма с китайской спецификой.

Наследование и критика, изучение и обновление — эти стороны мы должны ясно понять, найти в них точки соприкосновения, лишь тогда это будет на пользу делу строительства социализма с китайской спецификой»¹¹.

В работе Ван Синго сделаны важные, на наш взгляд, методологические выводы. Во-первых, обозначена необходимость учета как надстроечных, так и базисных, как идеальных, так и материальных традиционных факторов в процессе модернизации. Во-вторых, сделан вывод о единстве прерывности и непрерывности в традиции. Эти выводы позволяют дать верную оценку роли традиционных факторов в процессе строительства социализма с китайской спецификой. Традиции — не только препятствие на пути Китая в

XXI век. Это постоянный фактор экономики и политики. Верное осмысление и использование традиций может стать важным рычагом в процессе реформы экономической и политической системы КНР.

Еще одним проявлением растущего внимания к постижению роли традиций в построении социализма с китайской спецификой являются социологические исследования. В КНР понимают, что успехи в решении задач, намеченных партией, во многом зависят от поведения масс, от места человека в обществе, поэтому человеческому фактору уделяется особое внимание. Главным в исследованиях социологов является выяснение соотношений традиционных ценностных характеристик и тех установок, которые необходимы для скорейшей модернизации страны. В Китае опубликованы результаты «обследования состояния морали» (Шанхай, 1983), в вопросник которого были включены «традиционные моральные нормы, сохранившиеся в сознании современников». Обследуемым был задан вопрос: «Какие из нижеперечисленных традиционных добродетелей можно принять, от каких отказаться и какие подвергнуть конкретному анализу?»

Результаты сведены в следующую таблицу:

Название добродетели	Мнение	Количество опрошенных	%
1. Родительское милосердие и сыновья почтительность	принять	2883	65,97
	отказаться	2881	66,43
	проанализировать	891	20,57
2. Трудолюбие и бережливость	принять	3379	77,32
	отказаться	136	3,11
	проанализировать	652	14,92
3. Преодоление личного ради общественного	принять	2882	65,95
	отказаться	274	6,27
	проанализировать	887	20,30
4. Пренебрежение выгодой ради справедливости	принять	1211	27,71
	отказаться	1277	29,22
	проанализировать	1479	33,84
5. Послушание по отношению к старшим	принять	1272	29,11
	отказаться	712	16,29
	проанализировать	2053	46,98

Из таблицы видно, что многие нормы традиционной морали все еще имеют ценность для современных китайцев. Большинство обследуемых считает, что такие моральные нормы, как «родительское милосердие и сыновья почтительность», «трудолюбие и бережливость», «преодоление личного ради общественного», должны быть учтены и сегодня. Авторы полагают это закономерным, так как «коренные сдвиги, происшедшие в результате установления социалистического строя, не изменили, да и не могли полностью изменить, а тем более уничтожить все социальные и моральные ценности прошлого», поскольку эти корни имеют общечеловеческий смысл.

«В моральных принципах и нормах, — пишут авторы отчета, — часто слиты конкретное содержание и общая форма. Конкретное содержание моральных

норм отражает особенности определенной эпохи и ее классовое содержание. Но установление моральных принципов и норм в свою очередь отражает познание людьми присущих им моральных явлений, имеющих определенную всеобщность. Конкретное содержание неизбежно отмирает со сменой эпохи. Общая форма может восприниматься и сохраняться в последующих поколениях, именно поэтому она имеет определенную познавательную ценность»¹².

Работу по исследованию действия традиций в современном обществе ведут Социологическая организация при Центре по проблемам аграрного развития Госсовета КНР и Центр социальных исследований при Госкомитете КНР по делам реформы. По свидетельству директора Центра социальных исследований Мэн Фаньхуа, их работа должна обеспечить преодоление унаследованной от прошлого разобщенности между государством и обществом.

Социологические исследования среди жителей 324 городов Китая в 1988 г. также содержат интересные данные. Вопросник был составлен с целью выяснить соотношение традиционных и современных черт в характере китайцев и изменение этого соотношения в процессе модернизации. Ответы на вопросы о наиболее типичных чертах характера китайского народа дали следующий результат (в %):

1. Усердный	55	6. Гуманный	28,4
2. Бережливый	48,5	7. Застенчивый	28
3. Практичный	39,6	8. Эффективный	18,6
4. Консервативный	36,5	9. Терпимый	6,5
5. Послушный	34,5	10. Предприимчивый	2,7

Высокое процентное соотношение зарегистрировано для первых пяти характеристик и показывает, что горожане считают их наиболее типичными для китайцев. Значительное число опрошенных (28 %) назвали «гуманный» и «застенчивый», меньшее число — «эффективный». Наименьший показатель дало слово «предприимчивый» — 2,7 % опрошенных, а ведь именно в этом качестве надежда на скорейшую модернизацию.

Правда, у организаторов опроса свое отношение к приведенным самохарактеристикам. Они полагают, что те, кто выбрал для характеристик такие термины, как «консерватизм, послушание и застенчивость», вложили в них критический смысл. «Поэтому от 28 до 37 % отвечающих, выбравших эти черты, — заключают они, — могут рассматриваться как обладающие критическим самосознанием». Для нас очень важно, как сами организаторы опросов оценивают полученные результаты. По их мнению, молодежь, студенты, учителя и люди с техническим образованием обладают критическим взглядом на китайскую личность, а следовательно, они более остальных открыты активному восприятию всего нового. В то же время традиционные самооценки все еще преобладают в сознании большинства народа. Авторы обследований признают, что «китайский народ по большей части остается пассивным, ему свойственна заниженная самооценка и неуверенность, это традиционно. Но и некоторые традиционные черты могут быть полезны для модернизации. Усердие, бережливость, практичность в настоящий момент могут быть в полной мере применены в деле накопления и экономии капитала на ранних стадиях индустриализации. Они должны быть поддержаны и развиты»¹³. Приведенные самооценки даны горожанами. Крестьянство дало бы большую приверженность традиционным конфуцианским ценностям.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о развертывании исследований по различным аспектам традициеведения в Китае. Появились

работы, посвященные теории традициеведения, анализу взглядов выдающихся мыслителей Китая по проблемам традициеведения, социологическим аспектам традициеведения и, наконец, проблемам традиционной политической культуры Китая — последнее направление активно разрабатывается в 1987—1988 гг.¹⁴ Очевидно, что задачи традициеведения, как их понимают в КНР, весьма широки — от создания понятийного аппарата до изучения роли традиционных факторов в современном китайском обществе путем прикладных исследований. Целью традициеведческих исследований является выяснение роли традиции в обществе, ценности традиций для модернизации, возможностей и путей использования богатейшего наследия для построения социализма с китайской спецификой. Это трудные, но требующие неотложного решения задачи.

¹ «Хунци», 1987, № 12, с. 26.

² В мировом традициеведении идет процесс уточнения категорий. Ученые КНР проявляют большой интерес как к марксистским, так и не марксистским исследованиям в этой области. На страницах научной периодики публикуются работы зарубежных традициеведов. См.: Переломов Л. С. Проблемы изучения традиций в СССР.— «Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь», 1987, № 3—4.

³ «Вэнь ши чжэ», 1986, № 5, с. 15—20.

⁴ Там же, с. 18, 19.

⁵ Этот подход смыкается с выводами некоторых советских ученых о традиции как общесоциологическом законе. См.: Плахов В. Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982, с. 217.

⁶ «Гуанмин жибао», 3.XI.1986.

⁷ «Лиши яньцзю», 1987, № 1, с. 28—42.

⁸ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Пекин, 1972, т. I., с. 271 (на кит. яз.); К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 446: «унаследованные от прошлого отношения собственности»; в оригинале — "überlieferten", переданные (факсимильное издание «Манифеста Коммунистической партии», Berlin, 1965, S. 15).

⁹ См.: Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. Отв. ред. Л. И. Рейснер. Н. А. Симония. М., 1984, с. 5—20.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 318.

¹¹ «Хунци», 1987, № 12, с. 28, 30.

¹² «Шэхуэй», 1987, № 1, с. 12—13.

¹³ «Бэйцзин ревью», 1988, № 5, с. 25.

¹⁴ См.: «Синьхуа вэньчжай», 1988, № 1, с. 155—159; «Цюши», 1988, № 6, с. 33—38. Двухнедельный теоретический журнал «Цюши», орган Высшей партийной школы при ЦК КПК, выходит с июля 1988 г. вместо журнала «Хунци», органа ЦК КПК.

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

Победа китайской революции и образование КНР 1 октября 1949 г., подписание советско-китайского договора 14 февраля 1950 г. знаменовали новый этап в советско-китайских отношениях, стали важными вехами на пути развития дружбы и сотрудничества между двумя великими державами. Этим событиям предшествовала активная политико-дипломатическая деятельность как с китайской, так и с советской стороны. О некоторых ее аспектах рассказывают в своих воспоминаниях участники тех давних событий, раскрывая малоизвестные страницы истории взаимоотношений СССР и Китая.

Человеческая память несовершенна, тем более, что публикуемые записи создавались не по горячим следам, а спустя годы. Они, как всякие мемуары, носят субъективный и нередко тенденциозный характер. В них без труда можно обнаружить различный подход к одним и тем же фактам, подчас противоположную трактовку и оценку исторических личностей, сыгравших столь роковую роль в судьбах наших народов. Вместе с тем воспоминания, как бы дополняя друг друга, создают более полную картину происходившего.

Вынося на суд читателей эти записи, редакция рассматривает их как иллюстративный материал к тому сложному процессу зарождения и становления советско-китайских отношений, который еще ждет своих исследователей — как в Китае, так и в Советском Союзе. Авторы записей, каждый по-своему, внесли полезный вклад в осмысление этого неоднозначного процесса, и мы должны быть признательны им за это. Готовя к публикации воспоминания китайского автора, мы с сожалением узнали, что он стал жертвой репрессий в годы «культурной революции».

Редакция воздерживается от каких-либо комментариев по существу публикуемых материалов, полагая, что наш сегодняшний читатель способен вынести собственное суждение и по поводу описываемых в них фактов и событий, и относительно подлинной роли в истории того или иного руководящего деятеля.

Сопровождая Председателя Мао

ШИ ЧЖЭ*

На протяжении всей войны сопротивления Японии и народной революции связь ЦК нашей партии с Коминтерном и Сталиным (после роспуска Коминтерна в 1943-м в основном со Сталиным) была очень тесной, возникало много вопросов, по которым необходимы были консультации, особенно на завершающем победном этапе революции. В апреле 1948 г. Председатель Мао во

---

* Китайский дипломат и публицист. В 20—30-е гг. учился и работал в СССР. После 1949 г. был директором издательства «Литература на иностранных языках», руководил работой по переводу и редактированию трудов классиков марксизма-ленинизма. Личный переводчик Мао Цзэдуна.

Воспоминания напечатаны в журнале «Жэнь», 1988, № 5. Публикуется с некоторыми сокращениями.

главе группы товарищей из ЦК прибыл в город Чэньнаньчжуан уезда Фупин провинции Хэбэй с намерением посетить Советский Союз. Была в оперативном порядке сформирована делегация, которая должна была на машинах отправиться к китайско-советской границе. Запросили по телеграфу мнение Сталина. Был получен ответ, смысл которого сводился к следующему: революционная война в Китае переживает решающий момент, Председателю Мао, как полководцу, не следует покидать свой пост; если есть серьезные вопросы, нуждающиеся в обсуждении, то он, Сталин, направит члена Политбюро в качестве своего полномочного представителя для беседы с Председателем Мао. Была выражена надежда, что Председатель Мао еще раз обдумает этот вопрос.

Председатель Мао принял предложение Сталина. В мае того же года он направился в деревню Сибайпо, что в уезде Пиншань, где предполагалось устроить встречу с представителем Сталина, однако из-за неустойчивой военной обстановки осуществить приезд гостя из Советского Союза было нелегко. Лишь в январе 1949 г., когда наши войска овладели городом Тяньцзинем и уничтожили войска противника в районе Баодина, смогла состояться секретная миссия в Китай посланца Сталина. Им был Микоян*, прибывший в Сибайпо 31 января, в день, когда наши войска вошли в Пекин. Среди сопровождавших Микояна были заместитель министра путей сообщения И. В. Ковалев, руководивший восстановлением Китайской Чанчуньской железной дороги, и специалист-китаевед Е. Ф. Ковалев. Микоян провел беседы с членами Секретариата ЦК КПК — Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем, Чжу Дэ¹ и Жэнь Биши², пробыв в Сибайпо неделю. Председатель Мао детально ознакомил Микояна с обстановкой, сложившейся в стране в ходе гражданской войны, подтвердил нашу решимость освободить весь Китай, дал разъяснения по поводу характера и типа политической власти, которая должна будет утвердиться в новом Китае. Разговор шел и о проблемах, касавшихся экономического строительства и внешней политики. Микоян сказал, что «привез с собой только уши», чтобы выслушать Председателя Мао и доложить содержание бесед Сталину.

В начале мая 1949 г. ЦК принял решение направить в Советский Союз делегацию с негласным визитом. Лю Шаоци и Чжоу Эньлаю было поручено приступить к подготовительной работе. Ван Цзясян³, специально переведенный с Северо-Востока в Центр, занялся проработкой всех вопросов, связанных с визитом. В помощь ему были выделены товарищи Гэ Баоцюань⁴ и Дэн Лицунь⁵.

Делегация ЦК КПК, которую возглавил Лю Шаоци, направлялась в СССР по поручению и от лица Председателя Мао для проведения переговоров со Сталиным и ЦК ВКП(б). Ей поручалось также согласовать и решить ряд важных вопросов, в том числе касающихся подготовки визита Председателя Мао в Советский Союз. В делегацию вошли Ван Цзясян, Гао Ган⁶, Сюй Цзефань⁷ и я.

Во время пребывания в Москве Лю Шаоци беседовал со Сталиным пять раз. На первых четырех беседах шел обмен мнениями, пятая беседа была прощальной. На второй беседе Сталин дал понять, что признает свою ошибку в вопросе о революции в Китае. Она состояла в следующем: когда наша освободительная борьба только началась, Сталин недооценил силы китайской революции. Он опасался, что, поскольку у Чан Кайши имеется многомиллионная прекрасно оснащенная армия, за спиной которой стоят к тому же США, а Советский Союз не в силах помочь, мы не сможем одержать победу над Чан Кайши, и потому выражал несогласие с курсом на войну. Председатель Мао, разумеется, не принял к руководству эти суждения, не стал он и вызывать к

* В китайской печати принято европейские фамилии давать без инициалов.

Советскому Союзу о помощи. Председатель Мао дал правильную оценку китайской революции, правильно руководил ею, привел ее к победе.

В декабре 1948 г. советская сторона переправила нам письмо, полученное советским правительством от гоминьдановского правительства. Оно просило Советский Союз урегулировать спор между Гоминьданом и КПК, прекратить гражданскую войну, уговорить китайских коммунистов не воевать. Гоминьдановское правительство направило свое письмо в то время, когда наша армия уже окружала гоминьдановские войска, расположенные в районе Тяньцзиня и Суйчжоу, и планировала проведение двух крупных операций — Пекин-Тяньцзиньской и Хуайхайской. Гоминьдан пошел на трюк с письмом, чтобы избежать полного поражения.

Советское правительство передало нам оригинал (русский текст) письма без каких-либо комментариев. Как видно, Сталин в то время уже по-новому понимал китайскую революцию.

Во время той, второй, встречи Сталин спросил Лю Шаоци: «Мы не очень мешали вам в ваших делах?» Лю Шаоци ответил: «Нет». Однако Сталин озабоченно, серьезно заметил: «Мешали, мешали, мы ведь не очень-то разбираемся в китайских делах».

Третья беседа состоялась на специально созванном Сталиным заседании Политбюро ЦК ВКП(б) сразу же после того, как товарищи из Политбюро и военные ознакомились с материалом, составленным китайской делегацией. Во время беседы Сталин разъяснил: поскольку в документе поднято много военных вопросов, для участия в беседе приглашены несколько маршалов. По поводу материала Сталин сказал, что он написан очень ясно и у него лично нет никаких возражений и вопросов к нам. Принявшие участие в беседе советские товарищи также заявили, что у них нет возражений. Затем Сталин спросил у китайской делегации, какие имеются вопросы. Лю Шаоци задал два вопроса: о вероятности третьей мировой войны и об оценке сил мировой революции и двух противостоящих лагерей.

Общий смысл ответа Сталина был примерно таким: в настоящий момент вероятность возникновения третьей мировой войны не очень велика хотя бы потому, что сейчас ни у кого нет сил для этого. Революционные силы развиваются, выступления народов стали более мощными, чем перед войной. Если империализм захочет развязать мировую войну — для этого нужно будет вести подготовку по меньшей мере в течение 20 лет. Если народы не согласятся на развязывание войны, не захотят войны, то ее и не будет. Как долго сохранится мир, зависит от наших усилий и развития событий. Мы хотим заниматься строительством. Мир — это самое важное. Надо стремиться к тому, чтобы продлить мир как можно дольше. Однако никто не гарантирован от того, что в мире найдутся сумасшедшие.

Во время беседы Лю Шаоци сообщил Сталину, что мы рассчитываем 1 января 1950 г. образовать центральное правительство. Сталин сказал: «Где вы разместите свое правительство? Государство не может долго оставаться без правительства».

В тот период мы обдумывали вопрос о международном признании. Капиталистические государства не могли быстро признать нас, мы не питали на это надежду. Если бы социалистические страны признали нас, то мы бы не остались в изоляции. Однако и в этом у нас не было уверенности. Сталин коснулся этого вопроса, но также в очень неясной форме.

В августе, когда мы прощались перед возвращением на родину, Сталин снова подчеркнул: «Время без правительства не должно быть очень долгим, в противном случае зарубежные страны воспользуются этим моментом для вмешательства, вплоть до объединенного вмешательства, и тогда вы окаже-

теть в трудном положении». Сталин предостерег нас и призвал к бдительности.

Детальное содержание беседы Лю Шаоци со Сталиным было тотчас телеграфом передано на родину. В результате ЦК партии ускорил меры по созданию Центрального народного правительства. Через два часа после того, как Председатель Мао 1 октября 1949 г. возвестил с трибуны Тяньаньмэнь: «Центральное народное правительство Китайской Народной Республики создано!», из Советского Союза пришла телеграмма, в которой говорилось о признании КНР и передавались поздравления. Вслед за этим другие социалистические страны также объявили о признании КНР.

Четвертая беседа со Сталиным проходила на его даче. В то время Цзян Цин⁵ находилась на лечении в Советском Союзе. В знак уважения к Председателю Мао советская сторона пригласила на эту встречу также и Цзян Цин. Однако разговор шел главным образом между Сталиным и Лю Шаоци. Затем присутствующие стали подбивать Цзян Цин, чтобы она произнесла тост в честь Сталина. Опасаясь, что Цзян Цин по своей молодости не справится с задачей, Сталин встал и начал ходить по залу. Но Цзян Цин не робела. Она подняла бокал и спокойно, не торопясь, проговорила: «...Я предлагаю тост в честь Сталина, желаю Сталину здоровья и долголетия! Здоровье Сталина — это наше счастье!» Сталин оживился: «Первый раз слышу такие слова. Оказывается, мое здоровье — это ваше счастье!»

В ходе беседы Сталин говорил о том, что китайская партия — это зрелая партия, китайские кадровые работники — это зрелые кадровые работники, обладающие определенным уровнем подготовки. Коснувшись вопроса о перемещении центра революции на Восток, Сталин сказал: «Центр мировой революции из Европы переместился в Советский Союз, потому он может переместиться в Китай. Надеюсь, младший брат превзойдет старшего брата». И за это он провозгласил тост. Выслушав Сталина, Лю Шаоци заметно разволновался и никак не хотел согласиться с ним. «Передвижение центра мировой революции накладывает на вас еще большую ответственность перед историей, и мы искренне желаем этого», — сказал он, уклоняясь от ответного тоста. «Старший брат остается старшим братом, младший брат — младшим», — подчеркнул он.

Сталин высказал свое мнение по поводу руководителей китайского правительства, которое вот-вот должно быть создано; отметил, что это зрелые кадры, особо выделив Премьера и министра иностранных дел Чжоу Эньлая.

Ван Цзясян, оставшийся в Москве для лечения, одновременно руководил работой группы сотрудников, которые вместе с Суй Цзефанем занимались разбором дел старого китайского посольства и формированием посольства нового Китая в Советском Союзе. Гао Ган уже вернулся на родину. Поэтому на последней встрече со Сталиным присутствовали только Лю Шаоци и я.

Сталин пригласил нас к себе на дачу и сразу повел Лю Шаоци осмотреть сад. Это был большой сад с разнообразными опытными делянками. На одном участке была посеяна чумиза, привезенная из Китая. Растения уже колосились, наверное недели через две должен был созреть урожай. Сталин хотел угостить нас в Москве кашей из чумизы, однако мы должны были отправляться в обратный путь.

С нами вместе в Китай ехала группа советских специалистов. В ходе бесед мы затронули вопрос о том, что нам необходимо примерно 150 человек, и Сталин поручил заняться этим И. В. Ковалеву. К моменту нашего отъезда было отобрано 96 специалистов самых различных профессий, которые во главе с Ковалевым и на одном поезде с нами прибыли в Китай.

Сразу же после образования Китайской Народной Республики началась конкретная подготовка к визиту Председателя Мао в Советский Союз. Это была в основном работа над информационными и аналитическими материа-

лами, а также по подбору подарков. Она велась при личном участии Председателя Мао и Премьера Чжоу. Подарками занимался Ян Шанкунь⁹. Однако Цзян Цин постоянно встревала и давала бестолковые указания. Она, например, настаивала, чтобы мы непременно взяли специфическую продукцию провинции Шаньдун. В результате, кроме хунаньских вышивок, фарфора, чая и солений из бамбуковых побегов, весь вагон был забит маринованным чесноком, капустой и редькой.

21 декабря 1949 г. Сталину исполнялось 70 лет. Председатель Мао во главе делегации ЦК КПК и правительства КНР отправился в Советский Союз, чтобы поздравить юбиляра, обменяться мнениями по вопросам, представлявшим интерес для обеих партий, а также обсудить и подписать соответствующие документы. В связи с этой поездкой Председателя Мао Политбюро ЦК КПК приняло решение: после юбилейных торжеств в честь Сталина Председатель Мао останется на отдых в Советском Союзе, а переговоры по поводу договора должны провести Премьер Чжоу.

В поездке Председателя Мао сопровождали лишь Чэнь Бода¹⁰, Е Цзылун¹¹, Ван Дунсин¹² и я в качестве советника. Вместе с нами были также посол Советского Союза в Китае Рошин и упоминавшийся выше И. В. Ковалев. Ло Жуйцин¹³, Ли Кэнун¹⁴ и Мао Аньин¹⁵ отвечали за проводы.

6 декабря делегация отбыла поездом из Пекина. Когда проезжали Тяньцзинь, на железнодорожных путях была обнаружена граната. Ло Жуйцин остался, чтобы разобраться в инциденте. Ли Кэнун и Мао Аньин проследовали с нами до самой границы. 9 декабря прибыли на станцию Маньчжурия, где пересели на советский поезд, приспособленный для более широкой, чем в Китае, колеи. После пересечения границы первой была станция Отпор, где нас встречали с почетным караулом.

В пути Председатель Мао большую часть времени проводил за чтением, иногда слушал мои рассказы об исторических местах по пути следования, обычаях и нравах советских людей. Прибыв в Свердловск, Председатель Мао почувствовал недомогание. Поезд задержали. Председатель Мао вышел на перрон. Погода стояла исключительно холодная. У него появилось головокружение. Скоро он снова почувствовал себя хорошо. В Ярославле к нам присоединился посол КНР в СССР Ван Цзясян.

16 декабря в 12 часов дня точно по расписанию мы прибыли на Ярославский вокзал Москвы. Здесь советская сторона все спланировала точно. На вокзал для встречи делегации прибыли заместители Председателя Совета Министров СССР Молотов и Булганин, министр внешней торговли Меньшиков, заместитель министра иностранных дел Громыко, командующий Московским гарнизоном генерал-лейтенант Синилов. Из-за морозной погоды и опасений, что Председатель Мао не выдержит холода, церемония встречи была сокращена. Спешно обошли строй почетного караула и, сев в машины, отправились к месту, отведенному делегации. — в подмосковную резиденцию Сталина.

Молотов, порекомендовав Председателю Мао хорошо отдохнуть, сообщил, что в 6 часов вечера Сталин приглашает его на встречу в Кремле.

После отдыха сотрудники охраны проводили Председателя Мао в Кремлевский дворец в приемную Сталина — за 3 минуты до назначенного времени. Советские руководители, собираясь у Сталина, не могли опаздывать ни на минуту. Ровно в 6 часов дверь, ведущая в кабинет Сталина, открылась и гостей пригласили войти. За Сталиным в ряд выстроились Молотов, Маленков, Берия, Каганович и Вышинский. Сталин обеими руками крепко пожал руку Председателя Мао и, задержав на нем на мгновение пристальный взгляд, сказал: «Вы еще совсем молоды, да и крепкого здоровья!» Затем он представил Председателю Мао Молотова и других советских руководителей.

Все начали обмениваться приветствиями. Сталин был возбужден, без устали расточал комплименты в адрес Председателя Мао: «Великий, поистине великий человек. Ваш вклад в дело китайского народа чрезвычайно велик. Вы славный сын китайского народа! Мы желаем Вам здоровья!» В ответ Председатель Мао сказал: «Я человек, которого долгое время били и затирали, и некому было пожаловаться на это...». Он не успел закончить фразу, как Сталин подхватил: «Победителей не судят. Нельзя порицать победителей, это общеизвестная истина».

Затем приступили к беседе. По одну сторону стола расположились советские руководители, по другую — Председатель Мао и я. Сталин сказал: «Победа китайской революции изменит облик мира, китайская революция прибавила гири на чаше весов прогресса, и мы от всей души поздравляем вас с победой! Желаем вам добиться еще более великих побед!» Затем Сталин спросил: «Что нам теперь предстоит делать? Какие у Вас идеи и пожелания?» Председатель Мао следующим образом выразил свою мысль: «Мы приехали на сей раз для того, чтобы завершить одно дело. Нужно сотворить некую вещь, она должна быть и красивой, и вкусной». Переведи я эту фразу буквально, советские товарищи ничего не поняли бы. Поэтому я постарался пояснить: «Красивой — значит, красивой по форме, величественной; вкусной — значит, по своему содержанию приятной и основательной». И все-таки наши собеседники не поняли, что это за вещь, о которой говорил Мао Цзэдун. Они продолжали пребывать в недоумении. Берия ухмылялся. Сталин сидел в мрачном молчании, затем попытался осторожно уточнить, что имел в виду Мао Цзэдун. Тогда Председатель, уходя от ответа, сказал, что он хотел бы пригласить в Москву Чжоу Эньлая. Сталин, все еще недоумевая относительно сказанного Мао Цзэдуном, заметил: «Если мы не можем определить, какое дело должны завершить, зачем приезжать Чжоу Эньлаю?» Председатель Мао снова уклонился от ответа.

Намерения Сталина, видимо, состояли в следующем: какой бы договор или соглашение ни заключили Китай и Советский Союз, в любом случае они должны быть подписаны им от имени 200-миллионного народа Советского Союза и Мао Цзэдуном от имени 500-миллионного народа Китая. Он не хотел заранее говорить, каким будет этот документ, — во избежание подозрений в попытке навязывания своей воли другим. Сталин допустил ошибку в вопросе китайской революции, и, надо полагать, поэтому он вел себя особенно осмотрительно и осторожно. Председатель Мао или не понял осторожных намеков Сталина, или не захотел лично подписывать договор.

После этой беседы Сталин еще дважды звонил по телефону Председателю Мао, чтобы выяснить, какие у него намерения, однако Председатель не давал ясного ответа.

21 декабря, в день семидесятилетия Сталина, в Большом театре состоялось торжественное собрание. Сталин и представители братских партий заняли места в президиуме. Председатель Мао сидел рядом со Сталиным, я перевел ему. Текст похвальной речи Председателя Мао зачитал Федоренко. В ней была дана высокая оценка вклада Сталина в международное коммунистическое движение, что вызвало горячий отклик присутствовавших. Во время собрания Сталин неоднократно переговаривался с Председателем Мао.

Затем состоялся банкет и концерт. Сталин и Мао сидели в одной ложе, предназначавшейся в свое время для царя. После концерта все зрители повернулись в сторону ложи и стали скандировать: «Сталин! Мао Цзэдун!», «Мао Цзэдун! Сталин!». Председатель Мао поднял руку в знак приветствия и провозгласил: «Да здравствует Сталин!», «Слава Сталину!». Восторженные

возгласы и аплодисменты слились воедино и перешли в овацию, которая продолжалась очень долго.

После юбилея все европейские партийные делегации вернулись на родину, а мы остались в Москве. Председатель Мао посетил Московский автомобильный завод, где ему был оказан горячий прием, а пионеры обратились со словами приветия и преподнесли подарки.

Чтобы внести в жизнь Председателя Мао разнообразие, я подыскал несколько русских и европейских кинофильмов с жизнеописанием исторических личностей, например «Петр Первый», «Наполеон», «Кутузов», «Александр Невский», «Кастусь Калиновский». В один из визитов Председателя Мао к Сталину тот сказал мне: «Мао Цзэдун действительно умный человек — в свободное время смотрит биографические фильмы, а это наиболее доступный способ понимания истории». Я передал эти слова Председателю Мао.

До и после юбилея Сталина в печати очень мало сообщалось о пребывании Председателя Мао. Одна английская газета даже опубликовала клеветническое сообщение о том, что якобы «Сталин посадил Председателя Мао под домашний арест». Поэтому советская сторона организовала поездку Председателя Мао в Ленинград. В это время уже ожидалось прибытие в Москву Премьера Чжоу. Ван Цзясян предложил МИД СССР опубликовать совместное коммюнике, которое и было опубликовано за день до отбытия Председателя Мао в Ленинград. В нем говорилось, что ведутся переговоры и идет работа над китайско-советским договором о дружбе. Появление коммюнике имело значительный эффект, и политическая атмосфера изменилась к лучшему.

За время поездки в Ленинград Председатель Мао посетил Кировский завод и крейсер «Аврора», осмотрел оборонительные сооружения периода войны, побывал в Зимнем дворце.

Вместе с Премьером Чжоу в Москву прибыли заместитель Председателя народного правительства Северо-Востока Ли Фучунь¹⁶ и другие ответственные деятели КНР. Премьера поселили на даче, расположенной довольно далеко от резиденции Председателя Мао. Премьер сразу после прибытия навестил Мао Цзэдуна, чтобы обсудить дела. Через день он переселился на дачу Мао Цзэдуна, где занял одну из комнат этажом выше.

Премьер Чжоу работал с большим напряжением. Надо было вести переговоры в Кремле по поводу договора и одновременно руководить работой группы Ли Фучуня.

Сталин в эти дни трижды связывался с Председателем Мао по телефону. Несмотря на то что велась работа над договором, Сталин так и не знал мнения Председателя Мао о том, кто будет подписывать документ. Поэтому он вновь пытался прояснить этот вопрос. Председатель Мао ответил так: «У меня нет соображений на этот счет, все соображения у Премьера Чжоу. Разве Премьер Чжоу не ведет в данный момент переговоры в Кремле?»

Одна из важных бесед состоялась между Председателем Мао и Премьером Чжоу с нашей стороны и Молотовым, Булганиным, Маленковым и Берия — с советской. Основное ее содержание сводилось к следующему: относительно Синьцзяна — выработать несколько соглашений, в том числе по вопросам добычи нефти, разработки месторождений цветных и редких металлов, а также о передаче Китаю большой партии вооружений, хранящейся на границе с Синьцзяном. Сайфуддин¹⁷ впоследствии ездил в Москву для подписания этих соглашений. Относительно Северо-Востока — решить вопрос о совместном использовании КЧЖД и ее последующей передаче Китаю, о дислокации советских ВВС в Порт-Артуре и Дальнем, об учреждении на Северо-Востоке советских консульств, а во Владивостоке, Чите и Хабаровске — китайских

(впоследствии создание китайских консульств оказалось лишь фикцией). Обсуждался также вопрос о советских эмигрантах. После Октябрьской революции тысячи белогвардейцев бежали на Северо-Восток нашей страны, где основали много предприятий. Советский Союз решил передать эти предприятия компании Чури и затем национализировать. Все перечисленные вопросы были подвергнуты принципиальному обсуждению, а затем переданы группе китайских сотрудников во главе с Ли Фучунем для детальной проработки с советской стороны и подготовки различных соглашений.

В то время как сотрудники делегации занимались разработкой договора и соглашений, Председатель Мао и Премьер Чжоу направились в Кремль с визитом к Сталину. Сталин в ходе встречи предложил отредактировать и издать написанные Председателем Мао статьи и документы с целью обобщения опыта китайской революции. Председатель сказал, что у него возникла подобная мысль, и выразил надежду, что Сталин выделит теоретически подкованного товарища для оказания помощи в выполнении этой работы. Сталин пообещал направить в Китай Юдина, который впоследствии принял участие в редактировании 1-го и 2-го томов «Избранных произведений Мао Цзэдуна».

В процессе редактирования я по ходу дела переводил тексты на русский язык, которые посылались Сталину. Две работы — «Относительно практики» и «Относительно противоречия» — были отобраны для внеочередного редактирования и перевода. Ознакомившись с ними, Сталин дал указание опубликовать их в журнале «Большевик».

Первоначально разрабатываемый договор именовался «Китайско-Советский договор о дружбе и союзе», затем Премьер Чжоу предложил добавить «и взаимопомощи». Так появился подписанный в конечном итоге «Китайско-Советский договор о дружбе, союзе и взаимопомощи». Церемония подписания прошла 14 февраля в Кремлевском дворце. От имени Советского Союза договор подписал министр иностранных дел Вышинский, от имени Китая — Премьер и министр иностранных дел Чжоу Эньлай. Вышинский и Премьер Чжоу выступили с речами.

Сталин имел в виду, чтобы вместе с договором было подписано и торговое соглашение. Однако по недосмотру советской стороны в нем была допущена ошибка, на исправление которой ушло время. Так что подготовить к сроку текст торгового соглашения не смогли. На вопрос Сталина, в чем дело, его подчиненные сообщили, что-де «не подготовлен китайский текст». Сталин попросил перевести эти слова Председателю Мао. Тот в ответ сказал: «В общем и целом, во всех ошибках виноваты китайцы!».

На церемонии подписания освещение было очень ярким, до боли в глазах. Сталин и Председатель Мао стояли рядом. Поскольку Сталин был ниже ростом, он выдвинулся вперед, когда стали фотографировать, так что на снимке выглядел одного роста с Председателем Мао. После церемонии Сталин устроил короткий прием. По возвращении в резиденцию Ван Цзясян сразу же приступил к подготовке прощального банкета.

14 февраля первый этаж гостиницы «Метрополь» был полностью арендован китайским посольством. К 6 час. 30 мин. вечера прибыли приглашенные, примерно 500 человек — советские работники высокого ранга и дипломаты, аккредитованные в Советском Союзе. Никто не знал, что сегодня сюда придет Сталин. Председатель Мао и Премьер Чжоу встречали его у входа. Через некоторое время, при строгом соблюдении правил охраны, Сталин прибыл во главе всего состава Политбюро ЦК ВКП(б). Председатель Мао, обменявшись со Сталиным рукопожатием, повел его к центральному столу. Многие ответственные советские работники никогда не видели так близко

Сталина. Обомлевшие от удивления гости, придя в себя, стали горячо аплодировать. Овации утихли только после того, как Председатель Мао и Сталин пересекли зал и заняли свои места.

Банкетный зал был разделен стеклянной стенкой на две части — большой и малый залы. Председатель Мао, Премьер Чжоу, Сталин, а также члены Политбюро ЦК ВКП(б) размещались в малом зале, остальные гости — в большом. Когда стали произносить тосты, те, кто сидел в большом зале за звуконепроницаемой стеклянной перегородкой, ничего не могли слышать и устремились в маленький зал. Навалившись на перегородку, они могли ее раздвинуть. Тогда Премьер Чжоу, почувствовав неладное, поспешил распорядиться, чтобы раздвинули стенку и тем самым из двух залов сделали один. Только тогда все успокоились.

Снова зазвучали тосты. Федоренко переводил Премьеру Чжоу, я — Сталину. Премьер Чжоу заранее дал Федоренко текст своей речи, тот перевел его на русский язык и держал в руках. Премьер же, идя на банкет, забыл взять с собой текст и тем не менее без единой записки, не пропустив ни одного иероглифа, произнес и вступительное слово, и речь общим объемом в две тысячи знаков. Вот основные моменты его речи: пусть китайско-советская дружба живет в веках; братское сплочение двух партий и стран — Китая и Советского Союза — величайший вклад в дело мировой революции; спасибо Советскому Союзу за его бескорыстную помощь; Китай должен учиться у старшего брата.

Приветственная речь Премьера Госсовета КНР глубоко взволновала присутствующих, ему горячо аплодировали. Сталин в своей речи отметил, что, говоря о необходимости оберегать китайско-советскую дружбу и братские чувства, Премьер Чжоу тем самым выразил и его мысль. Социалистический лагерь также должен быть таким, как сказал Чжоу Энълай. Однако сегодня среди участников не хватает одного члена этого лагеря — Югославии. Причина состоит в том, что она сама вывела себя за рамки лагеря. Сталин выразил в связи с этим сожаление. В сплочении — сила, подчеркнул он.

Председатель Мао провозгласил тост за здоровье Сталина, выразил пожелание, чтобы китайско-советская дружба процветала в веках. Сталин также неоднократно произносил тосты в честь Председателя Мао и Премьера Чжоу. Банкет продолжался до полуночи, расходились в приподнятом настроении.

После прощального банкета мы стали готовиться к отбытию на родину. Вечером 4 марта 1950 г. мы вернулись в Пекин.

Перевод с кит. яз. В. Г. УЛЬЯНОВА

¹ Чжу Дэ — (1886—1976) — зам. Председателя ЦК КПК, главнокомандующий НОАК. В 1959—1976 гг. — председатель Постоянного комитета ВСНП.

² Жэнь Биши (1904—1950) — член Политбюро и Секретариата ЦК КПК. В 1920—1924 гг. учился в Советском Союзе. В годы антияпонской войны (1937—1945) — начальник Главпура 8-й армии.

³ Ван Цзясян (1906—1974) — член Политбюро и Секретариата ЦК КПК. В годы антияпонской войны — зам. председателя Военного совета ЦК КПК. После провозглашения КНР (1 октября 1949 г.) — посол КНР в СССР, зам. министра иностранных дел КНР.

⁴ Гэ Баоцюань (1913 г. рождения) — литературовед и переводчик. В 1935—1937 гг. — корреспондент газеты «Дагунбао» в Советском Союзе. После провозглашения КНР — советник Посольства КНР, временный поверенный в делах КНР в СССР.

⁵ Дэи Лицюнь (1915 г. рождения) — член Секретариата ЦК КПК. После провозглашения КНР — зам. главного редактора журнала «Хунци». Подвергся гонениям в годы «культурной революции» (1966—1976), был снят со всех постов. Впоследствии реабилитирован.

⁶ Гао Ган (1905—1954) — член Политбюро ЦК КПК, секретарь Бюро ЦК КПК по Северо-Восточному Китаю, председатель Административного комитета Северо-Восточного Китая. После провозглашения КНР — зам. председателя Центрального народного правительства КНР, председатель Госплана. На 4-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва (февраль 1954 г.) был обвинен в антипартийной деятельности. Покончил жизнь самоубийством.

⁷ Сюй Цзефань — дипломат и общественный деятель, член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая.

⁸ Цзян Цин (1915 г. рождения) — супруга Мао Цзэдуна (с 1938 г.). В 1966—1976 гг. — заместитель руководителя группы «культурной революции» при ЦК КПК, в 1969—1976 гг. — член Политбюро ЦК КПК. После смерти Мао Цзэдуна (9 сентября 1976 г.) отстранена от дел. На 3-м пленуме ЦК КПК 10-го созыва (июль 1977 г.) исключена из партии, снята с постов. В 1981 г. приговорена к смертной казни, в 1983 г. высшая мера заменена на пожизненное заключение.

⁹ Ян Шанкунь (1907 г. рождения) — кандидат в члены Секретариата ЦК КПК 8-го созыва, член Политбюро ЦК КПК 12-го созыва, с 1988 г. — председатель КНР и зам. председателя Центрального военного совета КНР. В период «культурной революции» подвергался преследованиям. В 1978 г. реабилитирован.

¹⁰ Чэнь Бода (1904 г. рождения) — политический секретарь Мао Цзэдуна. В 1966—1976 г. — руководитель группы «культурной революции» при ЦК КПК. На 11-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва и 1-м пленуме ЦК КПК 9-го созыва (1969 г.) избирался членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. На 1-м пленуме ЦК КПК 10-го созыва (август 1973 г.) исключен из партии и снят со всех постов. В 1981 г. приговорен к 18-летнему заключению. В марте 1988 г. по возрасту и состоянию здоровья освобожден из тюрьмы и взят на поруки.

¹¹ Е Цзылун — заместитель мэра г. Пекина.

¹² Ван Дунсин (1916 г. рождения) — с 1935 г. охранник Мао Цзэдуна. После провозглашения КНР — зам. министра общественной безопасности, один из руководителей группы «культурной революции», член Политбюро ЦК КПК и с 1977 г. — зам. председателя ЦК КПК. На 4-м пленуме ЦК КПК (февраль 1980 г.) снят со всех партийных и государственных постов.

¹³ Ло Жуйцин (1906—1978) — с 1945 г. — кандидат в члены ЦК КПК, с 1956 г. — член Секретариата ЦК КПК. После провозглашения КНР — министр общественной безопасности, зам. премьера Госсовета КНР, начальник Генштаба НОАК. В период «культурной революции» репрессирован. Посмертно реабилитирован.

¹⁴ Ли Кэнун (1898—1962) — член ЦК КПК. После провозглашения КНР — зам. министра иностранных дел, зам. начальника Генерального штаба НОАК.

¹⁵ Мао Аньин (1921—1950) — старший сын Мао Цзэдуна от второй жены Ян Кайхуэй, казненной гоминьдановцами в 1930 г. Был вывезен в Советский Союз, окончил авиационное училище, после чего вернулся в г. Яньань. Погиб в 1950 г. в составе китайских народных добровольцев в Корее.

¹⁶ Ли Фучунь — (1900—1975) — член ЦК КПК, с 1956 г. — член Постоянного комитета Политбюро и Секретариата ЦК КПК. С 1949 г. — министр тяжелой промышленности, председатель Госплана, зам. премьера Госсовета КНР.

¹⁷ Сайфуддин Азизи — (1915 г. рождения) — по национальности уйгур. Член ЦК КПК. Учился в Среднеазиатском университете в г. Ташкенте. После образования КНР — член Центрального народного правительственного совета КНР, председатель Народного комитета Синьцзян-Уйгурского автономного района, заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП.

Сталин и Мао: беседы в Москве

Н. Т. ФЕДОРЕНКО *

Предлагаемые записи делаются с дистанции многих лет, даже десятилетий. Вмещают они в себя и мысли автора о событиях пережитого им времени. По слову мудреца, долг памяти — это совесть человека. Автор не пытался обелять или очернять положение вещей. В его задачу входило не изменять принципам правды.

В жизни бывают такие встречи, которые вновь и вновь воскресают в памяти, напоминая о себе. Минувшее для меня всегда стоит рядом с днем нынешним.

Записи эти адресованы моим современникам, живущим на пороге третьего тысячелетия. Не запечатленные пером на бумагу мгновения жизни могут навсегда кануть в прошлое, не оставить следа ни в памяти, ни в истории, хотя это и горькая память. Пишущий эти строки считает долгом поделиться тем, чему довелось быть свидетелем.

Мне хотелось бы вместе с читателем этих записей пересечь границы времени и позволить ему стать очевидцем событий сравнительно недавнего прошлого, времени лихолетья, чтобы лучше понять причины и взаимосвязи этого прошлого с днем нынешним. Разумеется, страницы эти можно было бы и не писать. Мудрые люди утверждают, что лучше молчать и не слыть чудачком. Человек всегда надеется, что завтра, вот-вот произойдет в его жизни что-то существенное, значительное. Я тоже считал, что всегда можно прославить себя мужеством и благородством. Подлость же остается подлостью, какими бы титулами она не прикрывалась. Не поэтому ли мы так часто видим людей в масках?

Понимал я и то, что не так уж много в наш век культа и застоя справедливости. Не так ли? Ее надо искать очень старательно, бесстрашно. Не однажды приходилось мне убеждаться, что у иных людей нет ни сердца, ни памяти. Они принадлежали к особой категории, замечательной своим невежеством и удивительной способностью с апломбом рассуждать решительно обо всем, особенно о нравственности, порядочности, интеллигентности. Нередко одни из них — это особы из числа тех льстецов, которые стараются сохранить осанку благородства и в подлости. Другие же, если откровенно, прикрываются идеологическими соображениями, но делают все, что в интересах собственных, лишь бы их седалища удерживались в креслах. Идеология? Это — креслаология, подлокотология вельмож с чудовищным самомнением, но всегда при пироге из спецраспределителя. При этом они тщательно маскируют свои недостатки, облачаются в мантию, за которой трудно разгля-

* Советский дипломат и ученый, член-корреспондент АН СССР, работал советником Посольства СССР в Китае. Был заместителем министра иностранных дел СССР, представителем СССР в ООН и Совете Безопасности. Автор многих научных трудов и публицистических книг.

Публикуемый нами полный текст воспоминаний, был представлен в редакцию в сентябре прошлого года (Сокращенный вариант см.: «Правда», 23.X.1988.).

деть их истинное лицо. И тогда они походят на шелковичный кокон, внутри которого скрыт однодневный мотылек.

Время все дальше относит мое поколение от тех дней, когда я произвольно оказался в лучевом сплетении памятных встреч Сталина и Мао Цзэдуна. Снова и снова мысленно возвращаюсь к тем близким для меня, но теперь уже далеким дням, неся этот крест многие годы. Они словно запечатленный момент памяти.

Гласность устраняет «белые пятна». Возникли новые горизонты. Встречи Сталина и Мао Цзэдуна долгое время оставались неосвещенными. Свидетелей же этих бесед остается все меньше, единицы. Верно, многое воспринималось тогда по-иному. Не так, как сейчас, когда во всей своей чудовищной наготе открылась правда истории. Понимаю, что страницы эти вырвать из памяти невозможно. Но они оставались бы под спудом, если бы не гласность — величайшее обретение наших дней. Она на все открывает глаза, на все проливает ясный свет.

Необычная поездка

Все началось неожиданно. Была ночь. За окном шел дождь. Холодный, проливной. Стук в дверь: сотрудник посольства по срочному делу.

— Получено указание — вам поручается сопровождать Мао Цзэдуна в Москву для участия в торжествах по случаю 70-летия товарища Сталина, — деловито произнес дипломат и добавил, что получение указания центра он должен подтвердить, а об исполнении доложить.

Ночной гость скрылся за дверью, оставив меня наедине с собственными мыслями.

Благая ли это весть? Почему выбор пал на меня — доверие, честь? Еще бы, сопровождать китайского лидера в Москву, оказаться в центре знаменательного события — юбилея Сталина. Подобное случается только раз в жизни. Но ведь и ответственность, можно сказать риск. А если не справлюсь? Не лучше ли, чтобы чашу сию пронесли мимо меня?

Через несколько дней мне предстоял долгий путь из Пекина в Москву.

Вереница черных лимузинов с Мао Цзэдуном и сопровождавшей его свитой покинула Чжуннаньхай — Дворец Центрального и Южного морей. Некогда он служил резиденцией китайских императоров. Название «Центральное и Южное море» — поэтическая условность. В действительности это всего лишь искусственно созданные пруды на территории дворца, где расположены палаты и павильоны, экзотические беседки, декоративные арки.

Стоял ясный, сверкающий день. Ветра не было, и пыль, которая в иные дни застилает солнце, осела где-то на пути от песчаных просторов пустыни к городу.

Кортеж следовал к пекинскому железнодорожному вокзалу. Там Мао Цзэдуна ожидал специальный поезд, отбывающий по маршруту: Бэйцзин (Пекин), через Дунбэй (Маньчжурию), затем — долгим транссибирским путем в Москву. Для Мао Цзэдуна это был первый выезд за пределы страны. Никогда ранее ему не приходилось покидать границы, выезжать за Великую китайскую стену. Да и в самом Китае ему далеко не везде довелось бывать. Жизнь его в основном прошла на дорогах крестьянских восстаний и вооруженной борьбы. Самый длительный и незабываемый путь — Великий поход с юга на север, в Яньань, пешком почти через всю китайскую землю.

По пути следования поезда, на главных остановках, Мао Цзэдуна приветствовали местные партийные руководители, представители военного командования. Обычно Мао Цзэдун выходил из вагона и встречался с ними

на перроне. Иногда те заходили в вагон, чтобы приветствовать Председателя (по-китайски — Чжуси, как его обычно называли), пожелать ему здоровья, удачи в пути, успехов в Москве. Наиболее продолжительные остановки были в городах Шэньяне, Чанчуне и Харбине.

Наибольший интерес, однако, Мао Цзэдун проявил к месту, где дорога пересекает Великую китайскую стену, в районе Шанхайгуаня. Здесь поезд выходит за пределы внутреннего Китая, или как еще было принято говорить, собственно Китая. У Мао Цзэдуна, по моему впечатлению, возникли какие-то свои воспоминания, либо ассоциации, которые, видимо, всплыли в памяти. Прогуливаясь по перрону, он радовался, шутил, повторяя, что счастлив, что удалось посетить прославленное это место хотя бы единственный раз в жизни.

Заметное возбуждение вызвал у него переезд через границу — начиналась советская территория. Его удивляли картины Сибири, заснеженные ее просторы, неохватные массивы тайги, неповторимая картинность Байкала. Любоваться всем этим, однако, гость мог только из окна вагона. Крепкий мороз, временами пронизывающий ветер были ему абсолютно непривычны, так что приходилось быстро покидать перрон вокзала, когда удавалась короткая прогулка. В Свердловске Мао Цзэдуну стало так плохо, что едва не потерял сознание, вдохнув ледяного ветра. Простудился и отныне стал воздерживаться от прогулок.

В Москву поезд прибыл 16 декабря, в двенадцать часов пополудни, под бой Кремлевских курантов, как потом говорили китайцы. На Ярославском вокзале высокого гостя встречали почти все члены Политбюро ЦК ВКП(б), руководители правительства и армии. Сталин не прибыл. Встречать гостей на вокзале было не в его правилах.

Из-за простуды Мао Цзэдуна церемониал встречи, которым руководил Молотов, был упрощен. Отменен был и ритуал представления дипкорпуса. Мао Цзэдун быстро принял парад почетного караула, прочел заготовленную речь и тотчас отправился на приготовленную для него дачу, одну из тех, которыми Сталин пользовался во время Отечественной войны.

В тот же день, в шесть часов вечера, после короткого отдыха, Мао Цзэдун был принят Сталиным.

Здесь, пожалуй, уместно сказать, что в дальнейшем мне приходилось слышать будто Сталин чуть ли целый месяц не принимал Мао Цзэдуна, вообще не проявлял к китайскому лидеру должного внимания. Слухи эти создавали превратное представление о хозяине и госте. В действительности же все происходило по-иному, по крайней мере, мне пришлось быть свидетелем совсем другой атмосферы и обхождения.

Запомнилась обстановка первой встречи Сталина и Мао Цзэдуна. Она проходила в кабинете Сталина в Кремле. По долгу службы мне пришлось сопровождать Мао Цзэдуна, быть переводчиком.

Восприятие ситуации людьми разными, разумеется, бывает неодинаково, часто очень индивидуально. В моей памяти наиболее рельефно отобразился момент встречи этих двух фигур. Когда перед нами открылись двери, Сталин находился в глубине кабинета, и нужно было пройти всю комнату, чтобы подойти к нему. Неторопливо, характерным для него шагом, он медленно отдалялся от своего рабочего стола, за которым, похоже, до этого занимался делами. По крайней мере можно было так подумать. Сдержанность, спокойный его вид выражали уверенность. Сделав несколько шагов нам навстречу, он отнюдь не проявлял признаков поспешности.

Иным было поведение Мао Цзэдуна. Обычно неторопливый, медлительный, он вдруг перевоплотился на моих глазах. Стремительно зашагал по

ковровой дорожке, и я едва успевал за ним. Был он заметно взволнован, во всем его облике проступала внутренняя озабоченность.

— Здравствуйте, товарищ Сталин.— эмоционально произнес Мао Цзэдун и быстрым движением заключил руку Сталина в свои ладони. Он долго тряс ее, выражая глубокое удовлетворение по случаю встречи.

— Рад вашему приезду, товарищ Мао Цзэдун,— негромко произнес Сталин. И после небольшой паузы добавил:

— А выглядите вы моложе и крепче, чем я представлял.

Таким было первое соприкосновение этих двух людей. Можно сказать, что это была встреча овейанного ореолом славы наставника и верного его последователя.

Затем Сталин пригласил гостя к длинному столу для заседаний, стоявшему вдоль стены.

— Попросите товарища Мао Цзэдуна занять место с той стороны стола, чтобы мы сидели друг против друга,— обратился ко мне Сталин и показал рукой на стул для гостя.

Когда Мао Цзэдун сел, а сопровождающий его помощник Ши Чжэ расположился рядом, Сталин, повернувшись ко мне, понизив голос, произнес:

— А вы садитесь в торце стола, на председательское место. Здесь вам будет удобно, да и нам не станете мешать.

Я и без того сознавал, что был здесь лишним. Понимал, что и хозяин, и гость с радостью обошлись бы без моего присутствия, но вынуждены терпеть неизбежно это зло, соблюдая, к тому же приличие, по крайней мере, внешнее.

Теперь перед собеседниками, сидевшими по разные стороны стола, простиралось зеленое сукно, напоминающее нетронутое поле, которое им предстояло как бы распахать своей беседой.

И это поднятие целины было куда как многотруднее, чем привычное зрыхление борозды лемехом плуга.

И за столом также обнаружились особенности этих двух людей в манере держаться и говорить. У Сталина заметная настороженность, немногословие, короткие реплики, с привычным грузинским акцентом. Изредка он бросал скошенные взгляды на прибывшего издалека гостя. Сталин вообще редко смотрел на собеседника. Его взгляд обычно был обращен куда-то в сторону. Это, признаться, несколько осложняло быстрое и точное восприятие переводчиком его высказываний. Правда, когда он замечал мои затруднения, то тотчас повторял фразу с безупречной артикуляцией. Следует отметить, что Сталин с первой же встречи был неизменно предупредителен к своему vis-à-vis.

А с другой стороны — торопливый, поистине скоропалительный, но учтивый рапорт гостя, на хунаньском диалекте. И оттого слова у него, казалось мне, были какими-то рассыпчатыми. Мао Цзэдун докладывал обстановку в Китае, рассказывал о сражениях против гоминьдановцев, об экономической разрухе, земельной проблеме и бесконечных трудностях в стране. Довольно пространно говорил о том, что история Китая — это нескончаемые внутренние и внешние войны. Повторял, что народная революция, которая осуществлялась путем вооруженной борьбы, была неотвратима. Китайские коммунисты неколебимо в это верили и не останавливались ни перед какими жертвами. Победа революции дала возможность народу стать на ноги, выпрямиться во весь свой могучий рост.

Мао Цзэдун, разумеется, сердечно благодарил Сталина за братскую помощь китайским коммунистам. За великое бескорыстие, которое проявлял Советский Союз. За революционную верность. Сколько мне помнится, он не затрагивал

вопроса о прошлых расхождениях с Коминтерном и лично со Сталиным о путях китайской революции. Не касался этого и Сталин.

Китайские коммунисты, по их утверждению, нашли свой собственный путь к победе, сочетая, как они говорят, всеобщую истину марксизма-ленинизма с конкретными условиями китайской революции. Известно также, что в июле 1949 года, когда Лю Шаоци прибыл в Советский Союз в качестве представителя КПК Сталин, как сообщают китайские источники, выразил сожаление, что он лично и другие в прошлом вмешивались в китайскую революцию своими советами и предложениями. При этом сказал, что «мы были помехой для вас, и я очень об этом сожалею»¹. И хотя самокритичное это признание было сделано приватно, оно представляется очень необычным для Сталина.

Нет нужды подробно излагать весь ход той беседы Сталина и Мао Цзэдуна. Это была их первая встреча и многое в разговоре носило общий характер. Отмечу лишь, что Сталин слушал Мао Цзэдуна с большим вниманием, переспрашивал его, а иногда задавал вопросы, чтобы прояснить то или иное положение. Был точен в своих формулировках и, похоже, стремился уловить оттенки фраз и слов при переводе. Все это постоянно держало меня в напряжении. К тому же не покидало чувство страха.

Говорят, у каждого на роду своя судьба. Мог ли я думать, что в один прекрасный день, как говорится, предстану пред очи «отца и учителя», окажусь переводчиком на китайский язык слов «вождя всех времен и народов». Теперь, конечно, можно рассуждать об этом спокойно. Но тогда для любого, оказавшегося вблизи самого Сталина, вокруг которого царил ореол культа и страха, ощущение было полной непредсказуемости. Никто не мог знать, чем кончится очередная встреча.

Ночные беседы

Встречи и беседы Сталина и Мао Цзэдуна проходили обычно на подмосковной даче в Кунцево. Время всегда было ночное. За длинным столом, в самом начале которого сидел Сталин, как правило, располагались члены Политбюро ЦК ВКП(б). Мао Цзэдун занимал место рядом с хозяином, если не считать переводчика, который находился между ними. Китайские товарищи располагались рядом со своим лидером.

Стол всегда был сервирован: у каждого места — обеденный прибор, бокалы, рюмки, минеральная вода, несколько бутылок грузинского сухого вина. Водка не подавалась. На столе также стояли блюда с парниковыми овощами и зеленью.

В конце большого стола находился сервировочный столик. Каждый брал себе еду по собственному вкусу. Иногда Сталин вставал из-за стола, подходил к столику и выбирал себе то, что нравилось. Он имел обыкновение рекомендовать некоторые блюда — харчо, борщок, шашлык. Приготовлений было немного, но сделаны с хорошим вкусом. Прислуги в комнате не было. Приходила лишь одна официантка, приносила какое-либо горячее блюдо, показывала его хозяину и затем относила на сервировочный столик. Вино каждый наливал себе сам, но пили очень экономно, большинство скорее делало вид, что выпивает, предпочитая лишь пригубить.

Графин с коньяком, стоявший в центре стола, шел по кругу, когда подходило время произнести тост в честь Сталина. Эту роль играл Берия, сидевший напротив хозяина. Он ударял левой ладонью по столу, как бы возвещая о наступлении самого торжественного момента. Мгновенно окидывал всех хищным своим взглядом, чтобы убедиться, все ли наполнили свои

бокалы коньяком, и стоя произнесла несколько фраз. Предполагалось, что все должны осушить бокалы.

Сталин обычно отпивал один-два глотка сухого вина из хрустального бокала на ножке, смешивая красное и белое из двух бутылок, которые возвышались по правую руку от него и которыми пользовался только он один.

Темы беседований были самые различные. Строгой повестки дня не существовало. Разговор практически происходил между Сталиным и Мао Цзэдуном. Остальные молчали. В ходе непринужденного разговора собеседники обменивались суждениями по военным, политическим, экономическим и идеологическим вопросам. Именно так были согласованы принципиальные положения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Конкретные переговоры по содержанию статей Договора велись также между делегациями — советской во главе с А. И. Микояном и китайской, возглавлявшейся Чжоу Эньлаем. Договор, как известно, был подписан 14 февраля 1950 года министрами иностранных дел СССР и КНР — А. Я. Вышинским и Чжоу Эньлаем. При подписании присутствовали Сталин и Мао Цзэдун, а также члены Политбюро ЦК ВКП (б) и ЦК КПК.

Не могу, между прочим, не отметить здесь одну несуразность, отображенную в фильме «Риск», недавно показанном по телевидению. Дело в том, что на опубликованном 15 февраля 1950 года в нашей печати снимке Сталин и Мао Цзэдун стоят рядом. За несколько минут до фотографирования мне пришлось переводить их оживленный разговор в связи с успешным подписанием договора.

Комментатор же фильма по поводу этого снимка совершенно произвольно заявляет, что вид и позы Сталина и Мао Цзэдуна говорят сами за себя: здесь-де запечатлено неудовольствие тем, что китайский лидер возвращается домой с пустыми руками. Ему не удалось получить в Москве ядерное оружие.

Должен сказать, что это чистая фантазия авторов фильма. Мао Цзэдун во время переговоров со Сталиным не поднимал вопроса о ядерном оружии. Об этом речь зашла значительно позже, не в 1950, а в 1958 г.

Договор явился кульминацией московских встреч и переговоров лидеров двух великих держав. Историческое это событие было встречено с чувством большого удовлетворения не только в Советском Союзе и Китае. Огромен был резонанс в самых отдаленных землях Востока и Запада. Свершилось то, что задолго до этого предвидел ленинский гений, о чем мечтал китайский революционер Сунь Ятсен. Лишь в стане наших недругов подписание договора вызвало злопыхательство, было расценено как зловещий сговор международного коммунизма.

Как-то во время очередной беседы Мао Цзэдун, вспоминая нелегкие дни былых сражений против гоминьдановской армии, рассказал, как войсковое соединение коммунистов оказалось в окружении. Создалась крайне опасная ситуация. Шло ожесточенное кровопролитие. Но блокаду прорвать не удалось. И тогда командир обратился к бойцам с призывом: «Не взирая на трудности, не страшиться испытаний, смотреть на смерть как на возвращение».

Афористическое это выражение понять на слух мне было трудно. И я попросил Мао Цзэдуна написать эту фразу на листе бумаги иероглифическими знаками. Взяв бумагу и перо, он быстро изобразил своими характерными, острыми штрихами восемь иероглифов. Мы и ранее нередко прибегали к «беседе кистью». Во-первых, не всегда легко воспринимать на слух цитаты из древних сочинений, написанных на архаичном языке — гувэнь или вэньянь, предназначенном для глаза, а не для уха. Во-вторых, Мао Цзэдун говорил на своем

родном провинциальном диалекте — «фуланьском» (хунаньском), который значительно отличается от северного, пекинского общепринятого языка. И это требовало от переводчика особого внимания к артикуляции и произношению собеседника.

Все знаки, каждый в отдельности мне были хорошо знакомы. Но уловить смысл не удавалось из-за последнего иероглифа «гуй» — «возвращаться». Пришлось вновь попросить Мао Цзэдуна объяснить значение этого иероглифа и дать свое толкование афоризму в данном контексте.

— Вы еще долго будете заниматься здесь конспирацией? — неожиданно раздался повелительный голос Сталина.

Можете себе представить мое самочувствие в этот самый момент. Словно электрический разряд пронзил меня. О невыдержанности этого человека и раньше мне было известно по рассказам бывалых людей.

— Дело в том, — начал я виноватым тоном, — что у меня возникло затруднение с пониманием...

— Не слишком ли затянулось ваше затруднение?! — произнес он, будто предварительное обвинение. По крайней мере именно так я это воспринял.

— Тут один иероглиф... — снова начал было я.

— Уж не хотите ли вы вовлечь нас в дебри иероглифической мудрости? — не унимался Сталин.

— В сущности, дело лишь в одном иероглифе, — торопливо сказал я, — но его значение в буквальном переводе...

— Потрудитесь перевести этот иероглиф и всю фразу буквально! — велел он.

Я это сделал. Сталин задумался.

— А какова же интерпретация товарища Мао Цзэдуна? — несколько примирительно спросил он.

— Именно об этом я и спрашивал, но Мао Цзэдун еще не успел ничего ответить.

— Ну что ж, продолжайте секретничать! — сказал Сталин, не поворачивая головы в мою сторону. Зато Берия с его пронзительным, как у коршуна взглядом сквозь пенсне, казалось, не сводил с меня глаз.

Я снова обратился к Мао Цзэдуну за разъяснением. Он пояснил, что выражение это принадлежит знаменитому полководцу Юэ Фэю, жившему в XII веке, прославившемуся походами против чжурчжэней.

— Иероглиф «гуй», — продолжал Мао Цзэдун, — выступает здесь не в обычном смысле, — «возвращаться», «снова приходиться». В историческом контексте он означает «возвращение в первосостояние». И хотя имя Юэ Фэя широко известно, но далеко не всякий китаец знает подлинный смысл этих крылатых слов. Таким образом, выражение это следует понимать так: «Презреть все трудности и мучения, смотреть на смерть как на свое возвращение в перво-состояние».

Выслушав объяснения Мао Цзэдуна и поразмыслив, Сталин произнес:

— Талантливый, видно, был этот полководец... Бесстрашием отмечен... и мудростью.

И я чуть ли не физически ощутил, как от моей головы отодвинулся нависший было нож гильотины. Казалось, все прояснилось и никакой «конспирации» будто бы и не было.

Вернувшись домой лишь к утру, я бросился к толковому словарю китайской фразеологии и вновь проверил себя, правильно ли я понимаю изречение Юэ Фэя. Понятие «возвращение в перво-состояние» или «возвращение в первообитель» относится к мистическим представлениям древних китайцев. В трактате «Ле-цзы цяньюй», связанном с именем философа Ле-цзы (V—

IV вв. до н. э.), выдающегося представителя античного даосизма, отмечается, что «древние называли умерших возвратившимися».

Убедившись в том, что мое понимание верно, я сомкнул наконец веки. Часто возвращался я мысленно к этой истории с афоризмом Юэ Фэя. Разумеется, знать все в китайском языке невозможно. Но мое желание добаться до истины было подозрительным.

Вообще же Сталин во время бесед с Мао Цзэдуном был всегда спокоен, выдержан, внимателен к гостю. Он никогда не отвлекался, был всецело сосредоточен на беседе. Следил даже, как мне казалось, за точностью перевода, хотя, конечно, не мог этого делать, не зная языка.

Все это было, можно сказать, внешним проявлением. Сталин искусно носил маску, за которой скрывалось нечто непостижимое, какая-то гипнотическая сила. Тем более, что он обладал мягкостью жестов, тонкостью интонаций. Весь его облик, манера держаться, беседовать как бы говорили окружающим, что власть должна быть таинственной, ибо сила власти в ее неразгаданности. Отсюда и культ его личности был окружен загадочностью, окутан таинственностью. Я говорю о личных ощущениях, которые, быть может, не всегда объективны, не затрагиваю те чудовищные преступления, за которые несет ответственность Сталин.

Сама комната, где проходили беседы, как мне тогда представлялось, напоминала сцену, где разыгрывался демонический спектакль. Достаточно было появиться Сталину, как все будто переставало дышать, замирали. Вместе с ним приходила опасность. Возникла атмосфера страха.

Вспоминается один эпизод, о котором мне как-то рассказал известный партийный деятель, бывший тогда главным редактором газеты «Правда».

— Сидел поздно ночью, — рассказывал он, — над версткой очередного номера. Вдруг звонок по кремлевскому телефону. Не отрываясь от газетной полосы, я снял трубку и небрежно ответил.

— Это говорит Сталин, — раздался голос в трубке.

— Какой еще Сталин? — вырвалось у меня.

— Тот самый... — услышал я в ответ. Поняв всю нелепость ситуации, начал было оправдываться. С тех пор у меня, видите, нервный тик на всю жизнь.

Когда же Сталина не было в комнате, возникал иногда стихийный разговор сидевших за столом людей, облеченных фактически не ограниченной властью, немислимыми правами. Высший элитарный симбиоз демонстрировал в отсутствие хозяина беззаветную ему преданность. Всем своим видом показывали, что им все известно, что они все знают, но оказывалось, что знают неверно или неточно.

Такие люди редко держатся естественно, словно боятся, что человек в них окажется ниже занимаемого кресла. В общении они, увы, оказывались куда как менее значительными, чем в кремлевских их кабинетах за огромными казенными столами, в неподвижных дубовых креслах. Беспристрастно и непредвзято наблюдал я эти персонажи высшей номенклатуры, всматривался в них вблизи и с дистанции, во время сеанса, который длился не один год. Словом, люди эти в моих глазах являли собой образцы противоречивости и непоследовательности. Достаточно было уже одного того, что выступали они, как правило, с бумажкой, читая чужие писания, притом не без труда, нередко игнорируя всякие правила грамматики и знаки препинания. Они привыкли нарушать все правила, включая дорожное движение в своих многометровых лимузинах.

Общаясь с ними, я все больше убеждался в том, что люди эти весьма заурядных способностей, но с очень незаурядной амбициозностью. Все, с чем были

не согласны или не понимали, они тут же объявляли чуждым, враждебным, антинародным.

Поначалу приходилось удивляться, что многие из них почти ничего не читали. Отечественной литературы не знали. О писателях судили по сплетням о них и всякого рода скабрёзным слухам. Об иностранных авторах не имели ни малейшего представления. Но невежество не способно примириться с тем, что оно чего-то не постигает. Ограниченность инстинктивно презирает предмет своего непонимания, рисуя его врагом. Стыдно было каждый раз, когда в беседе с иностранными друзьями некоторые из номенклатурной элиты проявляли такое невежество, которое переводить было просто позорно.

Нагляднее всего ограниченность их обнаруживалась во время выступлений на международных конференциях и совещаниях. Немало таких ораторов промелькнуло перед моими глазами. Вся их сила была в бумаге, они же — всего лишь позирующие читчики непомерно длинных текстов. Но выработанный стереотип повелевал произносить речи внушительной масштабности.

Не без причины «армянское радио» в свое время «передавало» такой диалог:

— Скажите, можно ли в газету завернуть слона?

— Можно, если в ней напечатать речь Громыко на сессии Генеральной Ассамблеи.

Примечательно, что речи эти раз от раза, из года в год были точного стереотипного размера. Изготавливали их по одному и тому же шаблону — ровно газетная полоса.

Невольно возникает вопрос: понимал ли все это Сталин, знал ли ближайшее свое окружение? Вне всякого сомнения. Сталин был прекрасно информирован. Но был он и одаренным лицедеем, и дирижером. Было бы неверно отрицать, что многие верили ему. Верили, когда еще не знали подлинного Сталина, но и сейчас, когда многое о нем стало известно, все еще остаются люди, и таких немало, которые продолжают жить прошлыми иллюзиями.

Конечно, и раньше кое-что доходило до нас, о чем-то догадывались, предполагали. Но все это относилось к области слухов, разговоров и домыслов. Гласность высвободила сильнейший поток сведений. Высветила то, что тщательно пряталось и скрывалось от общества. Теперь мы знаем несравненно больше. Знаем достоверно, как жестоко и вероломно расправлялся вождем со всеми неудобными. Знаем, сколько талантливых людей — стойких коммунистов и выдающихся полководцев — загубил он сам и руками услужливых своих опричников, свирепствовавших палачей и убийц, которые потом сами же оказались жертвами.

Возникает вопрос: каким образом власть — большая или малая — оказывается у людей, не имеющих на то морального права? По каким критериям они выдвигаются? Кто их назначает? Сталин, конечно, разбирался в окружающих его людях. С дистанции минувших лет это стало еще очевиднее. Стоявшие тесным кольцом вокруг него едва ли ему угрожали. Для него они не являлись соперниками, ибо во всех отношениях были ниже него. Они, по моим наблюдениям, не были обременены особыми способностями и дарованиями. У них было одно — жажда власти. И ради этого они не останавливались ни перед чем. Для упивающегося властью нормой является — унижение себе подобного, издевательство над подчиненным. И чем выше взбирается такой бюрократ по лестнице, тем большая опасность угрожает ему самому. Зная это, он все же карабкается по ее ступеням. У одних это инстинкт самосохранения, у других — честолюбие. Обстоятельства вынуждают к этому третьих. Карьеризм и угодничество — примета времени. Мало кто не включен в эту круговерть века.

Окружающие Сталина всецело зависели от его капризов, служили ему верой и правдой. Готовы были верноподданнически ползать и пресмыкаться,

лишь бы исполнить любую его волю. И исполняли. И предавали, отрекались от каждого, даже самого близкого им человека, если того желал тиран. Знали, что с непокорными, тем более с теми, кто вызывал подозрение, Сталин расправлялся быстро и просто. Хватка у него была железная, смертельная. Мы, правда, пока что больше осуждаем умерших, бывших. Но есть еще сподвижники Сталина, продолжающие пребывать в креслах власти, лишь меняя их время от времени.

Как-то во время одной из встреч, как всегда на подмосковной даче, Мао Цзэдун, с которым мне пришлось сидеть рядом, шепотом спросил, почему Сталин смешивает красное и белое вино, а другие этого не делают. Я ответил, что затрудняюсь объяснить, лучше спросить об этом Сталина. Но Мао Цзэдун решительно возразил, заметив, что это было бы бестактным.

— Что у вас там за нелегальные перешептывания, от кого утаиваете? — раздался голос Сталина у меня за спиной. Каким-то ужасом отозвались во мне его слова. Вздрыгнув от неожиданности, я повернулся к нему, но поймал на себе хищный взгляд человека в пенсне.

— Дело в том, что... — начал я.

— Да, именно дело..., — бросил Сталин.

— Товарищ Мао Цзэдун интересуется, почему вы смешиваете разные вина, а другие этого не делают, — выпалил я.

— Почему же вы меня не спрашиваете? — раздраженно спросил Сталин.

Я давно уже заметил, что он относится ко мне с каким-то подозрением, не доверяет.

— Извините, но Мао Цзэдун просил этого не делать, считая такое обращение к вам нарушением приличий...

— А вы кого предпочитаете здесь слушать? — спросил Сталин и стал объяснять гостю, почему он смешивает вина.

— Это, видите ли, моя давняя привычка. Каждое вино, грузинское в особенности, обладает своим вкусом и ароматом. Соединяя красное с белым, я как бы обогащаю вкус, а главное — создаю букет как из пахучих степных цветов.

— Какое же, товарищ Сталин, вино вы предпочитаете — красное или белое? — спросил Мао Цзэдун, для которого виноградное вино было культурой чуждой. В Китае только в последнее время стали широко производить такое вино, да и то лишь в городе Циндао, где в свое время существовала немецкая колония. Немцы и начали его еще тогда изготавливать.

— Чаще пользуюсь белым виноградным, но верю в красное. Как-то, в ссылке, давно это было, во время болезни тифом, один добрый врач в тюремном госпитале тайком отходил меня малыми дозами красного вина, кажется испанского. Спас от верной смерти. По крайней мере я в это верю. С тех пор я проникся сознанием его целебности, — задумчиво сказал Сталин.

...И снова особенно остро я почувствовал, что переводчик — это для некоторых сановных лиц автомат, машина, компьютер. Никогда он не должен забывать своей роли. Ему ни на миг не положено отвлекаться или увлекаться доискиваниями истины, ибо он неотвратимо создает ложное о себе представление, дает повод дурно о нем думать.

А между тем развитие наших отношений с Китаем немислимо без специалистов, китаеведов, людей, знающих историю и современность великого нашего соседа, духовную жизнь китайского народа. Уместно, думается мне, напомнить, что отечественная наша синология искони славилась не только у себя на родине, но и за ее пределами. Достойно сожаления, что в силу конъюнктурных обстоятельств подготовка кадров синологов в нашей стране отнюдь не отвечает нынешним требованиям. Избытка образованных китаистов

у нас, увы, не наблюдается. И не только потому, что это связано с огромным трудом и усердием, которые необходимы, в частности, для овладения китайской письменностью — «китайской грамотой». Куда как легче овладеть каким-либо европейским языком. Причина еще в том, что должно быть государственное отношение к выращиванию китаеведов, людей, хорошо знающих прошлое и настоящее Китая, традиции и обычаи народа, владеющих иероглифической письменностью и живым разговорным языком. Здесь необходимы радикальные изменения, такие же структурные преобразования, которые бы соответствовали революционной перестройке всей нашей действительности.

Позволю себе привести здесь один из эпизодов, участником которого мне пришлось быть.

Во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве в феврале 1950 года наше культурное ведомство решило познакомить китайских друзей с духовной жизнью столицы. Сочли, что начать следует с гордости советского балета — «Красного мака» в Большом театре. Сюжет балета, как известно, связан с жизнью Китая, по крайней мере в этом убеждены авторы и постановщики балета. Для полноты впечатления на спектакль был приглашен сам Глиэр, автор музыки.

По каким-то обстоятельствам — думаю, вовсе не случайным — Мао Цзэдун не смог посетить Большой театр, хотя всем этого хотелось.

Группу китайских друзей возглавил известный идеолог Чэнь Бода. Сидя в ложе для почетных гостей, китайцы проявили повышенный интерес к постановке и постоянно обращались ко мне с разными вопросами, порой довольно деликатными:

— Скажите, а это что за чудище? — внезапно спросил меня Чэнь Бода, когда появился исполнитель роли сутенера в шанхайском ночном заведении.

Я объяснил как мог, но он не унимался.

— Неужели это страшилище — китаец? И остальные тоже китайцы? Это вы так их себе представляете, такими нас изображаете? И вы, кажется, испытываете восторг?

Мне пришлось сказать ему, что у каждого свой взгляд, свое видение. И что очень трудно исполнять роли китайцев. Приходится гримироваться.

— Разве дело только в гриме? Посмотрите, как он вообще выглядит, как он ведет себя. Это же чудовищно... — не успокаивался Чэнь Бода.

И чем далее развивался сюжет балета, тем больше возникало вопросов и недоумений у профессора Чэнь Бода, который примерно в середине спектакля «в сердцах» выразил желание покинуть Большой театр.

Не буду подробно описывать наших усилий, чтобы удержать китайских гостей, как говорят дипломаты, от скандального демарша.

По окончании представления нас пригласили в кабинет директора Большого театра, где, как полагается, было сервировано угощение.

Дальнейшее лишь усугубило и без того печальное положение дел. Великолепная мебель — позолоченные столы и бархатные кресла, предусмотрительное обслуживание прислуги, внимание и гостеприимство, казалось, несколько не интересовали Чэнь Бода и его сопровождение. Воцарилось странное молчание вместо живого обмена впечатлениями о балете.

Хозяева, разумеется, ждали комплиментов и похвалы из уст благодарных китайцев, для которых специально был устроен показ «Красного мака». Но они загадочно молчали. И тогда я по праву сопровождающего попросил Чэнь Бода сказать что-нибудь о его впечатлении.

— Мне не хотелось проявлять бестактность, невоспитанность, неблагодарность. Поэтому позволяю себе промолчать. Прошу не переводить моих

слов, если это возможно, — мрачно сказал Чэнь Бода, явно не желая высказывать критических замечаний.

Но не переводить было невозможно. Всем казалось, что гость изрек нечто похвальное. Пришлось прибегнуть к дипломатии. Я вновь обратился к Чэнь Бода, попросив не стесняться в своих замечаниях, которые, несомненно, будут в высшей степени ценными.

— Прошу меня извинить, — начал Чэнь Бода, — но само название балета «Красный мак» нас несколько обескураживает. Дело в том, что растение мак нами, китайцами, воспринимается как олицетворение опиума. Быть может, вы не знаете, но опиум — злейший наш враг, потому что он веками губил наш народ... Извините, я не хотел вас обидеть.

Мы покинули Большой театр, чтобы больше уже не возвращаться туда. Не пожелали китайцы знакомиться и с другими шедеврами театрального искусства.

Правда, еще был один случай, когда они смотрели по телевизору балет «Лебединое озеро».

— Как вам понравился балет? — спросил я Чэнь Бода.

— Очень забавно, но скажите, почему все женщины голые? — в свою очередь спросил он меня, имея в виду, что в китайском традиционном театре актрисы выступают в тщательно задрапированных костюмах. Иными словами, традиции у нас здесь разные. Китайская актриса всегда появляется на сцене в наряде, который скрывает ее фигуру и формы.

Не менее примечательный случай имел место и во время трансляции по телевидению оперы с участием нашего знаменитого баса.

— Как Вам его исполнение? — поинтересовался я у Чэнь Бода.

— Скажите, а почему он ревет, как бугай? — в свою очередь спросил меня профессор.

— Это наш знаменитый бас, он поет не чужим, а своим могучим голосом. Нам, русским, его пение очень по душе. Примерно так же, как вам нравится пекинская опера, где поют не своими голосами, как нам представляется, а так сказать, козлетоном... — дерзнул я парировать Чэнь Бода.

— Ах так? Неужели? — воскликнул мой просвещенный собеседник.

Посещение Большого театра китайскими гостями закончилось тем, что балет «Красный мак» был временно снят с репертуара. После изменения названия спектакля на «Красный цветок» представления балета возобновились.

Не хотелось бы заниматься нравоучением. Но «Красный мак» оказался развесистой клюквой. История эта — свидетельство малой осведомленности наших мастеров. Увлечение экзотикой обернулось последствиями, которые способны отравить не только настроения людей, но и узы дружбы и добрососедства.

Не берусь измерять ущерб, который наносят подобные явления нашим духовным связям с зарубежными странами. Но убежден, что проблемы культуры и сотрудничества в духовной сфере нам следует ставить не на последний, а на первый план. Ведь именно с культуры начинаются отношения, духовное общение людей и народов, взаимное узнавание, сближение, понимание и сотрудничество между людьми. Лишь после этого развиваются торговые, экономические и другие отношения.

Каждая встреча Сталина с Мао Цзэдуном приносила нечто неожиданное, непредсказуемое. Содержание бесед всецело определялось хозяином, который, однако, никогда заранее не раскрывал темы разговора. Обычно беседа начиналась, так сказать, с отвлеченных сюжетов. То ли гость проявлял интерес к чему-либо, то ли хозяин по своей инициативе затрагивал какой-нибудь вопрос.

Так, в ходе беседований обсуждалась проблема языка и мышления.

Сталин высказывался в духе известной своей работы по языкознанию. Основная идея состояла в том, что язык как средство сознательного выражения мысли не чувствителен к классовой принадлежности людей. Любой человек может говорить на любом языке, в том числе и на языке Пушкина, Толстого, Достоевского и так далее. Все здесь определяется образованием и личными пристрастиями.

Примечательно, что Мао Цзэдун в свою очередь развивал мысль о том, что китайская иероглифика и язык, при всей их сложности для овладения, в действительности открыты всем, каждому человеку. Если есть желание их постигать и совершенствоваться, независимо от социального положения, классовой принадлежности. Другое дело, не всякий китаец мог позволить себе необходимое образование, чтобы овладеть иероглификой.

— Товарищ Федоренко,— обратился ко мне Сталин.— подойдите ко мне с вашей тарелкой.

Когда я приблизился, он, как обычно, не глядя в мою сторону, сказал:

— Возьмите это. Редкое блюдо. Возможно, вы отведаете его первый раз в жизни... Первый и последний, как говорится.

Разумеется, я поблагодарил за угощение, но тревожная мысль сверлила мое сознание. Не могло не настораживать то, что официантка, показывая блюдо хозяину, о чем-то с ним шепталась, а потом, вместо того чтобы отнести блюдо на сервировочный стол, ставила его около Сталина.

— Так как же, товарищ Федоренко, понравилось вам блюдо?— вскоре спросил он меня.

— Извините, товарищ Сталин, замешкался я тут...— вымолвил я кое-как.— Очень деликатное...

— Что же вы тогда молчите?— добавил он почти одобрительно.

Блюдо это действительно оказалось вкусным — печень индейки, приготовленная с перцем и солью. Кавказский деликатес.

Все обошлось. Опасения мои не оправдались. Апофеоз недоброжелательности и зла не состоялся. Мы ценим людей за добро, которое они делают. И презираем их за вред, который они нам приносят. Люди не должны разочаровывать друг друга, вводить в заблуждение, создавать причины для подозрительности.

Эпизод этот воскресил в моей памяти другой случай, связанный с пребыванием Мао Цзэдуна в Москве.

Тревожный звонок по правительственному телефону заставил меня без промедления направиться в Кремль, где проживал в это время Мао Цзэдун. Встретил меня шеф спецхраны в высоком чине и с нескрываемым волнением сказал:

— Тут личный китайский повар Мао Цзэдуна устроил нам полускандал, заявив, что рыбу, которую мы привезли, он отказывается принимать и готовить.

— Какую, собственно, рыбу?— спросил я полковника спецслужбы.

— Карпа, которого мы обычно привозили для гостя,— сказал он мне.

— Так в чем же дело?

— Повар только размахивает перед нами руками, отказываясь принять рыбу, ведь это же скандал...

Естественно, мне пришлось обратиться к повару, чтобы выяснить в чем дело.

— Рыба эта уже уснула. Неизвестно когда. А у меня строжайшее указание Мао Цзэдуна готовить ему исключительно живую рыбу,— заявил шеф-повар на хорошем пекинском диалекте.

Недоразумение это вызвало настоящий переполох в недрах нашей особой службы.

— Да вы что? Неужели в этом все дело? — воскликнул полковник. — Да мы сейчас же эту рыбу живьем за жабры...

Шло время. Канул в прошлое декабрь 1949 года. Миновал январь 1950-го. Приближался день подписания Договора о дружбе и взаимопомощи между Советским Союзом и Китаем.

— Нам хотелось бы, товарищ Сталин, устроить небольшой прием после подписания договора, — обратился Мао Цзэдун с просьбой во время очередной встречи.

— Естественно, — сказал хозяин.

— Но не в Кремле, а в другом месте, например в «Метрополе».

— А почему не в Кремле?

— Видите ли, товарищ Сталин, Кремль — это место государственных приемов Советского правительства. Это не совсем подходит для нашей страны — суверенного государства...

— Да, но я никогда не бываю на приемах в ресторанах и не посещаю иностранных посольств. Никогда...

— Наш прием без вас, товарищ Сталин... Нет, нет, просто невысказано. Мы вас просим, очень просим, пожалуйста, согласитесь, — настаивал Мао Цзэдун.

Наступила пауза. Сталин не спешил с ответом. Он как бы сосредоточивался. Мао Цзэдун исповедально ждал согласия хозяина, не сводя с него глаз.

— Хорошо, товарищ Мао Цзэдун, я приду, если вы этого так хотите, — произнес наконец Сталин, и заговорил на другую тему.

Так был нарушен его собственный обет, который он неукоснительно соблюдал.

14 февраля в назначенный час китайские хозяева и гости собрались в банкетном зале «Метрополя». И хотя здесь должна была царить торжественная атмосфера, лица многих выражали некоторую озабоченность и даже тревогу: сдержит ли обещание, удостоит ли своим присутствием? Все нетерпеливо поглядывали на входную дверь. И мне вспомнился другой эпизод, о котором рассказал один из московских всезнаек. Вот эта история.

Как-то Сталин решил посетить один столичный драматический театр, но негласно, тайком, чтобы не было излишнего шума и ажиотажа. Незаметно прошел в ложу и погрузился в атмосферу спектакля. Но бдительное око директора театра тотчас заметило гостя и приняло экстренные меры: моментально бюст Сталина был водружен в фойе, через которое он проследовал.

По окончании представления Сталин хотел также незримо удалиться из театра. Проходя через фойе, он увидел бюст и удивленно спросил:

— А этот как сюда пришел?

...Когда атмосфера ожидания в банкетном зале «Метрополя», как мне казалось, предельно накалилась, ко мне подошел компетентный товарищ в штатском и доверительным тоном прошептал:

— Вам следует встретить товарища Сталина в вестибюле и провести его сюда.

— Позвольте, разве это моя прерогатива? Не лучше ли это проделать вам, как обычно? — ответил я полковнику, который уже мне примелькался.

— Насчет прерогатив лучше не будем. Поговорим в другой раз, а сейчас вас, как специалиста по китайскому, просят, неужели вы не понимаете?! — повелительно произнес мой собеседник.

Я воздержался от дальнейшего диалога, но мне было не совсем понятно, неужто мне придется объясняться со Сталиным по-китайски.

И взяв меня под руку, полковник провел в вестибюль, показал место, где я

должен был стоять и «очей своих не сводить с входной двери». Вокруг было безлюдно. Лишь швейцар занимал свое служебное место у вешалки.

Вскоре распахнулась парадная дверь, и на пороге, как в раме на портрете во весь рост, стоял Сталин. Быстрым взглядом он обвел вестибюль и, заметив меня, не спеша направился в мою сторону как на знакомый ориентир.

Приблизившись к гардеробу, он начал расстегивать шинель, как вдруг услужливый швейцар будто на пружине подскочил к нему:

— Разрешите, Иосиф Виссарионович, подсобить...

Сталин, взглянув на швейцара, вежливо с ним поздоровался и с легкой иронией произнес:

— Благодарю, но это, кажется, даже я умею,— сказал он, бросив дружеский взгляд в мою сторону.

Сняв шинель, он повесил ее на вешалку, положил на полку свою фуражку, посмотрел в зеркало, поправил волосы и обратился ко мне:

— Как тут дела, все в сборе?

— Да, товарищ Мао Цзэдун и другие китайские друзья уже давно на месте, ожидают вас.

— В таком случае — ведите меня,— сказал он и прикоснулся рукой к моему плечу.

Я сопровождал Сталина в банкетный зал, где его встретили громкими рукоплесканиями и шумными возгласами восторга. Это было всеобщее ликование — и мрачных пессимистов, и очень осторожных оптимистов.

На какой-то миг Сталин остановился, окинул взглядом собравшихся, затем попросил провести его к Мао Цзэдуну, который стоял за длинным столом «президиума». Они поздоровались, пожали друг другу руки и обменялись общими фразами относительно здоровья и дел. Затем китайские товарищи во главе с Чжоу Эньлаем начали подходить к Сталину, чтобы поздороваться и обменяться рукопожатиями. Настроение у всех было приподнятое. В некотором отдалении стояли Берня, Маленков, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Шверник, Сулов, Булганин.

Начались тосты. Слышались здравицы. Один за другим провозглашались спичи. Все ораторы, и не только они, не сводили глаз с двух фигур, стоявших рядом и время от времени вступающих в разговор. Это были различные реплики, в основном, из уст Сталина.

Наконец, он, видимо, утомился от нескончаемых оваций восторженной аудитории, стал как бы взывать глазами — не пора ли остановиться. Но тщетно. Ничего похожего. В ответ лишь новые волны оваций. Махнув рукой, он обратился к Мао Цзэдуну.

— Посмотрите,— сказал он Мао Цзэдуну,— на нашего дядю Степу. Вон он над всеми возвышается на целую голову. Это известный детский писатель,— весело сказал Сталин и попросил, чтобы Сергей Михалков к нему подошел.

— Не привлекая внимания, Мао Цзэдун тотчас спросил у меня, что за «дядя Степа», о котором только что упомянул Сталин. Разумеется, я рассказал ему об авторе и созданных им героях.

— А вы что же и детской литературой до сих пор интересуетесь?— спросил он меня.

— Приходится, конечно, ради своих детей, которым особенно по душе мои впечатления о школьных годах с Михалковым в Пятигорске.— Решил я блеснуть близостью знакомства со знаменитостью.

— Позвольте,— воскликнул Мао Цзэдун,— я, кажется, кое-что уже знаю о нем. Это он страдает заиканием, как мне рассказывал Чжоу Эньлай?

— Верно, он отличается этим, но не косноязычием. Заикание бывает полезно,

если человек, например, не приготовил домашнего задания или не может ответить на вопрос школьного учителя. Вообще же этот детский писатель — удивительно красноречив. Он прекрасно знает, когда сказать, что сказать и в чей адрес.

— Да, — сказал Мао Цзэдун, — у нас в Китае тоже есть такие люди, и они заикаются с пониманием, когда нужно.

Подошедший в это время к Сталину сагирик не без подобострастия, как это присуще человеку аристократического рода, выразил ему свои чувства верно-подданничества, а потом поздоровался с Мао Цзэдуном и со всеми остальными.

— Разрешите тост, товарищ Сталин, — сказал Михалков. И, уловив едва заметный его кивок, продолжал:

— За товарища Сталина — любимца всех детей Земли, за китайскую молодежь, за самых маленьких читателей, которые обрели новую счастливую жизнь под водительством товарища Мао Цзэдуна!

Нужны ли здесь комментарии?

Снова и снова — нескончаемые тосты. Люди, казалось, стремились превзойти друг друга в находчивости и остроумии. Но думалось мне, что было это соперничество в красноречии небескорыстным. Оно было обращено к небольшой группке людей, которые находились здесь, непосредственно за спиной Сталина, но прежде всего к нему самому.

Все с нетерпением ждали самого главного — слова Сталина. Именно он должен и может сказать нечто сокровенное, что выразит истину момента, глубокий смысл исторического события. И это мгновение наступило. Прикоснувшись к бокалу с вином, Сталин сделал жест рукой — внимание:

— Дорогие товарищи, мы должны быть благодарны истории за то, что она дала нам такого выдающегося марксиста-ленинца, неустрашимого коммуниста Мао Цзэдуна. За его здоровье и успехи, до дна, товарищи!

Все дружно осушили бокалы. Снова раздался взрыв аплодисментов, восторженных возгласов и общего ликования.

¹ У Сююэянь. Мемуары дипломата. Пекин, 1985, с. 9—10 (на кит. яз.).

*Л. П. ДЕЛЮСИН,
доктор исторических наук*

В 1935 г. его расстреляли гоминьдановские палачи. В годы «культурной революции» его прах был осквернен хунвейбинами. Цюй Цюбо объявили предателем и контрреволюционером. Но суд истории рано или поздно вершит свой приговор, и ныне доброе имя Цюй Цюбо восстановлено. Его жизнь, его политическая и литературная деятельность внимательно изучаются в Китае. Публикуются его работы, ему посвящены книги и многочисленные статьи, позволяющие лучше представить себе многотрудный и славный путь, пройденный этим революционером, нестигаемым борщом за свободу и независимость своего народа. Заново оценивается его огромный вклад в разработку теоретических проблем китайской революции, его выдающаяся роль в популяризации марксистско-ленинских идей в Китае, его заслуги в борьбе за новую культуру и литературу. Чем бы ни занимался Цюй Цюбо, во всем проявлялась его глубоко творческая, талантливая натура, его неукротимое стремление, определившееся еще в молодые годы, помочь своему народу выйти из дремотного состояния, сбросить тяжелую завесу тьмы и мрака и проложить широкую дорогу к свету.

«Неужели солнце не желает нам светить? — спрашивал себя и своих друзей молодой Цюй Цюбо. — Или мы сами преградили ему путь? Неужели мы не увидим света, если он появится?!». Цюй Цюбо не сразу разглядел источник света, не сразу нашел пути, ведущие к обновлению Китая, но, поняв, откуда льются лучи солнца, он всю жизнь посвятил борьбе за просвещение, пробуждение и спасение своего народа. Очень рано девизом его жизни стало — не ждать, а действовать. Но осознание того, как действовать, какой сфере знаний посвятить свою жизнь, свою судьбу, пришлось не сразу. Семейные беды, рано обрушившиеся на впечатлительного юношу, породили в нем желание к уходу из бренного мира. Он пытался найти утешение в чтении буддийских книг, под влиянием чего окружающий мир представляется ему призрачным, иллюзорным и в то же время поглощающим отдельную личность. Но полностью отрешиться от мира Цюй Цюбо не мог. Он чувствовал себя не отшельником, а духовным узником, в сердце которого созревало все сильнее и сильнее желание увидеть подлинный, реальный мир, познать смысл общественных процессов, найти связь между личностью и обществом. Мысли о семейных невзгодах, о личном несчастье и горе перерастают в размышления о судьбах всего китайского общества, о путях спасения страны и народа. Погружение в буддийские каноны рождало мысли о том, что именно подвижническая жизнь, следование примеру буддийских святых, отречение от всего мирского — идеальный путь, который сможет избавить от тоски, разочарования и раздражения, возникающих от сопереживания с социальными несправедливостями реальной действительности. Материнская неустойчивость вынудила поступить в Пекинский институт русского языка, где не требовалось платить за учебу. Но эту случайность можно назвать выбором судьбы. Занятия русским языком вылились в увлеченность русской литературой, а это в свою очередь облегчило возможность

ознакомления с идеями социализма, их восприятия, и политика, вначале не интересовавшая Цюй Цюбо, стала делом его жизни. Как общественный деятель он сформировался в 1919 г. в ходе движения «4 мая» 1919 г. В демонстрации протеста пекинских студентов против несправедливых решений Парижской мирной конференции, поправивших национальный суверенитет страны в угоду японским империалистам, Цюй Цюбо участвует как один из признанных вожakov студенчества. По его собственным словам, именно движение «4 мая» вывело его из одиночества, заставило задуматься над социальными и политическими вопросами. Вместе со своими друзьями Цюй Цюбо предпринимает издание журнала «Синьшэхой» («Новое общество»), на страницах которого публикуются его первые статьи. Слово «новое» было весьма популярным в Китае, и оно лучше других характеризовало социальную атмосферу тех лет. «Новая молодежь» назывался журнал, основанный Чэнь Дусю и под его руководством ставший знаменем борьбы за новую культуру, за обновление страны. К обновлению призывал и Цюй Цюбо в своих первых статьях. Вслед за Чэнь Дусю, Ху Ши и Ли Дачжао Цюй Цюбо требовал отказаться от старых моральных норм. При этом он считал, что недостаточно ограничиться нападками на старую мораль, звал к созданию новых этических норм, новой веры. Конкретное содержание новой морали, новой веры представлялось ему не вполне ясно, но важным было понимание того, что одними нападками на старое, без творческого создания нового проблему радикального преобразования Китая не решить. «Момент обновления Китая уже настал!» — восклицал Цюй Цюбо. По его словам, обновляется весь мир, и лишь Китай продолжает стареть, ему угрожает возврат к первобытному обществу, а потому весь народ должен напрячь все свои силы, чтобы догнать другие страны и вместе с ними пойти по пути демократии, равенства, улучшения жизни.

Иногда деятелей движения за новую культуру упрекают в том, что они проповедовали идеи буржуазной демократии. Но для них в ту пору, когда на повестке дня стоял вопрос о сокрушении феодальной идеологии, о борьбе с идеями монархии, деспотии, проблемы классовой сущности демократии не стояло. Для них важно было внедрить в создание китайской молодежи само понимание демократии как могучего рычага, способного перевернуть старый Китай. Надо иметь в виду и то, что, высоко оценивая преимущества западной политической демократии, они осуждали и критиковали пороки капиталистических экономических отношений. Только на основе признания демократии как неперменной политической основы социального обновления и экономического роста страны революционные деятели Китая Чэнь Дусю, Ли Дачжао и другие совершили переход к марксизму. Молодой Цюй Цюбо зачитывался в это время Пушкиным и Толстым, задумывался о связи между свободой личности и освобождением нации, и постепенно от гуманизма и демократизма русской литературы он совершил переход к социализму. Можно сказать, что чтение Л. Толстого подготовило его к восприятию К. Маркса. И русская литература, и социалистические идеи ставили перед Цюй Цюбо, стремившемуся к активному делу, вопрос, каким образом Китай может встать на путь, определенный уже тенденцией мирового развития, и как он сам может повлиять на изменение привычного течения времени, на ломку существующих порядков, в каком направлении и кем будут совершаться перемены.

Взгляды его тех лет, по словам самого Цюй Цюбо, были весьма туманными, но постепенно в них все больше и больше пробиваются идеи о наличии в Китае почвы для конфликта между трудящимися и капиталистами, между крестьянами и помещиками. Он жадно глотает информацию, поступающую из Советской России, которую он называет обетованной землей, откуда в Китай проникают лучи красного света. Ли Дачжао привлекает его к участию в

работе кружка по изучению марксизма, где обсуждались не только теоретические основы научного социализма, но и социальные и политические мероприятия Советской России. И когда Цюй Цюбо в октябре 1920 г. предложили ехать в Москву корреспондентом от пекинской газеты «Чэньбао», он с радостью согласился, ибо для него «Россия — первая в мире страна социалистической революции, центр мировой революции, связующее звено между восточной и западной культурой»². В этих словах хорошо выражена суть отношения Цюй Цюбо к Советскому Союзу. Изучение теории и практики социализма у него шло одновременно, параллельно с размышлениями о соотношении между восточной и западной культурой, между старыми традиционными духовными ценностями и новыми идейными течениями, пришедшими в Китай с Запада.

По мнению Цюй Цюбо, китайская интеллигенция в то время не разобралась с достаточной четкостью в сущности политических и социальных идей Запада, имела весьма смутное понятие о социализме, вела бесконечные споры о различии между культурами Востока и Запада. Цюй Цюбо, отправляясь в Советскую Россию, надеялся, ознакомившись с происходившими там преобразованиями, «испив живительной влаги культуры новой и старой России», внести свой вклад в понимание этих проблем, а тем самым и в дело национального и социального возрождения Китая. «Вопрос о взаимосвязях восточной и западной культур. — писал впоследствии Цюй Цюбо, — всегда одинаково стоял в России и в Китае. Поэтому мы, китайцы, должны во что бы то ни стало придерживаться того же курса, что и русские»³. К этому выводу его привела интенсивная жизнь в Советской России. Цели коммунизма и русской культуры, по мнению Цюй Цюбо, во многом совпадали.

Московский период явился весьма важным в формировании Цюй Цюбо как политического деятеля. Он был ненасытен в стремлении ознакомиться со всеми сторонами жизни Советской России. Цюй Цюбо бывал на партийных собраниях, посещал художественные музеи, ездил в Ясную Поляну, слушал В. И. Ленина, беседовал с А. В. Луначарским. В своих корреспонденциях он описывал и трудности, переживаемые советскими людьми, не приукрашивая того, что видел, — ни холода, ни голода, царивших в Красной столице. И в то же время он стремился передать тот пафос, тот энтузиазм, ту веру, с которой трудился народ революционной России. Его интересовало, как меняется психология людей, как новые обычаи вытесняют старые. Цюй Цюбо стремился понять связь между переменами в сознании отдельных людей и сдвигами в общественной психологии. В Москве он остро ощутил взаимосвязь между переменами в сознании отдельных людей и сдвигами в общественной психологии. В Москве он остро ощутил взаимозависимость между культурой и марксизмом, понял, что без просвещения и культурного воспитания ни пролетариат, ни крестьянство не смогут по-настоящему овладеть марксизмом. «Люди, не обладающие культурой, — писал он, — находятся вне политики. Они не способны воспринять марксистское учение». Надежды на воспитание рабочих и крестьян, привитие им основ культуры Цюй Цюбо возлагал на интеллигенцию и студенчество, которые должны в этом помочь китайскому пролетариату, так же как и в деле установления его связей с мировым пролетариатом.

В Москве в 1922 г. Цюй Цюбо вступил в ряды КПК, судьба которой отныне стала его судьбой.

В январе 1923 г. Цюй Цюбо по предложению Чэнь Дусю возвращается на родину и сразу же включается в теоретическую и практическую работу. Он избирается в состав ЦК КПК, назначается главным редактором журнала «Синьциншань» и «Цяньфэн», входит в редколлегию еженедельника «Сяндао». Еще находясь в Москве, Цюй Цюбо сочетал занятия общей теорией социализма с изучением китайского общества, стремясь понять проблемы социального

переустройства своей страны с позиций марксизма. Очутившись в Китае в разгар бурных политических событий, в центре которых стоял вопрос о преобразовании суньятсеновского Гоминьдана и об установлении сотрудничества между этой партией и КПК, Цюй Цюбо все свое время посвящает изучению социально-экономического положения страны, а также популяризации ленинских работ по проблемам революционного движения.

Перед китайскими коммунистами в то время стояли трудные задачи, и самая сложная из них — определить свое место в той политической борьбе, в том революционном процессе, начало которому положила Синьхайская революция. Казалось, что цели были ясны. Они логически вытекали из убеждения, что коммунистическая партия, будучи представителем и выразителем интересов пролетариата, должна все свои помыслы и усилия сосредоточить на том, чтобы совершить в Китае социалистическую революцию. У руководителей КПК, в том числе и у Цюй Цюбо, не было никаких сомнений в достижимости этой цели. Но как осуществить социалистическую революцию в стране, где преобладало крестьянство, а пролетариат составлял незначительную часть населения, да к тому же был малоопытен и неорганизован, — над этим вопросом задумывались и китайские коммунисты и представители Коминтерна, работавшие тогда в Китае. Надежды были на помощь мирового пролетариата, то есть практически на помощь Советской России. Анализируя политическую обстановку в Китае, соотношение классовых сил в стране, они пришли к правильному выводу о том, что, прежде чем перейти к социализму, Китай должен решить двоякую задачу — завоевание полной национальной независимости и объединение страны под демократической властью, то есть совершить национально-демократическую революцию. «...Конечная цель рабочего класса, — писал Цюй Цюбо, — социализм. Таким образом, с достижением высшего пика национальной революции весьма вероятно ее слияние с мировой революцией и непосредственный подход к социализму»⁴.

Активное участие в национальной революции было невозможно без сотрудничества с возглавляемой Сунь Ятсеном партией Гоминьдан, которая в 20-е гг. была единственной реальной политической силой, боровшейся против власти милитаристов. В руководстве КПК разгорелась дискуссия по вопросу о возможности совместных действий с Гоминьданом, притом на условиях вхождения в эту партию и признания ее программных установок своими. Благодаря настойчивым советам и рекомендациям Коминтерна, руководители КПК согласились установить единый фронт с Гоминьданом. Цюй Цюбо в этом вопросе стоял на правильных позициях, разделяя точку зрения Коминтерна. Признавая, что Гоминьдан только-только вступает на путь демократизма и что он не порвал с буржуазной идеологией, а социализм, о котором говорят лидеры Гоминьдана, есть не что иное, как государственный социализм, Цюй Цюбо тем не менее считал, что «отсутствие общих устремлений к социализму... не исключает единства воли в отношении демократической власти и республиканских порядков»⁵. Цюй Цюбо практически участвовал в работе по реорганизации Гоминьдана. Вместе с Чэнь Дусю и другими руководителями КПК Цюй Цюбо боролся за то, чтобы занять ведущие позиции в Гоминьдане, придать ей более революционный характер, усилить ее связи с народными массами. Как теоретик он постоянно выступал на страницах «Синьциннянь», «Цяньфэн» и «Сяндао» со статьями, в которых содержался анализ крестьянского вопроса, роли рабочего класса в революции. Цюй Цюбо подчеркивал важность вооруженных методов борьбы. Крестьянство он считал основной силой национальной революции, которая без активного участия крестьянских масс не сможет достичь успеха. Пролетариат он называл самым последовательным, самым решительным борцом революции. Он указывал,

что в «процессе развития национальной революции рабочий класс день ото дня занимает все более важное положение — вплоть до руководящей роли»⁷. Мысль о необходимости бороться за гегемонию пролетариата в национальной революции красной нитью пронизывает все статьи Цюй Цюбо 20-х гг. По мнению Цюй Цюбо, разделяемому многими теоретиками КПК, китайская буржуазия была слишком слаба, чтобы играть роль представителя интересов всей нации. Такую роль мог играть лишь пролетариат, что на практике означало усиление руководящей роли КПК в едином национальном фронте.

Статьи Цюй Цюбо тех лет страдают, как и выступления других теоретиков КПК, преувеличенной оценкой сил пролетариата и недооценкой роли национальной буржуазии. В то же время в его статьях делаются первые попытки дать марксистский анализ социальной структуры китайского общества, экономической и политической позиции крестьянства, рабочего класса, различных групп буржуазии, помещиков. Цюй Цюбо раскрывает в своих статьях и роль империалистических сил, показывает социальную опору их господства в Китае. Многие оценки и высказывания Цюй Цюбо сохраняют свое значение и сегодня, а содержащиеся в его статьях ошибочные положения о возможности установления гегемонии рабочего класса, смещение вопроса о классовых и национальных задачах революции, объясняются типичным для китайских коммунистов нетерпением, которым хотелось, чтобы заря социализма как можно скорее вошла над их Родиной.

Большой заслугой Цюй Цюбо в этот период является его работа по воспитанию революционных кадров. Китайские историки высоко оценивают его деятельность в Шанхайском университете, где он читал лекции по социологии, истории культуры, проблемам социализма. Лекции его пользовались большой популярностью у студенческой аудитории.

В эти годы Цюй Цюбо публикует немало полемических статей и заметок, обращенных против тех, кто пытался приостановить ширившееся влияние марксистских идей среди китайской молодежи. Среди этих публикаций выделяется статья «Национальная революция и дайцитаонизм», в которой Цюй Цюбо подверг обстоятельной критике взгляды Дай Цзитао, пытавшегося противопоставить три народных принципа Сунь Ятсена марксизму, доказать отсутствие в Китае почвы для пропаганды марксизма и деятельности КПК. Цюй Цюбо показал, что взгляды, проповедуемые Дай Цзитао, его нападки на коммунистов играют на руку врагам национальной революции. Вскрывая узконационалистическую сущность этих взглядов, Цюй Цюбо писал: «...У Дай Цзитао три народных принципа Сунь Ятсена превращаются в китайский империализм...»⁸.

Весной-летом 1927 г. в ходе китайской революции наступил драматический момент. Контрреволюционный переворот Чан Кайши, а затем полный разрыв сотрудничества между Гоминьданом и КПК привели к ликвидации единого фронта. Началась новая полоса в истории КПК и революционного движения в Китае. В августе 1927 г. Цюй Цюбо сменяет Чэнь Дусю на посту руководителя КПК. Сам Цюй Цюбо перед смертью назвал избрание его на пост руководителя КПК «историческим недоразумением», поскольку считал себя ни теоретически, ни практически не подготовленным к тому, чтобы играть роль вождя, да еще в тех сложных условиях. Но в то время выбор этот был предопределен. Среди руководителей КПК Цюй Цюбо отличался хорошим знанием марксистско-ленинской теории. Он сумел себя проявить и как организатор пролетарских стачек в Шанхае весной 1927 г. Он лучше других был знаком с опытом русской революции, к тому же мог общаться с представителями Коминтерна, не прибегая к услугам переводчика. Выбор был продиктован и тем, что именно Цюй Цюбо в наиболее резкой и открытой форме выступил против «правооппортунистиче-

ской» линии Чэнь Дусю и его сторонников. Оценка ошибок последнего как «правых» привела к тому, что в деятельности нового руководства КПК во главе с Цюй Цюбо возобладала идея о дальнейшем углублении и расширении революции путем организации вооруженных восстаний в городах и деревнях страны. В руководстве КПК и Коминтерна господствовало убеждение, что разрыв единого фронта не ослабил, а усилил ряды революции, поскольку КПК может отныне действовать как полностью самостоятельная политическая сила, без оглядки на Гоминьдан, не связывая себя тремя народными принципами Сунь Ятсена. Отсюда был сделан ошибочный вывод, что в Китае революция переживает новый подъем и потому активизация боевых действий пролетариата может обеспечить быстрый успех. Цюй Цюбо, как и другие коммунисты, жил надеждой на то, что вооруженные восстания — это единственно возможный путь одержания победы над Гоминьданом, а потому всякие сомнения в возможности этого, предложения о поисках иных методов революционной борьбы отвергались с порога. Цюй Цюбо отдавал много сил борьбе со всеми «скептиками» и «маловерами», отстаивая путь вооруженной борьбы как единственно правильный и возможный. Впоследствии он был раскритикован как представитель «слепого авантюризма», как выразитель левацких настроений. Надо учитывать, однако, что в то время в рядах КПК, партии, действовавшей в страшных условиях гоминьдановского террора, господство левацких настроений было делом естественным. Сторонники легальных методов политической деятельности покидали партию. Одни из них переходили в лагерь Гоминьдана, другие совсем уходили от политической деятельности. Оставались самые стойкие, самые решительные, готовые на любые жертвы ради победы революции, и именно выразителем их взглядов и настроений стал Цюй Цюбо. Надо учитывать и то, что левацкий подход к проблемам революции был характерен и для представителей Коминтерна, которые подталкивали своих китайских товарищей на решительные действия. Лозунг установления в Китае власти Советов воспринимался как свидетельство повышения уровня революции. В конечном счете осуществление этого лозунга привело к созданию в сельских районах Китая советских районов, Красной Армии, которая на протяжении десятилетий вела ожесточенную борьбу против Гоминьдана.

В 1928 г. под Москвой состоялся VI съезд КПК, на котором Цюй Цюбо выступил с докладом об итогах революции и задачах партии на новом этапе. Соглашаясь с тем, что революция в Китае носит буржуазно-демократический характер, он вместе с тем отстаивал тезис о возможности ее перерастания в социалистическую. Характерно, что сходной позиции придерживались многие делегаты съезда. Общим заблуждением было мнение о контрреволюционной сущности национальной буржуазии и признание в качестве революционных классов лишь пролетариата и крестьянства. Такие оценки определили политическую тактику и стратегию КПК вплоть до начала японской агрессии в Китае. В современной китайской историографии признаются ошибки и недостатки VI съезда КПК, но вместе с тем отмечается, что было бы несправедливым возлагать вину и ответственность за эти ошибки на Цюй Цюбо и других руководителей VI съезда. «Они поднялись в суровое время, когда революция потерпела неудачу, и взяли на себя тяжелое историческое бремя. Они были в первых рядах деятелей той эпохи и продвинули дело революции вперед. В исключительно трудных условиях они вели свои поиски, и их великие заслуги нельзя игнорировать», — пишет китайский историк Цзинь Чунцзи⁸. С этим мнением нельзя не согласиться. Теоретическое осмысление проблем китайской революции продолжалось и после VI съезда. В дискуссиях с товарищами по партии Цюй Цюбо приходит к выводам о том, что китайская революция — это не социалистическая революция пролетариата, а рабоче-крестьянская революция под руковод-

ством пролетариата и что Советы в Китае — это органы не диктатуры пролетариата, а рабоче-крестьянской и солдатской власти.

В начале 30-х гг. Цюй Цюбо начинает заново осмысливать путь, пройденный Компартией Китая, по-новому подходить к проблемам китайской революции, но в 1931 г. за примиренческое отношение к авантюристическому курсу Ли Лисаня его выводят из Политбюро ЦК КПК. Цюй Цюбо признал и свою вину за ошибочные и вредные левачьки лозунги Ли Лисаня. Некоторые китайские историки склонны усматривать основную причину смещения Цюй Цюбо в позиции представителя Коминтерна Мифа и Ван Мина, который занимал руководящее положение в КПК. Как бы то ни было, Цюй Цюбо был отстранен от политической деятельности и последние годы своей жизни занимался проблемами культуры и литературы. В эти годы он сближается с Лу Синем и вместе с ним борется против левачького, псевдореволюционного подхода к литературному творчеству. Он переводит на китайский язык марксистские работы по проблемам культуры, знакомит китайского читателя с произведениями русских и советских писателей. Для него литература всегда оставалась важным средством преобразования общества, поэтому борьбу в области литературы и искусства он рассматривал как важную часть общеполитической борьбы. Марксистские взгляды на проблемы литературы и искусства Цюй Цюбо излагал и теоретически развивал с учетом национальной специфики Китая. Трезвый и здравый подход Цюй Цюбо и Лу Синя к вопросам содержания и формы китайской революционной литературы, их призывы придерживаться принципов реализма в изображении действительности, не превращать произведения литературы в своды звонких псевдореволюционных лозунгов подвергались резким нападкам со стороны левачьки настроенных ревизителей чисто-пролетарского искусства. Цюй Цюбо, как и Лу Синя, обвиняли в оппортунизме, в отходе от классовых позиций и других грехах. Жизнь, однако, доказала правоту взглядов Лу Синя и Цюй Цюбо, заслуги которых в развитии новой культуры Китая ныне общепризнанны.

В январе 1934 г. Цюй Цюбо переехал из Шанхая в Центральный советский район, где ранее был избран народным комиссаром просвещения. На его плечи пала обязанность организовать и наладить работу школ, культурных организаций и театральных групп в суровых условиях революционной войны.

Осенью 1934 г. Красная Армия начала свой великий поход на Север. Большой Цюй Цюбо был оставлен в горной деревушке, а в феврале 1935 г. он был арестован гоминьдановцами. Посудами и угрозами его пытались заставить отречься от Компартии, перейти на сторону Гоминьдана. Но, находясь в тюрьме, Цюй Цюбо проявил себя как стойкий, негнбимый боец. Он не смалодушничал перед лицом своих палачей. В своем прощальном слове «Лишние слова» он сурово казнил себя, но не отрекся от того дела, которому отдал всю свою жизнь. Когда его повели на расстрел, он пел «Интернационал», переведенный на китайский язык им самим.

Заслуги Цюй Цюбо перед китайской революцией огромны. Их изучение ведется сегодня в Китае на широкой основе. Говоря о его вкладе в разработку теоретических основ китайской революции, историк Дин Шоухэ пишет, что Цюй Цюбо постоянно подчеркивал необходимость соединения марксистско-ленинской теории с практикой китайской революции, что он первым в Китае выдвинул идею гегемонии пролетариата в демократической революции, был одним из первых, кто обратил внимание на важность крестьянского вопроса. Ему же принадлежит первенство в постановке вопроса о роли вооруженной борьбы в революции. Дин Шоухэ указывает, что Цюй Цюбо сделал немало и для пропаганды философии марксизма в Китае, особенно диалектического и исторического материализма. Пропагандируя марксистскую теорию, Цюй Цюбо особенно под-

черкивал значение практики как критерия установления истины⁹.

Автор книги «Биография Цюй Цюбо» Чэнь Тецзян пишет: «Короткая жизнь Цюй Цюбо была волшебной богатой. Он, болея туберкулезом, смог в течение десяти лет, одновременно с выполнением трудной и сложной работы по руководству партией, написать более 800 статей, брошюр и переводов общим объемом около 5 млн. иероглифов. Чистота его духовных качеств, благородство и безупречность его человеческого характера ставят его на вершину нашей эпохи»¹⁰.

Честь и достоинство этого пламенного революционера, память о котором пытались предать забвению и осквернению, ныне полностью восстановлены. Дела его справедливо отмечаются в истории революционного движения, а теоретические труды составили неотъемлемую часть истории общественно-политической мысли XX в.

¹ Цюй Цюбо. Публицистика разных лет. Пер. с кит. М., 1979, с. 16.

² Там же, с. 37.

³ Там же, с. 105.

⁴ Там же, с. 226.

⁵ См.: Л. Н. Дельсина, А. С. Костяева. Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985, с. 26.

⁶ Цюй Цюбо. Указ. соч., с. 226.

⁷ Там же, с. 241.

⁸ «Цзиньдайши яньцзю», 1988, № 3, с. 178.

⁹ См.: Дин Шоухэ. Изучение взглядов Цюй Цюбо. (Цюй Цюбо сичеи яньцзю). Чэнду, 1985, с. 3–7.

¹⁰ Чэнь Тецзян. Биография Цюй Цюбо (Цюй Цюбо чжуань). Шанхай, 1986, с. 537.

Разящее копьё Лао Шэ

СУН ЮНЬИ

В Советском Союзе гораздо раньше, чем в Европе и Америке, обратили внимание на творчество Лао Шэ, одного из самых оригинальных китайских писателей XX в. В начале 30-х гг., когда он только вступал в пору творческой зрелости, о нем уже писали как о замечательном юмористе. Разумеется, это была еще далеко не полная оценка писателя. В 40-е гг., когда Советский Союз и Китай сообща боролись против немецкого и японского фашизма, Лао Шэ фактически возглавлял работу Всекитайской ассоциации деятелей литературы и искусства по отпору врагу. Тогда его начали переводить на русский язык, причем он предстал перед читателями сначала как писатель революционного направления, точнее, даже как «боец революционного фронта литературы и искусства». В 1944 г. был переведен рассказ Лао Шэ «Сердца людей едины», который переводчица Л. Д. Позднешева озаглавила «В захваченном городе»¹. Известно, что это не самый удачный рассказ писателя — даже из произведений военной поры. Однако в нем с необычайной силой выражена единая воля народа к победе над японскими оккупантами. А это было главным в условиях военной обстановки, что, естественно, не могло не влиять на отбор переводимых произведений. Это сказалось также и в направлении первых исследовательских статей о Лао Шэ (В. Рудмана², А. Стронг³, О. Фишман⁴), которые подчеркивали патриотическое и прогрессивное значение творчества писателя.

Советское лаошэведение успешно развивалось в 50-е гг. Этому способствовали тесные политические и культурные контакты двух стран. Писатель всегда с большой симпатией относился к Советскому Союзу, где неоднократно бывал. Так, в 1957 г. он приезжал на празднование сорокалетней годовщины Октябрьской революции, в 1959 г. присутствовал на открытии Третьего съезда советских писателей. Из-под его пера вышло более десятка статей о достижениях Страны Советов, о китайско-советской дружбе. Почти все они были переведены и опубликованы в центральных советских газетах и журналах. Рос интерес и к художественному творчеству писателя — сборники его рассказов публиковались в 1954 г. (составитель А. Тишков), в 1956 г. (составитель Н. Федоренко). Сборник «Последняя монета», составленный А. Файнгаром, вышел в 1965 г. Е. И. Рождественская перевела лучший роман Лао Шэ «Рикша», который довольно скоро вышел и на многих языках союзных республик. А вскоре был выпущен двухтомник, включивший не только рассказы, но и пьесы Лао Шэ 50-х гг. Все эти переводы стали бесценным материалом. По ним можно было не только судить о политических симпатиях и идейных взглядах писателя, но и о своеобразии его художественного дарования.

В это время о творчестве Лао Шэ пишут в книгах по истории китайской литературы Н. Федоренко, Л. Эйдли, В. Сорокин⁵. Почти все издания

---

¹ В январе этого года исполнилось 90 лет со дня рождения Лао Шэ. — Ред.

переводов снабжены предисловиями и послесловиями, где дается довольно подробный и обстоятельный анализ произведений. Кроме того, выходят статьи В. Семанова «Драматургия Лао Шэ»⁶, А. Антиповского «Ранние романы Лао Шэ»⁷ и его же автореферат кандидатской диссертации о раннем творчестве Лао Шэ (1926—1936).

Характерно, что в Китае в это время еще не появились сколь-нибудь значительные работы о Лао Шэ. С 1966 г. страна погрузилась в мрак «культурной революции», трагически погиб Лао Шэ, доведенный до самоубийства, и, естественно, ни о каких исследованиях не могло быть и речи. Более того, творчество писателя фальсифицировалось и искажалось. Но имя Лао Шэ уже шагнуло за пределы страны. Его стойкость и мужество во время событий 60-х гг. привлекли к нему дополнительное внимание в Советском Союзе. И если до этого из крупных прозаических произведений здесь был переведен только роман «Рикша», то с 1966 г. один за другим выходит целый ряд переводов: «День рождения Сяопо», «Записки о Кошачьем городе», «Развод», «Мудрец сказал», «Сказители», «Под пурпурными стягами». Примечательно и то, что в 1981 г. в добавление к прежним изданиям избранных произведений Лао Шэ выходит однотомник в серии «Мастера современной прозы», куда, помимо романов и повестей, вошла и часть его эссеистики. Таким образом, был накоплен богатейший материал для изучения наследия Лао Шэ.

Вершиной труда советских ученых стали две монографии о творчестве Лао Шэ и библиографический справочник И. Глаголевой. В книгах А. А. Антиповского «Раннее творчество Лао Шэ» и О. П. Болотиной «Лао Шэ. Творчество военных лет» рассматривается творческий путь писателя от первого романа «Философия почтенного Чжана» до трилогии «Четыре поколения одной семьи» — с 1926 по 1949 г. В Китае тогда еще не было подобных крупных исследовательских работ.

Помимо этих монографий, с середины 60-х гг. о китайском писателе было опубликовано в СССР около шестидесяти статей. В последние годы отмечается новое оживление интереса к творчеству Лао Шэ. Нормализация отношений между СССР и КНР способствует сближению ученых наших стран. В марте 1986 г. советские лаошэведы А. Антиповский, О. Болотина, Н. Спешнев приняли участие в научной конференции о творчестве Лао Шэ, прошедшей в Пекине. В 1986—1987 гг. в Китае побывал профессор МГУ В. Семанов. Он сообщил, что заканчивает работу над книгой «В зеркале сатиры и юмора», посвященной сатирическим произведениям Лао Шэ.

Различия подхода к творчеству Лао Шэ в Советском Союзе и на родине писателя особенно ярко выразились в оценке романа «Записки о Кошачьем городе». Как уже отмечалось, в Китае это произведение долгое время не принималось, считалось «политически ошибочным». Думаю, причина кроется в чрезмерно болезненном отношении китайцев к национальной сатире. Традиционно мировосприятию китайцев был присущ эгоцентризм и нежелание, как говорится, выносить сор из избы. Что касается славянских народов, в том числе и русского, то они никогда не боялись этого. Напротив, всегда были склонны к самокритике и даже самобичеванию. Так, великие критики XIX в. Белинский, Чернышевский и Добролюбов часто обличали национальные пороки. Ленин и другие теоретики пролетарского движения ценили их суровый критицизм. Поэтому представляется совершенно закономерным, что советские ученые еще в 60-е гг. не приняли нашей негативной оценки сатирического романа Лао Шэ. В предисловии к русскому переводу В. Семанов писал: «Рисуя такую фантастическую страну, Лао Шэ устами рассказчика беспощадно высмеял государственные учреждения, армию, систему хозяйства и образова-

ния, схоластическую науку, официальное искусство старого Китая, — к сожалению, весьма живучие и влиятельные. Иногда писатель не доволен и пассивным, закосневшим в своей темноте народом, как бывало у Шедрина, Чехова, Франса, Лу Синя, но сочувствие народу, вера в него проявляются даже более открыто, чем у классиков»⁶. Многие исследователи писали, что ситуации, обрисованные в романе, перекликаются с явлениями разразившейся позже «культурной революции». Так, Н. Федоренко заметил: «Писатель-сатирик стал писателем-пророком»⁷. Об этом писали и А. Желуховцев с В. Семановым в статье «Кара за предвидение»⁸. Б. Рифтин, также отмечая «великую силу предвидения» Лао Шэ, сравнивал описанные в «Записках» невежество в экономике, пренебрежение просвещением, идолопоклонство и начетничество с авантюристическим «большим скачком», «культурной революцией» и культом личности в КНР¹¹.

Хотя Лао Шэ, разумеется, не мог «предсказать» хаос «культурной революции», однако в ряде произведений, и особенно громко в романах «Мудрец сказал» и «Записки о Кошачьем городе», он горько и с тревогой говорил о тех, кто, прикрываясь «революционной» фразой, призывал к погрому в духе феодальных смут. Заслуга советских китаеведов в том, что они раскрыли, с какой остротой писатель ощущал опасность подобного рода пережитков феодального сознания. Это свидетельствует об эстетическом чутье и безошибочности теоретических построений советских ученых.

За последние десять лет советское китаеведение превратилось в солидную школу со своим стилем исследований, оно часто выдвигает оригинальные идеи, вступает в полемику с западными и китайскими критиками. Например, В. Семанов в рецензии¹² на довольно авторитетную в синологии монографию З. Слупского «Эволюция современного китайского писателя» (Прага, 1966) подверг сомнению его трактовку романа «Записки о Кошачьем городе» как выражение исторического пессимизма автора. Он не согласился также с оценкой ранних романов Лао Шэ как чисто развлекательных¹³.

В монографиях А. Антиповского и О. Болотиной тоже оспариваются и опровергаются некоторые взгляды западных и китайских ученых, порой не принимаются на веру излишне самокритичные оценки самого Лао Шэ. Размышляя о значении образа Ма Вэя из романа «Отец и сын Ма», А. Антиповский не соглашается с мнением автора и китайского литературоведа Ван Яо, назвавшими его «схематичным»¹⁴. О. Болотина в своей монографии указывает на недостаточную изученность китайскими историками литературы Ван Яо, Е Дингьи, Лю Шоусуном военного периода творчества Лао Шэ, а также вступает в полемику с западными критиками по поводу анализа трилогии «Четыре поколения одной семьи»¹⁵. Отмечу, что китайским исследователям явно недостает полемического духа и самостоятельности суждений, свойственных советским ученым.

Отличительной чертой советских исследований я бы назвал и постоянное стремление сопоставлять творчество Лао Шэ с произведениями отечественной и европейской литературы. Ярким примером может служить статья В. Семанова «Некоторые европейские соответствия в «Записках о Кошачьем городе» Лао Шэ», где автор подробно анализирует сходство и различия романа Лао Шэ с романами Уэллса «Первые люди на луне», Шедрина «История одного города» и Франса «Остров пингвинов». Он пишет, что Уэллс и Франс говорили смелые, разрушительные вещи по отношению к современному обществу, но их соотечественники «давно привыкли к сатире», а для Шедрина или Лао Шэ прикрытие было необходимо, китайцы, например, не привыкли понастоящему к сатире до сих пор¹⁶. Автор статьи учитывает не только национальную специфику образов, но и черты, связанные с проявлением инди-

видуальности писателя. Так, отмечается, что в мягкости главного героя «Записок» «несомненно отразилась личность самого Лао Шэ — гуманного, незлобивого во своей натуре человека»¹⁷.

Очень часто сопоставления китайской с русской или западной литературой без развернутой характеристики, ограниченные лишь ссылками и краткими сравнениями, все же расширяют горизонты исследования. А. Антиповский сравнивает произведения и героев Лао Шэ с персонажами Гоголя, Чехова, Горького, Куринова, отмечает черты влияния английской литературы на Лао Шэ — например, известное сходство романов «Философия почтенного Чжана» и «Гяжелые времена» Диккенса¹⁸.

Многие советские китаисты, изучающие китайскую классическую литературу, в своих статьях о современных авторах отмечают их глубокую взаимосвязь с традиционной словесностью. Например, Б. Рифтин показал, что сатирический и фантастический роман «Записки о Кошачьем городе» продолжает традиции классических памятников: «Путешествия на Запад» У Чэньэня (XVI в.), его «Продолжения», написанного в XVII веке Дун Шо, а также знаменитых «Цветов в зеркале» Ли Жучжэня (XIX в.)¹⁹. В свою очередь А. Антиповский и В. Семанов отмечали переключку повести «День рождения Сяопо» с китайскими сказками о царе обезьян Сунь Укуне. Они обратили внимание на то, что в названии романа «Мудрец сказал...» использован традиционный зачин древних философских трактатов: «Мудрец Кун сказал...» и т. п. Примечательно, что эти особенности советские исследователи заметили раньше китайских.

Говоря о заслугах и успехах советского лаошэведения, я бы хотел остановиться и на некоторых недостатках. Одним из них, на мой взгляд, является малое количество обобщающих теоретических работ о Лао Шэ. Большинство из них, как правило, посвящены анализу отдельных произведений или носят эссеистический характер. Порой в подобных статьях высказываются весьма глубокие мысли, но они не подкрепляются развернутой аргументацией. Почти половина всех работ — это воспоминания о писателе, краткие заметки либо предисловия и послесловия к переводам его произведений. В статьях же описания преобладают над анализом.

Бывает так, что меткая глубокая идея высказывается не в теоретической статье, а в эссеистической заметке. Так произошло, например, с романом «Мудрец сказал...». Известно, что на родине писателя он долгое время ставился под сомнение, считалось, что в нем автор высмеивает роль студенчества в движении «4 мая». М. Шнейдер опроверг это мнение, показав, что роман рисует, «откуда брались и как формировались разные типы чиновников — взяточников и казнокрадов, которые заселили впоследствии многие произведения писателя, в том числе и его роман «Развод»²⁰. Исследователь подчеркнул, что «Лао Шэ беспощаден ко всем этим «вечным студентам», к той среде, из которой произрастают будущие продажные чиновники — плоть от плоти, кровь от крови реакционного чанкайшистского режима, его основа, опора и надежда»²¹. Подобная трактовка романа и по сей день является наиболее убедительной, причем, как отметил М. Шнейдер, была подтверждена и самим автором. Но, к сожалению, она появилась в предисловии к русскому изданию романа всего лишь как беглое замечание, не развернутое, не подкрепленное доказательствами.

Несколько слов о методике и приемах исследований. В монографиях А. Антиповского и О. Болотинной рассматривается все творчество Лао Шэ до 1949 г., но эти работы строятся как сумма анализов отдельных произведений писателя — это видно даже из оглавлений книг. Таким образом, монографии больше напоминают критико-биографические очерки, в них недостает

широты взгляда, обобщающего анализа. Ведь творческая жизнь писателя, взятая в совокупности, — это сложное органическое целое. Определить и суммировать особенности отдельных частей еще не значит постигнуть целое. Важно раскрыть его внутренние силы, своеобразие художественных средств и способов выражения. Лао Шэ — выдающийся мастер слова, поэтому изучение таких литературоведческих проблем, как образная система, своеобразие языка и стили, влияние западной литературы, надо поднимать на уровень более широкого обобщения. К сожалению, обе монографии, посвященные довольно большим периодам творчества писателя, оказались скованы методом анализа отдельного произведения.

Еще до того, как в китайском литературоведении было определено место Лао Шэ в истории современной литературы, советские китаеведы сделали немало важнейших выводов, правильность которых окончательно подтвердится временем. Например, В. Сорокин писал о Лао Шэ: «Долгое время числившийся юмористом и бытописателем, бесспорно талантливым, но недостаточно «идейным», сейчас он по праву занял одно из первых мест в истории китайской литературы XX в., как глубокий выразитель существеннейших сторон жизни Китая и национального характера своего народа, как убежденный борец за демократию, за социалистическое будущее страны»²². О значении Лао Шэ писал и В. Семанов, подчеркивая, что он был замечательным лириком и психологом. В этом отношении он стоит рядом с Лу Синем, а как юморист и сатирик иногда даже поднимается над ним. Эти глубокие мысли могли стать отправной точкой широкого исследования, но, к сожалению, они оборваны, не подкреплены конкретными примерами и сравнениями, хотя бы на материале новейшей китайской литературы.

В статьях советских китаеведов нельзя не отметить некоторую узость подхода и однообразие методов исследования, которые особенно заметны в сравнении с бурным развитием методов изучения литературы и искусства в других странах. В работах советских ученых произведения оцениваются, как правило, с социально-политической точки зрения, а приемы художественного анализа по большей части ограничиваются теми, что содержатся в труде Л. И. Тимофеева 50-х гг. «Основы теории литературы». Хотя советским исследователям удалось добиться немалых успехов, очень часто по причине злоупотребления социологическим анализом происходят досадные промахи. Например, у Антиповского находим следующие утверждения о раннем периоде творчества писателя: «...Лао Шэ стремится всесторонне раскрыть сущность буржуазных отношений в Китае, когда они тесно переплетались с остатками феодализма»²³. Или о финале романа «Отец и сын Ма»: «Уход Ма Вэя от отца символизирует его разрыв с феодализмом; с Ли Цзыжуном он порывает, убедившись в несостоятельности его программы в условиях буржуазного строя...»²⁴. Эти положения в чем-то и верны, но выглядят натяжками, поскольку автор слишком прямолинейно связывает художественные образы с категориями социально-классового анализа. Порой это приводит и к совершенно ошибочным выводам. Например, он пишет, что в романе «Отец и сын Ма» писатель воспеваает рабочих. Бесспорно, они помогли Лао Шэ увидеть новую историческую силу, способную решать национальные и социальные проблемы²⁵. На мой взгляд, в этом произведении писатель главным образом нацелен на критику пороков национального характера, которых не лишены и те бастующие рабочие, о которых идет речь в анализируемой сцене. Трактовать ее как гимн рабочим — значит явно выдавать желаемое за действительное.

Гораздо более разнообразны приемы исследования в монографии О. Бологиной, где особенно хороша глава, посвященная трилогии «Четыре

поколения одной семьи». В ней раскрываются особенности художественного времени и пространства, соотношение речи автора и персонажей²⁶. Исследовательница воспользовалась некоторыми приемами западного литературоведения, что позволило ей существенно расширить круг рассматриваемых вопросов. Очень жаль, что подобный анализ проводится только в отношении одного произведения и составляет ничтожный процент в советском лаошэведении. Думаю, что к творчеству Лао Шэ, которое является поистине энциклопедией жизни китайского общества XX в., совершенно недостаточно подходить только с литературоведческой или социально-политической точки зрения. Исследования могут вестись в самых разнообразных направлениях: культурологии, фольклористики, этнологии, психологии, городской психологии, психоанализа. Только при условии такого широкого многостороннего изучения писателя будет создан его живой и объемный портрет.

В заключение не могу не отметить и другой ощутимый недостаток советских исследований о Лао Шэ. Это слабое знакомство с последними работами китайских литературоведов в этой области. Нередко та «точка зрения китайских критиков», с которой полемизируют авторы статей, берется из трудов 50—60-х гг., которые в Китае, давно стали вчерашним днем. После осуждения «банды четырех» многие старые взгляды были пересмотрены, появились новые работы о Лао Шэ, и очень жаль, что они остались вне поля зрения советских исследователей.

Перевод с кит. яз. З. Ю. АБДРАХМАНОВОЙ

Послесловие

Молодой шанхайский литературовед Сун Юньи справедливо говорит об исследовании у нас творчества Лао Шэ как о сложившейся школе советской китаистики — со своими традициями и солидным стажем почти в полвека. Автор статьи проделал немалую работу, кропотливо изучив большинство материалов, вышедших у нас о писателе. Будучи лично знаком со многими ведущими лаошэведами, он осведомлен и о том, что готовится к публикации. Его статья одновременно обзорна и аналитична, в ней прослеживается, как постепенно, от первого рассказа до грандиозной эпопеи «Четыре поколения одной семьи», Лао Шэ входит в круг нашего чтения и научных изысканий²⁷.

Автор статьи подчеркнул большой вклад советских исследований в освоение творчества писателя-классика, отметив их новаторский характер. Он показал, что наши ученые первыми раскрыли подлинное значение многих произведений Лао Шэ в то время, когда они третировались и неверно толковались в западной синологии и на родине писателя. Благодаря их усилиям был найден ключ к адекватному прочтению таких замечательных и необычных для современной китайской литературы творений, как сатирическая повесть гротеск «Мудрец сказал...», роман антиутопия «Записки о Кошачьем городе» и др.

Среди важных направлений советских исследований Сун Юньи с полным основанием назвал сравнительное литературоведение. Своеобразие художественной личности Лао Шэ проступает еще ярче, когда его произведения сопоставляются с традицией национальной словесности или с литературами других стран. Такого рода параллели весьма плодотворны, что хорошо видно на примере статей Д. Воскресенского, Б. Рифтина, В. Семанова и др.

Статья китайского литературоведа отнюдь не комплиментарна. Будучи сам знатоком Лао Шэ и автором интереснейших работ о нем, он не только воздает должное нашим достижениям, но и довольно критично судит о недостатках. Например, с полным основанием указывает на перехлесты социологического анализа в монографии А. Антиповского «Раннее творчество Лао Шэ», которые не раз отмечались и нашими китайцами. Книга А. Антиповского до сих пор остается единственной монографией о наиболее блистательном отрезке творческой жизни писателя, и именно по ней китайский критик во многом судит о советском лаошэведении в целом. Поэтому вдвойне обидно, что эту работу сильно портит социологизм вульгарного толка. Не исключено, что на автора монографии могли повлиять статьи китайских критиков 50—60-х гг., где используются те же методы, ставшие, по выражению Сун Юнъя, вчерашним днем. Правда, отмечу попутно, некоторые отголоски тех трудных лет порой прорываются и в высказываниях китайских исследователей 80-х гг. Например, в одном из выступлений на Шаньдунской конференции по изучению творчества Лао Шэ (1982) отмечалось, что Лао Шэ, решительно выступавший в 60-е гг. против так называемой «лозунговой» литературы, был в то же время приверженцем литературы типа «дневников Лэй Фэна»²⁸. Это утверждение звучит довольно странно, поскольку речь идет о явлениях одного порядка.

Не всегда критические стрелы Сун Юнъя попадают в цель. Думаю, это происходит потому, что, оценивая работы советских лаошэведов, он — видимо, бессознательно — подходит к ним с теми же мерками, что и к отечественному литературоведению, забывая о том немаловажном нюансе, что здесь изучается творчество иностранного писателя. Например, Сун Юнъя сетует, что большая часть работ о Лао Шэ у нас, носит описательный характер. В. Семанов, отвечая китайскому критику, метко заметил, что, когда разговор идет о писателе иностранном, прежде чем анализировать произведение, необходимо дать о нем общее представление²⁹. Некоторые эссе, статьи и предисловия носят преимущественно популяризаторский характер, другие — как «Сатирик, юморист, психолог» В. Семанова, «Слово о Лао Шэ» М. Шнейдера — содержат важные теоретические положения. Другое дело — монографии, здесь, разумеется, чистое описание не должно подавлять или подменять аналитической работы.

В советском лаошэведении сложилось так, что творчество писателя исследовалось последовательно от одного периода к другому. В добавление к монографиям А. Антиповского и О. Бологиной в 1987 г. появилась диссертация З. Абдрахмановой о последнем этапе творчества Лао Шэ — с 1949 по 1966 г., — где, кстати, учтена большая часть новых работ о писателе, вышедших в КНР в 80-е гг. Думаю, творчество писателя вполне закономерно и естественно воспринимается прежде всего как совокупность конкретных произведений, каждое из которых анализируется как самостоятельное художественное целое и как часть определенного творческого этапа. Минуя этот анализ конкретных произведений, вряд ли возможно делать какие-либо общие утверждения о закономерностях и своеобразии творческого мира писателя, не рискуя быть голословным или попасть пальцем в небо. Видимо, работы обобщающего характера должны стать следующим шагом на пути наших исследований.

Что касается приемов и методов исследований, то картина, обрисованная в статье китайского автора, представляется мне далеко не полной. Помимо литературоведческих работ, у нас вышли статьи Н. Спешнева о фольклоре в творчестве Лао Шэ, любопытные исследования на стыке этнографии, лингвистики и психологии Ю. Сорокина и др. Едва ли справедливо утверждение

о том, что некоторые приемы анализа заимствованы из работ современных западных специалистов. Хотя нельзя не согласиться, что задача расширения и обогащения способов изучения произведений литературы насущна и актуальна.

З. Ю. АБДРАХМАНОВА,
кандидат филологических наук

- ¹ См.: Китайские рассказы. М., 1944, с. 28—37.
- ² В. Рудман. Антиапонская литература Китая.— «Знамя», 1938, № 2.
- ³ А.-П. Стронг. Китайская литература, обновленная войной.— «Интернациональная литература», 1938, № 7.
- ⁴ О. Фишман. Новейшая китайская литература как отражение борьбы демократических и реакционных сил.— «Вестник ЛГУ», 1948, № 8.
- ⁵ См.: Н. Федоренко. Китайская литература: Очерки по истории китайской литературы. М., 1956, с. 591—615; В. Сорокин, Л. Эйдлин. Китайская литература. Краткий очерк. М., 1962, с. 174, 196, 200, 235.
- ⁶ См.: В. И. Семанов. Драматургия Лао Шэ.— Писатели стран народной демократии. Вып. 4. М., 1960, с. 5—76.
- ⁷ См.: А. А. Антиповский. Ранние романы Лао Шэ.— В сб.: Вопросы китайской филологии. М., 1963, с. 24—59.
- ⁸ Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе. М., 1969, с. 5—6.
- ⁹ См.: Мастера современной прозы. Лао Шэ. М., 1981, с. 6.
- ¹⁰ См.: А. Н. Желоховцев, В. И. Семанов. Кара за предвидение.— «Комсомольская правда», 9.VII.1969.
- ¹¹ Лао Шэ. Серп луны. Предисловие Б. Л. Рифтина. Киев, 1979.
- ¹² Среди других полемических откликов на монографию З. Слупского см. рецензию А. Антиповского в журнале «Народы Азии и Африки», 1969, № 1, с. 212—214; а также реферат книги бенгальского китаеведа Р. Вохра «Лао Шэ и китайская революция», выполненный И. Смирновым («Общественные науки за рубежом»). РЖ. Сер. 7, 1977, № 6).
- ¹³ См.: «ARCHIV ORIENTALNI», 1968, № 38, с. 523.
- ¹⁴ См.: А. А. Антиповский. Раннее творчество Лао Шэ. М., 1967, с. 87.
- ¹⁵ См.: О. П. Болотина. Лао Шэ. Творчество военных лет, 1937—1949. М., 1983, с. 8.
- ¹⁶ См.: В. Семанов. Некоторые европейские соответствия в «Записках о Кошачьем городе» Лао Шэ.— В кн.: Интернациональное и национальное в литературах Востока. М., 1972, с. 155.
- ¹⁷ Там же, с. 157.
- ¹⁸ А. А. Антиповский. Раннее творчество Лао Шэ, с. 38—39.
- ¹⁹ Лао Шэ. Серп луны. Предисловие Б. Л. Рифтина. Киев, 1979.
- ²⁰ М. Шнейдер. Слово о Лао Шэ.— В кн.: Осень в горах. Восточный альманах. Вып. 7. М., 1979, с. 94.
- ²¹ Там же, с. 95.
- ²² Писатели зарубежных стран. Лао Шэ. Библиографический указатель. Предисловие В. Сорокина. М., 1983, с. 5.
- ²³ А. А. Антиповский. Раннее творчество Лао Шэ, с. 19.
- ²⁴ Там же, с. 86.
- ²⁵ См. там же, с. 89.
- ²⁶ О. П. Болотина. Указ. соч., с. 185—186, 200—207.
- ²⁷ В конце прошлого года в Шанхае вышла монография Сун Юньи «Лао Шэ и воззрения китайцев на культуру». Книга отличается от других работ об этом писателе тем, что, как сказано в издательском введении, это первое в Китае теоретическое исследование о Лао Шэ. Впервые творчество крупнейшего китайского прозаика рассматривается как феномен китайской культуры в сопоставлении с культурой Запада. Автор широко использует опыт сравнительного литературоведения, обращаясь одновременно к психологии, социологии, этнографии и фольклору. Сун Юньи предпринял интересную попытку изучить творчество Лао Шэ, используя методику различных общественных наук.
- Особое приращение в книге Сун Юньи посвящено изучению творчества Лао Шэ в Советском Союзе. Это расширенный вариант публикуемой в этом номере его статьи на эту же тему.
- ²⁸ Моу Гошэн. Луны Лао Шэ чуанцзо дя дачжунхуа даолю (О стремлении Лао Шэ к творчеству, доступному массам).— «Вэй ши чжэ», 1982, № 4, с. 41.
- ²⁹ Письмо от 28.II.1988.

Сунь Ефан — видный теоретик- экономист

О. Н. БОРОХ
кандидат экономических наук

В течение последнего десятилетия в КНР сохраняется устойчивый интерес к научным трудам и личности известного китайского экономиста Сунь Ефана (1908—1983). Судьба ученого складывалась под влиянием бурных событий XX в. В 20-е гг. Сунь Ефан участвовал в молодежном движении, в 1924 г. вступил в КПК, в 1925—1930 гг. находился в Москве, учился и работал в университете им. Сунь Ятсена; возвратившись в Китай, занимался обследованием китайской деревни и преподавательской деятельностью. После образования КНР работал в экономических и статистических ведомствах, директором НИИ экономики АН СССР. В период «культурной революции» подвергся репрессиям и был заключен в тюрьму, где находился до 1975 г. После устранения «банды четырех» занял пост почетного директора, советника НИИ экономики АОН Китая, в 1982 г. удостоен звания «образцового коммуниста».

Когда после реабилитации Сунь Ефана спросили, как ему удалось выстоять, ученый ответил: «Политическая экономия спасла мне жизнь»¹. В этих словах он выразил смысл своей научной деятельности. В истории китайской экономической мысли Сунь Ефану принадлежит особое место, поскольку он создал относительно целостную теорию социалистической экономики, исследовал законы и категории политэкономии. Его практические рекомендации по перестройке хозяйственного механизма были учтены при разработке важнейших партийно-государственных документов.

После смерти Сунь Ефана в КНР были опубликованы черновики его главного труда — «Теории социалистической экономики»², написанию которого Сунь Ефан посвятил 25 лет жизни³, сборник его работ о теории обращения⁴, в серии «Современные китайские экономисты» изданы «Избранные сочинения Сунь Ефана»⁵. В центральной партийной печати, журналах экономического профиля появились многочисленные статьи, посвященные исследованию теоретических представлений Сунь Ефана и его практических предложений⁶. Известным китайским ученым Дун Фужэном написана монография «О теории социалистической экономики Сунь Ефана», в которой прослеживалась история формирования взглядов ученого⁷. В сентябре 1983 г. в городе Уси состоялся специальный симпозиум по изучению наследия Сунь Ефана⁸.

Интерес к идеям Сунь Ефана связан с тем, что ученым был поднят широкий круг проблем, которые и сегодня являются в КНР предметом острых дискуссий. Современные китайские экономисты обращаются прежде всего к работам Сунь Ефана о законе стоимости, путях повышения эффективности общественного производства, роли показателя прибыли в социалистической эконо-

мике, необходимости технической реконструкции действующих предприятий, разграничении прав государства и предприятий в управлении.

Повышенное внимание к теории стоимости Сунь Ефана вполне понятно. Трактовка Сунь Ефаном категории «стоимость» и закона стоимости занимает центральное место в системе его взглядов, вопросы повышения эффективности проходят через эту систему «красной нитью»⁹; показатель прибыли, по образному выражению самого Сунь Ефана, является «носом коровы», за который следует потянуть, чтобы привести в движение всю китайскую экономику¹⁰. Именно за пропаганду закона стоимости и предложения использовать прибыль в качестве обобщающего показателя оценки хозяйственной деятельности предприятий в годы «культурной революции» Сунь Ефан был квалифицирован как «самый главный китайский ревизионист», «автор теории «прибыль — ведущая сила» и заключен в тюрьму¹¹. В последние годы поднятые Сунь Ефаном проблемы перестройки хозяйственного механизма приобрели особую актуальность в связи с проведением в Китае экономической реформы. В то же время разработанная Сунь Ефаном концепция производительных сил и производственных отношений привлекает значительно меньше внимания. На наш взгляд, это обстоятельство обусловлено рядом причин.

Во-первых, вопрос о содержании категорий производительных сил и производственных отношений по-прежнему остается в КНР дискуссионным¹², а трактовка Сунь Ефаном этих категорий оценивается китайскими авторами как «теоретическая проблема очень высокой степени абстракции», требующая дальнейшей разработки¹³.

Во-вторых, в статьях Сунь Ефана о производительных силах и производственных отношениях содержится наиболее глубокая критика экономических теорий Мао Цзэдуна. Хотя Сунь Ефан направлял критику не непосредственно против Мао Цзэдуна, а против Сталина, у которого Мао Цзэдун заимствовал определения производительных сил и производственных отношений, по сути дела, он осуждал теоретические установки Мао Цзэдуна и проводившуюся в КНР с конца 50-х гг. экономическую политику¹⁴. По нашему мнению, соображения политического характера, стремление отойти от открытого обсуждения вопроса об отношении к наследию Мао Цзэдуна серьезно ограничивали изучение в КНР взглядов Сунь Ефана по вопросу о производительных силах и производственных отношениях.

В последнее время потребность в теоретической разработке проблем производительных сил и производственных отношений приобрела в Китае особое значение, поскольку на XIII съезде КПК (октябрь 1987 г.) развитие производительных сил было названо «коренной задачей социалистического общества» и был сделан вывод о необходимости «реформы той части производственных отношений и надстройки, которая не соответствует развитию производительных сил»¹⁵. Анализ взглядов Сунь Ефана дает ключ к пониманию концепций производительных сил и производственных отношений, выдвигаемых сегодня, позволяет полнее раскрыть содержание китайских экономических дискуссий. В связи с тем, что проблемы взаимодействия производительных сил и производственных отношений, социалистической собственности относятся к числу наиболее актуальных вопросов стратегии и тактики перестройки в нашей стране, теоретический поиск, который ведется в КНР, представляет интерес и для советских исследователей. Кроме того, трактовка Сунь Ефаном данных категорий дает возможность углубить представления о теоретической системе ученого, о методологии его исследования, стиле научной работы.

Свое понимание категории производительных сил Сунь Ефан наиболее четко изложил в статье «Что такое производительные силы и дискуссии

вокруг определения производительных сил¹⁶ и в предисловии к изданному в 1980 г. сборнику статей известного ученого Пин Сиия¹⁷. Сосредоточив главное внимание на определении производительных сил, Сунь Ефан выступил против получившей распространение в КНР теории «двух факторов», согласно которой производительные силы включают в себя людей и средства труда. Сомнения относительно правомерности такого определения выражались в Китае в 60-е гг., в частности Пин Сином, который в период «культурной революции» как «ревизионистский элемент», сторонник теории «приоритета производительных сил» был подвергнут репрессиям и убит¹⁸. В противовес теории «двух факторов» производительных сил Сунь Ефан выдвинул теорию «трех факторов» и утверждал, что производительные силы состоят из целесообразной деятельности человека, предметов труда и средств труда. Для доказательства своей концепции Сунь Ефан привлек широкий круг высказываний основоположников марксизма. Ссылаясь на выдвинутое К. Марксом в пятой главе первого тома «Капитала» положение о том, что процесс труда состоит из самого труда, предмета труда и средств труда¹⁹, а также на работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»²⁰, Сунь Ефан указывал, что теория «трех факторов» производительных сил не только не противоречит марксизму, а, напротив, непосредственно вытекает из него. По мнению Сунь Ефана, анализ произведений Маркса и Энгельса свидетельствовал о несостоятельности теории «двух факторов» и о необходимости включения предмета труда в состав производительных сил.

Сунь Ефан подчеркивал, что исключение предмета труда из определения производительных сил было не просто теоретической ошибкой. По словам Сунь Ефана, это «важнейший практический вопрос современного экономического строительства в нашей стране, можно даже без преувеличения сказать, что это — вопрос, касающийся перспектив экономического развития всего человечества»²¹. Сунь Ефан указывал, что «горькие плоды» ошибочных представлений о производительных силах Китай в полной мере вкусил в годы «культурной революции», когда в результате недооценки решающей роли производительных сил экономика страны оказалась на грани катастрофы²². Вопрос о структуре производительных сил не потерял своей актуальности и с переходом к осуществлению программы «четырёх модернизаций», поскольку в этот период в Китае особенно обострилась проблема сырья и материалов. «На практике во многих случаях плохое качество сырья, его неполный ассортимент препятствуют динамичному развитию народного хозяйства, а теория «двух факторов» производительных сил затрудняет исследование сырьевой проблемы», — характеризовал сложившуюся ситуацию Сунь Ефан²³. По мнению ученого, дефицит материальных ресурсов, их нерациональное использование оказывали негативное воздействие на решение главной задачи современного этапа развития страны — повышение экономической эффективности.

Сунь Ефан считал, что теория «двух факторов» производительных сил несостоятельна также и потому, что не учитывает тех коренных изменений, которые происходят с предметом труда в эпоху промышленной революции. В письме выдающемуся китайскому физику Цянь Сюэсюю от 24 марта 1978 г. он писал: «Разве работа, проделанная учеными-естествоиспытателями, не является по своей сути сырьевой революцией, революцией в сфере предмета труда? Разве она не свидетельствует о глубокой ошибочности теории «двух факторов» производительных сил?»²⁴. С точки зрения Сунь Ефана, технический прогресс в эпоху НТР служит дополнительным аргументом в пользу теории «трех факторов» и доказывает ее практическую ценность.

Публикация статей Сунь Ефана по вопросу о производительных силах положила начало широким дискуссиям в экономических кругах КНР. В ходе обсуждения были высказаны различные мнения о структуре производительных сил. Некоторые авторы по-прежнему продолжали отстаивать теорию «двух факторов». Такой точки зрения придерживался, в частности, известный китайский ученый Юй Гуаньюань — вопрос об определении производительных сил был одним из 10 пунктов его разногласий с Сунь Ефаном²⁵. Другие вслед за Сунь Ефаном утверждали, что производительные силы состоят из трех факторов²⁶. Еще одна группа ученых, ссылаясь на достижения западной экономической мысли, прежде всего на работу английского экономиста А. Маршалла «Принципы политической экономии», включала в состав производительных сил четвертый фактор — организацию производства²⁷. Некоторые авторы (Вэй Синхуа, Ли Каймин, Сян Циюань, Юй Шаобо) выступали против попыток «втиснуть» производительные силы в неизменную модель двух или трех факторов» и выдвигали «многофакторную» теорию, включая в структуру производительных сил науку и технику, управление, культуру и образование, размещение производства²⁸. С 1981 г. многие экономисты стали пропагандировать «системную теорию производительных сил»²⁹. В итоге обсуждения проблема производительных сил стала в КНР предметом пристального изучения, развитие производительных сил стало рассматриваться в качестве первоочередной задачи экономического строительства. В ходе дискуссий возникло новое направление исследований — экономика производительных сил³⁰. Таким образом, полемика вокруг идей Сунь Ефана способствовала дальнейшему изучению в КНР вопроса о производительных силах.

Параллельно с пересмотром категории производительных сил Сунь Ефан внес изменения в трактовку производственных отношений.

Наиболее глубокий анализ категории производственных отношений содержался в статье Сунь Ефана «К вопросу о производственных отношениях — объекте изучения политической экономии», опубликованной в августе 1979 г. в журнале «Цзинцзи яньцзю»³¹. В статье была подвергнута критике данная Мао Цзэдуном трактовка категории производственных отношений. Сравнивая два определения — производственных отношений как совокупности производства, обмена и распределения, которое было дано Энгельсом в «Анти-Дюринге»³², и производственных отношений как совокупности собственности, взаимоотношений людей в процессе производства и способа распределения материальных благ³³, — Сунь Ефан указывал на два основных различия между ними: в первом определении отсутствует собственность, во втором — обмен. По мнению Сунь Ефана, рассмотрение собственности как независимого отношения, как одного из элементов в структуре производственных отношений являлось грубой теоретической ошибкой. Аргументируя свою позицию, Сунь Ефан цитировал высказывания Маркса, который, критикуя Прудона, писал, что «определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»³⁴, а, «определяя буржуазную собственность как независимое отношение, г-н Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает непонимание той связи, которая соединяет все формы буржуазного производства»³⁵. Ссылаясь на критику Марксом учения Прудона, Сунь Ефан делал вывод о том, что содержание собственности может быть понято только путем анализа всей системы производственных отношений. «Отвлекаясь от производственных отношений и рассматривая собственность изолированно, мы неизбежно впадем в метафизическую и юридическую иллюзию», — заключал Сунь Ефан³⁶.

В статье было осуждено получившее распространение в Китае исключительно правовое представление о собственности, понимание собственности как юридической принадлежности кому-либо средств производства³⁷. Сунь Ефан указывал, что рассмотрение собственности как правового отношения имело отрицательные практические последствия. Неправильная позиция в вопросе о собственности, заключавшаяся в том, что переход от одной ее формы к другой не связан с развитием производительных сил, нанесла серьезный ущерб экономике Китая. Задача переходного периода — проведение индустриализации страны и социалистического преобразования сельского хозяйства, рассчитанная на 15 лет, была формально решена в течение 5 лет. Чтобы «одним шагом вступить в коммунистический «рай»³⁸, в стране повсеместно насаждались народные коммуны, произвольно увеличивались масштабы обобществления, в то время как уровень развития производительных сил оставался прежним. В результате нарушения закона соответствия был нанесен вред производительным силам Китая.

Вторая теоретическая ошибка в трактовке производственных отношений заключалась, по мнению Сунь Ефана, в том, что из определения категории производственных отношений был исключен «обмен», который заменили «взаимоотношениями людей в процессе производства». В результате на практике распределение продуктов проводилось централизованно, а это вызвало отклонение предложения от спроса; отрицание эквивалентного обмена между промышленностью и сельским хозяйством привело к искусственному отклонению цен от стоимости, превращению цены в «зеркало смеха» по отношению к стоимости³⁹, была нарушена система хозрасчета на предприятиях; установление твердых цен на сельскохозяйственную продукцию снизило активность крестьянства. Все это обострило народнохозяйственные диспропорции и привело к замедлению темпов роста экономики. Таким образом, теоретический анализ Сунь Ефана способствовал формированию критического отношения к проводившейся в КНР политике ускоренного обобществления средств производства.

Статья Сунь Ефана вызвала широкий отклик в научных кругах КНР. На страницах журналов «Хунци», «Цзинци яньцзю», «Чжунго шэжунэ кэсюэ», «Сюэшу юэкань», «Цзинци кэсюэ» обсуждались такие проблемы, как структура производственных отношений, место собственности и обмена в их системе⁴⁰. Многие участники дискуссии (Линь Цзыли, Чжоу Шулянь, У Цзинлянь, Юй Шаобо) вслед за Сунь Ефаном выступили против истолкования Мао Цзэдуном категории производственных отношений и подвергли критике трактовку собственности как исключительно юридической категории⁴¹. Серьезное внимание в ходе обсуждения было уделено вопросу о том, какое влияние на практику экономического строительства оказало рассмотрение собственности в отрыве от всей системы производственных отношений. Часть авторов (Линь Цзыли, Чжоу Шулянь, У Цзинлянь), как и Сунь Ефан, делали акцент на ущербе, нанесенном народному хозяйству КНР ускоренной коммунизацией деревни⁴². Другие (Цзи Айдэн, Сюй Хайко, Цзи Юньфу) связывали допущенные ошибки с тем, что переход к высшим формам собственности не был обусловлен развитием производительных сил⁴³. Третьи, ссылаясь на тот факт, что собственность на средства производства принята в качестве критерия для периодизации истории Китая, указывали, что отрицание решающей роли собственности неприемлемо, так как ставит под сомнение общепринятую периодизацию и требует отнесения современного этапа развития китайского общества не к социализму, а к переходному периоду⁴⁴. Таким образом, в результате дискуссий ведущие китайские экономисты стали разграничивать формальное и фактическое обобществление

средств производства, юридическую форму собственности и реальные производственные отношения, начали подчеркивать решающую роль производительных сил в совершенствовании форм собственности.

Анализ взглядов Сунь Ефана по проблеме производительных сил и производственных отношений позволяет заключить, что в центре внимания ученого находились вопросы, связанные с определением этих категорий, выяснением их политэкономического содержания. Для аргументации своей позиции ученый обращался к трудам основоположников марксизма, «использовал путеводную нить «Капитала»¹⁵. Стремясь к более адекватному воспроизведению концепции Маркса, Сунь Ефан не ограничивался простым цитированием, а рассматривал отдельные положения Маркса в контексте его работ, сопоставлял общепринятый китайский перевод с немецким оригиналом и в случае необходимости давал свой более точный перевод высказываний Маркса на китайский язык. Это способствовало более глубокому осмыслению в Китае взглядов Маркса по вопросу о производительных силах и производственных отношениях, о месте собственности в системе производственных отношений.

Проблемы технико-экономической отсталости, неэффективной системы управления экономикой, несоответствия установленных форм собственности уровню развития производительных сил, которые были подняты Сунь Ефаном, являлись реальными проблемами социально-экономического развития Китая. Сунь Ефан одним из первых показал, что их обострение было связано с ошибками политического характера, прямым игнорированием объективных экономических законов, отходом от принципов марксизма. Он осудил форсированное кооперирование в середине 50-х гг. и последующую коммунизацию китайской деревни, выступил против недооценки решающей роли производительных сил в период «большого скачка» и «культурной революции». Несмотря на развернутые против Сунь Ефана кампании критики, ученый последовательно отстаивал свои убеждения, открыто заявлял, что, «во-первых, не изменит своих убеждений, во-вторых, не изменит своих поступков, в-третьих, не изменит своих идей»¹⁶.

Хотя в результате практического осуществления хозяйственной реформы ситуация в экономике КНР изменилась, и сегодня китайские ученые продвинулись вперед в разработке многих теоретических проблем, идеи Сунь Ефана по-прежнему представляют научный интерес и могут быть использованы для анализа экономики современного Китая. Сунь Ефан был первым китайским экономистом, обратившим внимание на несоответствие установленных в КНР форм собственности уровню развития производительных сил и поставившим вопрос о необходимости проведения преобразований в области собственности. Взгляды Сунь Ефана по этому вопросу приобрели особое значение в связи с выдвижением руководством КНР концепции «строительства социализма с учетом специфики Китая», важнейшим компонентом которой является курс на создание многоукладной экономики. Анализируя политэкономическое содержание категории производительных сил, Сунь Ефан привлек внимание китайских ученых и практических работников к дефициту материальных ресурсов, к их нерациональному использованию. Поскольку в ходе осуществления в КНР хозяйственной реформы эти проблемы чрезвычайно обострились, идеи Сунь Ефана по-прежнему сохраняют свою актуальность. Заслуга Сунь Ефана состоит также и в том, что его выступления положили начало широким дискуссиям, которые способствовали развитию китайской экономической науки.

- ¹ Чэнь Сюлян. 60 лет революционной деятельности Сунь Ефана. Шанхай, 1984, с. 84.
- ² Сунь Ефан. Теории социалистической экономики. Пекин, 1985.
- ³ См.: Лю Гогуан, Чжан Чжоюань. Смелое новаторство в области политической экономии социализма.— «Жэньминь жибао», 29.IV.1985.
- ⁴ См.: «Гуанмин жибао», 6.III.1984.
- ⁵ См. там же, 27.VII.1986.
- ⁶ См.: Лю Гогуан. Изучать исследовательский стиль Сунь Ефана, заключающийся в связи теории и практики.— «Жэньминь жибао», 7.I.1983; Мао Тяньци. Правильный путь развития экономической науки. Со скорбью вспоминая о товарище Сунь Ефане.— «Гуанмин жибао», 6.III.1983; Сунь Шанци, У Цзинлянь и др. О системе теории социалистической экономики Сунь Ефана.— «Цзинци яньцзю», 1983, № 1, с. 9—20; Сюэ Муцяо. Различие и сходство в понимании мной и Сунь Ефаном закона стоимости.— «Гуанмин жибао», 2.X.1983; Хэ Цзяньчжан, Чжан Чжоюань. Важный вклад товарища Сунь Ефана в экономическую теорию.— «Хунци», 1982, № 4, с. 25—31, и др.
- ⁷ Дун Фужэн. О теории социалистической экономики Сунь Ефана. Ухань, 1983. См. также: В. Я. Портяков. Научный поиск видного китайского экономиста.— «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 1, с. 174—179.
- ⁸ См.: Обсуждение экономической теории Сунь Ефана. Пекин, 1985.
- ⁹ См.: Сунь Шанци, У Цзинлянь и др. О проекте экономической реформы Сунь Ефана и его предложениях в области экономической политики.— «Цзинци яньцзю», 1983, № 2, с. 3.
- ¹⁰ См.: Чжан Цзинфу. С теплотой вспоминая о товарище Сунь Ефане.— «Жэньминь жибао», 24.II.1984.
- ¹¹ См.: Хэ Цзяньчжан, Чжан Чжоюань. Указ. соч., с. 30; Сунь Ефан. Смело и уверенно взяться за социалистическую прибыль.— «Жэньминь жибао», 23.X.1978.
- ¹² См.: Дискуссии по вопросам политической экономии (1977 — лето 1980 г.). Сиань, 1982, с. 9—27; Дискуссии по основным проблемам политической экономии со времени образования КНР (1949—1980). Пекин, 1981, с. 1—31.
- ¹³ См.: Дун Фужэн. Указ. соч., с. 124.
- ¹⁴ В работах Сунь Ефана имеются прямые указания на то, что его критика в адрес Сталина воспринималась в Китае как критика взглядов Мао Цзэдуна. Так, например, в докладе «О вопросах политической экономии и управления экономикой» было процитировано письмо товарища из Синьцзяна, который писал: «Сунь Ефан на словах критикует Сталина, а на деле направляет критику против Мао Цзэдуна».— См.: Сунь Ефан. Некоторые теоретические проблемы социалистической экономики (Продолжение). Пекин, 1982, с. 22.
- ¹⁵ Чжао Цзяян. Вперед по пути социализма с китайской спецификой.— «Жэньминь жибао», 4.XI.1987.
- ¹⁶ Сунь Ефан. Некоторые теоретические проблемы социалистической экономики (Продолжение), с. 110—130.
- ¹⁷ Пин Синь. К вопросу о производительных силах. Пекин, 1980, с. 6—22.
- ¹⁸ См. там же, с. 15.
- ¹⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 189.
- ²⁰ Там же, т. 2, с. 231—517.
- ²¹ Цит. по: Пин Синь. Указ. соч., с. 14—15.
- ²² См. там же, с. 9.
- ²³ Там же, с. 18.
- ²⁴ Письмо Сунь Ефана Цянь Сюэсюэ было найдено в архиве Сунь Ефана и впервые опубликовано в КНР в июле 1984 г.— См.: «Жэньминь жибао», 30.VII.1984.
- ²⁵ Юй Гуанъюань. Некоторые мысли после прочтения письма Сунь Ефана.— «Жэньминь жибао», 30.VII.1984.
- ²⁶ См.: Дискуссии по основным проблемам..., с. 32—34.
- ²⁷ См.: Чэнь Хунъи. Четвертый фактор производства — организация.— «Шинци цзинци даобао», 25.X.1982.
- ²⁸ См.: Дискуссии по основным проблемам..., с. 35—36.
- ²⁹ См.: Политическая экономия. Ч. 1. Под ред. Лю Гогуана. Пекин, 1983, с. 44—45.
- ³⁰ См.: Ежегодник китайской экономики за 1983 г. Пекин, 1983, с. VII—10.
- ³¹ Сунь Ефан. К вопросу о производственных отношениях — объекте изучения политической экономии.— «Цзинци яньцзю», 1979, № 8, с. 3—13.
- ³² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 153.
- ³³ См.: Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна. Токио, 1969, с. 315, 361.
- ³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 168.
- ³⁵ Там же, т. 27, с. 406.
- ³⁶ Сунь Ефан. К вопросу о производственных отношениях..., с. 11.
- ³⁷ Сунь Ефан считал, что одной из причин ошибочного толкования в Китае высказываний Маркса о собственности был неточный перевод категории «собственность» на китайский язык. По его мнению, термин «соючжи», используемый в качестве эквивалента термину

«собственность», воспринимается в китайском тексте как правовая категория. Чтобы ликвидировать искажения, возникающие при переводе положений Маркса на китайский язык, Сунь Ефан предлагал наряду с термином «союэжи» ввести в научный оборот термин традиционной экономической науки «цайчань» и таким образом дифференцировать юридический и экономический аспекты собственности.— См.: Сунь Ефан. К вопросу о производственных отношениях..., с. 4.

³⁹ Цит. по: Пин Синь. Указ. соч., с. 11.

³⁹ См.: Сунь Ефан. Некоторые теоретические проблемы..., с. 161.

⁴⁰ См.: Син Цзюньфан. Обсуждение в течение года в экономических кругах проблемы объекта изучения политической экономии.— «Цзинци яньцзю», 1980, № 9, с. 23; Дискуссии по основным проблемам..., с. 1—31; Дискуссии по вопросам..., с. 9—27.

⁴¹ См.: Линь Цзыли. Несколько методологических проблем изучения экономической теории.— «Хунци», 1979, № 12, с. 2—13; Чжоу Шулянь, У Цзинлянь. Нельзя разъединять социалистическую собственность и социалистические производственные отношения.— «Цзинци яньцзю», 1979, № 12, с. 67—69; Юй Шаобо. Собственность является совокупностью производственных отношений.— «Цзинци яньцзю», 1980, № 3, с. 67—70.

⁴² См. там же.

⁴³ См.: Цзи Айдэн, Сюй Хайко, Цзи Юньфу. Несколько замечаний по вопросу о производственных отношениях — объекте изучения политической экономии.— «Сюэшу юэкань», 1979, № 12, с. 21—22.

⁴⁴ См.: Ван Туншунь. Некоторые мнения о статье «К вопросу о производственных отношениях — объекте изучения политической экономии».— «Цзинци яньцзю», 1980, № 2, с. 72—73.

⁴⁵ Сунь Ефан. Некоторые теоретические проблемы..., с. 232.

⁴⁶ Цит. по: Хэ Цзяньчжан, Чжан Чжоюань. Указ. соч., с. 30.

Таким был мой отец

ЦАО СУЛИН

Летом 1988 г. по приглашению Союза писателей СССР нашу страну посетила Цао Сулин, дочь профессора Цао Цзинхуа, известного переводчика и популяризатора советской литературы в Китае, свыше 30 лет возглавлявшего факультет русского языка и литературы Пекинского университета. Цао Сулин, как и ее отец,— переводчик произведений советской литературы на китайский язык.

Цао Сулин дала интервью журналу. Запись беседы, перевод с китайского и примечания кандидата исторических наук А. С. Ипатовой.

А. И. Почти 70 лет жизни отдал Ваш отец, профессор Цао Цзинхуа, служению китайской революции, своему народу. Это пробуждает желание больше узнать о нем, о его многогранной деятельности. У нас хорошо знают Цао Цзинхуа-переводчика, при этом менее известны другие сферы его деятельности. Расскажите, пожалуйста, об участии его в китайской революции.

Цао Сулин. На путь революционной борьбы отец вступил в период «движения 4 мая» 1919 г. Тогда, будучи еще учащимся 2-й хэнаньской средней школы в Кайфэне, он под влиянием подъема антимпериалистической антифеодальной революционной борьбы активно включился в движение прогрессивного студенчества, и хэнаньские студенты избрали его делегатом на свой II Всекитайский съезд. В 1920 г., окончив среднюю школу, он некоторое время преподавал в одной из начальных школ провинции Аньхуэй, но в том же году в Шанхае вступил в Социалистический союз молодежи Китая. В конце 1921 г. его направили в Советскую Россию. В Москве он учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, но уже в конце 1922 г. вернулся в Китай. В 1923—1924 гг. продолжал изучать русский язык в Пекинском университете в качестве вольнослушателя. Здесь его учителями были С. М. Третьяков и С. А. Полевой. Всею жизнь Цао Цзинхуа с благодарностью вспоминал ректора Пекинского университета, профессора Цай Юаньлэя¹, который открыл двери университета для представителей всех слоев общества, в том числе и для бедных. Ведь у отца в те годы денег не было не только на учебу, но и дешевая студенческая столовая была ему недоступна. Жил он впроголодь, питаясь вместе с рикшами, но учения не бросал.

В 1925 г. по рекомендации профессора Пекинского университета, одного из основателей КПК Ли Дачжао отец был направлен в Кайфэн переводчиком при группе советских военных советников. В 1926 г. он едет в Гуанчжоу и как переводчик В. К. Блюхера принимает участие в подготовке Северного похода Национально-революционной армии. Отец прошел с революционными частями весь путь до Ухэня.

После поражения революции 1925—1927 гг. он по рекомендации Блюхера вместе с семьей покинул Китай и снова приехал в Советский Союз. С конца 1927 г. до лета 1928 г. преподавал в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена и в Институте востоковедения китайский язык. Затем переехал в Ленинград, где до 1933 г. преподавал в Институте востоковедения, в Ленинградском университете китайский язык и современную китайскую литературу. В эти годы он начал переводить советскую литературу, тогда же перевел и «Железный поток» А. Серафимовича.

Осенью 1933 г. Цао Цзинхуа с семьей вернулся в Китай и поселился в Пекине, где до 1937 г. преподавал русский язык и советскую литературу в ряде вузов, в том числе в Женском институте гуманитарных и точных наук при Бэйшинском (Пекинском.— А. И.) государственном университете. В те годы его ректором был известный историк и революционный деятель Фань Вэньлань. Преподавал отец и в Китайском государственном, и в Дунбэйском университетах. После событий 7 июля

1937 г. мы вынуждены были переехать на Северо-Запад, сначала в город Сиань, а затем в город Ханьчжун (провинция Шэньси). Здесь отец преподавал в Северо-Западном объединенном университете. Но в 1938 г. за пропаганду марксизма-ленинизма гоминдановские власти уволили его из университета, и мы перебрались в Чунцин, где по предложению Чжоу Эньлая отец работал в Китайско-советском культурном обществе и Всекитайском обществе сопротивления врагу деятелей культуры, был главным редактором «Избранных произведений советской антивоенной литературы и искусства».

После победы в войне с Японией Китайско-советское культурное общество переместилось в Нанкин. Вместе с нами отец последовал туда. В сентябре 1948 г. после 11-летних скитаний по стране мы вернулись в Пекин. Отец снова преподает — сначала в университете Цинхуа, а после победы революции в 1949 г. в Пекинском университете, где работал в 30-е гг.

В 1951 г. здесь был основан факультет русского языка и литературы. Отец стал первым его деканом и беспрерывно проработал 32 года, вплоть до 1983 г., когда ему исполнилось 85 лет. Преподаванию, воспитанию молодежи Цао Цзинхуа-педагог придавал очень большое значение и 67 лет жизни посвятил обучению и воспитанию новых поколений, растил кадры русистов.

А. И. Сулин. расскажите, пожалуйста, подробнее о последних годах жизни профессора Цао Цзинхуа. Над чем он работал? Какие проблемы его волновали?

Цао Сулин. В последние годы из-за недуга жизнь отца очень трудной и непривычной для его деятельной натуры. В 1981 г. он сломал ногу. Перелом был сложный. С тех пор он уже не мог ходить пешком, совершать свои традиционные походы в книжный магазин «Синьхуа», расположенный в пяти-шести автобусных остановках от нашего дома. Не было у него сил и втискиваться в переполненные автобусы и троллейбусы.

Он стал постоянным посетителем больницы, и поездки туда были единственной возможностью соприкоснуться с жизнью так любимого им Пекина. Всякий раз, прильнув к окну машины, он всматривался в торопливо идущих прохожих. Машина плавно скользила по просторной и прямой, как стрела, центральной улице Чанъаньцзе. Вот и Мианьзу гуи (Дворец национальностей) позади, машина выезжала на Тяньаньмэнь (Ворота небесного спокойствия), главную площадь китайской столицы, впереди виднелся силуэт высотного здания Бэньзин фанцзянь (гостиница «Пекин»). Места, бесконечно знакомые отцу, но всякий раз он пристально всматривался в эту панораму, которая будоражила его память и навевала воспоминания...

Летом 1985 г. Цао Цзинхуа неожиданно почувствовал себя плохо. Врачи решили поместить его в больницу. Ему отвели отдельную просторную палату. Здесь и провел он последние 15 месяцев своей жизни.

Несмотря на все недуги отец был настроен оптимистично. Помню, однажды он сказал врачу: «После поражения Великой революции² я уехал в Советский Союз. Тогда я часто кашлял, советский доктор сказал мне, что надо беречь легкие и не простужаться». Вспомнив об этом, отец рассмеялся. Он действительно не обращал никакого внимания на свои болезни. «Это было шестьдесят лет назад, — уточнил он, улыбувшись. — Я должен еще работать, работать до XXI века». Дни его были до предела заполнены, не порывал он и связи с внешним миром.

Многие издательства КНР планировали либо уже готовили публикации его трудов. Пекинский университет начал работу по подготовке 11-томного издания его сочинений; издательство «Издательства чубаньшэ» запланировало выпуск сборника «Избранной лирической прозы Цао Цзинхуа». «Хуанхэ взнья чубаньшэ» готовило издание его воспоминаний о Лу Сине под названием «В ожидании летящих с юга диких гусей» и специального сборника «Материалы для изучения Цао Цзинхуа». Было запланировано интервью с Цао Цзинхуа «Дорога, усыпанная опадающими цветами»; Аньхуэйский педагогический университет готовил сборник материалов о Цао Цзинхуа; издательство «Вэньхуа шиу чубаньшэ» — юбилейный сборник статей к его 90-летию. И все это он старался успеть прочитать. Музей современной китайской литературы редактировал его письма, а парком провинции Хэнань планировал издание «Избранных переводов Цао Цзинхуа». И эти издания нужно было согласовать с ним.

Всякий раз, когда отцу становилось лучше, он принимался за работу. Полусидя

на диване или в кресле (сидеть мешали последствия перелома) читал газеты, книги, письма, редактировал рукописи. Писал кистью красивым каллиграфическим почерком заголовки готовившихся к изданию книг. Любил делать и каллиграфические надписи с изречениями Лу Сяня, со стихами танских поэтов либо с собственными стихами на специальных листах бумаги сюаньчжи¹.

В приемные часы к нему приходили посетители. Шли знакомые и незнакомые люди. Осенью 1986 г. вышли «Избранные публицистические произведения Цао Цзинхуа». Последний автограф отец сделал и экземпляре, который подарил своему другу, известному переводчику русской литературы Гэ Баоцюаню. Уже трудно, очень трудно было писать, и, собрав все силы, слабеющей рукой он вывел всего пять иероглифов: «Баоцюаню — Цао Цзинхуа».

Навещали Цао Цзинхуа и зарубежные гости. В октябре 1986 г. к нему в больницу приехал академик С. Л. Тихвинский со своими молодыми коллегами, советскими Китаеведами. Это была вторая после длительного перерыва встреча двух давних друзей по чунцинскому периоду. Первая состоялась за три года до этой, осенью 1983 г., когда С. Л. Тихвинский возглавлял первую группу активистов Общества советско-китайской дружбы, посетивших Китай после долгого перерыва. Та первая встреча произошла у нас дома. Было много гостей, много воспоминаний, веселых и добрых пожеланий. И здесь, в больнице, встреча была трогательно теплой и вместе с тем исполненной глубокого смысла. Вновь встретились два человека, чей труд служил и служит делу разбития и укрепления дружбы между нашими двумя странами, пропаганде знаний о Китае в Советском Союзе и об СССР в Китае. Это была их последняя встреча.

Время шло, здоровье отца ухудшалось, несмотря на все усилия медицины и его оптимизм. Повторялось воспаление легких, он слабел. Прежде он гулял по больничному коридору, выходил на балкон. Постепенно его походка становилась тяжелее и медленнее. Пришлось ограничиться лишь несколькими шагами по палате, да и то с посторонней помощью. Но и тогда он не терял присутствия духа, оптимизм отца поражал всех.

В 1987 г. Цао Цзинхуа исполнилось 90 лет. В связи с этим 7 мая в Пекинском университете состоялось юбилейное заседание. Товарищ Дэн Инчао, вдова Чжоу Эньлая, прислала поздравление и корзину великолепных живых цветов. Товарищ Ян Шанкунь тоже прислал поздравление, а утром 7 мая приехал в больницу с букетом цветов, чтобы лично поздравить старого друга. Долго и взволнованно вспоминали они в тот день тридцатые годы, когда вместе жили и работали в Советском Союзе. А 15 мая Цао Цзинхуа посетила группа советских дипломатов во главе с послом СССР в КНР О. А. Трояновским, который вручил ему диплом почетного доктора Ленинградского университета, где с 1928 по 1933 г. отец преподавал китайский язык и современную китайскую литературу.

8 августа Цао Цзинхуа вторично навещил О. А. Трояновский и вручил ему орден Дружбы народов. О. А. Трояновский сказал, что в Советском Союзе высоко ценят многолетнюю деятельность Цао Цзинхуа, направленную на развитие культурных связей между Китаем и Советским Союзом, и пожелал ему скорейшего выздоровления. Советский посол передал Цао Цзинхуа поздравления и наилучшие пожелания от многих советских друзей, в том числе и от тех, с кем вместе работали в 40-е гг. на горе Пибэ² в Чунцине.

В последние дни Цао Цзинхуа часто вспоминал 20—30-е гг., когда жил в Москве и Ленинграде, 40-е гг., проведенные в Чунцине на горе Пибэ, 50-е гг., когда неоднократно выезжал в Советский Союз.

Он часто просил меня подать ему орден и подолгу смотрел на него. Однажды сказал: «Я ведь еще надеялся снова побывать в Советском Союзе, увидеть все своими глазами. Теперь уже понимаю, что не смогу. После моей кончины напиши письмо товарищу Тихвинскому, поблагодари от моего имени за заботу обо мне и попроси его передать моим московским, ленинградским и киевским старым и новым друзьям самые добрые пожелания и расскажи им о моей тоске...» Тут я увидела слезы в его глазах.

Цао Цзинхуа связывала давняя и добрая дружба со многими советскими писателями и Китаеведами. Он очень хотел написать воспоминания о встречах с А. Серафимовичем, А. Фадеевым, К. Фединым, К. Симоновым, А. Толстым, В. Ка-

таевым, Б. Лавреневым, В. Василевской, В. Пановой и другими, о дружбе со многими из них. Еще летом 1981 г. после участия в симпозиуме, посвященном 100-летию со дня рождения Лу Синя, отец заехал на родину, в провинцию Хэнань. Хотелось подольше побыть в родных местах, но он спешил, очень спешил сесть за мемуары. К сожалению, мечта эта осталась неосуществленной. Записные книжки, хранившие подробные записи обо всех встречах с советскими людьми, о поездках в Советский Союз, заметки о поездках по Китаю в качестве депутата ВСНП, вместе с письмами советских писателей и фотографиями погибли во время «культурной революции». Все пропало, ничего разыскать не удалось. Писать же воспоминания, полагаясь только на память, было для него уже невозможно. Это крайне печалило отца.

О чем думал Цао Цзинхуа в последние дни? Что заботило его? Больной, слабеющий на глазах, он беспокоился о своих родных и близких, думал, как им жить без него. И хотя ему очень трудно было говорить, однажды отец произнес что-то вроде своего завещания нам: «Ухожу я от вас. Вам будет трудно жить. Наберитесь сил и мужества на всю жизнь, идите вперед. Не забывайте пережитые трудные годы, не забывайте наши корни... Берегите маму, она всю жизнь много трудилась, ей было нелегко. Нужно учить и воспитывать новые поколения, чтобы они понимали трудности жизни, нужно упорно бороться, чтобы быть настоящими людьми».

7 сентября в состоянии здоровья отца наступило резкое ухудшение. На другой день в 3 часа 53 минуты он скончался. Спокойное и доброе выражение лица под стеклянной крышкой гроба, накрытого красным флагом с четырьмя иероглифами на нем: «Учитель целого поколения». Его похоронили на кладбище Бабаошань.

А. И. Я хорошо помню, как торжественно и тепло отмечалось 90-летие со дня рождения Цао Цзинхуа⁷. В сентябре исполнится год со дня его кончины.

Скажите, что делается для увековечения его памяти, для изучения творческого наследия?

Цао Сулин. И в Китае, и за рубежом проявляют большой интерес к деятельности Цао Цзинхуа. У нас много делается для изучения и пропаганды его творческого наследия. Готовится 11-томное издание трудов Цао Цзинхуа, сборник статей «Букет белых цветов», посвященный годовщине со дня его смерти. В него вошли 85 статей. Журнал «Синь вэньсюэ шиляо» один из своих номеров почти целиком посвятил памяти Цао Цзинхуа.

А. И. Известно, что Вы, Сулин, были ученицей своего отца, его неизменной помощницей и единомышленником. Расскажите о себе, о своей переводческой деятельности, о дальнейших планах.

Цао Сулин. Родилась я в Москве в 1930 г. В трехлетнем возрасте приехала в Пекин. Но кое-какие воспоминания о жизни в Советском Союзе детская память сохранила. Окончив школу, поступила в Цзинлинский⁸ университет в Нанкине. Затем, когда в 1948 г. мы вернулись в Пекин, продолжила учебу в Пекинском университете на факультете западных языков, изучала английский язык. Окончив учебу, стала работать в издательстве «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ». Но потом снова пошла учиться, поступила в Институт русского языка (теперь Институт иностранных языков). Русский язык изучала у Серафима Михайловича Рыбакова. Очень хороший был педагог. Отец помогал мне в работе над переводами. Завершив учебу, вернулась в издательство. Сейчас работаю в Пекинском университете, занимаюсь подготовкой 11-томного издания трудов отца.

Переводить начала рано, еще в Нанкине во время учебы в университете. Первым произведением советской литературы, за перевод которого я взялась, были «Спутники» В. Пановой. Правда, переводила с английского, а отец редактировал. Он переписывался с Верой Федоровной и хорошо знал ее творчество. Перевод «Спутников» публиковался в 1950 г. в газете «Жэньминь жибао» из номера в номер, затем был издан отдельной книгой. Потом перевела «Первые радости» К. Федина. И снова отец был моим редактором. Но опубликовать не успела, другой переводчик опередил нас. Потом много переводила. Большой популярностью у китайской молодежи пользовались «Неотосланные письма» Адаляда Кутуй в моем переводе. Переводила рассказы Ю. Казакова, «Тополек мой в красной косынке» Ч. Айтматова, участвовала в переводе романа В. Дудинцева «Не хлебом единым».

перевела такие произведения, как «Секретарь обкома» В. Кочетова, «Белый Бим — черное ухо» Г. Троепольского, «Черные сухари» Е. Драбкиной. Потом был большой перерыв, после которого стала переводить английскую прозу, в том числе «Женщину в белом» У. Коллинза.

В последнее время всецело занята сбором материалов об отце, изданием его трудов. Составила и записала его подробнейшую биографию, участвую в той или иной степени практически во всех публикациях его трудов либо работ в нем, консультирую всех, кто обращается за помощью или с вопросами, тесно сотрудничаю с Обществом изучения Цао Цзинхуа.

А. И. И в заключение, Сулин; традиционный вопрос. Какова цель Вашего приезда в Советский Союз и насколько Вам удалось ее осуществить?

Цао Сулин. Мой отец в последний период жизни очень часто вспоминал своих советских друзей. Сначала он надеялся, что сможет вместе со мною еще раз побывать в Советском Союзе, показать мне места, где он в молодости жил и работал. Но, к сожалению, этой мечте не суждено было осуществиться. Тогда он попросил меня, если представится такая возможность, посетить Советский Союз и передать от него привет всем тем советским друзьям, кто еще помнит его, и посетить могилы тех, кого уже нет в живых. Я очень благодарна Союзу писателей СССР за приглашение посетить Советский Союз и за тот великолепный прием, который советские писатели устроили мне. И хотя времени было очень мало, я успела сделать большую часть намеченного и выполнила все просьбы отца. Побывала в Москве, Ленинграде и Киеве — городах, связанных с его жизнью и деятельностью. Навестила его давних друзей. Была в гостях у семьи В. Катаева в подмосковном Переделкино. Состоялась у меня встреча и с дочерью К. Фединой, Ниной Константиновной Фединой. С этой семьей отца связывала давняя дружба, продолжавшаяся и после смерти Константина Александровича.

К сожалению, большинство друзей отца, представители старшего поколения советских писателей, уже умерли. И я, выполняя волю отца, считала своим долгом в каждом городе посетить их могилы.

Во время пребывания в СССР я старалась собрать как можно больше материалов о деятельности Цао Цзинхуа, выявить публикации его статей, работ о нем, о его деятельности.

И в заключение хочу выразить благодарность за оказанный мне великолепный прием. Желаю, чтобы дружба между китайским и советским народами укреплялась и развивалась.

¹ Цай Юаньэй (1868—1940) — политический деятель, либерал, известный просветитель, первый президент АН Китая, в 1916 г. был назначен ректором Пекинского университета и сыграл большую роль в преобразовании его в современное учебное заведение. В настоящее время на территории Пекинского университета установлен памятник Цай Юаньэю.

² Революция 1925—1927 гг.

³ В 1962 и 1964 гг. Цао Цзинхуа издал сборник своих публицистических произведений под названием «Цветы». В 1978 г. вышли в свет еще два его сборника: «Опадающие цветы в весеннем городе» и «Опадающие цветы». Цао Цзинхуа очень любил цветы и в такой аллегорической форме отразил этапы своего жизненного пути. Отсюда и такое название интервью.

⁴ Это лучшие сорта бумаги для рисования, изготавливаются в городе Сюаньчэне провинции Аньхуэй.

⁵ В 1938—1946 гг. — месторасположение Посольства СССР в Китае.

⁶ Цао Цзинхуа вел большую государственную и общественную работу. Был депутатом ВСНП первых трех созывов, депутатом собрания народных представителей провинции Хэнань, членом народного правительства этой провинции. В марте 1956 г. Цао Цзинхуа вступил в КПК. По рекомендации Мао Дуня с 1959 по 1964 г. был главным редактором журнала «Шичзе вэньсюэ». Был постоянным членом Центрального правления Общества китайско-советской дружбы и заместителем председателя правления его Пекинского отделения.

⁷ См.: А. С. Платова. Жизнь большая и яркая (Памяти Цао Цзинхуа). — «Проблемы Дальнего Востока», 1988, № 3.

⁸ Цзинпин — старое название Нанкина.

Н. О. КАПРАЛОВ

С начала 70-х гг. демографы и социологи во всем мире, особенно в развитых странах, регистрируют значительное сокращение рождаемости при одновременном росте продолжительности жизни. По данным «Демографического ежегодника ООН» (1988), уровень рождаемости в мире снизился с 35 новорожденных на 1 тыс. человек в 1960—1965 гг. до 27 в 1980—1985 гг. При этом в таких странах, как ФРГ, Италия, Япония, США, Великобритания и Франция, уровень рождаемости снизился настолько, что не обеспечивает естественного прироста населения. С другой стороны, средняя продолжительность жизни женщин в ряде стран уже превышает 80 лет, а мужчин — 75 лет. Таким образом изменяется демографическая структура общества. Если раньше она представлялась в виде пирамиды с широким основанием — значительное число детей и молодежи, несколько меньше прослойка людей в зрелом возрасте и еще меньше старшего возраста, — то сегодня основание пирамиды заметно сузилось, а вершина стала шире. Такая ситуация порождает в развитых странах целый ряд проблем, характерных для «стареющего общества».

Прежде всего это ведет к значительному ухудшению соотношения между трудоспособным населением и числом потребителей. Рост числа лиц старшего возраста, в большей мере, чем молодежь, страдающих от различного рода заболеваний, диктует необходимость значительных структурных и качественных изменений в системе медицинского и социального обеспечения. Вместе с тем большая часть людей, относящихся к старшим возрастным группам, все еще остается активной в социальном и экономическом плане. С одной стороны, это обостряет проблему свободного времени, а с другой — является, в определенной мере, одной из причин конфликта поколений, так как возникает конкуренция на рынке труда между ищущими работу представителями младшего и среднего поколений и представителями старшего поколения, имеющими значительный опыт и готовыми в условиях недостаточно развитого социального обеспечения трудиться за меньшую плату. Во многих японских фирмах находит, например, применение система повторного приема на работу сотрудников-пенсионеров, но уже в качестве временных работников при значительном (до 40 %) сокращении зарплаты и практически полном отсутствии социальных гарантий. В преддверии Дня стариков — есть такой национальный праздник в Японии — были опубликованы данные о том, что в 1987 г. работало 38 % мужчин и 16 % женщин в возрасте старше 65 лет¹. Этот и многие другие приводимые ниже факты, характеризующие демографическую обстановку в Японии, позволяют рассматривать ее как типичный образец «стареющего общества» и более подробно проанализировать характерные для такого общества проблемы на примере данной страны.

Предварительно несколько слов о системе материального обеспечения престарелых в Японии. Это довольно сложный, многообразный механизм. Основу его представляет выходное пособие, выплачиваемое фирмой или учреждением по трудовому контракту при увольнении сотрудника по возрасту. Мужчины, как правило, увольняются в возрасте 55 лет и получают месячный оклад за каждый проработанный год. Пенсии из государственного бюджета выплачиваются лицам в возрасте свыше 70 лет. Подавляющее большинство японцев, заботясь о старости, прибегают к различным видам пенсионного страхования, страхованию в рамках ассоциаций взаимопомощи. Государственные средства при этом не используются.

По данным министерства здравоохранения и социального обеспечения Япо-

нии, в 1987 г. в стране отмечен рекордно низкий с 1899 г., когда министерство начало регистрировать подобные данные, показатель рождаемости — 11,1 новорожденных на тысячу человек. На 1 апреля 1987 г. число детей в возрасте до 14 лет уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 3 %, составив всего 19,9 % населения страны. Если учесть, что до второй мировой войны детское население Японии составляло около 36 %, то видны поистине угрожающие масштабы сокращения. Японские демографы считают, что в 1995 г. численность детского населения дойдет до самого низкого уровня и лишь затем, возможно, начнет медленно расти².

Примерно на одном уровне начиная с 1975 г. остается коэффициент смертности. В 1987 г. он составил 6,2 на тысячу человек. В результате за последние 30 лет доля лиц старшего возраста неуклонно росла, составив 5,7 % населения страны в 1960 г., 7,1 — в 1970, 9,1 — в 1980, 10,3 — в 1985, 10,9 — в 1987 и 11,2 % на сентябрь 1988 г.³ Учеными Института народонаселения при Университете Нихон в Токно была построена компьютерная модель будущего японского общества. По прогнозам, основанных на данных общенациональной переписи 1985 г., число стариков в Японии увеличится к 2000 г. до 16,3 %, а к 2021 г. до 24,6 % населения страны⁴.

Изменения в возрастной структуре населения, несомненно, повлекут, и это уже заметно в настоящее время, изменения в системе найма. Сегодня в Японии еще действует система «пожизненного найма», когда человек работает в одной и той же компании с начала трудовой деятельности с гарантированным повышением зарплаты в зависимости от выслуги лет до увольнения по старости, как правило, в возрасте 55 лет. Подобная система оплаты рабочей силы в условиях «старящего общества» ведет к тому, что социальные гарантии для работающих старшего поколения обеспечиваются прежде всего за счет более молодых работников. Как показал опрос управляющих по вопросам персонала 300 японских компаний, от 39 до 44 % из них считают, что 30—40-летним работникам недоплачивают за выполняемую ими работу. За счет чего, по мнению более 40 % опрошенных, переплачивают 50-летним работникам⁵.

Многие факты говорят о начавшихся изменениях в традиционной для Японии системе «пожизненного найма», которые, вполне вероятно, приведут к исчезновению этой системы, по крайней мере в крупных масштабах. Так, важность и необходимость быстрых структурных изменений в экономике требуют большей мобильности рабочей силы. По мнению известного американского специалиста в области управления персоналом Питера Дракера, обладающие высоким уровнем мобильности молодые рабочие — основная завтрашняя производительная сила — восстанут против системы «пожизненного найма», которая стоит на пути их профессиональной карьеры.

По данным упоминавшегося выше опроса, более четверти (26,7 %) управляющих по вопросам персонала уже сегодня отмечают ослабление системы «пожизненного найма», а почти 42 % считают, что практика автоматического повышения зарплаты работнику в зависимости от стажа уже исчезла или исчезает⁶.

Изменения в системе заработной платы и найма персонала необходимо рассматривать в тесной связи с увеличением продолжительности жизни в стране и появлением «проблемы свободного времени». Средняя продолжительность жизни в стране, составившая в 1985 г. 74,88 года для мужчин и 80,6 года для женщин, по прогнозам, возрастет к 2025 г. соответственно до 78,00 и 83,58 года⁷. Сегодня мужчина, начинающий трудовую жизнь в 20 и увольняемый по старости в 55 лет, проводит в коллективе своей фирмы (предприятия) менее половины жизни. Аналогичная ситуация наблюдается и у женщин. Более позднее рождение детей и вместе с тем довольно быстрое их взросление и создание ими собственных семей приводят к тому, что женщины посвящают семье половину своей жизни.

Серьезную роль в появлении проблемы свободного времени сыграли и играют изменения условий труда и быта. Это сокращение продолжительности рабочей недели (в 1970 г. 6-дневная рабочая неделя была у 71,4 % работающих, а в 1980 г. — только у 23,7 %), «научно-техническая революция» в домашнем хозяйстве — широкое распространение бытовых электроприборов, а также рост числа детских учреждений и предприятий сферы обслуживания, в первую очередь общественного питания.

Рост продолжительности свободного времени заставил обратить серьезное внимание на проблему его использования. Во многих книгах и путевых очерках о Японии подчеркивается, что японцы большую часть свободного времени проводят вместе со своими коллегами по работе, что объясняется этнопсихологической склонностью к нахождению в группе. Естественно, что умение и желание находиться в группе, в определенной (часто значительной) мере адаптировать свои интересы к интересам группы — будь то предприятие или кружок школьных друзей — не исчезли. Однако в последнее время японские социологи все чаще отмечают индивидуализацию интересов и рост социальной активности.

Результаты опросов, проведенных Японским центром развития свободного времени, показывают, что приоритет получают активные виды досуга, растет число занимающихся физкультурой и спортом, а также использующих свободное время для получения дополнительных знаний. Однако это данные для всех групп населения в целом. Для лиц старшего возраста картина несколько иная.

Большая часть населения страны в возрасте старше 60 лет (63,6 %), как показал опрос, проведенный канцелярией премьер-министра, не проявляет социальной активности, не участвует в какого-либо рода деятельности, которая стимулировала бы их умственно или физически. Среди оставшихся (36,4 %), которые считают себя социально активными, большая часть заявила, что занимается физическими упражнениями или спортом (16,4 %) и собственным хобби (11,5 %). Необходимо отметить, что лишь незначительная часть опрошенных (2 %) участвует в добровольной деятельности, связанной с оказанием той или иной помощи другим людям⁸.

В качестве основной причины столь низкой социальной активности лиц старшего возраста специалисты канцелярии премьер-министра называют социальные условия в стране, окружающую обстановку. Многие респонденты заявили, что не знают, что делать, чтобы остаться социально активными, или что число видов деятельности, которой они могли бы заняться не перенапрягая себя, незначительно.

Проблемой, которая требует особого внимания, является то, что, несмотря на особенности группового сознания японцев, многие заявили, что у них нет друзей, вместе с которыми они могли бы заняться тем или иным видом деятельности. Эта проблема наиболее характерна для городского населения. По данным опроса, 82,1 % жителей сельской местности поддерживают живые человеческие отношения со своими соседями, а в городах так же ответили только 48,9 % опрошенных⁹.

Сегодняшним японцам после увольнения по старости предстоит прожить еще 20—30 лет, поэтому правительственные и полуправительственные органы, так же как и общественные организации, озабочены разработкой специальных программ, которые позволили бы лицам старшего поколения сохранить социальную активность. Одна из таких программ была предложена Ассоциацией развития занятости для граждан старшего возраста (расположенной в Токио исследовательской организацией по вопросам трудоустройства и занятости). Это развернутая программа, в разработке которой приняли участие 12 исследователей из государственных органов и частных фирм, предусматривающая возможности и пути для лиц разных возрастных групп углублять личные отношения с друзьями и отношения в семье для того, чтобы лучше подготовиться к старости.

Эту подготовку рекомендуется начинать с юношеских лет. Для молодых людей в возрасте 20—34 лет предлагается проводить больше свободного времени с друзьями. Для лиц среднего возраста, 35—49 лет, считается целесообразным путешествовать или заниматься спортом вместе с друзьями. Лицам в возрасте 50—64 лет авторы программы рекомендуют сократить участие в вечеринках, заменив их встречами с друзьями в дневное время. Специальный раздел рекомендаций адресован молодым семьям. В целом его можно свести к предложениям совместно участвовать в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей¹⁰.

Как мы видим, все эти рекомендации рассчитаны на людей с определенным, довольно высоким жизненным уровнем, при этом как данное принимается хорошее здоровье (при плохом здоровье вряд ли можно заниматься спортом или засиживаться на вечеринках) и наличие соответствующих условий в семье. Насколько же эти рекомендации жизненны и выполнимы для реального жителя Японии?

Состояние здоровья. По данным «Белой книги о досуге» (1984), 60 % опрошенных в возрасте старше 15 лет заявили, что не считают себя совершенно здо-

ровыми. Одним из печальных проявлений чрезмерной урбанизации в стране и порождаемых ею бесчисленных стрессовых ситуаций является растущая смертность среди наиболее активной части населения — мужчин в возрасте от 40 до 60 лет. По мнению специалистов министерства здравоохранения и социального обеспечения Японии, смерть главы семьи в расцвете лет — «цена», которую жители крупных городов вынуждены платить за недостатки в области социальной политики и организации системы медицинского обслуживания.

В конце 1987 г. в ходе опроса, проведенного газетой «Емиури», около 57 % опрошенных заявили, что испытывают беспокойство, когда думают о своей жизни после выхода на пенсию. И это несмотря на то, что с 1973 г. в Японии введена система бесплатного медицинского обслуживания лиц в возрасте от 70 лет. В стране наблюдается растущее беспокойство среди населения по поводу возможности заболеть, стать прикованным к постели или быть госпитализированным. Согласно прогнозам, к 2025 г. в первую очередь из-за «старения общества» число лиц, нуждающихся в медицинской помощи, увеличится в Японии более чем втрое по сравнению с 1985 г.¹¹

Таким образом, при разработке программы развития «человеческих отношений» недостаточно учтено реальное положение в области состояния здоровья, хотя, и это необходимо подчеркнуть, разрабатываются и осуществляются специальные программы в этой области, в том числе и медицинского обслуживания лиц старшего возраста.

Внутрисемейные отношения. Наряду с состоянием здоровья большинство социально пассивных лиц в качестве причины такого поведения назвали несовместимость социальной активности с домашними обстоятельствами. Вопрос о взаимоотношениях стареющих и семьи является одной из конкретных гуманитарных проблем, поднятых в докладе генерального секретаря ООН на Венской (1982) Всеобщей ассамблее по проблеме старения. Необходимо определить, с одной стороны, место, роль и функции стареющих в семье, а с другой — роль семьи в удовлетворении экономических, эмоционально-духовных потребностей стареющих и в оказании им необходимой поддержки.

Высокие темпы экономического роста, научно-техническая революция и другие социально-экономические изменения в Японии ускорили процесс урбанизации, вызвали значительные миграции населения, прежде всего его молодой части, из сельской местности или из мелких населенных пунктов городского типа в промышленные центры. Одним из последствий этого процесса стал рост числа нуклеарных семей, состоящих только из родителей и их детей, и резкое сокращение числа семей, объединяющих людей трех и более поколений. Таким образом, семья как «место» или «домашний очаг» сменилась семьей с расширенными пространственными границами.

Становление нуклеарной семьи городского типа неразрывно связано с изменением роли и статуса женщины в семье. Во всех странах мира, особенно в развитых, в том числе и в Японии, женщина все чаще становится и все дольше остается работником вне дома. По данным «Белой книги о работающих женщинах» (1984), 35,3 % общего числа работающих в Японии приходится на женщин. В торговле и сфере обслуживания этот показатель еще выше — 83,6 % занятых. В полтора раза по сравнению с 1975 г. увеличилось число работающих выпускниц вузов. При этом изменилась структура занятости, хотя еще по-прежнему большая часть женщин предпочитает работать неполный день. Вместе с тем увеличивается число намеревающихся работать до достижения пенсионного возраста. По данным Японской федерации студенческих союзов, 67 % девушек-студенток планируют работать до пенсии¹², а учеными-социологами давно отмечена обратная зависимость между занятостью женщин вне дома и числом детей.

Растущая экономическая самостоятельность работающих вне дома женщин в значительной мере обуславливает изменение отношения к власти старших, престарелых в семье (даже при совместном проживании), к праву старших на принятие решений, касающихся всей семьи и исполнению их воли.

Несомненно, что на изменении отношения к престарелым сказываются последствия научно-технической революции, в условиях которой практический опыт и знания, накопленные представителями старшего поколения, быстро устаревают. Технологическая и информационная устарелость знаний престарелых часто отрицатель-

но сказывается и на восприятии морально-этических, культурных норм, носителями и хранителями которых они остаются.

Все эти факторы, вместе взятые, нарушают характер повседневных отношений между молодыми и пожилыми, в том числе в рамках семьи. Это в свою очередь приводит к тому, что социальные, эмоциональные, экономические и физические потребности пожилых во все большей мере остаются неудовлетворенными или удовлетворенными лишь частично из-за отсутствия взаимосвязи и взаимоподдержки между поколениями. Сегодня, по данным министерства здравоохранения и социального обеспечения, только 60 % японцев в возрасте старше 60 лет проживают вместе со своими взрослыми детьми и их семьями¹³. Как и в других развитых странах, в Японии наблюдается определенный сдвиг от семьи к государству в деле удовлетворения потребностей стареющих. Семья часто плохо подготовлена к тому, чтобы брать на себя ответственность по уходу за ними. Одновременно происходит развитие и совершенствование системы социального и медицинского обеспечения с учетом тенденций «стареющего общества». Государство, таким образом, вынуждено брать на себя больше ответственности по уходу за стареющими, а семья начинает играть вспомогательную роль.

В настоящее время в Японии определены основные положения и стандарты для пансионатов, больниц и других учреждений, ориентированных на обслуживание пожилых. В соответствии с ними пансионаты должны иметь не менее одного врача и 28 медсестер на 100 пожилых пациентов. Личные расходы (престарелых или их семей) на содержание в таких учреждениях составляют в среднем 50 тыс. иен в месяц. Еще 200 тыс. иен на покрытие медицинских расходов и расходов на содержание каждого пациента выплачивается государством. Всего намечено создать или обновить около 3 тыс. специальных лечебных заведений для престарелых, которые смогут одновременно принять 300 тыс. человек¹⁴.

Вместе с тем содержание стареющих вне семьи создает дополнительные социальные и психологические проблемы, в основном для них самих. Именно поэтому, лечебные заведения, ориентированные на нужды стареющих, рассчитаны и на то, чтобы подготовить последних к возможности вести самостоятельную жизнь, а также на то, чтобы оказывать необходимую помощь семьям, на которых лежит забота о престарелых.

И все же первоочередной задачей является социальная интеграция пожилых, планирование и осуществление программы социального обеспечения таким образом, чтобы пожилые как можно дольше находились в семье. А уже сейчас часть пациентов в названных выше учреждениях находится в них главным образом из-за нехватки жилья или других семейных проблем.

Финансовое положение и личные расходы. По подсчетам специалистов страховой компании «Асахи», в 2000 г. личные расходы жителей Японии в возрасте 60 лет и старше составят около 30 % суммы личных расходов всего населения страны. При этом подчеркивается, что в 2000 г. среднегодовые расходы престарелых в расчете на одного человека составят 3,66 млн. иен, что будет превышать среднедушевые расходы остального населения страны на 48 %¹⁵. Личные расходы престарелых покрываются за счет личных и семейных накоплений, а также за счет выплат из различного рода пенсионных фондов.

По данным Банка Японии, оптимальная желаемая средняя сумма накоплений в расчете на одну семью составляет сегодня 23,61 млн. иен, а реальная — 9,16 млн. иен. При этом подавляющее большинство семей имеет на своем счету 3—4 млн. иен¹⁶.

Вопрос о необходимости преобразований в системе пенсионного обеспечения в связи с изменениями социально-возрастной структуры общества обсуждался в июле 1988 г. на первой такого рода встрече министров здравоохранения и социального обеспечения стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на проведении которой настаивала Япония. Конференция не выработала конкретных рекомендаций, однако признала несоответствие системы социального обеспечения в развитых капиталистических странах современной ситуации. В этой связи конференция призвала страны — участницы ОЭСР пересмотреть в сторону повышения обязательный пенсионный возраст и расширить сотрудничество между государством и частным сектором в деле пенсионного обеспечения.

Незначительные суммы личных накоплений и несовершенство системы социального обеспечения, что признается и правящими кругами, в условиях растущей дороговизны жизни в стране заставляют ставить вопрос не только о создании специальных пансионатов и лечебных учреждений, о чем речь шла выше, но и о возможных миграциях престарелых, в том числе за пределы Японии.

Правительством Японии предложена программа «серебряная Колумбия», то есть «открытие и освоение новых земель «серебряными Колумбами» («серебряным» или «серым» поколением часто называют в Японии стариков). Суть программы сводится к тому, что в условиях повышения курса иены и удорожания стоимости жизни в Японии, необходимо поощрять эмиграцию пожилых в другие страны с более низким средним уровнем жизни. Предусматривается строительство специальных отелей и пансионатов для престарелых в этих странах. Авторы программы считают, что личные сбережения и пенсии позволят пожилым вести там более обеспеченную жизнь, чем в Японии. Разумеется, миграция пожилых в районы с более теплым или здоровым климатом или в относительно более «дешевые» районы наблюдается во всех странах, но правительственная программа «экспорта стариков»...?!

Не удивительно, что в ходе опроса, проведенного канцелярией премьер-министра в ноябре 1987 г., только 4,5 % опрошенных заявили, что хотели бы жить за границей, когда состарятся. При этом 66,2 % опрошенных заявили, что отказались бы покинуть Японию даже в том случае, если в другой стране им предоставят виллу¹⁷.

Болезни, «технострессы» — психосоматические расстройства, связанные с неприятием нового высокотехнологического оборудования, психологические травмы в результате потери или угрозы потери работы, социальные изменения в стране, утрата в определенной мере своего места в семье и стрессы в результате психологических разногласий поколений, половинчатые правительственные программы социального обеспечения приводят многих престарелых к мысли о «ненужности» жизни, к самоубийствам.

1983 г. отмечен рекордным ростом числа самоубийств среди лиц в возрасте старше 50 лет. Коэффициент самоубийств (число самоубийств на 1 тыс. человек) для данной возрастной группы вдвое превысил показатели 1972 г. и был в 2,3 раза выше, чем в других возрастных группах. В 1984 г. 20 % всех самоубийств в стране были совершены лицами в возрасте старше 50 лет и около 23 % — лицами старше 65 лет. В 1987 г. общее число самоубийств в Японии несколько снизилось, однако при этом число лиц в возрасте старше 60 лет, покончивших с жизнью, возросло¹⁸. В таких условиях оптимистическое заявление газеты «Емнури» о том, что в Японии «будет построено общество, где престарелые смогут жить, не зная забот»¹⁹, представляется мало реальным.

* * *

В самом начале мы уже отмечали, что «старение общества» и связанные с этим экономические, социальные и психологические процессы и проблемы не являются «привилегией» некоторых стран, например Японии. Это глобальный процесс, охватывающий все человечество вне зависимости от социального строя. Средняя продолжительность жизни в Болгарии составляет сегодня 74,14 года, причем в стране с общим населением в 9 млн. человек проживает около 16 тыс. человек в возрасте свыше 90 лет. В Китае численность лиц старше 60 лет составляет около 90 млн. человек, в том числе около 5 млн. в возрасте старше 80 лет и около 4 тыс. в возрасте старше 100 лет²⁰. В Италии насчитывается 7,5 млн. человек в возрасте старше 65 лет, а к 2000 г. их число превысит 10 млн. человек²¹.

Говоря о сложностях «старящего общества» как о глобальной проблеме современности, нельзя не отметить, что она актуальна и для нашей страны. По данным газеты «Московская правда», сегодня каждый шестой житель СССР старше 60 лет, 10 млн. престарелых не имеют родственников²².

Японский опыт «старящего общества» показывает, что требуется одновременное решение нескольких задач:

1. Обеспечение нормальных жизненных условий для стареющих. Желательно, чтобы лица этой возрастной категории имели возможность жить вместе со своими детьми, имея собственную комнату. Вместе с тем часть престарелых предпочитает

ет вести независимый образ жизни. Поэтому при выработке различного рода программ градостроительства и решении жилищной проблемы было бы целесообразно предусматривать преимущественное предоставление соседних квартир членам одной семьи разных возрастных групп.

2. Заслуживает внимания развитие не только системы государственного пенсионного обеспечения, но и пенсионного страхования.

3. Вполне может быть использован японский опыт разработки и реализации программ, направленных на повышение социальной активности лиц старшего возраста.

4. «Старение общества» ставит специфические задачи перед промышленностью и торговлей по обеспечению пожилых предназначенными специально для них товарами, а также перед здравоохранением, которое должно не только лечить людей пожилого возраста, но и предоставлять им патронажную помощь. Возможно, целесообразно предоставление налоговых и иных льгот лицам, имеющим на своем иждивении престарелых.

Выступая на пресс-конференции в Риме, генеральный секретарь Национальной федерации пенсионеров Италии Д. Кьяппелла сказал: «Государство должно обеспечить людям возможность встретить старость с достоинством. Это их гражданское право»²³. Думается, эти слова относятся не только к Италии.

¹ «Киодо цусин», 14.IX.1988.

² Там же, 4.V.1988.

³ Там же, 14.IX.1988.

⁴ Там же, 5.VII.1988.

⁵ Там же, 14.IX.1988.

⁶ Там же, 3.V.1988.

⁷ Там же, 5.VII.1988.

⁸ Там же, 14.IX.1988.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, 12.VIII.1988.

¹¹ Там же, 5.VII.1988.

¹² «Mainichi Daily News», 5.I.1984.

¹³ «Japan Economic Journal», 30.XI.1985.

¹⁴ «Емиури», 5.IX.1987.

¹⁵ Киодо Цусин, 30.IX.1988.

¹⁶ Там же, 22.IX.1988.

¹⁷ «Асахи», 24.IV.1988.

¹⁸ «Майнити», 13.IV.1988.

¹⁹ «Емиури», 5.XI.1988.

²⁰ ТАСС, 14.IX.1988.

²¹ ТАСС, 24.XII.1988.

²² «Московская правда», 6.X.1988.

²³ ТАСС, 24.VII.1988.

ГОД ЗМЕИ

(Рассказ о китайском календаре)

А. А. СМОЛЕНСКИЙ

Начало годового цикла совпадало в старом китайском календаре с началом цикла земледельческого: Новый год в Поднебесной праздновался позже, чем в Европе, где он приходится на середину зимы.

Дун Чжуншу (приблизительно 179—104 гг. до н. э.), известный философ своего времени, «которого почитали как главу конфуцианства» и даже называли «ханьским Конфуцием», автор теологического учения о взаимном воздействии неба и человека писал в своих сочинениях: «Небо — родоначальник всех существ, без неба ни одно существо не могло бы родиться»¹.

Автор этих строк рассматривал также и смену четырех сезонов года как выражение воли неба: «весна — воля, выражающая любовь; лето — ...радость; осень — ...строгость; зима — ...печаль»².

Благодаря тщательному изучению видимого движения Солнца, а также Луны и планет китайские ученые на протяжении многих веков улучшали и уточняли счет времени. Ни в одной стране так часто не совершенствовался календарь: после открытия девятнадцатилетнего цикла его обновляли более пятидесяти раз. Свыше четырех тысяч лет назад начали наблюдать китайцы Солнце, Луну и звезды, по которым узнавали, когда наступит очередной из четырех сезонов — цзечи. Но только по этим приметам трудно вести правильный счет дней. Уже в глубокой древности астрономы разработали календарь «по лунному расписанию»³.

Об этом рассказывают старинные надписи на панцирях черепах и костях животных. В этих «рукописях» (XV—XII вв. до н. э.) упоминается о календаре, состоявшем из 12 лунных месяцев, и то был уже не первый, а четвертый по счету календарь. За семь (или более) веков до нашей эры в Китае придумали, как согласовать солнечный год с лунным месяцем. В этом помог «тугай»-гномон,* изобретенный китайцами. По изменяющейся тени тугая китайские астрономы рассчитали, что за год — от одного зимнего солнце-

* Тугай (тюрк.)-гномон (греч.) — древнейший астрономический инструмент, состоящий из вертикального стержня на горизонтальной площадке. По направлению и длине тени стержня можно определить высоту и азимут Солнца, направление полуденной линии и другие астрономические данные. — *Прим. ред.*

стояния до следующего — проходит больше 365 суток. Это позволило удачно согласовать лунные месяцы с солнечным годом. В Китае вычислили, что новолуние совпадает с новогоднем, днем зимнего солнцестояния, через 19 солнечных лет или 235 лунных месяцев.

Это открытие было сделано за шесть веков до нашей эры, тогда-то в Китае и ввели девятнадцатилетний цикл — чжан.

Китайские астрономы определили продолжительность года, считая, что он состоит из 12 и $7/19$ лунных месяцев. Прошел календарный год, а до зимнего солнцестояния остается еще $7/19$ месяца. После второго календарного года остаток удвоится и достигнет $14/19$, а к концу третьего — утроится и составит уже $21/19$ или 1 месяц плюс $2/19$. Поэтому к каждому второму году следовало добавлять дополнительный месяц, чтобы сравнять счет. Дополнительный месяц был не тринадцатым по счету, а вставлялся в начале или середине года (во 2, 5, 7, 10, 13, 15 и 18).

По календарю за девятнадцать лет проходило всего лишь 228 (12×19) лунных месяцев. Если за это время добавить к календарю еще семь месяцев, то счет по Луне и Солнцу как раз сойдется. Значит в каждом чжане — девятнадцатилетке — семь календарных годов должны иметь не по двенадцать, а по тринадцать месяцев. И все же новогодние отступало от зимнего солнцестояния — точно подогнать лунный календарь к солнечному никак нельзя. Зато через *девятнадцать лет* начало года вновь совпадало с первым новолунием.

В Китае были созданы древнейшие астрономические обсерватории, составлен первый в мире Звездный каталог, построен вращающийся небесный глобус.

Началом китайской эры летосчисления обычно считают год 2397 до н. э. Пожалуй, Китай был единственной страной, где еще в древности ученые старались сделать календарные премудрости доступными простому народу, прежде всего сельскому населению. В III в. до н. э. астрономы добавили к четырем цзеци (весна, лето, осень, зима) еще двадцать сезонов, разделив сельский календарь на 24 сезона. Это помогало земледельцам точнее рассчитывать сроки пахоты, сева, жатвы и других сельскохозяйственных работ.

Каждый сезон продолжался по 15—16 дней. Первый — гуньфэнь, или весеннее равноденствие, — начинался 22 марта (по нашему календарю) и заканчивался 4—5 апреля, а последний — цзинчжэ, или пробуждение насекомых, — продолжался от 5—6 до 21 марта. В обычном календаре начало каждого месяца было приурочено к новолунию. Смена сезонов не зависела от смены лунных фаз — 23 декабря всегда начинался сезон дунчжи (зимнее солнцестояние), и всем крестьянам было известно, что через 81 день наступит весна — пора приступать к полевым работам.

Но как вести счет долгим дням? Для этого во многих деревнях рисовали девять цветков по девять лепестков в каждом и, начиная с первого дня дунчжи, ежедневно раскрашивали по одному лепестку в таком самодельном календаре. В долгие зимние вечера и сегодня можно услышать старинную веселую песенку «О девяти девятках» — 81 дне, отделяющем начало зимы от весеннего пробуждения природы, когда она снова оказывалась готовой принять в себя семена новой жизни. Это время знаменовалось ритуалами, связанными с культом плодородия и экзорсизма. Издавна новогодние праздники, включающие обряды «чжа» и «ла» (праздник хлопушек и свечей), славились своими красочными шествиями, процессиями, магическими ритуалами изгнания духов, оргиастическими играми¹.

С VII в. обряд изгнания духов стал символизировать проходы Демона бедности и встречу Бога богатства Цайшэня — в домах и сегодня устраиваются

предновогодние уборки, выносятся хлам, мусор, выбрасывается все старое и обветшавшее, в дом приглашается счастье и богатство.

У известного историка Сыма Цяня мы читаем: «исстари, с самой далекой древности, в календаре начало нового года установили с первого весеннего месяца Мэн-чунь. В это время таял лед, все существа пробуждались от зимней спячки, все растения возрождались и поднимались, и первыми подавали голоса кукушки. Все сущее и растущее, что родится на востоке, связанное с течением целого года, развивается в соответствии с четырьмя сезонами года и заканчивает путь в период зимы»⁵.

Смысл обновления природного начала заложен и во всех китайских названиях, которыми на протяжении веков обозначался Новый год (на сей раз он начнется шестого февраля по новому стилю) — «Время начала» (Юань чэнь), «День начала» (Юань жи), «Первое утро года» (Юань дань) и т. д.

В канун новогоднего праздника необдуманными поступками или словами нельзя отпугивать ожидаемое счастье. В Гуандуне, например, чтобы застраховать себя от напастей, связанных с нарушением запретов, вывешивалась надпись «Слова женщин и детей не считаются»⁶, в первые три дня нового года запрещалась уборка помещений, в очаге обязательно должен быть хворост, который считался символом богатства дома. Особое значение придавалось новогодним надписям, которые вывешивались у ворот или на дверях. Обычно такие парные надписи призывали в дом счастье, желали «успеха во всех начинаниях», «великого богатства».

Не меньшее значение придавалось и «стражам дверей» — парным изображениям грозных военачальников, которые символизировали охрану дома от злых духов. Обычай этот возник, по преданию, будто бы так.

После похода в Корею танскому императору Тай-цзуну (627—650) каждую ночь являлись злые духи. Тогда к нему позвали двух генералов Цинь Шубао и Юйчи Цзиндэ. «Господин,— обратились они к владыке,— много раз в прошлом мы рисковали своими жизнями и одолели всех врагов. Не бойся мы и злых духов. Позвольте нам их подстеречь ночью и убить». Без сна проводили генералы ночи возле ложа императора, но духи не появлялись. В конце концов Тай-цзун отпустил генералов: «Я прикажу, чтобы ваши портреты вывесили на воротах дворца, и злые духи не будут нас больше беспокоить»⁷.

Символом благополучия в Новом году считался разнообразный и богатый стол, ему уделялось внимания даже больше, чем «божественным дарам». По сей день в Южном Китае традиционным новогодним лакомством считаются «цзунцзы» — пирожные разной формы с добавлением душистой травы. На Севере новогоднее пирожное («няньгао»), которое готовится из клейкого риса, проса с добавлением сахара, символизирует пожелание успеха в новом году. Нередко в эти сладости закладываются мелкие монетки, орешки, а в богатых семьях — мелкие кусочки серебра. Яствами делятся и с соседями, а к тому, кто обнаружил благое вложение, приходит счастье и радость, по крайней мере в новогоднюю ночь.

Вся декада новогодних праздников в Китае была посвящена определенным событиям. Так, 7-й день своей ясной погодой знаменовал жизненное благополучие в наступившем году, в 8-й день поклонялись звездам, которые ассоциировались с героями и духами, 9-й и 10-й — посвящались плодородию, были днями фруктов и овощей. В провинции Гуандун эти дни посвящались воинам или разбойникам. Так как наступление нового года совпадало с днями прихода весны (первые дни лунного года) в ритуал праздников включалось заклание жертвенного быка, позднее замененное символическим бичеванием его изображения. Это были яркие театрализованные представления.

С древности сохранился и праздник Первой ночи с возжиганием новогодних фонарей, расписанных яркими красками, иероглифами, колоритными историческими сценками. На улицах, праздничных базарах, рыночных площадях по ночам и сейчас демонстрируются чудеса пиротехники — фейерверки вспыхивают несколько ночей подряд, днем выступают бродячие актеры, фокусники, акробаты, мастера ушу, звучат веселые куплеты.

До наших дней сохранился в Китае и другой счет времени. Так, на вопрос, сколько вам лет, часто можно услышать ответ: «Я родился в год Змеи». Что это такое?

В древнем Китае месяц состоял из трех сюн-десятидневок. Китайские «недели» были согласованы с лунными фазами — десятиричный цикл, — дни следовали один за другим в таком порядке: цзя, и, бин, дин, у, цзи, гэн, синь, жэнь, гуй. Все эти циклические знаки назывались «Небесными стволами».

И месяцы также имели свои иероглифы, но уже из другого, двенадцатеричного цикла — «Земных ветвей». К каждой из них было прикреплено название животного. И вот что получилось:

<u>Цзы</u>	...	Январь	<u>У</u>	...	Июль
Мышь (крыса)			Конь		
<u>Чоу</u>	...	Февраль	<u>Вэй</u>	...	Август
Вол (бык)			Баран		
<u>Инь</u>	...	Март	<u>Шэнь</u>	...	Сентябрь
Тигр			Обезьяна		
<u>Мао</u>	...	Апрель	<u>Ю</u>	...	Октябрь
Заяц			Петух		
<u>Чэнь</u>	...	Май	<u>Сюй</u>	...	Ноябрь
Дракон			Собака		
<u>Сы</u>	...	Июнь	<u>Хай</u>	...	Декабрь
Змея			Свинья		

(Причем названия циклических знаков не совпадают с китайским названием указанных животных.)

Особенно интересно, что «Небесные стволы» в сочетании с «Земными ветвями» служили для своеобразного летосчисления. Оба цикла были объединены в «Таблице циклических знаков», охватывающей шестьдесят лет. Как видите, каждому году отведена своя клетка (см. таблицу «Китайский шестидесятилетний цикл»).

Знаки циклического календаря применяются в Китае с начала I в. н. э. До этого времени они употреблялись только для обозначения дней и введены более пяти с половиной тысяч лет назад. По специальным таблицам можно определить, к какому веку нашей эры относится определенная циклическая дата (см.: Большой китайско-русский словарь. М., 1983, т. 1, с. 164—171), так как при составлении циклических календарей учитывались династии, имя императора и даже девиз его царствования. Поэтому в одном веке могло быть и 2 цикла: год устанавливается точно лишь для дат в 12-м и конце 11-го лунного месяца старого китайского календаря.

Если ваш ребенок родится в наступившем году, и вы захотите на вопрос, когда он родился, ответить по-китайски, вы должны 1989 год пере-

Китайский шестидесятилетний цикл.

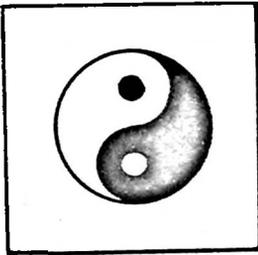
ПЕРИОДЫ	ЦИКЛИЧЕСКИЕ ЗНАКИ	НЕБЕСНЫЕ СТОЛЫ										ЖИВОТНЫЕ
		Цзя	И	Бин	Дин	У	Цзи	Гэн	Синь	Жэнь	Гуй	
ЗЕМНЫЕ ВЕТВИ	I Цзы	1		13		25		37		49		
	II Чоу		2		14		26		38		50	
	III Инь	51		3		15		27		39		
	IV Мао		52		4		16		28		40	
	V Чэнь	41		53		5		17		29		
	VI Сы		42		54		6		18		30	
	VII У	31		43		55		7		19		
	VIII Вэй		32		44		56		8		20	
	IX Шэнь	21		33		45		57		9		
	X Ю		22		34		46		58		10	
	XI Сюй	11		23		35		47		59		
	XII Хай		12		24		36		48		60	

Художники: М. Георгиев, А. Мессерер

вести с общего летосчисления на циклическое. Для этого: 1) разделите 1989 на 60 и определите остаток от деления ($1989:60=33$ и в остатке 9); 2) из полученного остатка отнимите число 3 ($9-3=6$)*; 3) число 6 укажет в таблице название наступившего года по-китайски. Оно оказывается на пересечении вертикального столбца «Небесных стволов» с горизонтальным — «Земных ветвей» и будет читаться как «цзи-сы» — Змея.

Значит, ваш новорожденный появился на свет в год Змеи. Пожелаем ему счастья и расскажем, какой смысл истари вкладывали китайцы в символ этого года.

Шестидесятилетний круг у китайцев заимствовали и другие народы Азии. Это летосчисление позволяет ученым уточнять даты многих исторических событий и астрономических данных. Большую помощь науке оказывает и китайская *девятнадцатилетка*, которую заимствовал и древнегреческий календарь.

Ян и Инь

Каждый Новый год в древнем Китае имел свой характерный признак в зависимости от животного, под знаком которого он проходил. Священный набор 12 животных можно встретить во всех календарях Восточной Азии: мышь или крыса, бык, тигр, заяц, дракон, змея, конь, овца, обезьяна, петух, собака, свинья. Шесть животных ассоциировались с мужским началом — Ян: тигр, дракон, конь, овца, петух и змея, остальные — с женским началом — Инь. Впервые такой *двенадцатиричный годовой* цикл появляется в Китае в эпоху династии Восточная Хань. Китайский историк Чжао И (1727—1814) полагал, что к ханьской

народности этот календарь пришел от племен сюнну в эпоху династии Западная Хань (206 г. до н. э.— 25 г. н. э.), когда контакты между этими двумя народами были наибольшими⁸.

Для китайцев и сегодня эти 12 знаков привычны, ими пользуются ежедневно, когда говорят о времени суток. В Древнем Китае сутки состояли из двенадцати двойных часов. И до сих пор знак цзы обозначает время от 23 до 1 часа, чоу — от 1 до 3 часов, хай — от 21 до 23 часов. Чтобы точнее указать, который час, к этим знакам добавляют «чу» для первой половины и «чжэн» для второй половины двойного часа.

Любопытно, что теми же знаками «Земных ветвей» отмечались различные направления по компасу. Далекие предшественники этого прибора — «указатель юга» — были впервые в мире изобретены в Китае еще до начала нашей эры. Север на старинных компасах обозначался знаком цзы, юг — у, восток — мао, запад — ю.

Шестидесятилетним циклом можно объяснить многие китайские названия.

* При этом следует помнить: если остаток после деления на 60 будет равен 3 (или меньше), то сначала следует к остатку прибавить 60, а 3 вычитать из полученной суммы: К примеру, переведем на циклическую систему 1201 год ($1201:60=20$ и в остатке 1. $60+1-3=58$. Получим «синь-ю» или год Петуха). При переводе на шестидесятилетний цикл необходимо также учитывать, что полученный результат будет верен для февраля—декабря европейского года. Для января—февраля придется к конечной цифре добавить единицу, ибо китайский лунный новый год начинался в день между 21 января по 20 февраля по новому стилю.

Так, начавшееся в октябре 1911 г. восстание называется по году «синьхай».

Синьхайская революция низвергла последнюю из многочисленных императорских династий и провозгласила республику, 80-летие которой будет отмечаться в 1991 г. В 1911 г. в Китае был принят новый общеевропейский календарь и новое летосчисление со дня основания республики. 1912 год был назван первым, 1913 — вторым, 1948 — тридцать седьмым.

Наступивший 1989 год — юбилейный для Китайской Народной Республики. Сорок лет после создания КНР великий народ этой страны строит свою жизнь по новому социалистическому образцу, одновременно сохраняя древние традиции. И хотя с 1949 г. в Китае введено новое летосчисление от начала нашей эры, многие китайские газеты и сегодня рядом с общепринятой датой нового стиля указывают год по древнему шестидесятилетнему кругу: нынешний 1989 — год («цзи-сы») — год Змеи, пришел на смену году Дракона. (Старое название года подчеркнуто.)

人民日報

RENMIN RIBAO

(代号1-1)

1988年6月
1
星期三
戊辰年四月十七
北京地区天气预报
白天 晴转多云傍晚
东北山区有
小雨
风向 北转南
风力 二、三级
夜间 多云转晴
风向 南转北
风力 一、二级
温度 最高 25℃
最低 13℃

人民日报社出版

GUANGMING DAILY

1988年6月1日 星期三 代号 (1-1)
农历戊辰年四月十七 第14065号 总编辑 姚锦华

Характер года определялся не только священным животным, но и одним из натурфилософских первоэлементов одной из пяти стихий (дерево, огонь, земля, металл, вода), а также планетой и цветом. Дун Чжуншу, которого мы цитировали вначале, считал: «Пять стихий — это пять поступков неб... Поскольку отношения взаимного порождения и взаимного уничтожения пяти стихий установлены небом с определенной целью, стихии не могут смешиваться одна с другой, ибо в противном случае это вызвало бы большие беспорядки в Поднебесной»⁹.

В период «Борющихся царств» («Чжаньго», 403—221 гг. до н. э.) натурфилософ Цзоу Янь с помощью теории «победы стихий одна над другой» объяснял происхождение смен династий и создал учение «пять стихий кончаются и начинаются снова». Он считал, что династия Юй правила под покровительством стихии земли, династия Ся — стихии дерева, Шан — металла, Чжоу — стихии огня, а следующая династия должна править под покровительством стихии воды.

Развивая это учение дальше, Дун Чжуншу заявлял, что «небо установило» три правления — черное, белое и красное, которые циклично повторяются в указанном порядке, сменяя друг друга. Согласно этим утверждениям, каждая вновь появившаяся династия должна вносить изменения в систему летоисчисления, правила поведения и церемониал, то есть производить так называемое «изменение системы летоисчисления и изменение цвета одежд». Далее цвета добавлялись. В учении о «трех правлениях» Дун Чжуншу уделял большое внимание установлению начала года. «Установление первого месяца года, с одной стороны, показывает, что новый правитель по воле неба управляет народом, а с другой — после правильного установления первого месяца все существа становятся правильными». В этом — особая черта китайского учения «о взаимном влиянии неба и человека» на историю¹⁰.

Итак, наступивший 1989 г., по древнему учению, проходит под знаками Змеи, первоэлемента земли, планеты Сатурн и желтого цвета. Одно из священных китайских животных — змея — издавна считалась сосредоточением гибкой мудрости, красоты и символизировала в одних случаях первоэнергию космоса ци, в других — человеческое начало, семя — цзин.

Что же обещал китайский гороскоп тому, кто родился под знаком Змеи? Прежде всего, мудрость, одаренность и «мистические способности». Рожденные в год Змеи действуют по обстановке и должным образом, ход мыслей точен и гибок, отличаются склонностью к философии и обладают чудесной силой, которая захватывает других людей. В любви им свойственны страсть и ревность, раскрепощенное сознание, правда, с оттенком мистицизма. Постоянные в своих чувствах, однажды они могут вдруг изменить привычным привязанностям.

Большое внимание любой гороскоп традиционного Китая придавал дружбе и отношениям с другими людьми. Тот, кто родился в год Змеи, на вид может показаться бесчувственным и равнодушным — «холодным, как лед и как иней», но однажды его искренние чувства могут проявиться во всем богатстве и многообразии.

В денежных делах Змее всегда сопутствуют удача и «неземной успех». Присоединившись к такому человеку в важных делах, можно, «скрывшись в его тени», достичь невероятных высот.

Однако есть и предостережения. Мудрость Змеи, используемая в праведном деле, принесет много пользы, но на неверном пути приведет к большому вреду и бедности — «Змее нельзя быть неправедной».

В давние времена предсказание по гороскопам можно было получить в первый день нового года на любой рыночной площади у гадалателя, который использовал в своем деле как древнюю книгу «Ицзин» («Книгу Перемен»), так и бобы, палочки, тайнописные иероглифы и многое другое — каждый китаец имел несколько гороскопов. Первый составлялся родителями при рождении ребенка, остальные — перед важнейшими событиями и обязательно — в Новый год. В гороскопе учитывались и важные личные интересы, и достижения в торговле, сельскохозяйственных работах, свадьбы и даже смерти, посещение могил предков, поклонение святым местам в соответствии со знаком года.

В год Змеи всем гадавшим не советовалось принимать опрометчивых решений, рекомендовалось погрузиться в «мудрые размышления». В древности нельзя было менять хозяина. Во все времена следовало сократить общение с женщинами и различными «певичками из веселых кварталов». Предупреждалось, что это может повредить не только мужчине, но и его потомству.

Не одно животное двенадцатиричного цикла не окружено в Китае такой

глубокой тайной, как Змея, хотя по количеству легенд она уступает Дракону (циклический знак ушедшего 1988 года). В народных сказаниях и легендах змея нередко ассоциировалась с женщинами-оборотнями, которые, преобравшись вместо змеи человеческий образ, вытягивали из доверчивых юношей семя-цзин, от чего они заболели или умирали в страшных мучениях.

Сакральный и мистический облик, приписываемый змеям, нашел отражение в китайском фольклоре. Например, считалось, что мясо определенных видов змей благотворно действует на почки, увеличивает мужскую силу, придает мудрость и спокойную уверенность. В новелле Пу Сунлина (1640—1715) рассказывается, что у некоего Ван Пулина «был слуга по имени Люй Фэнлин, который любил отведать змеиного мяса. Каждый день маленьких змей заглатывал целиком, будто лук ел. Больших же, бывало, разрежет на куски и ест пригоршнями. К тому же и чувствовал хорошо, как услышит за стеной змеиный запах, тотчас стремительно бросается наружу и удачно ловит змею в целый чи (около 30 см)».

Сочетание медленных движений змеи с ее стремительным броском давало ощущение загадочной внутренней энергии ци, которую она в себе сосредотачивает. Поэтому, общаясь с родившимися под знаком Змеи, китайцы осторожно шли на близкие отношения, опасаясь магических неожиданностей. Даже отношение к профессии змеелова в Китае было равнозначно поклонению даосским магам или бродячим предсказателям.

И хотя современный Китай отошел от такой незыблемой веры в гороскопы, перейдя на современное летосчисление, привычки живут в самом характере народа, как и в праздновании Нового года. В празднике Нового года живет и сегодня древность страны, бережно хранящей свои традиции.

Не только в Китае, Монголии, Корее, Японии, Вьетнаме в этом году вместо драконов в руках детей появились разноцветные змейки-игрушки — их с удовольствием дарят друг другу в Москве, Лондоне, Париже, Мехико, Риме, Нью-Йорке и взрослые.

Не только в форме, цвете, силуэте одежды, деталях нарядов и украшений, но и в прическах современных модниц появились таинственно манящие знаки Змеи — древнего китайского символа этого года. Даже журналисты охотно меняют форму своих ручек-драконов на форму змеи — ведь независимо от возраста, пола и профессии люди везде и всегда с удовольствием принимают участие в увлекательной игре — встрече Нового года, надеясь на доброе, светлое, мудрое — на то, что, и по древним заповедям, может спасти мир.

¹ Дун Чжуншу. Чуньцю фаньлу. Шуньмин, с. 134.

² Там же, Тяньбинь цзай жэнь, с. 106.

³ Здесь и далее (выборочно) использованы материалы книги Я. Н. Шура «Рассказы о календаре». Политиздат, 1962.

⁴ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985, с. 12.

⁵ Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1987, с. 207.

⁶ Календарные обычаи и обряды..., с. 47.

⁷ Latsch M. L. Chinese Traditional Festivals, Beijing, 1984, p. 29.

⁸ Ibid., p. 22.

⁹ Очерки истории китайской философии. Цитируется по рукописи, которая готовится к изданию в издательстве «Прогресс» в 1989 г., с. 282.

¹⁰ Там же, с. 294.

Легендарный монастырь, или Традиции ушу

А. А. ДОЛИН,
кандидат филологических наук

Кулак в защиту справедливости*

По всему Китаю росло и ширилось сопротивление маньчжурам под знаменем «Триады», «Братства Хун» и «Союза неба и земли». В городах и селах члены тайных лож, даосских и буддийских сект возжигали курения на алтарях, принося жертвы шаолиньским монахам, основателям движения, и нараспев читая священные строки:

Пять монахов начали сражаться с цинскими войсками,
Создали непобедимую семью названных братьев Хун.
После того как захватим области, округа и уезды,
Уничтожим цинскую династию и снова вернем Мин.
Наставник отдал приказ приглашать новых членов.
Военачальники тверды и не допускают послаблений.
Войска с радостью приходят поддержать государя,
Уничтожить Цин и возродить Мин.

Хотя предание о гибели Шаолиня и рождении «Триады» отражало лишь небольшой эпизод национально-освободительной борьбы, роль его в оформлении тайных обществ с их уставом, ритуалом и магической символикой была достаточно велика. Во многих документах хуэйданов звучит мотив мести за поруганный Шаолинь и за его защитников, павших в неравном бою, а фигуры пяти монахов, «воителей-тигров», канонизируются и становятся своеобразными воплощениями богов войны.

Реальной основой антиманьчжурского движения стали патриотические, националистические идеи, вызванные к жизни жесткой репрессивной политикой цинских властей. Как писал в своих воспоминаниях Сунь Ятсен, «с периода Цяньлун (1736—1795) людям запретили даже упоминать слова «маньчжуры» и «ханьцы», исторические сочинения подверглись переделке, и из них вычеркнули все, что касалось истории смены династий Сун и Юань, Мин и Цин. Все книги, в которых содержались сведения о маньчжурах, хунну, татарах, были объявлены запрещенными и повсеместно уничтожались, хранить и читать их не разрешалось... С середины правления династии Цин единственной организацией, выдвигавшей идеи национализма, было тайное общество Хун».

Конечно, поддержка антицинских лозунгов в народе была связана не только с протестом против иноплеменного гнета. Маньчжуры вместе с китайскими помещиками проводили курс на жестокое угнетение народа. Крестьянст-

---

* Окончание. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», 1988, № 4, 5, 6.

В этой части статьи использованы материалы из исследования доктора исторических наук Н. М. Калюжной «Восстание ихэтуаней» (М., 1978).

во, городская беднота, люмпены, из которых пополнялись ряды конспиративных обществ, стихийно вкладывали в борьбу против завоевателей и классовое содержание. В то же время руководители хуэйданов, главным образом выходцы из среды шэньши и чаньского духовенства, склонялись в сторону великоханьского патриотизма и чисто религиозных мотивировок. С восстановлением династии Мин связывались надежды на всеобщее процветание, утверждение национальной мощи Китая, на счастливое будущее.

В конце XVIII — начале XIX в. по стране прокатилась волна мощных восстаний и бунтов, организованных хуэйданами. Самым значительным было восстание общества «Восьми триграмм», привлекшее под свои знамена десятки тысяч людей. После подавления восстания конспиративная деятельность не утихла ни на один день. Мятежи и бунты волнами прокатились по Китаю, особенно по южным районам, и вскоре вылились в великую крестьянскую войну тайпинов. Сама идея «Великого равенства», или «Великого благоденствия» (Тайпин), восходит к первым векам нашей эры и связана с даосизмом. Утопические представления о социальной гармонии и справедливости на протяжении двух тысячелетий продолжали вдохновлять крестьян в борьбе против угнетателей. В середине XIX в. многолетняя народная война, увенчавшаяся временной победой и созданием тайпинского государства, но затем приведшая к кровавому разгрому, всколыхнула все тайные общества. Хотя борьба тайпинов проходила под лозунгами христианства, отвращавшими наиболее шовинистически настроенных руководителей «Триады» и «Братства Хун», множество боевых отрядов тайных обществ выступило на стороне восставших. Их военная подготовка, дисциплина и организованность сыграли решающую роль в недолговечных победах тайпинов. Однако разгром тайпинов показал слабость стихийного народного бунта. Наученные горьким опытом, руководители тайных обществ и сект взялись за тотальную обработку масс в духе идей «Триады». Плодом их деятельности явилось грандиозное восстание 1899—1901 гг., организованное боевым союзом хуэйданов «Ихэтуань».

Реальной базой союза «Ихэтуань» явилось тайное общество «Ихэцюань» («Кулак в защиту мира и справедливости»), возникшее задолго до союза. О репрессиях против него упоминалось в правительственных указах еще в 1808 г. Однако призрачное общество «Кулак в защиту мира и справедливости», мелкий филиал мощных конспиративных организаций, имело мало общего с союзом, объединившим большинство хуэйданов и школ ушу на единой политической платформе.

На начальном этапе движения была выдвинута программа с требованием «изгнать белых варваров из Поднебесной». Борьба против Цинов отошла на второй план и даже была подменена лозунгом временного союза с маньчжурами. Кроме того, участники движения отреклись от еретического учения «Белого лотоса» и даже выдали многих членов секты властям. Таким образом, вожаки восстания, с одной стороны, умело воспользовались ожесточением народа против империалистических держав, грабящих Китай, а с другой — на какой-то период добились доверия правительства, что позволило их военизированным отрядам выйти из подполья и объединиться для совместных действий. Как известно, повстанцам удалось добиться больших успехов и даже укрепиться в Пекине, не говоря уже о других крупных городах. Причиной неудачи восстания явились не промахи военачальников и не трусость солдат, а отсутствие четкой политической программы после захвата власти, недостаток огнестрельного оружия, измена императрицы Цы Си и массированные удары коалиции европейских империалистических держав. Все эти факторы в совокупности свели на нет плоды блестяще проведенной военной кампании 1899—1900 гг.

По структуре боевые отряды повстанцев не отличались от большинства тайных обществ. Десятки объединялись в сотни, сотни — в тысячи и т. д. Каждое подразделение имело свое знамя, а вся армия выступала под желтым знаменем «Волчий клык», на котором черными иероглифами было написано: «Ихэцюань! Поддержим Цин, смерть иностранцам!» Древко знамени венчал позолоченный деревянный кулак.

Религиозные убеждения «боксеров», как называли их европейцы, определялись смещением конфуцианских заповедей, буддийских догм и даосских верований, густо сдобренных черной магией. Поскольку все беды от засилья иностранцев в Китае связывались ими с христианством, все они объединялись вокруг антиевропейских и антихристианских лозунгов, обращаясь с мольбой о заступничестве и помощи к Лао-цзы и Конфуцию.

Члены союза поклонялись самым различным богам, духам и святым заступникам. Особой популярностью пользовался бог войны Гуаньди (знаменитый полководец периода Троецарствия Гуань Юй, обожествленный за особую преданность династии Хань). Вторым главным божеством считался «великий учитель» Ян Цзянь. Среди святых покровителей рангом ниже фигурировали: Лю Бовэнь, честный и справедливый чиновник эпохи Мин; Ма У, один из вождей повстанческих отрядов «жителей зеленых лесов», герой классического романа «Троецарствие» Чжао Юнь, Чжан Фэй, Цао Цао. Наряду с ними выступали «Предок Люй», суньский полководец Юэ Фэй, царь обезьян Сунь Укун и прочие популярные в народе персонажи.

Все руководство союзом осуществлялось наставниками ушу. Во главе крупного общества или секты стоял Великий Наставник (он же Великий Дракон) боевого союза. Группы и секции находились в подчинении у наставников первого, второго и третьего разрядов. Ранги наставников зависели от степени святости, которая определялась успехами в «очищении *ци*», в усвоении приемов, заклинаний и обрядов секты. Военная и психологическая подготовка повстанцев была рассчитана на некие устойчивые сроки, видимо, связанные с необходимостью массового обучения. Так, для достижения первой степени посвящения (*хунь* — «смутное состояние») требовалось 100 дней, для следующей степени (*цин* — «очищение») — 400 дней и т. д. Для рядовых бойцов достаточной считалась первая степень, то есть начальный курс обучения. Неудивительно поэтому, что очевидцы событий нередко рисуют повстанцев фанатичными воинами, но дилетантами в военном деле. Иные лидеры и вовсе профанировали идеи военного обучения, как это явствует из следующего эпизода:

«Приятель Чжу Хундэна монах Ян также в совершенстве владел приемами повстанцев и воспринял его учение. Он говорил, что пули и снаряды отскакивают от его тела, за что впавшие в заблуждение люди почитали его духом. Так один обучал пятерых, пять учеников в течение пяти дней обучали новых последователей, а за десять дней учение охватило всю провинцию». Можно себе представить, чему могли научиться невежественные крестьяне за пять дней!

Летописец уезда Цзиян провинции Шаньдун так описывал радения повстанцев: «Тех, кто овладевает их приемами, заставляют с закрытыми глазами произнести наизусть непонятное заклинание, состоящее из нескольких слов. Они немедленно приобретают вид обезумевших и, называя себя именами людей, творивших диковинные дела... начинают с оружием в руках стремительную беспорядочную пляску».

Даосские «маги», принимавшие самое активное участие в подготовке восстания, насаждали веру в могущество ритуальных жестов, заклинаний, аму-

летов и талисманов, заговоров от пуль и т. д. Невнятишу их проповедей дополняли реальные посетители традиций шаолинского ушу — крупные мастера, которые на глазах пораженных зрителей проделывали удивительные вещи: ребром ладони раскалывали кирпичи, сгибали железные брусья, встречали рукой удар меча и пробивали головой стены. Большинство рядовых членов союза было уверено, что подобное могущество — отнюдь не плод многолетних, порой пожизненных упорных тренировок, а результат овладения тайнами черной магии. Отсюда и курьезные сцены наподобие той, что описывает свидетель восстания, русский врач В. В. Корсаков: «Участники становились на открытом месте лицом на юго-восток, поставив перед собой предварительно зажженные жертвенные свечи или факел. Затем читали нараспев заученную заклинательную молитву и сжигали после этого на свече жертвенные бумажки. После этого они становились на четвереньки, сложив особым способом руки, и начинали делать туловищем качательные движения из стороны в сторону. Со многими скоро начинали делаться судороги подобно эпилептическим, они падали на землю, бились, затем вскакивали, размахивали руками, прыгали. Глаза у них наливались кровью, у рта появлялась пена».

Известный ученый-синолог Д. М. Позднеев, бывший членом русской миссии в Китае в период восстания, приводит в воспоминаниях рассказ своего консультанта-китайца, которого уважительно именуется сяньшэном (наставником).

«На заброшенной пустоши в сарае собрались боксеры, числом человек 10. На стенах сарая были развешаны надписи: видимо, имена божеств или духов, к которым боксеры обращались. Из написанных имен сяньшэну было известно лишь имя Гуаньди, китайского бога войны, значение же других имен ученому известно не было. На столе перед надписями лежал длинный нож и сосуды с благоуханиями и курениями. Главным божеством или духом являлся у них Хун-цюаньлао-цзу. Сначала все И-хэ-туаньцы простерлись на юго-восток, где обитает их дух, потом вскочили, и главный из них начал странную жестикуляцию и прыжки. Другие подражали ему. Затем первый схватил нож и начал быстро вертеть им в воздухе: у других ножей ни у кого не было, и они оставались свидетелями его движений, только строя страшные рожи, наводившие ужас на зрителей. Последние смотрели на боксеров в дверь, окна и щели в стене. После полчасовых упражнений старший боксер остановился в оцепенении, показывая тем, как было потом объяснено, что он достиг степени неуязвимости от оружия. В это время один из боксеров взял нож и ударил его по плечу. Сяньшэн мой не мог, однако, видеть, был ли удар нанесен острием или плашмя».

На взгляд человека непосвященного, классические тренировки секций цюаньшу выглядели колдовскими шабашами или цирковым балаганом. Достигнутая же путем концентрации внутренних ресурсов организма неуязвимость рассматривалась исключительно как шарлатанство или забавный курьез. Взять хотя бы описание японского свидетеля Савара Токудзукэ: «Они все время тяжело и часто дышат и режут, как быки; иногда же, распустив слюни, которые текут у них изо рта непрерывной струей длиной в 1—2 чн, размахивают во все стороны мечом или другим оружием».

Повстанцы глубоко верили, что знание приемов боя, закалка тела и чтение заклинаний могут даровать неуязвимость и бессмертие. У масс подобная уверенность пронескалась от невежества, у верховных иерархов — от сознания собственной силы, которую они склонны были переоценивать. Многие вожди повстанцев сами предлагали европейцам и цинским солдатам стрелять в них, но все эксперименты окончились плачевно. Некоторые пали жертвой своего просто-

душня и были расстреляны, другие отделались ранами и надолго выбыли из строя.

Поскольку приемы ушу и методы обучения были весьма сложны, в народе мастера наделялись сверхъестественной силой и волшебными способностями. Они якобы могли летать по воздуху (свойство, издавна приписываемое даосским отшельникам и членам «Белого лотоса»), поджигать дома иностранцев одним прикосновением или взглядом, исчезать и появляться в самом неожиданном месте. Хотя все подобные слухи были, разумеется, чистой воды небылицами, нельзя не признать, что для простого народа отряды повстанцев, особенно хорошо тренированных должны были казаться сборищем факиров и акробатов. Один из офицеров цинской армии писал: «Они мчались на противника галопом, кувыркаясь на ходу, словно в них вселилась нечистая сила». Мастерство и отвагу их в рукопашном бою отмечали и враги.

Основой подготовки было собственно цюаньшу, то есть искусство кулачного боя. Во всех школах овладевали также по крайней мере одним из четырех видов оружия: большим мечом, коротким мечом, копьем или шестом.

Как мы уже знаем, союз «Кулак в защиту мира и справедливости» объединял в своих рядах бойцов из десятков разнообразных сект и обществ. Названия этих обществ хорошо известны, но мало у кого ассоциируются с «военной техникой» повстанцев. Между тем в названиях групп и организаций часто содержалось упоминание основного оружия группы. Так, в «Союзе больших мечей» изучались главным образом приемы фехтования на больших мечах, в «Союзе малых мечей» каждый член носил с собой кинжал — малый меч. В секте «Шест длиною в шесть футов» ритуальным оружием служил монашеский посох, в даосской секте «Жезл» — небольшая клюка, типичный атрибут даоса. Популярен был и деревянный кинжал пин-ан, который умещался в рукаве и использовался для нанесения тычковых ударов по болевым точкам. «Союз ножей» отдавал предпочтение ножу, секта «Плеть из тигрового хвоста» — тяжелой плети. Последнее может показаться чудачеством, но плеть издавна использовалась в Китае как отличное средство нападения и защиты. Например, в классической юаньской драме «С плетью против копья» (XIII—XIV вв.), принадлежащей перу Шан Чжунсяня, главный герой в поединке должен был трижды выбить плетью копье из рук злобного цинского князя. В другой, анонимной, пьесе «Младший Юйчи открывается отцу и переходит на службу к Танам» воспроизводилась колоритная сцена поединка на плетях между отцом и сыном.

В ходу были также железные веера, подвесные наручные дубинки, кастеты, всевозможные метательные снаряды. Мастера охотно обращались и к трехсекционному посоху на веревочных перемычках. Интересно происхождение этого оружия. Сань-ци-кань, или трехсекционный посох, исторически считался ритуальной принадлежностью монахов, исповедовавших тантрический буддизм. Он олицетворял три таинства сокровенного учения тантризма. Попав в руки шаолиньских специалистов, безобидный предмет проявил себя в новом качестве.

Существовала и секта с названием «Шаолинь», члены которой проходили курс обучения по «комплексной программе». Об их подвигах повествуется в такой песне:

В деревне Цзинцунь члены союза «Шаолинь»

С мечом, пикой, палкой, кулаком

Бросились в Лофа на битву с врагом:

Что ни удар — гора трупов!

В иных обществах основное внимание уделялось закалке тела с целью приобретения неуязвимости. К таким относилась, например, секта «Железные куртки». В упражнениях этой секты тело специальным силовым массажем и

«набивкой» доводилось до состояния полной нечувствительности к боли, причем мастера безбоязненно подставляли любую часть тела под удар меча, и меч отскакивал, как от панциря. Однако противостоять огнестрельному оружию и они были не в силах.

Еще более экзотической была секта «Покрышка, подобная золотому колоколу» — ответвление «Союза больших мечей». На начальном этапе члены этой секты достигали такого же результата, как и «Железные куртки». Затем подключались энергетические каналы. В парных тренировках на нанесение удара (сначала только имитацией) принимающий удар должен был само внушением вызывать рассеянное излияние ци. За счет выплеска биоэнергии перед атакующим ставился своеобразный невидимый экран. Конечной целью тренировок было создание вокруг всего тела мощного отталкивающего биополя — «золотого колокола», которому не страшны ни мечи, ни копыя.

Активное участие в восстании принимали женщины и дети. Считалось, что дети очень восприимчивы, легко поддаются внушению и потому могут быстро освоить технику ушу со всеми обрядовыми атрибутами. В гипнотическом трансе мальчики и девочки изрекали слова туманных пророчеств и накликали на головы «рыжих дьяволов» кары небесные. Они утверждали, что летают над Лондоном и Берлином, поджигая с воздуха дома ненавистных иностранцев. Менее экзальтированные были в отрядах лазутчиками и сражались наравне со взрослыми.

Женщины объединялись в союз «Красная лампа», внутри которого были отделения для девушек («Зеленая лампа»), для замужних женщин («Синяя лампа») и для старух («Черная лампа»). Хотя упор в женских группах делался на магические действия и заклинания, все члены союза овладевали техникой ушу. Их лампы, точнее, фонари также служили оружием поджогов — плохо вооруженные повстанцы стремились широко использовать поджоги при осаде городов и крепостей. Женщины входили и в другие повстанческие группировки. Уступая мужчинам в силе, они совершенствовали ловкость и технику. Особенно славилась женщины — фехтовальщицы на больших мечах. Наставник Ли на собрании вождей повстанцев заметил об одном женском отряде: «Они едят постное, творят заклинания, население их уважает. Повстанцам не мешает перенять их приемы». Особенно успешно женщины справлялись с диверсиями: их вид не вызывал подозрений у оккупантов, не привыкших воевать с прекрасной половиной рода человеческого.

И все же ни личный героизм, ни виртуозное мастерство, ни заклинания и обряды не помогли в столкновении с бронированной мощью великих держав.

«Железная императрица» Цы Си (1834—1908), прославившаяся своей жестокостью, хотела руками заговорщиков-повстанцев разделаться с европейцами, которые давно уже поделили Китай на сферы влияния. Ради этого она и пошла на временный союз с бунтовщиками. Хотя не все тайные общества решились пойти на сговор с маньчжурами, большинство все же примкнуло к восставшим. Бои в стране шли с переменным успехом. В Пекине «боксеры» окружили старую цитадель, где засели иностранцы со своими семьями, но взять ее так и не смогли. Осада продлилась 55 дней: мечи, пики и кулаки оказались бессильны против пушек и ружей. Между тем императрица Цы Си, увидев, что быстрого успеха восставшие не добились, заключила союз с европейцами. Экспедиционные корпуса восьми держав разгромили повстанцев.

Восстание было потоплено в крови, десятки тысяч «боксеров» уничтожены физически. Погибли не только плохо обученные добровольцы, шедшие с мечами и палками против винтовок, но и предводители многих тайных обществ, главы сект, руководители школ ушу. Движение было обезглавлено. Ушу,

национальные воинские искусства, подверглись жестоким гонениям. Оставшиеся в живых члены «Триады» и «Братства Хун» ушли в глубокое подполье и рассеялись по стране. Многие бежали за границу, осев в китайских колониях по обе стороны Тихого океана.

Несмотря на то что разгром восстания нанес огромный урон развитию ушу, прочно укоренившиеся в Китае традиции воинских искусств не могли, разумеется, исчезнуть бесследно. Рубежом, обозначившим начало возрождения ушу, считается март 1909 г., когда в Шанхай прибыл на гастроли знаменитый боксер и боец О'Брайен. Ирландский силач вызвал на поединок всех желающих, пообещав свернуть шею любому китайцу. Тут-то и вспомнили о мастерах цюаньшу, ушедших было в подполье. Вызов О'Брайена принял Хо Юаньцзя, пятидесятилетний уроженец Хэбэя, носитель традиции старинной родовой школы «Лабиринт». Подготовка к матчу затянулась, так как Хо отказывался принять ограничения, связанные с безопасностью партнера. В конце концов, когда договоренность с грехом пополам была достигнута, нервы О'Брайена не выдержали и он тайно покинул Шанхай.

Однако публика была уже настолько взбудоражена, что началось брожение во всех тайных школах цюаньшу. Хо выступил в нескольких публичных схватках против известных мастеров и во всех вышел победителем. Эти матчи, продемонстрировавшие силу, мужество и виртуозную технику бойцов, вызвали небывалый подъем патриотических чувств среди молодежи. Группа энтузиастов обратилась к Хо с просьбой остаться в Шанхае и возглавить Ассоциацию по развитию воинского духа. Поначалу число учеников не превышало двадцати человек. Лишь впоследствии, после безвременной и загадочной смерти Хо Юаньцзя, школа разрослась.

В августе 1909 г. Хо встретился в поединке с японским мастером и легко выиграл бой, но вскоре почувствовал себя плохо. Болельщики заговорили о «смертельном касании», примененном японцем в нарушение всех правил. После осмотра, проведенного японским врачом, Хо скончался. Его ученики и последователи вскоре создали Всекитайскую ассоциацию физической культуры.

В период Синьхайской революции (1911) и затем, в период кровавых междоусобиц, с новой силой возобновилась деятельность тайных обществ — уже не связанных единой целью, как это было в годы тайпинского или «боксерского» восстаний. Враждующие генералы вербовали наемников среди опытных мастеров ушу, которые не прочь были продать свои знания за приличное вознаграждение. Многие тайные общества, наследники некогда могущественной «Триады», действовали на свой страх и риск, постепенно превращаясь в гангстерские кланы. Распри между кланами китайской мафии докатились даже до тихоокеанского побережья Америки.

Однако лучшие традиции тайных обществ не были забыты окончательно. Многие члены демократического правительства во главе с Сунь Ятсеном в прошлом участвовали в борьбе хуэйданов. Среди лидеров Гоминьдана были крупные мастера цюаньшу, которые впоследствии обосновались на Тайване и в Гонконге и поощряли там развитие традиционных воинских искусств.

Тайные общества участвовали и в крестьянских выступлениях 20-х гг. Так, в 1925—1927 гг. на севере страны появились крестьянские отряды самообороны «Красные пики». Там же, в провинции Шэньси, действовали общества «Белых пик», «Желтых пик», «Зеленых пик», «Черных пик», «Вееров», «Крепких животов» и др. Все это были прямые наследники могучих тайных обществ конца XIX в. «Красные пики» соблюдали все их обряды и правила: почитали тех же богов-покровителей, творили заклинания и молитвы, усердно тренировались. В течение ста дней после вступления в союз по ночам жгли кури-

тельные свечи, отбивали поклоны, стоя лицом к западу, пили холодную воду, в которую погружали тексты священных сутр, упражнялись в ушу. Верховным покровителем «Пик» считался блаженный бессмертный старец, проживающий на горе Девяти драконов. Одна из молитв «Красных пик» гласила: «Верховный учитель, проживающий в горах Девяти драконов, создал мое драгоценное тело, крепкое, как камень и железо. Тело мое сильно и непробиваемо копьем, пикой, стрелой, пулей, порохом...»

Традиции ушу продолжали жить и в 30-е гг., и в 40-е, но только в мелких подпольных секциях, сектах и школах.

Немало мастеров ушу было среди китайских добровольцев, сражавшихся в годы гражданской войны в России. Заметный вклад внесли они и в борьбу против японских захватчиков.

После создания КНР традиционные воинские искусства ушу подверглись гонениям. Однако уже в 1956 г. мастера ушу, осужденные как носители идеологического груза прошлого, были реабилитированы. Состоялся национальный чемпионат по ушу, который повторялся и в последующие годы. Обучение ушу было введено в программу ряда институтов и университетов. В период «культурной революции», с 1966 по 1972 г., вновь начались преследования мастеров ушу. Многие ведущие мастера были арестованы, секции и общества вновь ушли в подполье.

Новая волна возрождения началась в 1973 г., но полное признание пришло лишь после 1976 г. За последнее десятилетие ушу не только приобрело статус национального спорта, но и необычайно расширило число своих сторонников. Преподавание тех или иных видов воинских искусств ведется не только в вузах, но и в школах, в многочисленных спортивных клубах. Чемпионы привлекают десятки тысяч болельщиков, не говоря уже о сотнях миллионов телезрителей. В кинотеатрах страны появились боевики собственного производства, успешно соперничающие с гонконгскими лентами.

Итак, традиции Шаолиня живут. Как же сложилась судьба самого легендарного монастыря после учиненного маньчжурами разгрома?

После пожара 1723 г. хэнаньский Шаолинь был восстановлен. Монастырь, игравший на протяжении веков видную роль в жизни Поднебесной, не мог погибнуть бесследно. Новые обитатели Шаолиня, обласканные императором, старались в меру сил поддерживать воинственные традиции монастыря, однако от антиманьчжурской борьбы решительно отказались. Сведений об участии Шаолиня в народной войне тайпинов, в «опиумных войнах» или в восстании начала нашего века не сохранилось. Ничто не тревожило размеренную жизнь монастыря вплоть до 1928 г., когда он неожиданно оказался на перепутье военных дорог. Во время кровавой междоусобной войны в Шаолине укрылся генерал Фань Чаньсю со своим отрядом. Генерал Ши Юсань осадил горную обитель с превосходящими силами. Фань Чаньсю бежал — и тогда обозленный соперник приказал поджечь монастырь.

Шаолинь горел более сорока дней. Шестнадцать храмов, бесчисленные сокровища, произведения искусства, священные реликвии обратились в пепел. Но и после этого жизнь монастыря не угасла окончательно. Древней святыне суждено было пережить новое возрождение. В 1957 г. началась реконструкция Шаолиня. В 1980 г. на базе монастыря состоялся грандиозный чемпионат национальных воинских искусств с участием команды школы Сёриндзи-кэмпо из Японии. В Шаолине проходили съемки всемирно известного ныне китайского исторического боевика «Монастырь Шаолинь». Поселившиеся под кровом монастыря тридцать престарелых мастеров цюаньшу во главе с восьмидесятилетним настоятелем Ши Дэшанем преисполнены решимости поддерживать традиции Шаолиня, и есть все основания думать, что им это удастся.

От редакции:

Развитие всесторонних связей СССР с нашим восточным соседом вызывает растущий интерес советских людей к различным сторонам материальной и духовной жизни японцев. Воспитание чувства прекрасного, своеобразный культ поклонения красоте присущи японцам на протяжении многих веков. Одним из проявлений этого культа является древняя самобытная традиция икэбаны — искусства аранжировки цветов. В наше время икэбана вышла за пределы Японии — создана и действует Международная ассоциация икэбаны. И в нашей стране работают многочисленные кружки любителей аранжировки цветов, члены которых проявляют большой интерес к икэбанае. В этой связи редакция журнала намерена вести постоянную рубрику. В ней будут публиковаться материалы, которые познакомят читателей с историей возникновения и развития икэбаны, с основными направлениями и школами этого искусства. Предполагается дать практические советы по аранжировке цветов, приемам обращения с ними.

Икэбана. Что это?

В переводе на русский язык икэбана — «оживленные цветы». Именно «оживленные», а не «живые», как часто трактуется. Японцы считают, что срезанный мертвый цветок в букете получает новую жизнь, оживает. Композиция цветов икэбаны выражает собой гармонию красоты природы с чувствами и мыслями человека, стремление к совершенству. Иными словами, икэбана — это живопись цветов и природы, их поэзия. При этом соавтором является составитель букета. Следует отметить, что возможности выразительности икэбаны весьма обширны. Подобно живописи, в ней используется цвет, подобно скульптуре, она предстает перед взором зрителя в трехмерном измерении. Это не простой натюрморт, подчеркивают японские преподаватели, это живое, одухотворенное существо.

Икэбана, не нарушая установившихся в природе понятий красоты асимметрии, не идет по пути элементарного воссоздания в миниатюре встречающегося в природе положения цветов, веток и других компонентов. Ведь как бы великолепно ни смотрелись цветы в своей первозданной красоте в природных условиях, в случае, если мы их срежем и попытаемся повторить только что виденное, совершенства не достичь. Простое подражание прекрасному в природе не есть само прекрасное. Поэтому авторы японских букетов стремятся, не совершая насилия над красотой природы и ее пониманием, дополнить и развить ее согласно своим чувствам, мироощущению, превносимой идее. Как правило, составленный букет получает свое особое название подобно любому другому произведению искусства. Мастера икэбаны разработали целую систему методов и приемов изменения линий веток и стеблей для придания им еще большего совершенства, акцентируя красоту того или иного элемента букета.

Немного истории

Использование человеком цветов для украшения себя и своего жилища, в качестве атрибутики различных торжеств и ритуалов, видимо, насчитывает столько же веков, сколько длится человеческая цивилизация. Простое украшательство превращалось в искусство постепенно, и поэтому трудно сказать, когда именно в Японии возникло искусство икэбаны. Принято считать, что это произошло около 500—700 лет тому назад. Но значительно раньше уже существовали особые, сложившиеся в специальные направления способы аранжировки цветов. Так, в поэтическом сборнике «Манъёсю», представляющем собой антологию японской поэзии начала V — середины VIII в., а также в хронологических записях Японии «Нихонсёки», берущих начало с VIII в., можно найти упоминания о том, что японцы испытывали большую любовь к природе, цветам, растениям.

Искусство составления букетов цветов получило быстрое развитие в Японии с приходом в страну буддизма, когда цветы стали широко использоваться в ритуалах при возложении подношений к алтарям и для украшения храмов. По мере распространения буддизма в Японии цветы стали широко использоваться и для внутреннего убранства обычных, «мирских» зданий и жилищ. В частности, с большим интересом икэбана была воспринята самурайскими кругами.

В период Муромати (конец XIV—XVI в.) особую популярность получило искусство составления букетов татэбана. Это было время, когда аранжировка букетов была отделена от религиозного культа и основное внимание придавалось не столько самой оценке красоты букета, сколько именно процессу его составления. Татэбана по своему стилю отличалась монументализмом, мощностью, стремлением к оригинальности и в то же время к простоте форм, хотя тем не менее включала в себя и определенные сложные элементы композиционного характера. Букеты татэбаны предназначались главным образом для украшения площадей перед строгими и величественными замками. В этот период широкое распространение получают также и такие характерные для японской культуры виды искусства, как театр Но, чайная церемония, искусство создания японских садов, то есть можно сказать, что именно в это время создается «эталон японской красоты».

В период Муромати развивалось еще одно, довольно отличное от татэбаны направление аранжировки цветов — тябана. Оно представляло собой сравнительно простой, символичный стиль составления букетов, которые предназначались для убранства небольших по размеру комнат. Этот стиль наиболее близок к современной икэбанае.

В ранний период букетами икэбаны украшалось особое прямоугольное углубление в стене парадной комнаты дома, так называемая токонома, рассматриваемая как священное место в японском жилище. В связи с однотипностью расположения букетов икэбаны в токонома стили их аранжировки оказывались во многом аналогичными, хотя и не исключалось бесчисленное многообразие от различных видов цветов, до веток и стеблей растений. Тем не менее токонома в определенной степени сковывала творческий процесс составления букетов, вела к чрезмерной канонизации методов и приемов работы. Поэтому к периоду буржуазной революции Мэйдзи интересы дальнейшего развития искусства икэбаны потребовали определенного пересмотра взглядов в соответствии с изменениями в сфере культурных и социально-экономических отношений в стране. В ходе этого процесса сложился целый ряд различных направлений искусства икэбаны. Их в настоящее время насчитывается около 60. Среди современных школ икэбаны можно выделить «Икэнобо», «Оха-

ра» и «Согэцу», которые в значительной степени сумели сохранить вековые традиции этого самобытного искусства японского народа и в то же время внести в него новейшие элементы в соответствии с требованиями времени.

Этими школами проводится большая работа как в самой Японии, так и за ее пределами по расширению числа последователей, по привлечению учеников в разветвленную сеть филиалов и центров по обучению и пропаганде этого вида искусства. Руководители школ «Икэнобо», «Охара» и «Согэцу» являются почетными мастерами-консультантами Международной ассоциации икэбаны. В самой Японии издается множество книг и журналов с целью популяризации искусства икэбаны, которое наряду с каллиграфией является предметом обучения в японской средней школе.

Школа «Согэцу»

Основателем школы «Согэцу» был Тэсигахара Софу. В 1926 г. в возрасте 25 лет он сформировал свою школу, усилиями которой в искусстве икэбаны утвердились новые, передовые для своего времени методы составления букетов, а также получили развитие традиционные, классические направления. «Согэцу» в переводе означает «трава и луна». Особенностью подхода школы, послужившей одной из причин ее широкого распространения и большой популярности в Японии и за рубежом, явилась идеальная универсальность и приспособляемость. Школа поставила своей целью научить составлению таких букетов, которые способны сочетаться с любым окружением, как японского, так и европейского стиля. Композиции икэбаны школы «Согэцу» могут включать наряду со всевозможными видами цветов, веток, листьев неорганические компоненты (провода, куски пластмассы, веревки и т. п.). В качестве ваз могут служить самые разнообразные сосуды, корзины, пни, камни.

Школе «Согэцу» свойственны определенная абстрактность образа, использование элементов коллажа, рельефность и скульптурность. Такое раскованное, свободное творчество, освобождение от жестко регламентированных канонов составления букетов феодального периода в значительной степени способствовали превращению икэбаны в высокохудожественное, подлинно творческое искусство, приравняло труд мастера икэбаны к труду живописца и скульптора.

Школа «Согэцу» выделяет два основных стиля аранжировки цветов:

Стиль «морибана», когда цветы составляют в букет в плоской вазе, неглубокой широкой чаше с водой или в корзине, крепятся с помощью специальной металлической накладки с иглами, помещаемой на дно вазы, а вся композиция букета строится горизонтально. Стиль «морибана» ставит задачей как можно более осторожный перенос растений в горизонтальную вазу с целью создания иллюзии миниатюрного ландшафта, как бы удаленного от глаз зрителя.

Стиль «нагэирэ», когда цветы составляют в букет в продолговатой высокой вазе, крепятся с помощью естественных веточек и композиция строится вертикально. Этот стиль внешне напоминает обычное составление букетов в вазе, принятое в нашей стране, однако в корне отличается от него по композиции и технике составления.

Чтобы научиться составлять букеты икэбаны нужно многое узнать и освоить. Однако объяснимо и понятно желание сразу же приступить к практической работе. Поэтому приведем несколько заповедей икэбаны:

- красивые цветы еще не красивая икэбана. Цветы раскроют свою красоту только после соответствующей аранжировки;
- икэбана должна соответствовать времени и месту;

- каждый делает букет по-своему, но дух икэбаны не меняется;
- даже в одном цветке и одной ветке должна отражаться великая природа;
- делая букет, в душе разговаривайте с цветком;
- приступайте к созданию букета без сомнений;
- начинайте аранжировку с соответствующим настроением, спокойно, внимательно;
- в общих правилах аранжировки собран весь нужный опыт;
- у основных форм букета может быть много вариантов;
- свободное творчество возможно после овладения основной формой букета и его вариантов;
- чем больше человек постигает искусство икэбаны, тем более внимательным он должен быть перед составлением букета;
- бережно относитесь к материалу букета, но не бойтесь обрезать лишние ветки, листья и даже цветы во имя красоты всего букета;
- во время составления букета рассматривайте его издали;
- не обращайте внимания на количество цветков, веток (четное, нечетное). Самое главное — гармония и баланс;
- муки творчества составителя букета не видны со стороны. В зависимости от материала линии букета могут быть четкими, получеткими и плавными (расплывчатыми);
- подлинная красота букета рождается из его гармонии с окружающей обстановкой;
- глаза, руки и сердце составителя букета не должны быть в плену у правил;
- икэбана — это не только картина, но и музыка и скульптура.

Р. Б. НОЗДРЕВА

«Через новое политическое мышление к укреплению добрососедства и взаимопонимания между народами СССР и Японии» — так была сформулирована тема VI конференции «круглого стола» представителей советской и японской общест­венности, прошедшей в Москве 17—19 октября 1988 г. Конференция была организована с советской стороны Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и обществом «СССР — Япония» (ОСЯ), а с японской стороны — Парламентской ассоциацией японо-советской дружбы (ПАЯСД), Японской ассоциацией культурных связей (ЯАКС), Обществом японо-советской дружбы (ОЯСД), Обществом японо-советских связей (ОЯСС) и Ассоциацией японо-советской торговли (АЯСТ).

В течение трех дней в конференц-зале и аудиториях московского Центрального Дома туристов (ЦДТ) около 400 представителей широких кругов общест­венности обеих стран, обсуждали вопросы борьбы за мир и ядерное разоружение, обменивались мнениями по вопросам, охватывающим политические, экономические, научно-технические и культурные аспекты обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе и советско-японских отношений. Была рассмотрена также проблема активизации народной дипломатии как фактора борьбы за гуманизацию и демократизацию международных отношений, укрепления атмосферы взаимопонимания между СССР и Японией.

Со времени проведения конференции прошло более трех месяцев, в активе двусторонних отношений немало новых событий и фактов. Но память все же постоянно возвращается к тем трем осенним дням, когда фойе и холлы конференц-зала ЦДТ были буквально запружены людьми с одинаковой эмблемой на аккредитационной карточке — советский и японский флаги под римской цифрой VI на фоне голубого земного шара.

Есть несколько особенностей, выделяющих нынешнюю конференцию «круглого стола» из ряда предыдущих (они проводятся с 1979 г. поочередно в Токио и Москве).

Дух перемен, происходящих в нашей стране, коснулся и конференции. Решено было отказаться от традиционных, заранее подготовленных докладов по всем темам, которые распределяются между выступающими и зачастую заранее известны большинству делегатов. В прошлом слушатели конференции нередко мужественно боролись с дремотой во время зачитывания многочисленных докладов (особенно это касалось японских участников, на которых сказывалась огромная разница наших временных поясов). На этот раз участникам встречи предлагалось ознакомиться с 4 базовыми материалами, отражающими точку зрения советской делегации по вопросам политики, экономики, науки и культуры, народной дипломатии в советско-японских отношениях. На этой основе на пленарном заседании развернулся свободный обмен мнениями, более углубленная дискуссия проходила в 4 комиссиях по темам:

1. **Политика:** Новое политическое мышление в советско-японских отношениях — важный фактор обеспечения безопасного будущего АТР.

2. **Экономика:** Перспективы советско-японского экономического сотрудничества в условиях перестройки хозяйственного механизма и внешнеэкономических связей СССР.

3. **Наука и культура:** Перспективные формы развития связей в области культурных и научных обменов между СССР и Японией.

4. Дружественные связи: Роль народной дипломатии в деле гуманизации международных отношений и оздоровления обстановки в АТР.

В отличие от прошлых конференций на этот раз в дискуссиях преобладал дух серьезного конструктивного диалога по всему спектру как двусторонних, так и международных отношений в целом. Откровенная постановка самых острых проблем, готовность выслушивать позиции партнеров и понять их, уважение к чужому мнению даже при всей его неприемлемости для оппонента — вот что, пожалуй, наиболее характеризовало атмосферу конференции.

Ни для кого не секрет, что основную причину, препятствующую кардинальному улучшению советско-японских отношений, заключению мирного договора, японская сторона видит в отсутствии сдвигов на пути к удовлетворению ее претензий на так называемые «северные территории». Прозвучала эта мысль и в выступлениях некоторых японских участников встречи. Причем была предпринята попытка связать указанную тему с критической переоценкой в нашей стране некоторых аспектов исторического прошлого.

Указанная тема с особой остротой прозвучала в дискуссиях в 1-й (политической) комиссии. Некоторые наши партнеры стремились свести все уравнение советско-японских отношений к территориальной проблеме, игнорируя при этом другие составляющие элементы. Однако многие члены японской делегации с пониманием отнеслись к призывам советских участников «не заклиниваться» (буквальное выражение ряда выступавших с обеих сторон) на этом, пусть даже важном для Японии, вопросе, по-новому взглянуть на развитие двусторонних отношений, расширить поиски баланса интересов, который мог бы содействовать их улучшению. В выступлениях ряда японских ораторов прослеживался и призыв к соотечественникам отказаться от превращения территориального вопроса в неодолимый камень преткновения, решать спорные проблемы только на основе взаимоприемлемого компромисса. Как пример приводился прецедент в японо-китайских отношениях, где спор о принадлежности островов Сенкаку, оставленный на суд будущих поколений, не помешал заключению мирного договора. Участники дискуссии признали бесплодной всякую абсолютизацию позиций как противоречащую новому политическому мышлению, совместным поискам путей к подлинному добрососедству.

Важно подчеркнуть, что политические вопросы двусторонних отношений, несмотря на существующие различия во взглядах, рассматривались в тесной связи с развитием обстановки в АТР, с общемировыми тенденциями.

На содержание дискуссии большое влияние оказали инициативы по обеспечению мира и безопасности в АТР, изложенные в речи М. С. Горбачева в Красноярске (сентябрь 1988 г.). Обсуждались также вопросы строительства системы всеобщей безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе, выработки нового, более широкого подхода к двусторонним отношениям.

При рассмотрении вопросов экономического сотрудничества особое внимание было уделено созданию совместных предприятий как наиболее перспективному направлению в этой области. Подчеркивалась необходимость первоочередного развития инфраструктуры в местах организации совместных предприятий и освоения особых экономических зон, совершенствования законодательства, касающегося создания и деятельности таких предприятий, проведения совместных исследований рентабельности их проектов. Комиссия вполне обоснованно отметила недостаточный уровень экономических связей между СССР и Японией. Об этом свидетельствует и содержание экономических отношений, практически полностью ограничивающихся торговлей, и структура взаимного товарообмена, характеризующегося преобладанием продукции неприоритетных, малоперспективных отраслей, и ограниченный характер научно-технических связей, что в условиях бурного развития НТП выглядит по меньшей мере ненормально. В то же время участники дискуссии отмечали наличие экономической заинтересованности в развитии связей между СССР и Японией. Это, по их мнению, позволяет активнее включить советский Дальний Восток в международное разделение труда и станет важным фактором стабильного развития всех стран этого региона на далекую перспективу.

Обилие интересных идей и конкретных предложений по обменам в области науки и культуры позволяет сделать вывод о наличии больших потенциальных воз-

возможностей сотрудничества и по этим направлениям. Японские участники 3-й комиссии внесли, в частности, предложение о создании в Японии общественного фонда финансирования научных и культурных обменов с Советским Союзом.

Дискуссия по вопросам движения за дружбу подтвердила важность этой формы сотрудничества как основы для развития всего комплекса советско-японских отношений.

Конференции «круглого стола», отмечалось в Итоговом документе, в самые тяжелые в советско-японских отношениях годы, когда почти затухал межгосударственный диалог, играли роль прочного связующего звена. За эти годы конференции аккумулировали немало идей и предложений по развитию сотрудничества в различных областях, оказали определенное позитивное влияние на изменение климата в отношениях между СССР и Японией.

Свидетельством их важной роли стали приветствия в адрес VI конференции от Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова и премьер-министра Японии Н. Такэсита.

Во время пребывания в Москве японская делегация была принята для беседы кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. И. Лукьяновым. Состоялись встречи делегации с Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР Э. П. Воссом, Председателем Президиума ССОД В. В. Терешковой, председателем советско-японской секции Парламентской группы СССР, председателем Госкомтруда И. И. Гладким, председателем Центрального правления ОСЯ, министром морского флота СССР Ю. М. Вольмером, руководителями и сотрудниками различных советских организаций.

VI конференция «круглого стола» состоялась в тот период, когда в мире происходят позитивные изменения, свидетельствующие о том, что человечество начинает всерьез задумываться о своем будущем. Сделаны первые шаги в ядерном разоружении, ведутся поиски политических решений региональных конфликтов, растет роль ООН, развивается активный диалог между Востоком и Западом, крепнет международное сотрудничество.

В этих условиях участники конференции подчеркнули необходимость новых усилий общественности, направленных на то, чтобы сдвинуть чашу весов в пользу мира и сотрудничества, выработать новый взгляд на советско-японские отношения как часть общемировых. Было высказано общее мнение, что именно сейчас перед народной дипломатией открываются новые возможности активного влияния на формирование международных политических отношений.

Ю. Е. БУГАЕВ

Лекция китайского ученого

В сентябре — октябре 1988 г. в Советском Союзе по приглашению Всесоюзной ассоциации китаеведов находилась делегация Китайской ассоциации за международное взаимопонимание во главе с видным ученым, директором Института реформы экономической системы КНР, Чэнь Ицзы. Китайские гости были приняты в ЦК КПСС и в Советской политологической ассоциации, имели беседы в президиуме Академии наук СССР и ряде академических институтов. Во время посещения Института Дальнего Востока профессор Чэнь Ицзы прочитал для актива ВАКИТ и советских ученых-экономистов лекцию о ходе и опыте китайской реформы.

Еще недавно, сказал он, в Китае полагали, что, поскольку существуют марксизм-ленинизм и советский опыт, стоит только перенести их на китайскую почву, и будет все в порядке. Лишь к концу 1978 г. КПК осознала, что надо исходить из реальной обстановки в собственной стране, учитывать ее специфику.

После тщательного изучения обстановки в стране, продолжал профессор, был сделан вывод: начинать реформу надо с экономической системы, причем со слабого ее звена — с деревни. Лектор объяснил это следующими причинами: а) меньше риска, ибо сельское хозяйство слабее связано с плановой системой; б) в сельском хозяйстве легче добиться быстрой отдачи; в) если даже реформа в сельском хозяйстве не удастся, то это не так сильно отразится на всей ситуации в стране; г) опыт показал, что там, где реформу начинали с деревни (Венгрия, Югославия) были достигнуты определенные успехи; д) в Китае 800 млн. человек живет в деревне, и если здесь будут достигнуты успехи, то это даст ощутимый эффект в масштабе всего общества. К тому же обстановка в деревне складывалась таким образом, что крестьяне были крайне заинтересованы в реформе. Годовой доход крестьянина в среднем составлял около 120 юаней, причем у четвертой части населения деревни он не превышал 70 юаней. В целом реальный доход крестьян в 1978 г. был даже ниже, чем до «культурной революции» (1966).

Затем профессор Чэнь перешел к конкретным вопросам осуществления реформы. На селе, сказал он, реформа развивалась по следующим направлениям: Земля передавалась в подряд крестьянским дворам. Право собственности отделялось от права хозяйствования. В сельскохозяйственном производстве начал работать рыночный механизм. Был отменен порядок, при котором крестьянин всю свою продукцию сдавал государству, и введена система закупок сельхозпродукции по контрактам (20 %). В результате производство зерновых превысило 400 млн. т. Соответственно повысился доход и на душу населения — со 130 юаней в 1978 г. до 400 юаней в 1984 г. (рост на 160 %, если исключить фактор инфляции). Кроме того, более 80 млн. крестьян перешло в сферу несельскохозяйственного производства.

Реформа городской экономики началась практически в 1979 г. Ее цель состояла в том, чтобы расширить права и самостоятельность предприятий и ввести подрядную систему. Однако только в 1987 г. на 3-м Пленуме ЦК КПК 12-го созыва был сделан вывод о том, что ключевой момент реформы состоит в преобразовании всей системы функционирования предприятий, а это невозможно осуществить без реформы ценообразования. На Пленуме было подчеркнуто, что нельзя перескакивать через этап развития товарной экономики. Затем на Всекитайской партийной конференции при определении содержания социалистической товарной экономики было выделено три ее звена: самокупаемость, рынок средств производства и косвенное регулирование из центра. XIII съезд КПК пошел дальше, указав, что государство при помощи экономических, юридических, а также необходимых административных средств должен регулировать соотношение между спросом и предложением.

нием, создавать благоприятную экономическую среду и тем самым подсказывать предприятиям правильные хозяйственные решения. Как и ожидалось, проводить реформу в городе оказалось труднее, чем в деревне. Ориентиром для предприятий стала прибыль, а не план. Однако полностью отказаться от старой системы было бы преждевременно. Частично продукция поступает на свободный рынок, но над крупными предприятиями осуществляется контроль со стороны государства. Поэтому пока не удалось ликвидировать уравниловку.

По вопросам реформы цен, отметил лектор, трижды выработывались соответствующие мероприятия и довольно кардинальные, однако нельзя сказать, что к настоящему моменту эта проблема решена. Без действенного механизма ценообразования нельзя рассчитывать на то, что с отказом от контроля над ценами немедленно установится рациональный режим ценообразования. С другой стороны, в КНР хорошо понимают, что если все цены будут находиться под контролем плановых органов, то невозможно будет создать собственно рыночный механизм. Приходится поэтому часть цен освободить от регулирования, другую — ставить под контроль, иначе говоря, ехать по «двойной колее».

На макроэкономическом уровне предполагается, кроме реформы цен, провести и реформу налогообложения. Введен подоходный налог на приращенную стоимость. В инвестиционной политике наметился переход от инвестиций к банковским займам.

В целом, констатировал ученый, реформа городской экономики продвигается вперед, материальное снабжение только на 30 % производится централизованно. В инвестиционной области централизованные капиталовложения не достигают и 30 %. Цены более чем на 60 % продукции повседневного спроса образуются под воздействием рынка. Все это представляется неплохой основой для становления новой экономической системы.

С углублением экономической реформы, подчеркнул лектор, встал вопрос о реформе политической системы. Созданная после 1949 г. политическая система основывалась на союзе рабочего класса и крестьянства и в целом была эффективной, однако в деле руководства государством и партией имели место серьезные недостатки: функции партийных и государственных органов не были четко разграничены, поэтому партия подменяла правительство. Старая система, по словам профессора Чэнь, больше соответствовала условиям военного времени. Она была громоздкой и ориентированной на продуктопроизводящую, а не товарную экономику. Согласно решениям XIII съезда КПК, коренной задачей является разделение функций партийных и государственных органов, увеличение представительства низовых организаций, проведение реформы управленческих институтов, кадровой политики, развитие и расширение социалистической демократии, оздоровление системы социалистического правопорядка. Долгосрочной целью является создание системы полной социалистической демократии. Ближайшая цель — путем оживления и развития системы правопорядка вдохнуть жизнь в социалистическую демократическую систему, ликвидировать бюрократизм, придерживаться открытости в политике.

Затем Чэнь Ицзы остановился на трудностях в установлении правильного взаимоотношения между политической и экономической реформами. Экономическая реформа требует, чтобы власть была делегирована вниз. Однако это ведет к дроблению власти. Необходимо установить оптимальное соотношение между ними. Процессы демократизации в экономике и политике должны стимулировать друг друга. Делегирование полномочий вниз должно сопровождаться борьбой против местничества. Во всяком случае, подчеркнул лектор, демократизация управления не означает сохранения такого стиля, когда право принятия решений остается за одним человеком.

Еще одна проблема — установление правильных взаимоотношений между духовной и материальной культурой. В современных условиях многие наши стереотипные представления неприемлемы. Осуществление реформ экономической и политической системы требует выработки адекватной социалистической нравственности. Опыт КНР в этой области, подытожил Чэнь Ицзы, сводится к следующим моментам:

1. Реформа — это развивающийся процесс, требующий времени. Нельзя идеализировать ни социализм, ни реформу. Мы надеемся не повторить ошибок 1958 г., когда народу обещали, что социализм будет быстро построен.

2. Можно и нужно выбирать различные варианты реформ, учитывая реальную обстановку. Лучше «держаться середины», избегая крайностей (скажем, безвольно идти на поводу у общественности, равно как и не прислушиваться к ее голосу).

3. При проведении реформы приходится уделять внимание многим ключевым проблемам, но решать их надо в комплексе, иначе реформа не достигнет цели. Но есть структуры, которые нужно перестраивать в первую очередь. От легких задач — переходить к трудным. При этом следует четко представлять, что невозможно выработать какой-то идеальный проект, осуществление которого сразу решило бы все большие проблемы общества. Если вы избрали даже объективно лучший вариант, то все равно, решив одни противоречия, столкнетесь с новыми, и окажетесь под огнем критики. По ключевым проблемам реформы необходимо создавать группы специалистов, имеющих различные точки зрения, дабы обеспечить принятие правильного решения. Только тогда можно свести к минимуму ошибки.

4. Ухватившись за главное звено, можно привести в движение широкие народные массы, разъясняя им, почему предпринимается реформа, как ее надо осуществлять, какие опасности она может таить в себе.

В Китае, вследствие широкого распространения уравнительного распределения, глубоко внедрились в сознание идеи типа «не рискуя иметь как можно большой доход». Все критиковали принцип «питания из большого котла», но когда дело коснулось каждого в отдельности, стали проявлять нерешительность, нежелание отказаться от уравнительного распределения.

Реформа — двудвижный процесс: это — и продвижение вперед, и преодоление неизбежных препятствий и опасностей.

В заключение Чэнь Ицзы отметил, что и Китай, и Советский Союз стоят ныне перед большими трудностями. Октябрьская революция в России дала миру международный опыт завоевания власти трудящимися. В Китае трудящиеся путем вооруженной борьбы завоевали власть. Теперь стоит проблема — как строить, как хорошо распорядиться этой властью. Эта проблема остается пока нерешенной. Главная задача — как превзойти капитализм по производительности труда, по демократизации общества. Поэтому необходимо учиться друг у друга, воодушевлять друг друга, поддерживать друг друга.

Б. К. ЧИЖОВ

Н. П. ЗАДОРНОВ

От редакции

Вторая новелла — глава из романа Н. П. Задорнова «Владычица морей» — посвящена событиям зимы 1856 г. в Китае.

Наша публикация вызвана не только стремлением удовлетворить растущий интерес читателя к истории вообще и истории Китая в частности. Тому есть более конкретные и не менее актуальные поводы. Некоторые японские и тайваньские авторы, причем с обязательной ссылкой на британские издания и высказывания британских специалистов, до сих пор пытаются пропагандировать идею «особой агрессивности» России и «миротворчества» Англии на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Н. П. Задорнов не стремится показать, что все было наоборот. Он рассказывает, как было дело, рассказывает, конечно, прибегая к средствам определенного литературного жанра.

Народы шли навстречу общей судьбе и борьбе. Быть может, в те самые зимние дни и вечера Карл Маркс, читая репортажи корреспондента «Таймс», размышлял не только о роли России и Англии в китайских делах, но и о роли капитализма Европы в создании первой в истории мировой хозяйственно-политической системы, создании сети мирохозяйственных связей и международных коммуникаций, в распространении промышленности и научно-технических достижений, в формировании взаимодействия идей (эти мысли дошли до нас в виде манускриптов 1857 г.). Маркс видел, безусловно, грабительский характер и насильственные методы Запада. Однако видел и другое — дальние всемирно-исторические последствия этих деяний. Разворачивался на его глазах процесс становления той общечеловеческой связи, которой предстояло стать основанием «обобществившегося человечества».

Степень, характер и формы движения к общечеловеческой истории у каждой эпохи были свои. По методам колонизаторы и работорговцы XVIII—XIX вв. немногим отличались от тех, кто создавал мировые или «срединные» империи. Однако менялась сама природа взаимодействий. Эту сложность и показывает Н. П. Задорнов. Мы видим различия в английской политике и поведении ее представителей — от тяги к прямым территориальным захватам до экономической экспансии, где война лишь средство, от адмирала Сеймура (именем его лейтенанта будет назван Порт-Артур, китайский Люйшуньхоу) до ученого лорда Элгина. Мы знакомимся с китайскими дельцами, командорами, пионерами китайского буржуазного предпринимательства, а не только с генералами и чиновниками Цинов.

«Открытие» Китая было процессом разносторонним и многозначным. Без проникновения западных товаров, идей и хозяев — без этих предпосылок трудно себе представить движение за революционный новый Китай, да и полуфеодалное общество первой половины XX в. — это не феодальная империя первой половины века XIX. Вместе с тем «открытие» Китая сопровождала-

лось еще одним явлением (в разной степени и форме оно воплотилось в движении тайпинов и в стихийном протесте жителей Гуанчжоу, которые заставили «призадуматься» самого лорда Элгина). В Китае начиналось становление чувства народного достоинства — национального, социального, человеческого. Великому пробуждению души китайского народа и посвятил советский писатель эту главу — дань памяти и уважения.

Н. П. Задорнов, опирается на обширный документально-исторический материал. Это придает повествованию и убедительную достоверность и яркую публицистичность, и точность воспроизведения сложнейших событий истории.

«...Погода переменилась, и мы находимся, как на другой планете», — записал в своем дневнике Джеймс Элгин, чрезвычайный уполномоченный Англии в делах с Китаем, прибыв в Гонконг.

Посол съехал на берег. Генерал-губернатор колонии Джон Боуринг еще в Японии. Он, как и адмирал Сеймур, командующий английской эскадрой, сторонник занятия Приморья, Сахалина и японского острова Хоккайдо. Адмирал не помнил сегодня про свои имперские аппетиты и жажду славы. Он только повторил то, что Элгину приходилось слышать еще в Англии. Севернее Китая есть территория с прекрасной растительностью, береговая линия которой изрезана множеством удобных бухт. Все это в мягком климате. Пейзажи напоминают южную Европу.

Известно, что Сеймур с офицерами своей эскадры недавно нанес на карту линию побережья той страны. Он хочет основать там второй Гонконг и колонию в более удобном для европейцев климате. Сеймур очень стремится к берегам, которые описывал. А Боуринг желает занять северный остров Японии, чтобы включить эту страну в круг британских интересов. У них есть карта с желтой линией, идущей от одной из бухт Приморья. Линия названа именем адмирала Сеймура. Она проходит далее через юг Сахалина на север Японии и означает «пределы влияния» России. Сеймур хочет блокировать Сибирь, как он блокировал Кантонскую реку, и на Амуре приобрести остров, когда будет получено право плавания по рекам.

Элгин видел в этом возникновение лишних противоречий. Он не проявляет интереса к территории, что северней Кореи. Во всяком деле надо знать меру. Элгин не питает никаких симпатий и никаких иллюзий в отношении России, но полагает бессмысленными какие бы то ни было действия, которые могут втянуть Соединенное Королевство в новый конфликт.

Элгин писал премьеру о Приморье. Понятно, что нет сил для такого предприятия. Но и смысла нет занимать территорию, где не проживает многочисленное население и где не с кем торговать. Нелепость этих планов очевидна и в опровержении не нуждается. Желание основать колонию в удобном для европейцев климате потребует больших затрат. Там пришлось бы создавать не второй Гонконг, а вторую Австралию, пригонять каторжников. Был случай, когда адмирал Стирлинг и коммодор Эллот высаживали сотню пехотинцев на побережье Сахалина. По долине стояли ряды палаток, красные мундиры маршировали у подножия гор, корабль с флагом Соединенного Королевства стоял на рейде — и порт считался занятым. Все быстро переменилось. На побережье Сибири ставятся новые посты и строятся города. Японцы проявляют такую склонность к самостоятельности, что наивно думать, будто на их северном острове можно обосновать колонию, замыкающую линию блокады Сибири, и при этом обойтись небольшим флотом или высадкой десантов.

Надо признаться, что если мы умело сдерживаем в устье Кантонской

реки наших кузенов-французов, то в Японии, при всем искусстве нашего посла Алкока, мы не в силах будем спорить с громадной коммерческой силой Соединенных Штатов. Американцы начали там все раньше нас и своего не уступят. Дружба послов У. Рида и Е. В. Путятинна, их встречи в Макао не случайность. Русские эмигранты в Лондоне пишут в своих изданиях, что будущее принадлежит России и Америке. Они видят эру прогресса в согласии этих гигантов, которые строят мост друг к другу через Тихий океан. Какой новогодний комплимент для британцев, покровительствующих изгнанникам русского царя!

Советы Боуринга полезны, его помощь требуется ежедневно. Он гуманист и член европейских академий, но он старомоден в своих представлениях. Был в Японии по делам нашего консульства и для встречи с американским дипломатом Таунсэндом Харрисом, которому он еще два года тому назад признавался в своих видах на северную Японию. За какой-то пустяк, кажется за шляпку для разъездов, американец выдал эти секреты русским. Путятин по приказанию царя отправил в Японию в подарок императору парусную шхуну. Пальмерстон от имени королевы послал ему пароход.

Ресурсы Китая так велики, что нет смысла в этой стране вести себя, как в Индии. Захват еще и такого гиганта невозможен. В будущем предвидятся самые разнообразные доходы от Китая. Пекин должен почувствовать, что без помощи европейцев невозможно существовать. Лично у него, Элгина, нет во всем этом собственных интересов, он лишь исполнитель воли правительства и коммерции. Но он угадывает неизбежный ход истории. Он — как машина, нанятая думать. Ему, не извлекающему выгод от торговли в Китае, приходит в голову то, о чем еще не догадываются коммерсанты и политики.

Формы контрибуции могут быть разнообразны: не только временные, но и постоянные. Они будут взиматься нами по праву устроителей порядка в этой стране. Китай нельзя захватить, но можно взять в свои руки его таможи.

Сэр Джеймс полагал: тайпины от нас помощи не дождутся. Подмога повстанцам идет от купцов, и этого достаточно. Мы будем помогать той стороне, которая окажется не в силах остаться независимой. Тайпины пусть пребывают в недоумении, хотя бы они и пожелали стать нашими христианскими союзниками. Пока Китай — это гигантский кули, и только этим он ценен. Наши дела требуют от нас величайшего героизма. Тайпины не раз заявляли, что протягивают нам руку, объявляли себя христианами и братьями европейцев. Но нам совсем не нужно убыточное братство. Нам нужна торговля. Пока лишь мелкие фирмы и дельцы ведут дела с тайпинами, доставляя им оружие и предметы дешевой роскоши.

Элгин предполагал, что если он добьется своего и доведет до конца свою миссию, то займется и тайпинами, преподаст им урок: кем им следует быть. Пока повстанцы помогали ему играть в баланс, оказывать давление на пекинское правительство. Но то не уступает...

Элгин стоял на кантонской стене с проломами и развалинами, и, как Наполеон на стене Кремля, скрестив руки, печально глядел на поток людей, валивших из ворот в северной башне прочь из города. Кантон еще многолюден, но если уход населения не задержать, то город опустеет, одичает, начнутся пожары, все превратится в пепел или развалится. Скандал грянет на весь мир. Удар, который наносят победителям беззащитные женщины с детьми, не желающие терпеть муки и голод, оставаться в городе, где царит произвол, Элгин, мор и чума, будет куда опаснее всех хитростей Е Минчэня,

наместника Пекина в Гуанчжоу*. Приказ адмирала Сеймура, отданный перед штурмом и призывающий к гуманному обращению с мирными жителями, упоминал о той части китайского населения, которая ждет избавления от ярма мандаринов. Элгину казалось, что и вправду среди китайского народа найдутся союзники и поддержка. Он старался вызвать ее. Молодой Вунг до сих пор сочиняет прокламации. Но вот когда началось испытание, оказывается, что с англичанами очень немногие, а миллион не хочет ломать обычаев своей жизни. Да им просто нечего есть, думал Элгин, они голодны, у них нет никакой политической программы, но они невольно показывают, какая нелепица получилась из нашей собственной программы, которую мы подкрепили всем могуществом современного флота и оружия. Если голод и болезни выкосят население еще недавно цветущего города, то и нам несдобровать, наша администрация малочисленна и бессильна. Смит, Маркес, Вейд бьются как рыбы об лед; однако их не слушают и не обращают внимания на их призывы.

Наши приказы по армии и флоту! Синие жакеты** так грабят, что их пришлось на другой день после боя вернуть на эскадру. Ливень тушил пожары, вспыхнувшие во время бомбардировки. Теперь наши патрули бегают с пожара на пожар, а машины для качки воды таскают на руках военные кули. Но поспеть всюду невозможно. У китайцев был свой порядок. Теперь, когда во взятом нами городе китайского порядка нет, мы оказываемся в ужасном положении.

А толпы текут из города в поля. Помнится такой же черный людской поток из Вестминстерского собора, растекающийся по улицам и казавшийся неиссякаемым. Кантон выбрасывает из себя массы народа, а он все еще многолюден.

Какой ужас! Британцы прославили себя на весь мир умением торговать. А тут уходят покупатели манчестерских и ливерпульских товаров. Кантонский рынок — это золотое дно для Китая и для Англии — погибает на глазах. Коммерция и с ней политика будут подорваны. Положение завоевателя бедственное. Если так все пойдет, то даже отвратительный опиум, этот яд для слабодушных, никто не будет покупать, оскудеет основа британского процветания в Гонконге. Ошибаются те, кто видит в нас лишь кровавых завоевателей, какими бывали орды кочевников на континентах Азии и Европы. В покоренных народах мы прежде всего видим покупателей. Какую массу изделий распространяем мы по всем странам мира! Это не столько завоевания, сколько приобщение целых народов к современной мировой торговле. Поэтому мы обязаны действовать по возможности гуманно. Пробуждать в народах новые потребности — наша цель, не фанатическое истребление масс или целых категорий населения, как делают тайпины. «Кровавые завоевания фанатиков, — говорил в Индии генерал-губернатор Джон Каннинг, — придут после нас, именем великих идей, которые создаются нашими же оборванными интелтуалами на лондонских улицах».

Что же делать?

Когда мы разоведем в завоеванных народах интересы и приучим их к нашим товарам, они захотят знаний, и мы охотно отзовемся. Желая воспитать новые цивилизованные народы, мы отдадим им хотя бы часть нашего образования, подкрепляя этот процесс развитием торговли. Но идеи породят сознание зависимости, протест против колонизаторов и стремление к обособ-

* Е. Минчэнь был вывезен англичанами в Индию. Этот эпизод описан в одной из предыдущих глав романа Н. П. Задорнова.

** Синими жакетами назывались в ту пору британские морские пехотинцы.

лению. Иден нигилизма найдут почву и в колониях...

Но что же делать в Кантоне? Как быть, как избежать нам полного разгрома после блестящей победы?

Элгин ежедневно съезжал со своего парохода на берег и часами занимался в ямине обязанностями мэра китайского города. Теперь он также губернатор Лянгуана (провинций Гуанси и Гуандун). На ночь он отправляется в свою надежную плавучую резиденцию.

Сопrotивления войскам, стоящим в городе, нет. А торговля замирает. Если город опустеет, то коммерсанты потеряют миллионные доходы. Товары не имеют сбыта. Китайцы уверяют, что больше никто не курит опиума, некому. Никому не нужен привоз английских товаров, и нет доставки китайских. Запасы на складах иссякают.

Китайские торговцы прибегают в ямынь, умоляют, просят прислать солдат. Запертая лавка взломана, идет грабеж. Теперь уже грабят не синие жакеты и не солдаты, а сами китайцы. Команда посылается на разгон преступников. Убийц и злодеев солдаты стреляют на месте. Купцы благодарят, платят за спасение, дают серебро; не все берут, и не все отказываются. Но эта война внутри Кантона с потайными армиями преступников все разрастается и начинает угрожать на повальное бедствие.

Элгин поначалу, как будто мэр или полномочный мандарин из Пекина, осматривал храмы, школы, общественные места и торговые ряды, намеревался посетить тюрьмы. Но все быстро пустеет. В городе повальные болезни, люди умирают на улицах, бродят тысячи голодных детей, они доверчиво бросаются к каждому европейцу, умоляют дать им еды.

Даже к матросам, ворвавшимся в Кантон с боем и насилиями, и взрослые, и дети осмеливаются подходить. Вокруг красного мундира собирается толпа. А солдат королевы, бывает, срывает шляпу с уличного торговца барахлом, берет его за косу и обучает вежливости, объясняя, что надо снимать шляпу и кланяться при виде европейца.

«Вот как мы развиваем интерес в наших покоренных народах», — подумал Элгин, наблюдавший сегодня такую сцену. Он не выдержал:

— Вы! Джек! У них нет обычая снимать шляпу. Кто же из вас дикарь?

С каждым днем Элгин все более убеждался, что ему тут невозможно со всем справиться. Он получил образование европейского экономиста и теперь увидел, как глупа наука в сопоставлении с экономической практикой. В этом городе до вступления в него войск союзников существовал закон и соблюдался порядок. Теперь Элгин со своим войском, флотом, с военной полицией, с запасами и снаряжением почувствовал себя бессильным пловцом среди бескрайнего моря. Каждый завоеватель должен помнить, что завоеванных надо кормить, иначе они вымрут и некого будет учить, и некого эксплуатировать, согласно политической экономии; исчезнет смысл войны ради цивилизации. А в отношении Китая эта истина особенно верна. Стоит посоветовать никому с ним не связываться. Конечно, можно идти дальше, за Кантон, брать город за городом и этим ставить себя и свою империю во все более зависимое от Китая положение.

В Кантоне забушевал тайфун китайского протеста, и Элгин, с грустью глядя в глаза синих жакетов и солдат, всем, кому он отдал приказ стрелять по этому городу и брать его штурмом, хотел бы разрушить то, что разрешить никогда и никому не удавалось. Цель достигнута. Е взят в плен. Стены Кантона взорваны. Превосходство англичан на суше доказано. Посланы новые требования в Пекин — допустить западных послов в столицу, открыть реки Китая для плавания европейских судов. Настояния открыть страну для торговли и для въезда иностранцев подтверждены. Все, что мы желали,

исполнено. Но затруднения только еще начинаются.

В ямыне происходили встречи и беседы Элгина с французским послом бароном Гро, с адмиралами и генералом.

Офицер с переводчиком и конвоем послан за бывшим генерал-губернатором Гуандуна Бо Гуем, а другой — за маньчжурским генералом — командующим Мукэдэнэ. Не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к китайцам и вернуть им всю власть в городе. Мы сильны, но не надо оказываться в смешном положении. Не зная обычаев, порядков, хода здешней заведенной жизни, мы сделали все, что в наших силах, даже вывезли все из сокровищницы, но дальше дело не пойдет.

...К подъезду ямыня опрятные богатыри-носильщики поднесли красивые паланкины. Прибыл сам Хоква со свитой из китайских джентльменов, магнатов кантонской торговли. Они благополучно жили в своих богатых домах под надежной охраной. Элгин вышел навстречу и почтительно пригласил гостей в кабинет своего ямыня, в котором заменена мебель и поставлены очень удобные американские кожаные кресла и диваны с кожаными подушками.

Цветущий Хоква, свежий и благожелательный, ласково улыбаясь, почтительно осведомился о здоровье и благополучии ее величества королевы, о здоровье посла и его близких. Эта учтивость не была притворна.

Подали чай. Барон Гро отсутствовал. Высшие офицеры армии и флота были в сборе. Хоква, верный слуга и наперстник Е. всегда писал доклады губернаторам о торговом положении в Гонконге, о намерениях англичан, об их силах, он собирал сведения от многочисленных торговцев, чья коммерция зависела от него как от главы корпорации. Теперь этот магнат дружески и почтительно беседовал с Элгином.

Хоква — дубликат и антипод Вунга, он также рьяно служит китайским властям, как Вунг британцам.

При этом Хоква и Вунг не враги, они соучастники многих коммерческих предприятий, видимо, надеются друг на друга и сохраняют взаимное высокое уважение.

В конце концов разговор свелся к серьезному предупреждению, которое, как сказал Хоква, он обязан сделать для спасения храма мировой торговли. Может все пасть и погибнуть, начнется всеобщее нищенство. Кантон уже гибнет; закрываются его цветущие предприятия, на которых вырабатываются всемирно известные товары, заколачиваются его мастерские по обработке сырья. Вслед за Кантоном начнет сохнуть и увядать вся страна Лянгуан. Народ вымрет. Кому продавать! Кто будет курить! Сейчас у всех на уме, как спастись, а не как потягивать трубочку.

— При любых самых тяжелых обстоятельствах я не покину Кантона, — сказал Хоква. Он довольно хорошо произнес эту фразу по-английски, помощь Смита не понадобилась.

Китайские джентльмены в своих дорогих халатах и прекрасных шелковых шапочках, рассеявшиеся на американских диванах, подтверждали послу королевы свою готовность не покидать фронта торговли, не дать увянуть славному делу коммерции там, где их трудами она достигла небывалого, невиданного в стране расцвета. Хоква и его коллеги не отступят от данного слова и не уйдут. И в этом они близки и понятны британцам, как родные братья, хотя их нельзя посадить с собой за европейский обеденный стол.

— Каждый бедняк что-то получал от общего движения денег и товаров, и каждый что-то заводил по своим силам. Товары дешевели. Каждый в своем деле процветает. Не произведите, высочайший гость, взрыва, который расколлот бы наш с вами общий дом от крыши до фундамента.

Ничего не скажешь, смышлен...

Решение тут могло быть только одно. И ни одна нация в мире еще не в силах так понять рассуждений Хоква, как мы. У нас с ним сходный ум, полагал Элгин.

.. Как только Хоква и китайские джентльмены простились и отбыли из ямыня. Эдуард Вунг сказал Элгину, что надо как можно скорей передать управление городом в руки самих китайцев.

— Они прокормят и Кантон и английскую армию.

Из ямыня генерал-губернатора возвратился посланный офицер с известием, что тот очень испугался, но через некоторое время прибудет. Перед уходом должен сделать некоторые распоряжения. Его трясет от страха, он, видимо, опасается, что, как Е Минчэня его тоже куда-нибудь отправят.

До сих пор ни один из почтенных жителей города, ученых и коммерсантов, не соглашался стать мэром и взяться за наведение порядка. Все отказывались.

Суть ответов сэра Джеймс мог бы изложить так: «Это не наше дело. Мы — интеллектуалы, мыслители. Мы осуждаем политику властей. Это наша профессия, какая бы власть ни была, мы возмущаемся. А сами управлять не можем».

— Я не назначен на такую должность и не смею...

— Я не могу, я не достоин.

— Спасибо, спасибо вам, но это невозможно.

Полный и всеобщий отказ. Насильно не заставишь, а город рушится и разграбляется. Свирепствуют голод, мор и Элгин, мрачно острил по собственному адресу посол, и у него опять был вид как в воду опущенного, того безрадостного торговца, чей пароход с колониальным грузом затонул. Не он победил и разгромил китайцев, доведя дело до конца, как требовал Пальмерстон, а китайцы победили его и не хотят его выручать. Сами расхлебывайте. Все они боятся ответственности.

Маньчжурский генерал живо сообразил, что дело идет к перемене, когда к нему пришли от посла королевы. Но как далеко, этого он не мог предугадать. Во всяком случае, его очень вежливо попросили к послу и не повели связанным или на веревке, как Е, на потеху всему городу. Он просил сказать Элгину, что приносит извинения, должен привести себя в порядок, чтобы достойно явиться к такому высокому лицу. Поэтому заставил посла королевы ждать два часа.

Элгин изложил свой план. Он передаст всю власть в Кантоне гражданской и военной администрации Срединной империи. Нынешние опасности для населения очевидны, поэтому срочно, как можно скорее, надо восстановить администрацию, привычную для жителей и возобновить торговлю. Англичане и французы совместно приняли такое решение.

Генерал выслушал, задал несколько вопросов Элгину и сказал, что согласен взять на себя управление Кантоном.

Сэр Джеймс вздохнул свободно. Маньчжур прекрасно понимал все трудности, постигшие завоевателей. Экономике провинции, характер кантонского населения, его нравы и занятия генерал, как оказалось, знал. Он поделился своими соображениями. Обещал постараться. Полицейское дело ему известно. Он, конечно, меньше знает, чем генерал-губернатор, который был бы также полезен...

Элгин не первый раз замечал, что с маньчжурами дела вести проще, они держатся естественней, чем китайцы. Генерал полагал, что через неделю вся торговля оживет.

Опять послали за генерал-губернатором. Тот отказался прийти, сказал, что находится под почетной охраной и что его просили не выходить. Он обещал и

не может изменить своему слову. К тому же нездоров, у него второй день болит голова, и он сегодня не может выходить на воздух.

Маньчжурский командующий тоже находился под домашним арестом, правда, он не подвергался никаким наказаниям, к нему не вламывались и не выказывали намерения увести его куда-нибудь.

Элгин не собирався откладывать дело в долгий ящик. Служба превыше всего. Престиж и амбиции не имеют тут никакого значения. Он сам явился к Бо Гую с двумя офицерами и переводчиком.

Генерал-губернатор, видимо, о чем-то догадывался, может быть, ждал, что дело примет подобный оборот.

Элгин изложил все, зная, что китаец сразу не согласится. Так и случилось. Но Элгин сам не хуже любого китайца, и он был уверен, что дело сладится. Он не собирався пугать китайца.

Бо Гуй во время разговора поглядывал на переломанные резные двери своего кабинета, как бы намекая, что в его ямыне много следов самого бесцеремонного обращения варваров с хорошими вещами.

— Надо подумать,— сказал он.— Сразу невозможно дать ответ. Мы очень благодарны за заботу о населении Кантона.

Элгин и сам понимал, что после того, как изломали у Бо Гуя ворота и двери ямыны и все громили, а потом ему же кланяются, тот не может сразу показать, что готов перемениться. Это, пожалуй, и не в силах людских. Кроме того, он должен обдумать, что тут возможно сделать и какова будет степень ответственности генерал-губернатора перед пекинским правительством за сотрудничество с европейскими властями.

— Конечно. Я понимаю. Вы должны обдумать,— согласился Элгин.— Конечно, очень трудно возобновить деятельность полиции, наладить снабжение населения продуктами, восстановить порядок.

— Нет, нет, это все пустяки,— ответил улыбаясь генерал-губернатор.— Это все сразу можно сделать...

Тут он как бы прикусил язык. В чем была загвоздка — Элгин уже догадывался.

Губернатор попросил дать ему на обдумывание два дня.

— Как можно! Положение ужасное! — воскликнул Элгин и тут же сам ужаснулся, уловив в своем тоне умоляющую ноту. Он просил, он боялся ответственности больше, чем эти китайцы. Их, побежденных, он стал упрашивать, хотя доказывал властно и восстанавливал вид победителя. Но китайцы понимали, что властность посла напускная и что в душе он в смятении, что он в их власти. Как быстро дети и женщины все переменили. А-а! Ты, значит, не хочешь губить народ, есть же у вас совесть, на вашем болотистом севере, вы не как монголы, с которыми мы, впрочем, в свое время тоже управлялись.

Разговаривая с генерал-губернатором, Элгин чувствовал себя лицом к лицу со всеми китайцами. Кстати, Бо Гуй был не один, его окружали чиновники, все довольного вида, предвкушавшие, что власть вместе с доходами снова попадет к ним в руки.

Элгин сказал, что ждать нельзя, что за два дня многие умрут с голода, что десятки тысяч за это время уйдут из города.

«Но что же вы шли сюда, когда начинали стрелять по Кантону? Разве вы не видели, что китайцы помогали вам снять ваши канонерки с мелей и продавали вам много продуктов. Теперь, после вашей победы, продуктов нет ни у вас, ни у нас».

— Нет, никак нельзя.

Обмен мнениями продолжался. Представители обеих сторон оказались

людьми с довольно крепкими нервами. Проговорили до вечера. Наконец порешили, что китайский губернатор даст ответ рано утром.

— Для окончательных переговоров об этом я прошу вас, посол, приехать своих представителей в мой ямынь, — сказал Бо Гуй.

Но если толку не будет, Элгин может и сам прийти утром за ответом. Такие переговоры перед лицом ужасных опасностей нельзя вести через третьи лица. Тут надо все делать самому. Он еще сам упрекал китайцев, что они напрасно теряют время и что как патриоты не должны бояться ответственности за коллаборационизм, когда речь идет о жизни сотен тысяч детей и женщин.

Прощались вежливо, но у Элгина был камень на сердце. Его могли провести за нос. Он еще раз напомнил о голоде. Ему опять возражали. Генерал-губернатор вытер платком глаза и вдруг сказал, что уже сегодня, сейчас, еще до принятия предложения посла, на которое, может быть, невозможно пойти, он тем не менее уже немедленно примет все надлежащие меры.

Тут же кто-то из мандаринов помянул, что администрация все это время пыталась помогать населению и тюрьмы, например, работают вполне исправно, как всегда.

«Тюрьмы?» — подумал Элгин. Его так запутали во всякие дела, что про тюрьмы он не подумал. А у них там черт знает что творится. Тюрьмы надо будет обследовать. Там могут быть и европейцы. Сразу кинулись к сокровищнице, а не к тюрьме.

Бо Гуй высказал претензию, что переломаны все двери и еще многое и что теперь трудно хранить документы в ямыне.

Элгин ответил, что оставляет в распоряжении китайского губернатора тех самых моряков Эллиота, которые тут все ломали. При них также будут две пушки. А маньчжурский генерал оставался пока без охраны. Это, казалось, его не беспокоило.

На следующий день порядок в городе начал восстанавливаться. Открывалось все больше лавок и магазинов. Начался подвоз продуктов на лодках по реке и на двухколесных тележках из провинции. Множество разносчиков шли из деревень к городским воротам, неся на плечах шести, к которым подвязаны огромные корзины со свежими овощами. Начиналась весна.

— Покупайте свежие овощи! Покупайте свежие овощи! Выгоняйте зимнюю заразу из желудков! — кричали разносчики.

— Сапоги починяем! — нараспев орали бродячие сапожники, подходя к лагерям «рыжих дьяволов» или встречая их патрули. В Кантоне все знали, что англичане за войну продрали все сапоги.

— Старые вещи покупаем! — пели барахольщики, скупавшие старье как у китайцев, так и у «рыжих дьяволов».

Бо Гуй вошел в дела, и его чиновники восстанавливали работу учреждений, а ямынь находился под охраной красных мундиров. Провост-маршал и «отец-наставник» так же, как генералы, не вмешивались в городские дела. Они вели себя как гарнизон, квартирующий в союзном городе.

— А может быть, вы могли бы оставить город совсем, — предложил Бо Гуй при свидании с Элгином. Генерал-губернатор явился в ямынь посла и союзного главнокомандующего с таким видом, как будто он намеревался осмотреть здание для какого-то дела, словно Элгин, его штаб, переводчики и офицеры были здесь временными квартирантами.

— Что? — удивился Элгин. Он не сразу сообразил, о чем толкует его недавший пленник. Сэр Джеймс вдруг вскочил и закричал: — Об этом и не мечтайте!

— А то мы с вами быстро разделаемся, — добавил адмирал Сеймур, при-

существовавший при этом разговоре.

— Вы поняли адмирала? — спросил посол.

— Да, конечно.— Бо Гуй смутился. Заметно было, что угроза подействовала. Он знал, что европейцы грозят не впустую, а умеют действовать.

— Город занят нами и будет удерживаться до заключения в Пекине договора, когда император Китая согласится на все наши требования.

Элгин решил дать урок губернатору. Придется напомнить, кто остается хозяином положения.

С офицерами и командой синих жакетов Элгин побывал в кантонской тюрьме. Он провел там два часа, добросовестно заглянув во все углы, подвалы и камеры.

В тот же день Бо Гуй и его помощник были вызваны в ямынь посла королевы для разноса.

— В городе, который занят нашими войсками, мы не можем позволить вам продолжать в тюрьме пытки и умерщвление людей, которых вы отдаете связанными на съедение крысам! Это невиданное в мире преступление. У нас за это вешают!

— А зачем вы лезете не в свои дела,— вдруг с яростью возразил Бо Гуй.— Вы не должны касаться внутренней жизни государства. Это обычай нашего народа, так мы поступали всегда... Что же, по-вашему, я могу сделать?

— Какая глупость! Где бы ни существовали еще такие обычаи, но я запрещаю вам совершать что-то подобное. У нас этого не будет.

— А что же делать? Ведь это дезертиры! Вы понимаете меня? Ведь вы сами строги с дезертирами. Я слышал, что достопочтенный адмирал приказал забить дезертира палками и когда от него остался кусок мяса, то все это возили с корабля на корабль и продолжали колотить. Дезертирство — это самое тяжкое преступление, и оно заслуживает самого тяжкого наказания! Мы также наказываем неискоренимых преступников. Да и какое вам до всего этого дело!

— Я приказал освободить тех, кто еще жив, и запрещаю вам впредь так губить людей, пока мы здесь. Крыс мы вытравили ядом, которым уничтожаем их на судах. Это яд сильнее того, которым вы начиняли булки для нас. Отравленный хлеб был отправлен нами в Европу и там исследован! Тюремщики сразу признались нам, что за время их службы к ним доставлялись и европейцы, которых они по приказанию Е живыми отдавали тем же крысам... И не рассказывайте мне про дезертиров. Кто такие дезертиры? Кого вы имеете в виду? Мы видели отрубленные головы, выставленные вами уже после того, как все сражения закончились и никаких дезертиров быть не могло. Ни один разумный человек не может терпеть вашего произвола. Население Кантона ждало нас как избавителей. Мы принесли вам свободу. Вы поняли меня?

Китаец все выслушал, но обещаний никаких не давал. Пришлось все повторять сначала. Что крыс уже нет, люди на свободе, умирающим оказана помощь.

— Но многие были так истерзаны, что умерли у меня на глазах. А если вам жаль крыс, то надо было быстрее соглашаться на наше предложение. Я соберу большую армию и увеличу флот, я пойду на север, взорву стены Пекина и схвачу вашего богдыхана и поведу его на веревке, если наши требования ему не подойдут. Крысинные тюрьмы я закрою во всем Китае и помогу вам избежать обсуждения подобных реформ в вашем правительстве.

Бо Гуя, кажется, все это нимало не трогало...

Журнал выходит на русском, английском, японском и испанском языках

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1989, № 1, 240 с.

Технический редактор *Т. Ерохова*

Сдано в набор 29.11.88. Подписано в печать 6.01.89. А03111. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 19,5. Уч.-издат. л. 24,58.
Усл. кр.-отт. 39,6. Тираж 13 749. Заказ 3097. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 119817. ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств
и книжной торговли. 142300, г. Чехов Московской области

НАША АНКЕТА

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» («ПДВ») проводит опрос своих читателей. Мы хотим посоветоваться с вами, каким быть нашему журналу, как сделать его в большей мере отвечающим интересам и запросам своих читателей.

Просим вас ответить на несколько вопросов, касающихся современного состояния журнала и путей его совершенствования. Прежде, чем ответить на вопрос, пожалуйста, внимательно прочтите все предложенные варианты ответов и обведите или подчеркните, или иным способом отметьте те (тот) из них, которые вы считаете правильными:

1. ВАША ПРОФЕССИЯ?

- а. ученый, работаю в НИИ
- б. ученый, работаю в вузе
- в. преподаватель вуза (кафедры)
- г. преподаватель вуза со специализацией по Востоку
- д. работник практической организации
- е. студент вуза
- ж. студент вуза или кафедры со специализацией по Востоку
- з. учащийся школы или среднего специального учебного заведения
- и. военнослужащий
- к. пенсионер
- л. домашняя хозяйка

2. ИМЕЕТЕ ЛИ ВЫ УЧЕНУЮ СТЕПЕНЬ?

- а. доктор наук
- б. кандидат наук
- в. не имею

3. КАКИМ ОБРАЗОМ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ НАШ ЖУРНАЛ?

- а. являюсь подписчиком _____ лет
(сколько)
- б. регулярно покупаю
- в. иногда (время от времени) покупаю
- г. регулярно читаю в библиотеке
- д. иногда (время от времени) читаю в библиотеке
- е. читаю, если случайно попадет в руки

4. С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ВЫ ЧИТАЕТЕ НАШ ЖУРНАЛ?

- а. для того, чтобы знать точку зрения коллег
- б. для того, чтобы узнать точку зрения специалистов
- в. для получения знаний (например, при подготовке к экзаменам)
- г. для подготовки лекций
- д. без специальной цели

5. ПОМОГАЮТ ЛИ ВАМ В РАБОТЕ МАТЕРИАЛЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «ПДВ»?

- а. да, очень
- б. да, но не очень
- в. слабо помогают
- г. не помогают
- д. не знаю

6. МАТЕРИАЛЫ КАКИХ РУБРИК ВАС УСТРАИВАЮТ?
НАПИШИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НАЗВАНИЯ РУБРИК.

---

7. НЕ УСТРАИВАЮТ, ПОЧЕМУ ИМЕННО?

---

8. СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЖУРНАЛ «ПДВ» ИЗМЕНИЛСЯ?

- а. заметно изменился в лучшую сторону
- б. изменился в лучшую сторону, но незначительно
- в. изменился в худшую сторону
- г. изменения не произошли (не заметны)
- д. не знаю

9. НАПИШИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАКАЯ ПУБЛИКАЦИЯ «ПДВ» В 1988 Г.
ЗАПОМНИЛАСЬ ВАМ ИЛИ ПОКАЗАЛАСЬ ОСОБЕННО ИНТЕРЕСНОЙ

---

10. КАКИЕ НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ?

- а. материалы более дискуссионного характера
  - б. материалы «круглых столов», проводимых редакцией журнала
  - в. беседы с политическими деятелями, сотрудниками практических организаций, непосредственно связанных с политической и внешнеэкономической деятельностью СССР и других стран
  - г. материалы, подготовленные иностранными учеными и специалистами
  - д. подробные информационные данные по странам Дальнего Востока
  - е. рассказы о странах Дальнего Востока, жизни, обычаях, национальных особенностях их населения.
  - ж. более широкое освещение вопросов, связанных не только с КНР и Японией, но и с другими странами Дальнего Востока
  - з. материалы по другим темам (напишите, пожалуйста, по каким именно) _____
-

Благодарим Вас за участие в опросе. Ваши ответы помогут сделать наш журнал таким, каким Вы хотите его видеть.

Редакция